

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2021

№ 53

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

А.В. Ложникова (Томск, Россия) –
главный редактор, ответственный секретарь
Р.А. Эльмурзаева (Томск, Россия) –
заместитель главного редактора
Н.В. Додонова (Томск, Россия) –
секретарь редакции
Д.М. Хлопцов (Томск, Россия)
Е.В. Нехода (Томск, Россия)
А.А. Земцов (Томск, Россия)
В.В. Домбровский (Томск, Россия)
Н.И. Кичко (Томск, Россия)
И.В. Муравьев (Томск, Россия)
Т.В. Счастная (Томск, Россия)
Е.А. Пчелинцев (Томск, Россия)
М.А. Сорокин (Томск, Россия)

*Editorial Board
of Tomsk State University
Journal of Economics*

A.V. Lozhnikova (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief, Executive Editor
R.A. Elmurzaeva (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
N.V. Dodonova (Tomsk, Russia) –
Editorial Secretary
D.M. Khloptsov (Tomsk, Russia)
E.V. Nekhoda (Tomsk, Russia)
A.A. Zemtsov (Tomsk, Russia)
V.V. Dombrovskiy (Tomsk, Russia)
N.I. Kichko (Tomsk, Russia)
I.V. Muravyov (Tomsk, Russia)
T.V. Schastnaya (Tomsk, Russia)
E.A. Pchelintsev (Tomsk, Russia)
M.A. Sorokin (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

М.А. Боровская (Москва, Россия)
М.И. Зверяков (Одесса, Украина)
В.Н. Шимов (Минск, Беларусь)
С.Ф. Серегина (Москва, Россия)
Ф. Хуберт (Берлин, Германия)
Э. Дрансфельд (Дортмунд, Германия)
С.В. Чернявский (Москва, Россия)
И.К. Шевченко (Ростов-на-Дону, Россия)
Роберто Бруни (Кассино, Италия)
С.А. Жиронкин (Томск, Красноярск,
Кемерово, Россия)

*Editorial Council
of Tomsk State University
Journal of Economics*

M.A. Borovskaya (Moscow, Russia)
M.I. Zveryakov (Odessa, Ukraine)
V.N. Shimov (Minsk, Belarus)
S.F. Seregina (Moscow, Russia)
F. Hubert (Berlin, Germany)
E. Dransfeld (Dortmund, Germany)
S.V. Chernyavskiy (Moscow, Russia)
I.K. Shevchenko (Rostov-on-Don, Russia)
R. Bruni (Cassino, Italy)
S.A. Zhironkin (Tomsk, Krasnoyarsk,
Kemerovo, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БЫЧКОВА

Некрылов С.А., Майер Г.В. Александр Петрович Бычков: жизнь как служение университету.....	7
Хлопцов Д.М. Счастливый выбор на всю оставшуюся жизнь! Памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, почетного гражданина города Томска, заслуженного профессора ТГУ Александра Петровича Бычкова	20
Слово об Александре Петровиче Бычкове: воспоминания учеников, коллег: Г.В. Майера, А.И. Литовченко, Г.А. Таруниной и Т.В. Захаровой	27
Беляев В.И. Институционализация социально-трудовых отношений в контексте взаимодействия производительных сил и производственных отношений: ориентация на расширенное воспроизводство рабочей силы, развитие и рост	37

МЕТОДОЛОГИЯ

Одинокое Т.Д. Генезис научных взглядов на страхование как на экономическую категорию	58
Палт М.В., Чернявский С.В. Сущность природной ренты и реализация принципов рентного налогообложения в интересах повышения стимулирующего воздействия налогового механизма и усиления экономической безопасности государства	76

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

Котов А.В. Сибирский федеральный округ в перспективных территориальных пропорциях национальной экономики	87
Рой О.М. Влияние неравномерности развития сибирских регионов на миграционную убыль	100

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Каз Е.М. Доверие в организации и результативность деятельности: от модели к инструментам.....	111
Дьяков В.И., Горчаков В.В., Ниязова М.В., Стецюк В.В., Исмагилова Ю.Д. Оценка удовлетворенности условиями и возможностями профессиональной деятельности в таможенных органах	123

ФИНАНСЫ

Вылкова Е.С., Викторова Н.Г., Наумов В.Н., Покровская Н.В. Кластерный анализ регионов РФ для выявления территорий – драйверов устойчивого развития: налоговая компонента	138
Счастливая Т.В., Хорошилова А.В. Совершенствование премиального банковского обслуживания: необходимость и возможности	158

МЕНЕДЖМЕНТ

Андреянова Е.Л., Чипизубова В.Н. Трудовые и карьерные мотивации современной молодежи Иркутской области	177
Фролова Е.А., Шарф И.В. Динамика социальных показателей устойчивого развития нефтедобывающих регионов России	195
Пятова О.Ф., Коломкина М.В., Шумилина Т.В. К вопросу развития коллективных форм хозяйствования в Самарской области: деятельность кооперативных организаций	210

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Skrylnikov D.V. The «New Silk Road»: Prospects, Influence of Russia and China	224
Скалабан И.А., Осьмук Л.А., Погорельская А.М., Дебрени М. Роль города в интернационализации высшего образования: французский и российский региональный контексты	236
Карнышев В.И., Авдзейко В.И., Паскаль Е.С. Классификация технических направлений развития на основе анализа временных рядов патентов США. Эмпирический подход	251

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Демченко О.С., Суслова Ю.Ю., Демченко С.К., Жиронкин С.А., Волошин А.В., Подопригора В.Г. Подход к моделированию влияния институтов на совокупный спрос	279
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	294

CONTENTS

TO THE CENTENNIAL OF THE BIRTH OF ALEKSANDR PETROVICH BYCHKOV

Nekrylov S.A., Mayer G.V. Aleksandr Petrovich Bychkov: Life as Service to the University	7
Khloptsov D.M. A Happy Choice for the Rest of the Life! In Memory of Aleksandr Petrovich Bychkov, an Honored Scientist of the RSFSR, Honorary Citizen of Tomsk, Honored Professor of Tomsk State University	20
Aleksandr Petrovich Bychkov: Memories of Students and Colleagues Georgiy Mayer, Anna Litovchenko, Galina Tarunina and Tatiana Zakharova	27
Belyaev V.I. Institutionalization of Social and Labor Relations in the Context of Interaction of Productive Forces and Relations of Production: Orientation on Expanded Reproduction of the Work Force, Development and Growth	37

METHODOLOGY

Odinokova T.D. Genesis of Scientific Views on Insurance as an Economic Category	58
Palt M.V., Chernyavskiy S.V. The Essence of Natural Rent and the Implementation of the Principles of Rental Taxation in the Interests of Increasing the Stimulating Effect of the Tax Mechanism and Strengthening the Economic Security of the State	76

SIBERIA MACRO-REGION

Kotov A.V. The Siberian Federal District in Perspective Territorial Proportions of the National Economy	87
Roy O.M. The Uneven Development of Siberian Regions: Impact on Migration Loss	100

LABOUR ECONOMICS

Kaz E.M. Trust within an Organization and Effectiveness of Activities: From the Model to Instruments	111
Dyakov V.I., Gorchakov V.V., Niyazova M.V., Stetsyuk V.V., Ismagilova Yu.D. Assessment of Satisfaction with the Conditions and Opportunities for Professional Activity in Customs Bodies	123

FINANCE

Vylkova E.S., Victorova N.G., Naumov V.N., Pokrovskaia N.V. Tax Clusterization of Regions of the Russian Federation to Identify Territories—Drivers of Sustainable Development	138
Schastnaya T.V., Horoshilova A.V. Improvement of Premium Banking Services: The Need and the Potential	158

MANAGEMENT

Andreyanova E.L., Chipizubova V.N. Work and Career Motivations of Modern Youth in Irkutsk Oblast	177
Frolova E.A., Sharf I.V. Trends in Social Sustainable Development Indicators for Russian Oil-and-Gas Regions	195
Pyatova O.F., Kolomkina M.V., Shumilina T.V. On the Development of Collective Forms of Management in Samara Oblast: Activities of Cooperative Organizations	210

WORLD ECONOMY

Skrylnikov D.V. The “New Silk Road”: Prospects, Influence of Russia and China 234

Skalaban I.A., Osmuk L.A., Pogorelskaya A.M., Debrenne M. The Role of the City
in Higher Education Internationalization: French and Russian Regional Context 236

Karnyshev V.I., Avdzeyko V.I., Paskal E.S. Classification of Technological
Development Trends Based on the Analysis of US Patent Time Series.
An Empirical Approach 251

DISCUSSIONS

**Demchenko O.S., Suslova Yu.Yu., Demchenko S.K., Zhironkin S.A., Voloshin A.V.,
Podoprigora V.G.** The Influence of Institutional Factors on Macroeconomic Dynamics
(On the Example of the Russian Federation) 279

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN 294

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БЫЧКОВА

УДК 331.4

DOI: 10.17223/19988648/53/1

С.А. Некрылов, Г.В. Майер

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ БЫЧКОВ: ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТУ

Публикация посвящена вкладу профессора Александра Петровича Бычкова (1921–2009) в развитие Томского государственного университета. А.П. Бычков более 50 лет своей жизни посвятил Томскому государственному университету. Будучи ректором ТГУ (1967–1983), он оказал значительное влияние на развитие не только ТГУ, но и всего научно-образовательного комплекса Томской области.

Ключевые слова: А.П. Бычков; ректор, профессор; Томский государственный университет.

Александр Петрович Бычков (13.02.1921–27.12.2009) родился в д. Клевищи Бежецкого уезда Тверской губернии. В 1939 г. окончил Бежецкое педагогическое училище и поехал добровольцем на Дальний Восток. В 1939–1941 гг. – директор неполной средней школы в с. Константиновка Хабаровского края. В 1942 г. заочно окончил Хабаровский учительский институт. В 1941–1948 гг. в РККА, участник войны с Японией в должности замкомандира полка по политической части. В 1952 г. окончил факультет политэкономии Ленинградского высшего военно-педагогического института. С 1957 г. – доцент, с 1966 г. – профессор,

заведующий кафедрой политэкономии ТГУ, в 1967–1983 гг. – ректор Томского государственного университета [1, с. 63–64].

В истории ТГУ имя Александра Петровича Бычкова занимает одно из почетных мест. Талантливый ученый, блестящий педагог, вдумчивый администратор. Все эти эпитеты относятся к характеристике более чем 50-летней его деятельности в Томском государственном университете. Его вклад в развитие первенца высшего образования в Сибири трудно переоценить. Биография А.П. Бычкова неоднократно публиковалась в различных научных и энциклопедических изданиях [1, с. 60–70; 2–6], поэтому в

данной публикации мы постараемся дать лишь краткую характеристику его деятельности на посту ректора нашего вуза.

Александр Петрович Бычков возглавил Томский государственный университет 23 февраля 1967 г. после назначения 13 февраля того же года А.И. Данилова министром просвещения РСФСР.

Как ректор ТГУ А.П. Бычков много и плодотворно занимался укреплением материальной базы, повышением научно-педагогического уровня преподавателей и научных сотрудников факультетов и НИИ и на этой основе – уровня подготовки специалистов университетского профиля.

В период ректорства А.П. Быčkova заметно расширился прием в аспирантуру, которую в 1970-е гг. ежегодно заканчивало в среднем 120–130 чел. 12 советов по защите кандидатских и докторских диссертаций имели право принимать к защите диссертации: по 55 специальностям – докторские и по 63 специальностям – кандидатские диссертации. ТГУ стал признанным центром подготовки научно-педагогических кадров для всей Сибири и Дальнего Востока.

В период ректорства А.П. Быčkova произошел ряд изменений, связанных с совершенствованием подготовки специалистов и повышением эффективности и качества научных исследований. Широкое внедрение в различные отрасли народного хозяйства электронно-вычислительной техники потребовало подготовки большого числа специалистов по прикладной математике и кибернетике. Именно в связи с этим в Томском государственном университете 13 июля 1970 г. приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР создан *факультет прикладной математики*. В связи с расширением профиля подготовки специалистов факультет прикладной математики был переименован в факультет прикладной математики и кибернетики [7, с. 12–13].

Помимо этого, в 1971 г. в ТГУ был открыт специальный факультет прикладной математики (СФПМ), предназначенный для переподготовки лиц с высшим и средним техническим образованием, закончивших учебные заведения по другим специальностям. Целью создания этого факультета стала резко возросшая потребность как в науке, так и в промышленности кадров программистов. СФПМ просуществовал 5 лет.

Ректор ТГУ А.П. Бычков и проректор по научной работе ТГУ М.П. Кортусов

В 1971 г. в ТГУ на базе двух универсальных ЭВМ – М-220 и БЭСМ-4 был создан объединенный Вычислительный центр, обслуживающий все факультеты. С начала 1970-х гг. в Томском государственном университете были развернуты работы по созданию автоматизированной системы управления хозяйством Томской области (АСУ ТО), а с ее внедрением Вычислительный центр стал обслуживать и администрацию университета. Так, уже в 1971 г. в Томском университете была внедрена автоматизированная подсистема «Абитуриент» для помощи приемной комиссии университета [8].

В целях улучшения подготовки историков и филологов в 1974 г. единый до этого историко-филологический факультет был разделен на два самостоятельных факультета: исторический и филологический [9, с. 138]. В 1976 г. на филологическом факультете была открыта специальность «журналистика».

В 1974 г. на биолого-почвенном факультете была создана первая в Сибири и на Дальнем Востоке кафедра охраны природы (в 1975 г. передана на геолого-географический факультет) и начата на базе специальности «география» подготовка высококвалифицированных специалистов по охране природы [1, с. 223].

В этот же период произошло изменение или уточнение названий некоторых кафедр на механико-математическом, историческом, юридическом факультетах. В связи с малочисленностью были закрыты кафедры физиологии растений, истории экономических учений; одновременно был создан ряд новых кафедр: электродинамики и квантовой теории поля, общего языкознания, уголовного права, криминологии и исправительно-трудового права, физической механики, механики деформируемого твердого тела и некоторые другие. Значительным событием явилось открытие в университете первой межвузовской кафедры этики и эстетики, на которую было возложено преподавание одноименных курсов в вузах Томска.

На протяжении всей своей истории Томский университет стремился к тесному сочетанию работы по подготовке высококвалифицированных специалистов с проведением фундаментальных и прикладных научных исследований. В этой связи важным событием для университета стало открытие (1968) научно-исследовательского института прикладной математики и механики (первый директор – А.Д. Колмаков). Первоначально институт состоял из 12 лабораторий, входивших в 5 научных отделов. В рассматриваемый период НИИПММ превратился в один из ведущих центров в стране по механике [10, с. 54].

В том же 1968 г. был открыт научно-исследовательский институт биологии и биофизики (первый директор – В.А. Пегель). В здании института были предусмотрены все условия для нормального содержания экспериментальных животных, особые технологические установки для проведения исследований в области биохимии. В НИИББ в то время велись исследования в области актуальных проблем современной радиобиологии, биофизики, физиологии животных и растений, селекции и генетики [1, с. 289]. С открытием этих НИИ в структуре университета появились возможности увеличения ассигнований на проведение научных исследований, увеличения штата научных работников, расширения тематики научных исследований. В это же время действовало 8 проблемных научно-исследовательских лабораторий. Ботаническому саду был придан статус научного учреждения 1-й категории.

В 1970 г. по инициативе А.П. Бычкова была воссоздана научно-исследовательская часть ТГУ. Наряду с планированием госбюджетных НИР она также координировала деятельность СФТИ, НИИББ, НИИПММ и Ботанического сада университета.

В НИИПММ (в центре А.Д. Колмаков и А.П. Бычков)

В одной из лабораторий СФТИ. 1967 г. Слева направо А.П. Бычков, академики В.А. Кириллин, М.А. Лаврентьев, министр В.Н. Столетов, директор СФТИ М.А. Кривов, президент АН СССР М.В. Келдыш

Одним из показателей признания заслуг ТГУ в области научной работы было утверждение Томского университета базовым вузом Западно-Сибирского научно-методического совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР Приказом от 4 мая 1970 г. Томский университет стал координирующим органом, который готовил сводный отчет о научно-исследовательской работе и подготовке научно-педагогических кадров в вузах Западно-Сибирского регионального научно-методического совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

В университете был накоплен положительный опыт создания учебно-научно-воспитательных комплексов (УНВК) путем использования научных институтов при университете. Благодаря этому студенты имели возможность работать в творческом высококвалифицированном коллективе на современном оборудовании [11, с. 347–348].

Под председательством А.П. Бычкова научно-методический совет вузов Западной Сибири занимался координацией научно-методической работы и повышения квалификации научно-педагогических кадров 53 вузов региона.

В этот период Томский университет внес значительный вклад и в дело подготовки специалистов, преподавателей и научных сотрудников для вузов Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Подготовка научных кадров высшей квалификации в 1970–1980-е гг. в Томском университете проходила достаточно высокими темпами. Особенно заметны были успехи в СФТИ и на факультетах физического профиля [12, с. 188].

На встрече с ректором МГУ Р.В. Хохловым.
Слева направо В.Н. Детинко, М.С. Бобровников, А.П. Вяткин,
В.Е. Панин, В.Е. Зуев, А.П. Бычков. 13 мая 1977 г.

Эффективным элементом в деле подготовки кадров высшей квалификации стал институт старших научных сотрудников (докторантура), сыгравший значительную роль в обеспечении вузов страны, в том числе ТГУ, кадрами докторов наук. В 1969 г. А.П. Бычков отмечал: «Я вполне удовлетворен результатами этого института, он нам принес определенную пользу, и я думаю, что в дальнейшем очень внимательно нужно относиться к подбору кандидатов» [13, л. 11]. В Томском университете только за период с 1971 по 1979 г. на должность старшего научного сотрудника были переведены 53 кандидата наук [11, с. 352]. Всего около 36% профессоров и докторов наук Томского университета, получивших эти звания и степени в 1945–1980 гг., прошли через институт старшего научного сотрудника.

В 1970-е гг. число докторов наук, работавших в ТГУ, увеличилось с 50 до 70, а кандидатов наук – с 375 до 583. К 1980 г. ТГУ по квалификации научно-педагогических кадров вошел в пятерку ведущих университетов страны.

Открывшиеся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. университеты в Барнауле, Тюмени, Омске, Кемерове и Красноярске получили из ТГУ для организации их научно-педагогической работы 12 докторов и 70 кандидатов наук (За советскую науку. 1976. 20 мая). Из выпусков аспирантуры ТГУ 1971–1979 гг. 838 кандидатов наук (80%) были направлены для работы в вузы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии.

В 1980 г. в вузах Западной Сибири работали 3 тысячи выпускников ТГУ, в том числе 120 докторов и более 1000 кандидатов наук.

В самом же ТГУ к началу 1979/80 учебного года работало 12 факультетов (физический, механико-математический, радиофизический, физико-технический, прикладной математики и кибернетики, геолого-географический, химический, биолого-почвенный, исторический, юридический, филологический, экономический), 78 кафедр, отделение заочного обучения и вечернее отделение на экономическом факультете.

Для повышения квалификации преподавателей вузов при ТГУ был открыт (1980) факультет повышения квалификации по 12 специальностям (физика, математика, прикладная математика, теоретическая механика, геология, биология, охрана природы, химия, правоведение, филология, история, иностранный язык). В учебные планы ФПК включались обязательные курсы по философии, экономике, педагогике и психологии. Наряду с этим ТГУ занимался организацией научно-исследовательской работы студентов и учащихся 200 вузов и техникумов (НИРС) Западной Сибири.

В качестве председателя научно-методического совета А.П. Бычков много времени уделял также исследованию проблем развития высшего образования (интеграция науки и образования, гуманитаризация образования, воспитание в учебном процессе, роль университетов в развитии науки и культуры, использование научного потенциала вузов, научная и методическая работа кафедр общественных наук и др.). Он регулярно выступал с докладами на эту тему на коллегиях МВО СССР и РСФСР и с публикациями в сборниках министерств, журналах и других изданиях.

Вклад Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева в дело подготовки высококвалифицированных специалистов, развитие науки был отмечен в 1980 г. награждением ТГУ орденом Октябрьской Революции [14]. Свыше 70 профессоров и преподавателей были награждены орденами и медалями.

Торжественное собрание, посвященное 100-летию университета. 1980 г.

Профессора ТГУ после вручения правительственных наград. 1981 г. (А.Д. Колмаков, Т.М. Платова, А.В. Положий, М.Р. Куваев, А.П. Бычков, Вен.А. Шваб)

В 1960–1970-е гг., в период ректорства А.П. Бычкова, заметно укрепилась материальная база университета. Были введены в строй новое здание Научной библиотеки общей площадью 11 тыс. кв. м, в том числе 12-этажное хранилище на 2,5 млн томов, 3 корпуса для НИИ, спортивный комплекс, стадион университета, 4 общежития для студентов и 1 для аспирантов, построены 4 многоквартирных жилых дома для преподавателей и научных сотрудников, детский комбинат (площадь Южная) [3, с. 151].

В 1970 г. была начата реконструкция тропической оранжереи Ботанического сада. Работы по реконструкции были проведены подразделениями «Химстрой» и «Проммеханомонтаж» при активном участии в их организации директора Ботсада ТГУ В.А. Морякиной.

В ТГУ работал санаторий-профилакторий для студентов и преподавателей, был построен спортивно-оздоровительный лагерь на р. Оби (у с. Киреевское) для студентов и преподавателей, реконструированы или заново построены научно-исследовательские и учебно-практические базы университета на оз. Шира (Хакасия), на леднике Актру, на р. Оби. Вместе с этим было значительно обновлено оснащение оборудованием, приборами и техническими средствами лабораторий и учебных классов. Был открыт Вычислительный центр, в процессе преподавания нашла применение телевизионная техника и др.

В годы ректорства А.П. Бычков имел обыкновение вникать во все мелочи хозяйственной жизни университета, посещать лекции и экзамены (он побывал на лекциях всех профессоров, работавших в то время в ТГУ!).

Поздравления А.П. Бычкова комсомольской организации ТГУ. 1974 г.

Будучи ректором, А.П. Бычков находил время и для интенсивной общественной работы, только перечисление его общественных поручений займет более одной страницы. Но все эти поручения были для него не просто формальной обязанностью, он старался везде вникать в суть проблемы и по возможности решать проблемы как вузовских работников, так и жителей города и области. Назовем лишь наиболее важные общественные должности Александра Петровича. В 1960–1980-е гг. он являлся членом Томского горкома и Томского обкома КПСС (1968–1983), депутатом Томского областного совета (1967–1971) и городского совета (1975–1984) трудящихся (народных депутатов), членом Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР (1975–1985), возглавлял Проблемный совет МВО РСФСР «Социально-экономические проблемы развития Сибири и Дальнего Востока» (1970–1980-е гг.), являлся председателем Западно-Сибирского сектора НИРС (1970–1983) и комиссии СО АН СССР по программе «Образование и кадры в Западной Сибири» (1980–1983), председателем Западно-Сибирской секции научного совета по развитию производительных сил (секция «Наука и образование») при АН СССР. В качестве председателя министерской комиссии проверял работу Ленинградского, Горьковского (Нижегородского), Новосибирского, Петрозаводского и Калининского (Тверского) университетов. С 1970 г. – член ученого совета СО АН СССР и президиума Томского отделения Всесоюзного общества «Знание». А.П. Бычков был одним из инициаторов проведения с 1978 г. «Дней профессора», когда профессора и доценты организованно выезжали с лекциями и беседами на предприятия и в районы области [1, с. 68].

А.П. Бычков на лекции

А.П. Бычков был одним из самых активных лекторов общества «Знание». Только за 1976 и 1977 гг. им было прочитано около 100 лекций для жителей Томска и области. При этом не важно, какова была аудитория – работники промышленности, сферы обслуживания или студенты и школьники, он всегда скрупулезно готовился к своим выступлениям и его речь была всегда интересной, яркой и вдохновляющей.

Все знавшие Александра Петровича Бычкова и в период ректорства да в последующие годы отмечали его интеллигентность, человечность и доброжелательность, умение выслушивать собеседника, умение объединить и заинтересовать людей для выполнения поставленной задачи. Будучи оптимистом по своей натуре, он умел вселить оптимизм и в тех, кто его окружал.

Уверены, что имя Александра Петровича Бычкова навсегда останется в памяти не только тех, кто лично его знал, но и станет примером для великого служения делу Национального исследовательского Томского государственного университета.

Литература

1. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь (1945–1980) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов, К.В. Петров, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 532 с.
2. *Наука и образование в Томске: Материалы к энциклопедии Томской области* / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, А.В. Литвинов, К.В. Петров. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 55–57.
3. *Ректоры* Томского университета: Биографический словарь (1888–2003 гг.) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров, А.В. Литвинов, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. С. 147–154.
4. *Почетные члены и доктора Томского университета (1891–2007)* / под ред. Г. В. Майера, С. Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 67–70.
5. *Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города* / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : НТЛ, 2004. С. 43–44.
6. *Энциклопедия Томской области : в 2 т.* / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1: А–М. С. 92.
7. *Медведев Г.А.* Об истории открытия факультета прикладной математики в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 271.
8. *Быкова Л., Бояркина А.* Математические методы в биологии и медицине // За советскую науку. 1975. 5 июля.
9. *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
10. *Научно-исследовательский институт прикладной математики и механики.* 1968–1993 / Е.Д. Томилов, З.И. Касимов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. 176 с.
11. *Томский университет. 1880–1980.* Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.
12. *Цеховой Н.П.* Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.): региональный опыт. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 200 с.
13. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2226.
14. *Сидорчук Г.* Четыре «круглых» юбилея // Alma Mater. 2003. 28 мая.

Aleksandr Petrovich Bychkov: Life as Service to the University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 7–19. DOI: 10.17223/19988648/53/1

Sergey A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Georgiy V. Mayer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mayer_gv@mail.tsu.ru

Keywords: Aleksandr Bychkov, rector, professor, Tomsk State University.

The publication is dedicated to the contribution of Professor Aleksandr Petrovich Bychkov (1921–2009) to the development of Tomsk State University. Bychkov devoted more than 50 years of his life to Tomsk State University (TSU). As the rector of TSU (1967–1983), he made a significant impact on the improvement of not only TSU, but the entire scientific and educational complex of Tomsk Oblast. As the rector, Bychkov worked a lot and fruitfully on strengthening the material base, raising the scientific and pedagogical level of professors and research workers of faculties and research institutes and, on this basis, the level of training of university specialists. Throughout its history, Tomsk State University has striven for a close combination of training highly qualified specialists with conducting fundamental and applied scientific research. In this regard, an important event for the university was the opening (1968) of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics (the first director was A.D. Kolmakov). In the same 1968 the Research Institute of Biology and Biophysics was opened (the first director was V.A. Pegel). One of the indicators of the recognition of TSU's merits in the field of scientific work was the approval of Tomsk State University as the basic university of the West Siberian Scientific and Methodological Council of the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the RSFSR. The contribution of Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev in the training of highly qualified specialists and in the development of science was marked by the awarding of TSU with the Order of the October Revolution in 1980. Over 70 professors and teachers were awarded orders and medals. In the 1960s–1970s, when Bychkov was TSU's rector, the material base of the university improved noticeably. A new building of the Research Library was put into operation, including a 12-tier storage for 2.5 million volumes; three buildings for research institutes, a sports complex, a university stadium, four dormitories for students and one for graduate students, four apartment buildings for teachers and scientific workers, a children's center (in Yuzhnaya Square) were built. In 1970, the reconstruction of the tropical greenhouse of the Botanical Garden began. As a rector, Bychkov used to delve into all the little details in the economic life of the university, attend lectures and exams (he attended the lectures of all professors who worked at TSU at that time); he also found time for intensive social work. Bychkov was one of the initiators of "Professor Days" (since 1978) when professors and associate professors organized lectures and talks at enterprises and in districts of the region. He was recognized for his benevolence, abilities to hear the interlocutor, to unite and motivate to accomplish the assigned task. Optimist by nature, he was able to instill optimism in those around him.

References

1. Fominykh, S.F. et al. (2003) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1945–1980)* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary (1945–1980)]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
2. Fominykh, S.F. et al. (2000) *Nauka i obrazovanie v Tomske: Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Science and education in Tomsk: Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–57.
3. Fominykh, S.F. et al. (2003) *Rektory Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1888–2003 gg.)* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary (1888–2003)]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 147–154.

4. Mayer, G.V. & Fominykh, S.F. (eds) (2007) *Pochetnye chleny i doktora Tomskogo universiteta (1891–2007)* [Honorary members and doctors of Tomsk University (1891–2007)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67–70.
5. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z. A concise encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL. pp. 43–44.
6. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2008) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 volumes]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. p. 92.
7. Medvedev, G.A. (2000) Ob istorii otkrytiya fakul'teta prikladnoy matematiki v Tomskom gosudarstvennom universitete [On the history of the opening of the Faculty of Applied Mathematics at Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 271.
8. Bykova, L. & Boyarkina, A. (1975) Matematicheskie metody v biologii i meditsine [Mathematical methods in biology and medicine]. *Za sovetskuyu nauku*. 5 July.
9. Khaminov, D.V. (2011) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v.* [History education and science at Tomsk University in the late 19th – early 21st centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Tomilov, E.D. & Kasimov, Z.I. (1993) *Nauchno-issledovatel'skiy institut prikladnoy matematiki i mekhaniki. 1968–1993* [Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics. 1968–1993]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Tsekhovoy, N.P. (2016) *Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v SSSR (1920-e – 1991 gg.): regional'nyy opyt* [Training of scientific and scientific-pedagogical personnel in the USSR (1920s–1991): regional experience]. Tomsk: Tomsk State University.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 2226.
14. Sidorchuk, G. (2003) Chetyre “kruglykh” yubileya [Four “milestone” anniversaries]. *Alma Mater*. 28 May.

УДК 331.4

DOI: 10.17223/19988648/53/2

Д.М. Хлопцов

**СЧАСТЛИВЫЙ ВЫБОР НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ!
ПАМЯТИ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РСФСР,
ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА ГОРОДА ТОМСКА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА ТГУ
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БЫЧКОВА**

Статья посвящена памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, почетного гражданина города Томска, заслуженного профессора ТГУ Александра Петровича Бычкова. В статье рассмотрены основные вехи жизненного пути А.П. Бычкова, исследовано значение его методической и руководящей деятельности, связанной со становлением и развитием экономического образования в Томске и в целом в Сибири. Проанализированы направления научной деятельности, показана роль в формировании собственной научной школы и взаимосвязь исследованных проблем с современными актуальными задачами экономической науки и образования России.

Ключевые слова: Бычков Александр Петрович, жизненный путь, Томский университет, становление и развитие экономического образования в Сибири.

13 февраля 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, почетного гражданина города Томска, заслуженного профессора ТГУ Александра Петровича Бычкова.

13 февраля 2021 г. ученики и коллеги возложили цветы к памятной доске Александра Петровича Бычкова на 12 корпусе ТГУ. На переднем плане в середине – дочь А.П. Бычкова Тамара Александровна Фоминых. Слева направо ученики и коллеги: Д.М. Хлопцов, М.В. Рыжкова, А.И. Литовченко, В.И. Каргина, В.С. Цитленок, Е.А. Фролова, Н.А. Пучкова и А.В. Ложникова

С абсолютной уверенностью сегодня можно говорить о том, что Александр Петрович Бычков относится к числу самых выдающихся профессоров Томского университета, самых уважаемых и почитаемых его деятелей и соиздателей. После участия в войне с милитаристской Японией, учебы и работы в Ленинградском высшем военно-педагогическом институте, с 1957 г. и до конца дней жизнь А.П. Бычкова была неразрывно связана с Томском. За первые 10 лет службы в Томском государственном университете Александр Петрович прошел путь от доцента до ректора университета, возглавив ТГУ в 1967 г. и оставив этот пост спустя 16 лет, только в 1983 г.

За эти годы в университете было введено в эксплуатацию новое здание Научной библиотеки, тропическая оранжерея Ботанического сада, построены три корпуса для открытых новых научно-исследовательских институтов прикладной математики и механики, биологии и биофизики и Сибирского физико-технического института, построен Центр культуры ТГУ, четыре новых общежития для студентов и аспирантов, четыре многоквартирных жилых дома для сотрудников ТГУ и детский сад, спортивный комплекс и стадион, учебно-практические базы на оз. Шира (Хакасия) и на леднике Актру (Алтай), спортивно-оздоровительный лагерь на реке Оби (с. Киреевск). В 1970-е гг. А.П. Бычков возглавил научно-методический совет 53 вузов Сибирского региона, который занимался организацией научно-исследовательской работы студентов всего региона. В эти годы в университете было открыто 12 советов по защите кандидатских (63 специальности) и докторских (55 специальностей) диссертаций, ежегодно аспирантуру ТГУ заканчивали 120–130 человек, ТГУ стал ведущим центром подготовки научно-педагогических кадров для всей Сибири и Дальнего Востока.

Александр Петрович Бычков родился 13 февраля 1921 г. в деревне Клевищи Бежецкого уезда Тверской губернии. В 1939 г. окончил Бежецкое педагогическое училище. Свою профессиональную деятельность начал на Дальнем Востоке директором средней школы села Константиновка Хабаровского края (август 1939 г. – июль 1941 г.). Одновременно учился на историческом факультете Хабаровского учительского института. С октября 1941 по 1948 г. служил в составе 2-го Дальневосточного фронта. В 1952 г. с отличием окончил факультет политэкономии Ленинградского высшего военно-педагогического института (ВВПИ) имени М.И. Калинина. С сентября 1955 г. работал преподавателем кафедры политэкономии ВВПИ. В 1957 г. уволился в запас и переехал в Томск, где был избран по конкурсу ТГУ доцентом кафедры политэкономии. По итогам защиты докторской диссертации в 1966 г. А.П. Бычков стал первым доктором экономических наук в Томске после революции и был избран заведующим кафедрой политэкономии ТГУ, которую возглавлял по сентябрь 1991 г. С сентября 1991 по 29 декабря 2009 г. – профессор кафедры политэкономии ТГУ. В составе делегации Министерства высшего образования СССР в 1975 г. выезжал в Канаду, где знакомился с программой «Единство образования и научных исследований в вузах». Им была создана собственная научная школа, в аспирантуре кафедры политэкономии прошли обучение более

60 аспирантов, из которых около 50 человек защитили кандидатские, а 15 человек – докторские диссертации. А.П. Бычковым написано 6 монографий, более 120 научных работ, продолжительное время он был заместителем главного редактора многотомного издания «История крестьянства Сибири».

Основными направлениями научных исследований А.П. Бычкова являлись отношения собственности, экономические основы федерализма в России. После защиты в 1966 г. в Ленинградском государственном университете докторской диссертации по теме «Экономические связи колхозов с социалистическим государством и развитие отношений собственности» развитие аграрных отношений, анализ эффективности использования природных ресурсов и различных форм собственности стали на многие годы тематикой томской научной школы. В экономической литературе в тот период шли оживленные дискуссии об эффективности управления, материальном стимулировании и планировании в социалистической экономике. Велись не только дискуссии, но было немало реформ и реорганизаций в хозяйственной жизни страны, что сказывалось на развитии экономики, отражалось на качестве социальной жизни общества, на развитии науки, образования. Начатая реформа послужила развитием инициативы совершенствования хозяйственной деятельности на предприятиях посредством активного вовлечения научных и образовательных учреждений. Именно в этот период по инициативе А.П. Бычкова в ТГУ была открыта экономическая лаборатория, которую возглавил молодой кандидат наук, а впоследствии – доктор экономических наук, профессор В.С. Цитленок. Данная лаборатория получила заказ Госплана РСФСР по разработке темы «Экономическое обоснование развития народного хозяйства Томской области на 1971–1980 гг.». Однако взаимодействие научно-образовательного комплекса и экономики страны не ограничивалось только этим.

В конце 60-х гг. XX в. под руководством А.П. Бычкова активизировал работу методический семинар преподавателей экономики, который охватил не только сотрудников кафедры политэкономии ТГУ, но и преподавателей других вузов города. По инициативе А.П. Бычкова в 1968 г. была организована межвузовская научная конференция преподавателей г. Томска на тему «Хозяйственная реформа и вузы». Были приглашены и участники из других городов, фактически конференция приобрела всесоюзный масштаб. В этот же период новым направлением в развитии экономических научных исследований на кафедре политической экономии стала тема эффективности использования природных ресурсов», которую начал разрабатывать В.И. Канов.

Как заведующий кафедрой политэкономии, понимая значение и необходимость развития экономического образования в Сибири, А.П. Бычков приложил огромные усилия к открытию новой специальности – политической экономии, первый набор по которой состоялся в 1971 г. С этого момента и вплоть до 2016 г. кафедра стала готовить преподавателей экономики для работы в техникумах, вузах на территории Сибири и Дальнего Востока.

Александр Петрович Бычков с Михаилом Владимировичем Троновым
на леднике Актру (Алтай)

Количественный состав преподавателей кафедры политэкономии ТГУ вырос и составил 26 человек. С открытием специализации политэкономов, увеличением числа профессорско-преподавательского состава произошло расширение учебно-методической работы, на новом качественном уровне стали проводиться занятия по экономике, экономической теории и политэкономии: для большинства специальностей университета в объеме 140 часов, а для экономистов и юристов – 400 часов.

В 1969 г. в Томском университете открылся ученый совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по экономическим, философским, юридическим наукам, председателем которого стал А.П. Бычков. Фактически ТГУ был базовым вузом в формировании научной, методической, организационной и информационной работы в сфере экономического образования на всем пространстве Западной и Восточной Сибири.

В 1974 г. А.П. Бычков возглавил Проблемный совет Министерства высшего образования РСФСР «Социально-экономические проблемы развития Сибири и Дальнего Востока», в 1970–1980-е гг. руководил Западно-Сибирским сектором по организации научно-исследовательской работы студентов (НИРС), поддерживая инициативу по активному вовлечению студентов и аспирантов в научную работу кафедр и институтов.

Наряду с научной, учебно-методической работой им была организована общественно-просветительская работа по распространению знаний, повышению экономической грамотности среди населения области. Лозунг «Экономические знания в массы» был в том числе и буквально воспринят преподавателями всех кафедр экономического профиля вузов Томска, которые систематически выезжали в районы области. Во многом именно благодаря активной поддержке А.П. Бычкова и преподавателей кафедры политэкономии ТГУ в Барнауле (Барнаульский университет), Кемерове (Кемеровский университет), Омске (Омский университет), Тюмени (Тюменский университет) и т.д. в 1970–1980-х гг. были созданы кафедры экономического направления и из числа студентов, аспирантов ТГУ были сформированы собственные научные школы. Открывшиеся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. университеты в Барнауле, Тюмени, Омске, Кемерове и Красноярске получили из ТГУ для организации их научно-педагогической работы 12 докторов и 70 кандидатов наук. Из выпускников аспирантуры ТГУ в 1971–1979 гг. 838 кандидатов наук (80%) были направлены для работы в вузы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии.

Наиболее значимые научные работы А.П. Бычкова отражают его широкий интерес к проблемам экономического развития России, которые и сегодня значимы и актуальны: «Колхозная собственность и перспективы ее развития» (Томск, 1962); «Собственность и формы ее реализации» (Томск, 1988); «Современное экономическое мышление и его формирование» (Томск, 1989); «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири» (Новосибирск, 1991); «Производитель и собственник в рыночной экономике» (Томск, 1993); «Федерализм и отношения собственности в России» (Томск,

1996); «Мотивация трудовой и предпринимательской деятельности» (Томск, 1997); «Инвестиционный кризис в России» (Томск, 1998); «Собственность в современной экономике» (Томск, 1998); «Экономическая теория в современном образовании» (Томск, 1999).

Весь период работы А.П. Бычкова в Томске в качестве доцента, профессора, заведующего кафедрой и ректора Томского университета можно считать периодом становления, роста и качественного развития экономического образования и науки не только в ТГУ, но и во всей Сибири. Большое количество его учеников, последователей сегодня возглавляют кафедры экономического профиля и институты практически всех сибирских вузов.

Литература

1. *Хозяйственная реформа и вузы* : материалы межвузовской научной конференции (21–23 ноября 1968 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. 250 с.
2. *Сто лет экономическому образованию и науке в Сибири* / под ред. К.И. Могильницкой. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 256 с.
3. Могильницкая К., Сахарова З. Высшее экономическое образование в Сибири вступает в свой второй век // Российский экономический журнал. 1998. № 6.
4. Коломиец Т.И. Университет стал его судьбой // Alma Mater. 2001. 14 февраля
5. Выгон С. Александр Бычков: «Мое богатство – не года, а дела» // Красное знамя. 2001. 13 февраля.
6. *К 80-летию* Александра Петровича Бычкова: Биографический очерк. Томск : Изд-во ТГУ, 2001.

A Happy Choice for the Rest of the Life! In Memory of Aleksandr Petrovich Bychko, an Honored Scientist of the RSFSR, Honorary Citizen of Tomsk, Honored Professor of Tomsk State University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 20–26. DOI: 10.17223/19988648/53/2

Dmitriy M. Khloptsov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

Keywords: Aleksandr Bychkov, life path, Tomsk State University, formation and development of economic education in Siberia.

The article is dedicated to the memory of Aleksandr Petrovich Bychkov, an Honored Scientist of the RSFSR, Honorary Citizen of Tomsk, Honored Professor of Tomsk State University (TSU). In the first 10 years of service at Tomsk State University, Bychkov made a career from an assistant professor to a university rector, heading TSU in 1967 and leaving this post 16 years later, in 1983. Defending his doctoral dissertation in 1966, Bychkov became the first Doctor of Economics in Tomsk after the Revolution and was elected head of the Department of Political Economy at TSU. Understanding the importance and necessity of developing economic education in Siberia, Bychkov made great efforts to open a new specialty – political economy – at TSU. On Bychkov's initiative, an economic laboratory was opened at TSU. In 1969, the Academic Council for the defense of candidate and doctoral dissertations in economic, philosophical, and legal sciences was opened at Tomsk State University, and Bychkov became the chairman of the council. In fact, TSU became a basic university in the formation of scientific, methodological, organizational, and informational work in the field of economic education in entire Western and Eastern Siberia. Bychkov's main areas of research were property relations, the economic foundations of federalism in

Russia. In the economic literature at that time there were lively discussions on the effectiveness of management, material incentives and planning in the socialist economy. There were not only discussions, but also numerous reforms and reorganizations in the economic life of the country, which affected the development of the economy, had an impact on the quality of the social life of society, on the development of science and education. The initiated reform was the development of an initiative to improve economic activity at enterprises through the active involvement of scientific and educational institutions. Along with scientific, educational and methodological work, he organized social and educational work to disseminate knowledge, increase economic literacy among the population of the region. In 1974 Bychkov headed the Socioeconomic Problems of the Development of Siberia and the Far East Problem Council of the Ministry of Higher Education of the RSFS. In the 1970s–1980s he headed the West Siberian sector for organizing students' research work. The article discusses the main milestones in the life of Aleksandr Bychkov. The significance of his methodological and leadership activities related to the formation and development of economic education in Tomsk and in Siberia in general is investigated; the directions of scientific activity are analyzed; the role in the formation of his own scientific school and the relationship of the investigated problems with the contemporary urgent tasks of economic science and education in Russia are shown. The entire period of Bychkov's work in Tomsk as an associate professor, professor, head of department and rector of Tomsk State University can be considered a period of the formation, growth and qualitative development of economic education and science not only at TSU, but throughout Siberia. Today, a large number of his students and followers head departments of the economic profile and institutes of almost all Siberian universities.

References

1. Tomsk State University. (1971) *Khozyaystvennaya reforma i vuzy: materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii (21–23 noyabrya 1968 g.)* [Economic reform and universities: Conference Proceedings. 21–23 November 1968]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Mogil'nitskaya, K.I. (ed.) (1998) *Sto let ekonomicheskomu obrazovaniyu i nauke v Sibiri* [A hundred years of economic education and science in Siberia]. Tomsk: Izd-vo NTL.
3. Mogil'nitskaya, K. & Sakharova, Z. (1998) Vysshee ekonomicheskoe obrazovanie v Sibiri vstupayet v svoj vtoroy vek [Higher economic education in Siberia enters its second century]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal – Russian Economic Journal*. 6.
4. Kolomiets, T.I. (2001) Universitet stal ego sud'boy [University became his destiny]. *Alma Mater*. 14 February
5. Vygon, S. (2001) Aleksandr Bychkov: "Moe bogatstvo – ne goda, a dela" [Aleksandr Bychkov: "My wealth is not years, but deeds"]. *Krasnoe znamya*. 13 February.
6. Tomsk State University. (2001) *K 80-letiyu Aleksandra Petrovicha Bychkova: Biograficheskiy ocherk* [To the 80th anniversary of Aleksandr Petrovich Bychkov: A Biographical Essay]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 331.4

DOI: 10.17223/19988648/53/3

СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВИЧЕ БЫЧКОВЕ. ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ И КОЛЛЕГ

Георгий Владимирович Майер,

президент Томского государственного университета

Александр Петрович Бычков – личность легендарная в истории Томского университета, ректор ТГУ в 1967–1983 гг., внёсший огромный вклад в развитие университета. В его эпоху созданы НИИ ПММ и НИИ ББ, построен комплекс университетских общежитий на площади Южной, новое здание НБ ТГУ, несколько многоквартирных домов и многое другое. Об этом написано более подробно, например в книге «Ректоры Томского университета», 2003 г.

В этих же заметках я хотел бы вспомнить об А.П. Бычкове как о замечательном человеке на основе личных встреч и доверительных бесед.

Тесно я познакомился А.П. Бычковым в 1995 г., когда был избран ректором ТГУ, хотя много слышал о нем, а будучи студентом, учился в годы его ректорства. У нас сразу же установились доверительные отношения, чему во многом способствовали такие черты его характера, как исключительная доброжелательность, открытость, склонность к хорошему юмору, преданность университету, к тому же оказалось, что у нас одно понимание классического университета. Он ненавязчиво влиял на мое восприятие истории и людей университета, в скором времени стал обращаться ко мне на «ты», и я очень ценил такие товарищеские отношения.

Вообще, время, когда он был ректором, это было «время фронтовиков», время людей безукоризненного поведения, глубоко порядочных, преданных делу, подтянутых, скромных в быту, самостоятельных, не боящихся начальственных окриков. Не называю фамилий, потому что их было много, но Александр Петрович на посту ректора олицетворял их всех, и именно это поколение на многие годы определило лицо и ход содержательного развития университета, и в этом смысле лучшего советника по жизни было не найти.

Памятны несколько эпизодов из жизни Александра Петровича, были и забавные.

Всем были известны блестящие ораторские способности А.П. Бычкова, за глаза его называли «Сибирский соловей». Однажды он мне рассказал, что, будучи ректором, приходилось много выступать на различных политических совещаниях, так называемых «партхозактивах». И как-то один партийный начальник сделал ему замечание: «Александр Петрович, непорядок выступать без бумаги. Смотрите, все выступают по бумаге, а Вы нет, как бы неподготовленным». А я, рассказывал Александр Петрович, орга-

нически не могу выступать по бумаге. Тогда купил себе яркую записную книжку и, выходя на трибуну, доставал ее, открывал (листы были абсолютно чистые) и выступал «по бумаге».

Все были довольны.

Второй эпизод не забавный, а, наоборот, очень серьёзный. Вот что рассказал Александр Петрович. Где-то в 1968 г. в Томском обкоме партии состоялось одно из совещаний по созданию академического сектора науки в Томске с участием высоких представителей Академии наук и самого М.А. Лаврентьева. И тут А.П. Бычкову звонит по прямому телефону высокий руководитель и с недовольством спрашивает (с ударением на ты): «Ты Елютина пригласил (В.П. Елютин – министр высшего и среднего специального образования СССР, член ЦК КПСС)? Не ты, ладно, тогда бери на свой кошт». После совещания в обкоме партии Министр в кабинете А.П. Бычкова провёл небольшое совещание, на котором присутствовал ещё ректор ТПИ А.А. Воробьев. Министр и ректоры пришли к выводу, что после открытия академических структур из томских университетов начнётся отток в академию молодых талантливых ученых, с которыми связано будущее университетской науки.

Для предотвращения массового оттока научной молодёжи было решено ускорить открытие на базе университетов научно-исследовательских институтов в статусе юридических лиц. Министр дал указание немедленно готовить некоторые документы, над которыми работали всю ночь, и утром он увёз их в Москву. Через какое-то время вышло постановление Правительства и приказ по министерству, в частности, в ТГУ были основаны НИИ ПММ и НИИ ББ, а также отраслевая Лаборатории истории, археологии и этнографии, на базе которой предполагалось впоследствии открытие НИИ гуманитарного профиля.

Я могу ошибаться в деталях, что-то упростил, но запомнилось главное: глубина подхода министра и ректоров к проблеме научного развития университетов и поистине государственный стиль мышления. В том числе и поступок министра, без приглашения приехавшего на судьбоносное совещание.

Навсегда запомнилась глубокая эрудиция и начитанность А.П. Бычкова, содержательные тосты на ректорских приемах, которые все ждали и восхищались, пламенные выступления на митингах в Университетской роще 9 мая.

Запомнился образ настоящего человека, которого я считаю за честь отнести к числу своих учителей по жизни.

А.И. Литовченко,*кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии ТГУ*

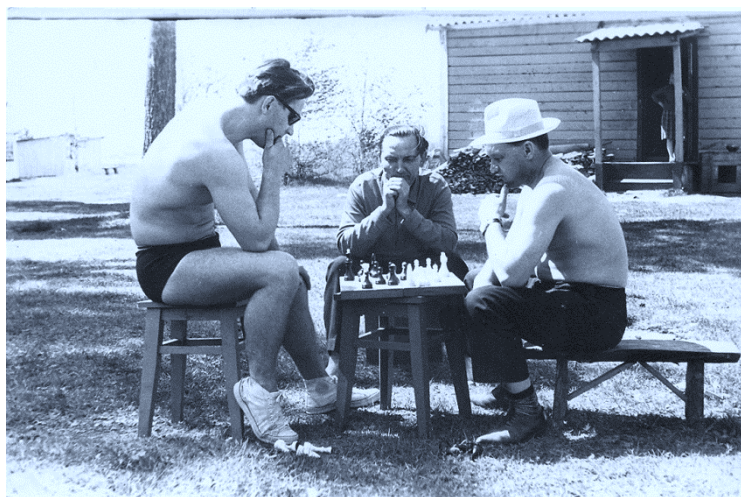
Я пришла на кафедру политэкономии преподавать 1 сентября 1968 г. Коллектив был большой, дружный. Костяк его составляли участники Великой Отечественной войны: Александр Петрович Бычков, Михаил Павлович Евсеев и др. Александр Петрович Бычков – ректор Томского государственного университета, профессор, заведующий кафедрой политэкономии, член парткома. Его голубые глаза, наполненные внутренней душевной красотой, излучали доброту на всех, кто находился рядом. Александр Петрович был всегда бодрый, подтянутый, элегантный, с орденой планкой на лацкане пиджака.

Александр Петрович Бычков. Июнь 1947 г.

Свою военную службу Александр Петрович закончил 3 сентября 1945 г. на востоке страны и продолжил трудовое, мирное строительство общества в г. Томске, в его университете. С какой любовью и чувством он читал лекции по политэкономии, как энергично и увлекательно, на примерах реальной действительности развития хозяйственного механизма страны, вел семинарские занятия для студентов, аспирантов, молодых ученых.

Как прекрасный лектор, оратор для нас, молодежи, он был образцом педагога и ученого, занимающегося экономическим анализом народного хозяйства, общественной собственности. Александр Петрович являл собой выдающегося партийного организатора, на которого мы равнялись и старались расти профессионально, развиваться духовно. Своим примером он учил нас нести экономические знания в широкие массы населения. В бытовой жизни был прост, любил природу: зимой ходил на лыжах, в летний период отдыхал на реках, озерах Сибири. Всю жизнь Александр Петрович играл в шахматы.

Заседания кафедры политэкономии А.П. Бычков вел демократично, но четко и деловито. Всегда стремился, чтобы кафедра политэкономии в университете, городе и в Сибири занимала ведущие позиции: чтобы аспиранты и докторанты защищали свои работы в срок, вели лекторскую работу среди населения города, области, активно принимали участие в конференциях разного уровня (университетского, городского, регионального, союзного, международного).

В 1970-е гг. Александр Петрович добился открытия на экономическом факультете Томского государственного университета специальности «политическая экономия». За время его работы заведующим кафедрой политэкономии были подготовлены сотни выпускников-политэкономов, которые успешно работали и работают в вузах города, региона, страны и за рубежом.

Его ректорская работа была очень многогранна. На этом посту он проявил себя как организатор, который сумел сплотить весь трудовой коллектив университета на выполнение внутренних и внешних задач, поставленных советским обществом в тот период времени. Это видно из мероприятий в рамках социалистического соревнования, проходящего как внутри университета, так и за его пределами. В то время я была членом парткома, отвечала за оргсектор. Социалистическое соревнование во всех подразделениях университета было ориентировано на повышение эффективности и качества работы. В статье В.Б. Родоса от 9 февраля в газете «За советскую науку» в 1978 г. «Лидеры и аутсайдеры или год напряженной работы» отмечается: «...в Томском университете защищена 1 докторская диссертация (ЮФ – Волович В.Ф.), 45 кандидатских..., выпустил специалистов с высшим образованием – 1 150, издано 1 650 научных статей, сделано 1 561 научный доклад на конференциях различных уровней, в том числе и на международных. Силами преподавателей и студентов прочитано 7 450 лекций, подготовлен 161 спецкурс для студентов». Здесь же подчеркивается: «...второе место занял ЭФ (экономический факультет)... Основу успеха этого подразделения составляют защиты диссертаций». Первое место в то время дали ЮФ за защиту диссертации В.Ф. Воловичем.

В своем докладе «Пятилетку завершили успешно» председатель профкома Томского государственного университета Г. Князев выделяет следующие результаты работы университета: «Университет, отметивший в 1980 году 100-летие со дня основания, успешно выполняет обязанности: в научных исследованиях приняло участие более 4 000 студентов, подготовлено 215 докторов и кандидатов наук, повысили квалификацию 200 преподавателей и научных сотрудников, целевую аспирантуру закончили 62 человека, в г. Томске и области прочитано более 35 000 лекций, в том числе 2 500 на природоохранные темы, дополнительно прочитано 610 лекций, тематически связанных с XXVI съездом КПСС...» (За советскую науку. 1980. 19 февраля).

Сам А.П. Бычков в статье «Профсоюзы в жизни университета» рассказывал, что ему, как ректору, приходилось поддерживать профком в решении вопросов охраны труда и здоровья, жилья, культурно-массовой работы.

На олимпиаде студентов по политэкономии в Научной библиотеке ТГУ.
Март 1984 г.

За то время, пока А.П. Бычков работал ректором Томского государственного университета, были построены четыре девятиэтажки общежития на площади Южной в г. Томске, пять домов для профессорско-преподавательского состава, создан и расширен профилакторий, проведено строительство детского комбината, спортивно-оздоровительной базы на Оби (Киреевск), введен в строй новый корпус Научной библиотеки, построен спортивный комплекс ТГУ, пионерский лагерь на Томи (Алаево) (История профсоюзной организации Томского университета в документах и материалах (1905–2005 гг.). Томск : Изд-во ТГУ, 2005. С. 163–164). В 1979 г. ректор Томского государственного университета Александр Петрович Бычков объединил весь трудовой коллектив на достойную встречу 100-летия со дня основания ТГУ и выполнения 10-й пятилетки, посвященной XXVI съезду КПСС.

В наших светлых воспоминаниях, его учеников, Александр Петрович Бычков остался руководителем-педагогом, воспитавшим многочисленное новое поколение экономистов, а также руководителем-созидателем, строителем материально-технической базы университета с целью её служения человеку труда, в его всестороннем развитии. Вся его трудовая жизнь отдана Университету, Родине!

Г.А. Тарунина,*кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии ТГУ*

Мне не посчастливилось быть студенткой Александра Петровича и слушать его блестящие лекции, но я сполна ощутила на себе силу его харизмы, будучи аспиранткой и работая на кафедре политической экономии, которой он руководил много лет.

Заседание кафедры политэкономии, 1960 г. Докладчик – Михаил Павлович Евсеев

Что прежде всего поражало в Александре Петровиче – так это всеобъемлющая и всепронизывающая Человечность и Жизнелюбие. Не важно, кто перед ним: лаборант, ассистент или маститый ученый, он всегда одинаково ровно, с огромным интересом и вниманием относился к собеседнику.

Эта простота и внимание к другому человеку притягивали к нему людей. Особенно это имело значение для молодых преподавателей кафедры, которые, можно сказать, ощущали отеческую заботу со стороны Александра Петровича. Характерный прищур глаз, своеобразный говор, берущий свое начало в российской глубинке, делали этого человека бесконечно родным и близким каждому, кто с ним соприкасался. Проявлением этой же человечности являлась и та свобода, которая царила на кафедре и которая без мелочной опеки и контроля порождала, как ни странно, высочайшую ответственность каждого перед самим собой и коллективом кафедры как в работе со студентами, так и в собственных научных исследованиях. Может быть, поэтому мы были избавлены от характерных для небольших коллективов злословий и раздоров.

Александр Петрович, благодаря щедрой природе и богатому жизненному опыту, был глубоко мудрым человеком. В одном из периодов моей жизни мне казалось, что я уже не смогу работать на кафедре с прежней отдачей. Александр Петрович, выслушав меня, не только не поддержал мои намерения уйти, но еще и увеличил нагрузку, не позволяя находиться в плену исключительно своих жизненных проблем. Со временем я поняла, насколько был прав и мудр по отношению ко мне этот человек.

Сотрудники кафедры политэкономии, 1979 г.

Жизнелюбие и творческий характер натуры Александра Петровича поражали. Несмотря на исключительную занятость, совмещение заведования кафедрой и ректорства в университете, он был неперенным участником всех наших кафедральных встреч, связанных с празднованием дней рождений, 8 Марта, 23 февраля, Нового года. При этом его поздравления всегда звучали в стихах, были проникновенны, подчеркивали индивидуальность каждого, к кому были обращены. Это говорило о том, насколько Александр Петрович был наблюдателен и как глубоко он понимал людей.

Эрудиция и артистизм Александра Петровича покоряли. Мы были горды, когда в 1981 г. он стал участником программы Центрального телевидения «От всей души», приуроченной к 100-летию ТГУ.

А.П. Быков с В.М. Леонтьевой, ведущей телепрограммы «От всей души», посвященной 100-летию со дня основания ТГУ, май 1980 г.

Нам повезло, что рядом с нами долгие годы был такой замечательный человек как воплощение доброжелательности, оптимизма, разносторонних знаний и таланта.

Т.В. Захарова,

доцент ТГУ, рецензент

«Вестника Томского государственного университета. Экономика»

Будучи выпускницей ГГФ, палеоботаником, кандидатом геолого-минералогических наук и работая (формально числясь младшим научным сотрудником) при музее палеонтологии ТГУ, я неожиданно вынуждена была уволиться и искать новую работу в качестве преподавателя. В этот нелегкий период жизни я зашла в университетскую рощу и подошла к главному корпусу ТГУ, любуясь пейзажем.

С актерами театра им. Е. Вахтангова, 1982 г.

Красивые деревья, мостик через речушку, великолепный старинный корпус, красивые интеллигентные люди. Сердце бешено забилося, я вдруг почувствовала, что работать нужно здесь, только здесь, нет другого столь упоительно прекрасного места на всей планете! Я вдруг осмелела и зашла в сам главный корпус. Там я обратилась к ректору. Точнее, зашла в приемную ректора. Секретарь стала меня расспрашивать, по какому я вопросу, и я стала вдохновенно отвечать, вспоминать свое сотрудничество с томской областной газетой «Красное знамя», где я активно публиковалась. На мое счастье ректор ТГУ Александр Петрович Бычков был в своем рабочем кабинете и все слышал. Меня встретили очень душевно, внимательно выслушали и обещали помочь. Я ушла после встречи окрыленная – мне вдруг показалось, что будет оказана реальная помощь. И действительно, Алек-

сандр Петрович позвонил декану экономического факультета Зинаиде Егоровне Сахаровой и попросил её помочь мне с трудоустройством. Вскоре раздался звонок от З.Е. Сахаровой, она спросила меня, нет ли у меня желания работать на экономическом факультете ТГУ? Встреча была назначена буквально на следующий день. Придя на неё, я получила уже более конкретное предложение и вскоре была зачислена на кафедру мировой экономики к профессору Владимиру Сергеевичу Цитленку. Благодаря позиции Александра Петровича и Зинаиды Егоровны меня вскоре зачислили параллельно на заочное отделение на специальность «финансы и кредит», где ректор вел в то время некоторые экономические дисциплины.

Александр Петрович был ярким, незаурядным и очень милостивым к студентам. Начав работать с заочниками-экономистами, я частенько пересекалась с А.П. Бычковым в отдаленно расположенном на территории университетского кампуса четвертом корпусе, причем по субботам: моя пара оказалась по расписанию после его пары. Александр Петрович всегда любезно останавливался, здоровался, спрашивал, как обстоят дела, деликатно жаловался на свое не очень удобное расписание. Также периодически я встречала Александра Петровича во время его прогулок. Он считал, что прогулки с возрастом просто необходимы! Встречаясь во время прогулок, мы обязательно общались, я задавала экономические вопросы и он глубоко и непринужденно мне отвечал. Именно благодаря Александру Петровичу я увлеклась темой по промышленной политике России. Я очень благодарна профессору А.П. Бычкову за те счастливые минуты общения, которые мне отвела судьба.

Aleksandr Petrovich Bychkov: Memories of Students and Colleagues Georgiy Mayer, Anna Litovchenko, Galina Tarunina and Tatiana Zakharova

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 27–36. DOI: 10.17223/19988648/53/3

УДК 331.4

DOI: 10.17223/19988648/53/4

В.И. Беляев

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОРИЕНТАЦИЯ НА РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ, РАЗВИТИЕ И РОСТ¹

Статья посвящена решению проблем развития и экономического роста предприятий, организаций, регионов, стран посредством институциональной трансформации социально-трудовых отношений в периоды технологического переоснащения отраслей и отраслевых комплексов. В теории и методологии статья опирается на известный закон К. Маркса соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. В ней обращается внимание на то, что при внедрении технологических изменений, представляющих собой не что иное, как развитие производительных сил в социально-трудовой сфере, возникает сопротивление работников изменениям. Причина сопротивления заключается в том, что сложившиеся к моменту внедрения изменений социально-трудовые (производственные, по К. Марксу) отношения вступают в противоречие с внедряемыми технологиями (производительными силами). С тем чтобы снизить потенциал сопротивления персонала изменениям, в статье предлагается следующее: в процессах управления их внедрением рекомендуется оказывать управленческие воздействия и на сформировавшиеся институты социально-трудовых отношений тоже. Трансформация последних, направленная на разрешение возникших объективно обусловленных противоречий, будет, как следует из логики Г. Гегеля, способствовать технологическому развитию предприятий, что, согласно концепции Й. Шумпетера, обеспечит и экономический рост. Механизм воздействия на социально-трудовые отношения осуществляется посредством воспроизводства рабочей силы, выражающегося в повышении квалификации работников, что, согласно теоретическим положениям профессора А.П. Бычкова, обеспечивает рост человеческого капитала. Опираясь на положения классической школы политической экономии, концепцию развития Й. Шумпетера, логику Г. Гегеля, теоретические положения А.П. Бычкова, в статье предложена методологическая схема институциональной трансформации социально-трудовых отношений, направленная на разрешение объективно обусловленных противоречий между производительными силами и социально-трудовыми отношениями, что и обеспечивает технологическое развитие и экономический рост.

Ключевые слова: институты, институционализация, производительные силы, производственные отношения, социально-трудовые отношения, воспроизводство рабочей силы, рост, развитие.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ. Научный проект № 19-010-00491\20. «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике».

Введение. Экономический рост и развитие, производство и воспроизводство, рабочая сила и человеческий капитал, производительные силы и производственные отношения: соотношение понятий.

«...В существующей рыночной экономике нет стабильного или нейтрального сценария, есть только рост и сокращение». Из этого следует, что без экономического роста рыночная экономика обречена на затухание, стагнацию, рецессию, депрессию, сокращение рабочих мест, прекращение платежей, возникновение невозможности выкупа заложенного имущества [1, с. 22–23] и как апофеоз всего этого – банкротство. Йозеф Шумпетер (1883–1950) категорию экономического роста рассматривал в контексте экономического развития. «Обычно рост экономики, выражающийся в увеличении населения и богатства... не рассматривается здесь как процесс развития, поскольку он не порождает новые в качественном отношении явления, а всего-навсего дает толчок процессам их приспособления, подобного тому как это происходит при изменении природных показателей... Мы относим такой рост просто к изменению показателей» [2, с. 129]. Таким образом, экономический рост, по Й. Шумпетеру, это просто количественные изменения определенных показателей. Ключевым в этой сентенции является выражение – «рост... не рассматривается... как процесс развития». Развитие, по Й. Шумпетеру, – другая категория. Отличие развития от роста Й. Шумпетер иллюстрирует примером перехода «от эпохи почтовых карет к эпохе железных дорог» [2, с. 127], когда экономический рост, выражаемый в объемах перевозимых грузов, обуславливается отнюдь не увеличением количества средств перевозки грузов, а внедрением принципиально новых, более прогрессивных транспортных технологий. Таким образом, Й. Шумпетер экономический рост и экономическое развитие рассматривал как самостоятельные, но, безусловно, взаимодействующие в структуре единого цельного хозяйственного кругооборота категории.

Однако такой подход отнюдь не истина в последней инстанции. Есть и другие подходы к определению этих двух категорий. Так, профессор Александр Петрович Бычков (1921–2009), столетие со дня рождения которого отмечается в этом году, сделав обширный обзор наиболее известных и авторитетных научных суждений и подходов к определению экономического роста, нисколько не противореча Й. Шумпетеру, предложил взглянуть на содержание этой категории с системных позиций. Он объединил рост и развитие в едином содержательно цельном определении. «Экономический рост – это необходимость увеличения реального ВВП [*валового внутреннего продукта*] в его количественном и качественном выражениях в целях удовлетворения растущих потребностей населения в личном и производственном потреблении» [3, с. 6]. «Качественное выражение ВВП», как обозначил увеличение реального ВВП проф. А.П. Бычков, по Й. Шумпетеру, и есть развитие, определяющее рост. Таким образом, противоречия между суждениями Й. Шумпетера и А.П. Быčkova нет. Можно сказать, что есть положительная динамика в понимании этих двух экономических категорий и отражение ее в современной экономической теории.

Далее, при объяснении проблем экономического роста, А.П. Бычков установил соотношение между такими понятиями, как «рост» и «расширенное воспроизводство», «рабочая сила» и «человеческий капитал», сосредоточив, таким образом, исследовательское внимание ученых на поиске путей решения проблем роста в соотношениях производительных сил (прогрессивных технологий) и производственных отношений. И это сделано им таким образом, что не только не противоречит Й. Шумпетеру, труд которого «Теория экономического развития» [2] в теме роста и развития считается определяющим, но и полностью согласуется с его позицией в этом вопросе. Однако реальность такова, что многими современными учеными-экономистами содержательное соотношение этих понятий откровенно замалчивается. И это несмотря на то, что шумпетерианская школа в своих теоретических построениях понятия и производственных отношений, и производительных сил отнюдь не игнорировала. Так, Й. Шумпетер, рассматривая производство, в котором только и формируется экономический рост, отмечал: «...с технической или экономической точки зрения производить – значит комбинировать имеющиеся ... вещи и силы. Каждый метод производства означает определенную комбинацию... Каждый конкретный акт производства является ... комбинацией. На предприятии ... в рамках производственных отношений народного хозяйства в целом можно видеть такие комбинации... Экономическая логика одерживает верх над технической» [2, с. 60–61]. Здесь у Й. Шумпетера, во-первых, прямо и непосредственно упоминаются производственные отношения, о которых, как уже указывалось выше, в современной экономической теории предпочитают не вспоминать. А во-вторых, он, хотя и неявно, объединил в единое целое и производительные силы и производственные отношения, ибо его «экономическая логика» есть не что иное, как отношения – производственные, социально-экономические, социально-трудовые, любые другие, касающиеся производства, распределения, обмена и потребления, а «техническая логика» – это производительные силы. А то, что одна логика «одерживает верх» над другой, это прямое свидетельство того, что Й. Шумпетер производительные силы и производственные (и иные) отношения рассматривал как некое противоречивое единство, две части которого находятся в диалектическом взаимодействии, т.е. в борьбе. Разрешение этого противоречия как раз и обуславливает и развитие, и экономический рост. А если открыть его работу «Капитализм, социализм, демократия», то можно увидеть, что первые четыре главы ее вообще посвящены теории К. Маркса, где автор «Капитала» представляется им – ни больше, ни меньше – как пророк, социолог, экономист и учитель [2, с. 375–438].

Таким образом, старая как мир проблема создания новых технологических систем, развития техники и производственного оборудования, повышения квалификации работников, рассматриваемая через призму закона соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил К. Маркса (1818–1883), изложенного им в небольшой работе «К критике политической экономии» [4, с. 1083], отнюдь не

утратила своей актуальности. В настоящее время в соотношении с категориями современной экономической теории она приобретает новое звучание. Об этом, в частности, свидетельствует и возродившийся в XXI в. интерес к учению К. Маркса, выразившийся в многочисленных переизданиях его основного труда «Капитал» [5]; он издается и переиздается не только в странах, ранее бывших социалистическими, но и в странах традиционно капиталистических. И Александр Петрович увидел это. Он не отказался от прежних концептуальных подходов к объяснению экономических явлений и процессов и не отверг окончательно новые. Наоборот, научные понятия классической политической экономии он органично соединил с новыми понятиями, отразил в своих трудах основные черты соотношений производственных отношений и производительных сил, свойственные современности, а также характеристики качественного воспроизводства рабочей силы и роста человеческого капитала, наметив тем самым для новых поколений ученых-экономистов ориентиры исследовательской деятельности в решении проблем развития и экономического роста.

Диалектика развития и роста. В основе любого развития, согласно учению Г. Гегеля, лежит разрешение объективно обусловленных противоречий. Любой объект имеет импульс развития лишь постольку, поскольку в нем есть «... корень всякого движения», а именно внутреннее объективно обусловленное противоречие. Противоречие – движущая сила развития. «Всякое развитие есть возникновение противоречий, их разрешение и в то же время возникновение новых противоречий» [6, с. 545].

Можно выделить следующие виды противоречий:

- внутренние противоречия, проявляющиеся во взаимодействии противоположных начал единого целого (например, во взаимодействии производительных сил и производственных отношений в экономике);
- внешние противоречия, проявляющиеся во взаимодействии хозяйствующих объектов с внешней средой (например, во взаимодействиях производственных предприятий с природой);
- антагонистические противоречия – они обуславливают и вызывают враждебные или похожие на них взаимодействия между различными силами, сообществами (например, в форме конкуренции на рынках, протестных движений, революций, войн).

Диалектическим может быть любое из этих противоречий, если оно опирается на объективные факторы, не зависящие от воли и сознания людей, и если оно представляет собой «взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон объекта или системы, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, являясь источником самодвижения и развития...» [7, с. 1069]. Логика процесса развития здесь такова. Для диалектического противоречия характерно наличие в некоей целостности противоположных начал, сторон, характеристик, обуславливающих противодействие их друг другу, борьбу. Разрешение таких противоречий обуславливает и определяет развитие; придает противоречивой целостности новое качество, удовлетворяющее, на какое-то

время, обе противостоящие стороны. Затем в этой целостности вызревает новое противоречие, осуществляется его разрешение, происходит дальнейшее ее развитие в форме обретения нового качества, что и обеспечивает дальнейший рост. И так непрерывно и бесконечно. Именно непрерывно происходит вызревание и усиление противоречий, а бесконечным является процесс смены одного качественного состояния общественных систем другим качественным состоянием. Это и есть развитие, и в основе его лежат противоречия.

Такова в общем и целом диалектика непрерывного развития и последующего экономического роста, осуществляемого посредством разрешения внутренних объективно обусловленных диалектических противоречий. Одним из основных противоречий, обуславливающих развитие и побуждающих экономический рост, является противоречие, по К. Марксу, между производительными силами и производственными отношениями. В системе современных понятий его можно выразить как противоречие между содержанием новых прогрессивных технологий (допустим, цифровых), внедряемых в производство, и социально-экономическими, социально-трудовыми (и иными, подобными) отношениями. Однако смена терминов существа дела не меняет, и в настоящее время терминология К. Маркса является вполне допустимой.

Производительные силы и производственные отношения: единство и борьба противоположных начал в решении проблем экономического развития и роста. Критический анализ философии права Г. Гегеля побудил К. Маркса погрузиться, как он сам писал, в систему «материальных жизненных отношений», которую «по примеру английских и французских писателей XVIII века Г. Гегель называет “гражданским обществом”», и «анатомия» которого, по совершенно справедливому предположению К. Маркса, кроется «в политической экономии» [4, с. 1082]. Это позволило ему сформулировать объективный закон, отражающий противоречивое диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, обуславливающее существенные изменения в обществе. «В общественном производстве... люди вступают в определенные, от их воли не зависящие... производственные отношения... Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные фазы общественного сознания... Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... внутри которых они развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы...» [4, с. 1083]. Такова суть сформулированного К. Марксом закона, на базе которого он обосновал неизбежность социальных революций.

Поскольку данное положение является объективным законом, его можно трактовать и в более широких пределах, чем только как закон, порожа-

дающий социальные революции. Это закон общественного развития вообще. И никакого противоречия позиции К. Маркса в этом утверждении нет; социальная революция – одна из форм социального движения, в том числе и развития. Есть много и других социальных форм движения и общественного развития. Так, любое изменение на отдельном предприятии, обусловленное внедрением прогрессивных технологий, есть социально-экономическое движение, направленное на развитие. Это обстоятельство не может не порождать стремления экономистов-исследователей развивать теорию открытого К. Марксом закона соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил и формировать методологию применения его в практике хозяйственного кругооборота, представляющего собой результат действия производительных сил «в его обусловленности существующими отношениями» [2, с. 47]. Такое вполне возможно; предполагает только конкретизацию объекта и предмета исследования. Собственно, именно это и имел в виду и проф. А.П. Бычков, детализируя факторы экономического роста посредством особого выделения в их структуре вещных факторов производства и рабочей силы, называемой в настоящее время, как он подчеркивал, человеческим капиталом [3, с. 10–16]. Закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил может и должен быть развит и дополнен в направлении более глубокого понимания сути любых общественных перемен, как возникающих объективно, так и инициируемых на субъективной основе. Знание конкретных, а отнюдь не абстрактных (только в общем и целом) обстоятельств позволит принимать решения (на любых уровнях управления – страны, региона, предприятия), взвешенные не только на затратах и ожидаемых результатах, но и на характере порождаемых ими отношений (общественных, социально-экономических, социально-трудовых, отношений потребителей к предприятию, т.п.) и оценках последствий от изменения последних. К получению таких теоретических и методологических результатов побуждают и положения концепции Й. Шумпетера обеспечения экономического развития и роста «в обусловленности существующих отношений», и позиция проф. А.П. Бычкова по конкретизации факторов этого роста в структуре воспроизводственных процессов.

Воспроизводство и экономический рост: производительные силы и производственные отношения. Воспроизводство в общем и целом представляет собой непрерывный процесс возобновления производства. Если в каждый последующий период времени объемы производства увеличиваются, воспроизводство является расширенным, в противном случае – простым. Именно расширенное воспроизводство и обуславливает рост экономики, особенно если оценивать этот процесс исключительно с материальной точки зрения (т.е. с точки зрения увеличения объемов производства товаров, услуг в натуральных измерителях, а не с точки зрения увеличения выручки за счет повышения цен, без увеличения объемов производства). Расширенное воспроизводство, в свою очередь, может обеспечиваться как расширением производственной базы на основе прежних технологий (экс-

тенсивный рост), так и посредством внедрения и освоения принципиально новых, прогрессивных технологий (интенсивный рост). Второй путь представляет собой экономическое развитие, обеспечивающее впоследствии экономический рост, несопоставимый по масштабам с ростом от расширения производственной базы предприятий посредством увеличения средств производства прежнего технологического качества.

Совокупность применяемых технологий (станков, машин, механизмов, зданий, сооружений, предметов труда) представляет собой, по К. Марксу, материальную составляющую производительных сил общества. Он назвал их «материальными производительными силами» [4, с. 1083]. К производительным силам он отнес также и работников предприятий, обладающих определенными профессиями, квалификацией, опытом, трудовыми навыками применения материальных производительных сил в производственных процессах. Внедрение новых технологий, создающих условия для расширенного воспроизводства, развития и интенсивного роста экономики, однозначно предполагает и воспроизводство рабочей силы. Причем воспроизводство отнюдь не просто в количественном увеличении работников, что, по аналогии с их материальной составляющей, можно было бы представить как расширенное воспроизводство. Однако рабочая сила, труд работников, по сравнению с производительными силами в материальном воплощении и их производственным потреблением, имеют существенное отличие. Его можно объяснить, используя суждения классиков о роли труда в производственных и экономических процессах. Так, Уильям Петти (1623–1687) утверждал, что «труд есть отец и активный принцип богатства...». И Адам Смит (1723–1790) в качестве исходного пункта анализа причин богатства народов рассматривал именно труд [8, с. 69–82]. К. Маркс, начав свой главный труд со слова «богатство» [5, с. 95], также подчеркнул преобладающее значение труда в создании потребительной стоимости и меновой стоимости, и уже со ссылкой на У. Петти [5, с. 103]. Й. Шумпетер, спустя примерно двести пятьдесят лет, анализируя факторы развития и роста экономики, также отвел труду самое важное место, придав ему первостепенное значение в производстве. Он назвал его «движущим моментом производства»; земле же он отвел «пассивную роль» [2, с. 65]. Вот эта принципиальная трудовая основа производства по У. Петти, его «движущий момент» по Й. Шумпетеру и обуславливают необходимость неуклонного повышения качества воспроизводства рабочей силы в условиях развития материальной составляющей производительных сил; в современных понятиях это выражается в повышении человеческого капитала при сохранении или даже сокращении численности работников. В этом и заключается смысл и сущностное содержание воспроизводства рабочей силы в условиях активного развития современных технологий и широкого внедрения их в производственную практику, что в своем совокупном взаимодействии и обеспечивает экономический рост.

Формирование и воспроизводство отношений в сфере труда. Основное отличие рабочей силы от материальной составляющей производительных сил заключается в том, что в среде работников предприятий форми-

руются и развиваются социально-трудовые отношения, которые, с одной стороны, определяют трудовое поведение работников [9, с. 127–128], а с другой – обуславливают формы принятия решений менеджментом [10, с. 53] в сфере организации труда. В среде вещной составляющей производительных сил отношения, естественно, возникнуть не могут. Могут появиться соотношения между ними: по производительности, по долговечности, др. Да и то только в сознании людей, потребляющих в производственных процессах эти материальные производительные силы, а никак не внутри самих этих вещных производительных сил. Из этого следует, что расширенное воспроизводство, а следовательно, и экономическое развитие характеризуются не только внедрением новых прогрессивных технологий, повышением квалификации работников, но и трансформацией отношений в сфере труда, представляющих собой непрерывную составляющую производства вообще и воспроизводственных процессов в частности. Однако этой составляющей воспроизводства, также участвующей в обеспечении технологического развития и формировании экономического роста, в современных экономических концепциях внимания уделяется крайне мало или не уделяется вовсе¹. Проф. А.П. Бычков, отмечая роль и значение «массы труда и его [*труда*] производительной силы... в применении более совершенной техники и технологий...», вызывающем необходимость повышения квалификации работников [3, с. 11], имел в виду и трансформацию отношений работников в сфере труда, как следствие развития производительных сил, тоже.

¹ Такое положение вещей характерно как для отечественной, так и зарубежной экономической науки. Можно назвать только отдельные факты учета отношений в формировании общественного продукта, развитии технологий, обеспечивающих экономический рост. Так, известный социалист-утопист, владелец прядильной фабрики, Роберт Оуэн (1771–1858), улучшая условия труда и жизни своих рабочих, создавал тем самым в их среде и благоприятные для производительной работы трудовые отношения тоже. Однако другие капиталисты к его идее и практике относились весьма скептически; подражать Р. Оуэну никто из них не захотел. Американский социальный психолог Элтон Мэйо (1880–1949) в 1920-х гг. сформулировал и обосновал концепцию человеческих отношений. В ней он обосновал положение о том, что создание в трудовых коллективах нормальных человеческих отношений, без детальной регламентации труда, присущей концепции научного менеджмента Фредерика Уинслоу Тейлора (1856–1915), популярной в те времена, способно обеспечивать рост результатов производства за счет более эффективного использования резервов рабочих мест, которые работники сами обнаружат и используют. Сколько-нибудь широкого распространения эта теория также не получила. В настоящее время определенное внимание трудовым отношениям, называемая их отношениями занятости, промышленными отношениями, уделяют Майкл Армстронг, Майкл Пул, др. В их трудах, как следствие неблагоприятных трудовых отношений, называются и деструктивные формы трудового поведения работников. Отечественные авторы также уделяют внимание социально-трудовым отношениям. В их числе можно назвать таких ученых, как Б.М. Генкин, Н.А. Горелов, Р.П. Колосова, Е.В. Нехода, В.И. Сигов, др. Однако и их здравые рассуждения практикой современного бизнеса остаются пока невостребованными.

Таким образом, в решении проблем развития и роста экономики ограничиваться только внедрением новых технологических систем никак нельзя; всегда нужно иметь в виду и отношения, особенно социально-трудовые, ибо именно они обуславливают трудовое поведение работников, во многом определяющее реализацию мощностей нового оборудования (производительных сил), а следовательно, и рост экономических показателей.

Социально-трудовые отношения: формирование и проявление в трудовом поведении работников. Под социально-трудовыми отношениями понимают «объективно существующие взаимозависимость и взаимодействие субъектов этих отношений в процессе труда, нацеленные на регулирование качества трудовой жизни» [10, с. 48]. Можно выделить два источника формирования и трансформации социально-трудовых отношений: организационные структуры и организационные культуры [9, с. 128–130]. Организационные структуры разрабатывают официальные трудовые регламенты работников: режимы труда и отдыха, работы предприятий, должностные инструкции, правила эксплуатации оборудования, техники безопасности, др. Официальные требования содержатся и в описаниях правил применения внедряемого оборудования. Очевидно, что эти требования формируют и корректируют трудовое поведение работников, изменяют его. Но и не только: в форме обратной связи они оказывают определенное влияние и на отношения работников к труду, корректируют и их в полном соответствии с изменившимся содержанием труда. И такие корректировки не всегда отвечают интересам предприятий. Чаще всего они связаны с сокрытием работниками истинных резервов своих рабочих мест, что неизбежно приводит к снижению эффективности использования рабочего времени. В итоге в трудовых коллективах формируются неофициальные правила трудового поведения работников, которые укореняются в организационных культурах трудовых коллективов в виде таких типов социально-трудовых отношений, которые проф. Б.М. Генкин назвал деструктивными [11, с. 357]. К ним относятся, например, отношения трудовых конфликтов, дискриминации, внутренней конкуренции. В ходе применения методов матричной классификации по признакам формы сопротивления работников официальным трудовым регламентам (явные – не явные) и силе сопротивления (сильное – слабое) установлены еще такие деструктивные типы социально-трудовых отношений, как трудовой оппортунизм (извлечение выгоды работниками посредством нанесения умышленного и тайного ущерба предприятию), трудовая конфронтация (саботаж, забастовки), трудовой эгоизм (трудовое фрирайдерство) [12, с. 153–162]. Отличия деструктивных социально-трудовых отношений от конструктивных выражаются в направленности их воздействия на результаты производства, а также в формах проявления этих типов отношений в трудовом поведении исполнителей. Отличие можно обнаружить и в источниках формирования социально-трудовых отношений. Так, те типы социально-трудовых отношений, которые создаются организационными структурами в форме официальных трудовых регламентов и носят в основном конструктивный ха-

рактар (отношения сотрудничества, солидарности, партнерства, др.), имеют явный характер проявления, поддаются контролю и управленческим воздействиям. Те же типы социально-трудовых отношений, которые рождаются на неформальной основе и закрепляются в организационных культурах, чаще всего (если не всегда), неочевидны для менеджмента; их сложно контролировать, ими сложно управлять. Этим они и опасны для развития производительных сил, ибо они могут нести в себе скрытый потенциал деструктивного трудового поведения работников.

При стабильно функционирующем обществе в целом, как, впрочем, и каждого предприятия в отдельности, между производительными силами и производственными (социально-экономическими) отношениями устанавливается равновесие (пожалуй, здесь можно употребить и термин «баланс»). При таком положении дел проявления деструктивных типов социально-трудовых отношений, конечно же, возможны, но они сведены к минимуму. Трудовое поведение в такие периоды стабильности отличается большей предсказуемостью, адекватной реакцией работников на действия менеджмента. Ситуация меняется при внедрении изменений, выражающихся в развитии производительных сил. В эпоху перемен, когда внедряются новые технологии, изменяющие содержание труда работников, корректируются и социально-трудовые отношения. В их структуре также наблюдаются перемены. Они выражаются в нарастании роли и значения факторов организационных культур, опирающихся в своих проявлениях на ценностные установки работников, которые ориентированы на оплату труда, режимы труда и отдыха, условия труда, др. Такое содержание и структура социально-трудовых отношений изменяют и формы трудового поведения работников. В скрытых неявных формах это может быть трудовой эгоизм, трудовой оппортунизм, в открытых – трудовой конфликт, трудовая конфронтация. Очевидно, что такие формы проявления социально-трудовых отношений отнюдь не могут способствовать развитию производительных сил. Деструктивные социально-трудовые отношения как бы встают на пути научного и технического прогресса. Возникает ситуация, зафиксированная К. Марксом в его законе соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Производственные отношения в данном случае, если конкретизировать ситуацию, социально-трудовые, вступают в противоречие с содержанием внедряемых технологий (с развивающимися производительными силами, по К. Марксу). Это противодействует росту экономики, замедляет его.

Такова зависимость (взаимосвязь) между основными силами производства и воспроизводства хозяйственной деятельности как в целом в стране, так и на каждом предприятии в отдельности. И производственные (социально-экономические, социально-трудовые) отношения в ней, в этой зависимости, играют далеко не самую последнюю роль. Но в силу неочевидности их проявлений они – отношения – довольно часто выпадают из поля зрения как исследователей, так и менеджеров и не учитываются последними в разработке и обосновании стратегических решений развития пред-

приятый, регионов, стран. С тем чтобы развитие производительных сил в форме внедрения новых технологий и новых форм организации труда не встречало противодействий со стороны работников предприятий, в систему управления изменениями следует внедрить и методы, направленные на трансформацию социально-трудовых отношений (как, впрочем, и других тоже) в направлении обеспечения соответствия этих отношений содержанию внедряемых технологических систем, а именно развитию производительных сил, обогащению их содержания. Реализация таких предложений предполагает наличие объектов управленческих воздействий. Таким объектом могут стать институты отношений, в данном контексте – институты социально-трудовых отношений.

Институты и институционализация социально-трудовых отношений: роль и значение в воспроизводстве рабочей силы и в решении проблем экономического роста. Ха-Джун Чанг, проф. Кембриджского университета, анализируя марксистскую теорию, в которой именно производство является основой экономики, отмечает, что «Маркс был, вероятно, первым экономистом, который систематически исследовал роль институтов в экономике, предвосхитив образование институциональной школы» [13, с. 89–90]. С этим, безусловно, следует согласиться, ибо, представляя производственные отношения как «экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы сознания» [4, с. 1083], К. Маркс, не употребляя термина «институты», именно их и имел в виду. Очевидно, что именно институты, представляя собой «совокупность правил, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» [14, с. 32], как раз и приводят в соответствие общественное сознание (систему отношений) с реальным материальным базисом (с производительными силами), обуславливая и обеспечивая существование и развитие как общества в целом, так и каждого предприятия в отдельности.

Однозначного определения понятия «институт» нет. Однако во многих из них можно выделить одно ключевое слово – «правила», которое и позволяет говорить о тождественности понятий «институт» и «юридическая и политическая надстройка»; и те и другие структуры действуют по правилам. Так, Дуглас Норт (1920–2015), лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г., в своих трудах по-разному определял институт, но при этом в качестве ключевого всегда использовал слово «правила». На это обратил внимание проф. В.Л. Тамбовцев, приведя в коллективном учебнике по институциональной экономике три определения институтов Д. Норта, ибо и он использовал слово «правила» в своем определении института, представленном выше. Первое из этих определений: «Институты – это “правила игры” в обществе... ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми». Второе определение, более полное: институты – это «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми». Третье определение, сопоставляющее правила и ограни-

чения: институты – это «формальные правила, неформальные ограничения и способы обеспечения действенности ограничений» (цит. по [14, с. 33]). Как следует из представленных выше определений Д. Норта, кроме термина «правила» автор использует и термины «ограничения», в том числе и неформальные, а также «способы обеспечения действенности ограничений», «законы», «механизмы». Эти термины, за которыми стоят соответствующие научные понятия, представляют собой принципиальную методологическую основу для разработки методов и средств управления содержанием и структурой социально-трудовых отношений в процессах реализации процедур развития производительных сил (а именно процедур внедрения прогрессивных технологий).

Как можно использовать эти понятия в управлении социально-трудовыми отношениями? Ответ на этот вопрос, с одной стороны, простой и однозначный, а с другой – пожалуй, не очень простой и уж точно – не однозначный. Однозначность же ответа на него заключается в том, что поскольку понятия «правила», «нормы», «ограничения», «механизмы» использованы Д. Нортом в определениях институтов, то их, безусловно, можно использовать и в процессах институционализации социально-трудовых отношений. Каким образом? Посредством изменения, корректировки некоторых из них, а также создания и введения в институциональные структуры новых правил, механизмов, ограничений, др. с целью обеспечения соответствия содержания социально-трудовых отношений содержанию вводимых в производство более развитых производительных сил. В качестве оснований для такого суждения, кроме всего прочего, можно опереться на позицию проф. А.А. Аузана. Так, рассуждая о причинах и следствиях исторического развития хозяйства стран Западной Европы, Северной и Южной Америки в глубокой ретроспективе (от XVI до XX в.), выразившегося в противоположных результатах, он отметил следующее: «Эти удивительные трансформации связаны с **правилами** (выделено автором. – В.Б.), которые когда-то сформировались и которые для своего изменения требуют определенных усилий, издержек. Правила взаимодействуют между собой, правила могут быть формальными и неформальными, и в рамках различных теорий институциональных изменений получают объяснение ... крупные исторические события» [14, с. 4]. Из этой цитаты следует, что в некоторых странах в течение длительного времени соответствующие организационные структуры производили институциональные изменения на уровне правил и всего, что с ними связано, а в некоторых странах – нет. И в тех странах, где правила менялись, наблюдалось развитие; а в тех, где правила не менялись, – стагнация. Поскольку правила, как, впрочем, и другие упомянутые Д. Нортом понятия в контексте его рассуждений, предназначены для людей, а никак не для технологий, то, очевидно, что речь идет о воздействиях – посредством правил – на отношения людей в процессах их хозяйственной и иной общественной деятельности, связанной с применением внедряемых технологий. Без изменения отношений внедрение технологических и организационных изменений в материальную

составляющую производительных сил как минимум не обеспечит их эффективного и результативного потребления в трудовых производственных процессах. Следовательно, при внедрении в производство новых технологий, обуславливающих изменение содержания труда работников, рекомендуется не забывать об объективно обусловленной необходимости соответствия производственных отношений содержанию производительных сил при их развитии и предлагается оказывать соответствующие управленческие воздействия и на производственные (социально-трудовые) отношения тоже. Это необходимо делать для того, чтобы обеспечить гармонию в соотношениях содержания производственных (социально-трудовых) отношений с содержанием производительных сил (внедряемых технологий). Отсутствие такой гармонии приводит ко многим негативным последствиям, которые в общем и целом проявляются в сопротивлении работников внедряемым изменениям и в конечном итоге к противодействиям в различных формах развитию производительных сил общества, воспроизводственных процессов, без которых экономический рост в принципе невозможен.

Поскольку внедрение новых прогрессивных технологий представляет собой воспроизводство материальной основы производительных сил на новой качественной основе, также на новой качественной основе должно осуществляться и воспроизводство рабочей силы. На практике это реализуется посредством организации обучения будущих исполнителей работе на новом оборудовании: имеется в виду переподготовка кадров, повышение квалификации работников. Безусловно, это важные мероприятия; они обеспечивают первоначальное приобретение знаний, понимание содержания новых технологических процессов, т.п. Но только одно это никак не может обеспечить гармонию содержания социально-трудовых отношений и производительных сил, которая, безусловно, в большей или меньшей степени будет нарушена вследствие развития последних. В основе гармонизации, под которой следует понимать стремление менеджмента обеспечить восприятие работниками новых, иногда непростых в освоении средств труда, внедряемых в производственные процессы, без скольконибудь существенного сопротивления. Современные технологии зачастую отличаются от тех, которые они заменяют, кардинальным изменением содержания труда, режимов работы, необходимостью решения прежних задач новыми методами, решением принципиально новых задач. Освоение всего этого требует от работников определенных интеллектуальных и физических усилий, которые они непременно, иногда явно, а иногда и неявно для менеджмента, сопоставляют с итогами для себя, выражающимися не только в заработной плате, но также и в содержании труда, в интересе к решаемым производственным задачам, в качестве трудовой жизни, который определяется не только уровнем заработка. В таких сопоставлениях и вызревают отношения, сначала на индивидуальном уровне, а затем на уровне групп и более крупных общественных и социальных сообществ. А поскольку они вызревают в сфере труда и укореняются в социально-трудовых структурах и культурных стереотипах, кроме как социально-

трудовыми их назвать никак нельзя. И именно они – социально-трудовые отношения – своим содержанием и структурой и должны соответствовать содержанию и структуре результатов развития производительных сил или, конкретнее, содержанию внедряемых прогрессивных технологий. Можно назвать только один путь гармонизации содержания социально-трудовых отношений и содержания производительных сил – это институционализация отношений в сфере труда.

Институционализация представляет собой процесс изменения сложившегося института, в данном случае института социально-трудовых отношений. Имеется в виду изменение правил, ограничений на их применение, механизмов реализации, норм трудового поведения работников, др. – всего того, что составляет структуру института и определяет его текущее содержание. Такой подход к институционализации отнюдь не противоречит концепции К. Маркса о необходимости и неизбежности обеспечения соответствия содержания производственных отношений уровню и характеру (содержанию) производительных сил», посредством осуществления изменений в надстройке общества. Об отождествлении «марксовской надстройки» и общественных институтов говорил и Й. Шумпетер в книге «Капитализм, социализм, демократия». Рассуждая о социологических аспектах учения К. Маркса, опираясь на его пример о том, что «“ручная мельница” создает феодальное, а “паровая мельница” – капиталистическое общество...», Й. Шумпетер особо подчеркнул, что «...система, характеризовавшаяся применением “ручной мельницы”, создает такие экономические и социальные институты, которые делают неизбежным использование механических методов помола, и эту неизбежность ни индивиды, ни группы не в состоянии изменить. Распространение и работа “паровой мельницы” в свою очередь порождают новые социальные функции и места размещения производства, новые группы и взгляды, которые развиваются и взаимодействуют таким образом, что перерастают собственные рамки. В итоге мы имеем тот двигатель, который в первую очередь обуславливает экономические, а вследствие этого и все прочие социальные изменения, двигатель, работа которого сама по себе не требует никакого внешнего воздействия» [2, с. 384–385]. Здесь, в этой цитате, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, на то, что Й. Шумпетер, предвосхищая современного профессора из Кембриджа Ха-Джун Чанга [13], надстройку К. Маркса назвал институтами. Сам К. Маркс не мог использовать этот термин потому, что в его время понятия «институт» еще не было. Следовательно, институты социально-трудовых отношений действительно являются категорией, заслуживающей внимания при изучении проблем экономического развития и роста. Во-вторых, надо обратить внимание на то, что двигатель экономических и социальных изменений, по Й. Шумпетеру, «не требует никакого внешнего воздействия». Из этого следует, что взаимодействие производительных сил и производственных (социально-трудовых) отношений является объективным общественным движением, обеспечивающим техническое и общественное развитие и, как следствие,

экономический рост. Другими словами, надо «...вести расширенное воспроизводство товаров и услуг», порождаемое, по справедливому суждению проф. А.П. Бычкова, «потребностями растущего населения» и «растущими потребностями человека» [3, с. 6–9]. Институционализация социально-трудовых отношений в целях обеспечения гармонии их содержания с содержанием развивающихся производительных сил, способствующая тем самым развитию технологического обеспечения производства и росту экономики, однозначно предполагает придание в процессах воспроизводства новых качественных характеристик рабочей силе, осуществляемого в рамках институционализации и вместе с тем представляющего собой один из механизмов этой институционализации.

Институционализация социально-трудовых отношений: основы методологии. Итак, проф. А.П. Бычков, так же как и представители классической школы политической экономии и Й. Шумпетер, рассматривал труд в качестве основного фактора экономического роста [15, с. 45–52]. Если в решении проблем технологического развития и экономического роста опираться на эту точку зрения, а автор этих строк полагает, что только на нее и надо опираться, то в создании систем управления экономическим ростом фактору «рабочая сила», как способности человека к труду, нужно придавать первостепенное значение. Ибо именно в периоды внедрения новых технологий весьма важным моментом является не просто воспроизводство рабочей силы, а воспроизводство ее на качественно иной основе, отвечающей содержанию внедряемых изменений, способствующих разрешению неизбежно возникающих, ибо это объективно, противоречий между новыми внедряемыми производительными силами и стремящимися сохранить свое *status quo*¹ производственными (социально-трудовыми) отношениями. Усугубление этих противоречий отнюдь не будет способствовать экономическому росту, разрешение же их обеспечит развитие и последующий рост. Именно в этом и заключается суть и целевая установка методологии институционализации социально-трудовых отношений.

Согласно выводам проф. А.П. Бычкова, полученным им в ходе анализа теоретических положений классической политической экономии в сопоставлении с положениями современной экономической теории и синтеза ре-

¹ От «*Status quo ante bellum*» — «положение, которое было до войны». Сохранить «*status quo*» применительно к внедрению изменений на предприятиях, в обществе означает, что социально-трудовые отношения надо оставить в таком состоянии, в каком они были до внедрения новых технологий (т.е. как бы «до войны»). Но в случае с отношениями так не бывает (кстати, и в условиях войны тоже, если стороны договариваются прекратить военные действия и вернуться к прежнему состоянию, т.е. в прежние границы, отношения между ними уже не могут оставаться прежними). В контексте рассматриваемой проблемы, поскольку меняется технологическая среда осуществления трудовых процедур и взаимодействий работников, непременно будут меняться и отношения. И если процессом изменения отношений не управлять, они могут начать изменяться «не в ту сторону», которая только и может привести к технологическому развитию и экономическому росту.

зультатов анализа, повышение квалификации работников, освоение ими решения новых задач или решения прежних задач новыми более эффективными методами приводит, как уже отмечалось выше, к росту человеческого капитала [3, с. 11–12]. Возражать против этих выводов невозможно. Их следует принять в качестве целевого ориентира в управлении воспроизводственными процессами рабочей силы при внедрении новых технологических систем – развитии производительных сил. Конкретнее и точнее – в управлении воспроизводством рабочей силы рекомендуется ориентироваться не просто на обучение работников, а именно на рост человеческого капитала: будет рост человеческого капитала – будет и рост экономики. Тем более что решение задач воспроизводства рабочей силы в контексте теории человеческого капитала способно порождать синергический эффект, выражающийся в увеличении человеческого капитала при сохранении прежней численности работников или даже при ее сокращении. Добиться такого результата можно только в том случае, если обучение персонала работе в новых технологических и, возможно, организационных, условиях совместить с управленческими воздействиями, направленными на содержание и институциональную структуру сложившихся социально-трудовых отношений. Это в полной мере отвечает требованиям закона соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил и при этом нисколько не противоречит теории развития человеческого капитала.

При таком подходе решения задач воспроизводства рабочей силы весьма важно определиться с направлениями воздействия на институциональные структуры социально-трудовых отношений. Именно они – эти направления – и должны составить основу методологии институционализации социально-трудовых отношений. В качестве таких направлений предлагается использовать основные элементы, составляющие суть институциональных структур и отраженных в приведенных выше определениях общественных институтов:

1. Провести тщательный анализ официальных правил трудового поведения работников при работе в прежних технологических условиях, а также ограничений, механизмов, др. на предмет выявления возможных противоречий между новыми внедряемыми технологиями и сложившимися социально-трудовыми отношениями.

2. Скорректировать прежние правила и разработать новые в соответствии с содержанием труда в новых технологических условиях с тем, чтобы предпринять попытки разрешения некоторых возможных объективных противоречий между содержанием труда работников и содержанием функционирования новых технологий. Отразить произведенные изменения в правилах трудового поведения работников в соответствующих трудовых регламентах (должностных инструкциях, др.).

3. Скорректировать прежние, разработать, утвердить и отразить в соответствующих регламентах новые ограничения по применению правил трудового поведения; важно, чтобы вводимые ограничения не усугубляли противоречия между производительными силами и социально-трудовыми отношениями, а, наоборот, способствовали их разрешению.

4. В случае необходимости разработать механизмы применения правил трудового поведения работников в новых технологических условиях в системе предусмотренных ограничений.

5. Разработать систему мотивов и стимулов, поощряющих персонал к работе в новых условиях, по новым правилам и в системе новых ограничений.

6. Разработать методику исследования содержания организационной культуры предприятия на предмет выявления ценностных установок работников в сопоставлении их с реальным положением дел, что позволит выявить (установить) признаки противоречий между содержанием внедряемых технологий (производительных сил) и содержанием характеристик сложившихся на предприятии институтов социально-трудовых отношений.

7. Разработать систему мероприятий, способных вызвать интерес у работников к новым средствам труда, трудовым действиям и приемам, трудовым результатам, как индивидуумов, так и всего трудового коллектива; важно использовать мероприятия, вызывающие положительный интерес в институциональной трансформации социально-трудовых отношений.

8. Разработать систему моральных стимулов, поощряющих работников к применению новых средств труда, к формированию новых неформальных правил и процедур трудового поведения работников в новых технологических условиях, порождающих конструктивные типы социально-трудовых отношений.

9. Разработать и применять систему контроля над работой внедряемого технологического оборудования с целью недопущения сбоев в его применении и возникновения в сознании работников негативного, критического отношения к внедряемым изменениям и формирования тем самым негативных типов социально-трудовых отношений.

10. Разработать систему информирования работников предприятия о способах и результатах применения новых технологических средств, новых типов и форм трудового поведения работников, имеющих конструктивную направленность.

11. Разработать методику наблюдения за трудовым поведением работников в новых условиях труда, направленную на фиксацию как позитивных, так и негативных форм их трудового поведения.

12. Разработать систему мероприятий, направленных на использование внедряемых технологий в повышении качества трудовой жизни работников, формирование и укрепление конструктивных типов социально-трудовых отношений.

13. Разработать систему культурологических (и иных) мероприятий, направленных на формирование и укоренение в организационной культуре предприятия неформальных правил и норм трудового поведения работников, способствующих преодолению деструктивных проявлений и развитию конструктивных начал в структуре социально-трудовых отношений и трудового поведения работников.

14. Разработать систему мероприятий закрепления в организационных культурах позитивных неформальных правил трудового поведения работ-

ников, способных формировать конструктивные типы социально-трудовых отношений.

15. Разработать программу обучения персонала работе в новых условиях с учетом предстоящих организационных и технологических изменений и направленной на рост человеческого капитала в организации.

Первые пять пунктов методологии институционализации социально-трудовых отношений предполагают задействование в институциональных преобразованиях организационных структур; пункты с шестого по четырнадцатый ориентированы в большей степени на использование организационных культур. Пятнадцатый пункт – обобщающий, завершающий, подытоживающий всю деятельность по институциональной трансформации социально-трудовых отношений в части обеспечения их соответствия содержанию и характеру обновляемых производительных сил.

Безусловно, в структуру методологии институциональных преобразований социально-трудовых отношений могут быть включены и другие пункты, мероприятия по институционализации социально-трудовых отношений. Это определяется содержанием внедряемых технологий, характером состояния и направлений развития производительных сил. Безусловно, также и то, что каждый из пунктов методологии должен представлять собой четкую методику, которая должна быть составлена с учетом содержания внедряемых изменений, специфики труда и производства в отрасли, специфики самого предприятия, а также с учетом сложившихся на предприятии традиций, качества трудовой жизни, режимов труда и отдыха, т.п. Весьма важно также, чтобы между обозначенными пунктами методологии была создана содержательная связь, чтобы результаты решения задач одного пункта методологии могли быть использованы в качестве исходных данных в решении задач другого пункта. Разрабатывать содержание пятнадцатого пункта рекомендуется после того, как внедрение всех предшествующих четырнадцати пунктов осуществлено. На практике часто бывает так, что введение новых технологий начинают именно с обучения персонала их применению; иногда менеджмент предприятия только этим и ограничивается. Это неправильно. Надо разработать все мероприятия, упомянутые в четырнадцати предшествующих пунктах, которые ориентированы не просто на замену оборудования, а направлены на то, чтобы социально-трудовые отношения привести в соответствие с содержанием функций внедряемых технологий. И включить содержание всех четырнадцати пунктов в программу обучения (в пятнадцатый пункт). Применение этих пунктов в такой последовательности в практике управления предприятиями в условиях развития их технологической базы позволяет держать руку на пульсе событий в сфере социально-трудовых отношений, т.е. в режиме реального времени отслеживать динамику в структуре социально-трудовых отношений при внедрении изменений. Только при таком внимании к социально-трудовым отношениям воспроизводство рабочей силы будет направлено на увеличение человеческого капитала, а следовательно, и на рост экономики.

Представленная в данном разделе методология является общей. Она может служить только основой создания конкретных методологических схем институционализации социально-трудовых отношений на конкретных предприятиях при внедрении на них новых прогрессивных технологий. При этом в каждом таком случае необходимо проводить специальные научные исследования для того, чтобы по каждому пункту методологии были разработаны методики изменения, развития институциональных правил, ограничений, др., направленных на обеспечение соответствия социально-трудовых отношений содержанию внедряемых изменений, или, согласно концепции К. Маркса, на обеспечение соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил посредством разрешения возникающих между ними противоречий.

Заключение. Таким образом, соотнеся основные категории классической политической экономии с категориями современной экономической науки, проф. А.П. Бычков установил между ними содержательные связи. Тем самым он заложил реальные предпосылки и методологические основы применения закона соответствия производственных отношений уровню и характеру (содержанию) развития производительных сил, совместно с теорией накопления человеческого капитала, в решении проблем воспроизводства рабочей силы, способной придать импульс развития и роста экономики как предприятий, так и более крупных организационных образований: регионов, стран.

Литература

1. Хейнберг Р. Конец роста. М. : Книжный Клуб Книговик, 2013. 384 с.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2007. 864 с.
3. Бычков А.П. Экономическая теория : курс лекций. Ч. II: Воспроизводство на уровне страны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 104 с.
4. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М. : Эксмо, 2017. Т. I. С. 1081–1120.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М. : Эксмо, 2017. Т. I. 1200 с.
6. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
7. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2018. 1056 с.
9. Беляев В.И., Кузнецова О.В., Пяткова О.Н. Социально-трудовые отношения: сущностная основа трудового поведения работников при внедрении изменений // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 48. С. 127–149.
10. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г.Г. Меликьяна, Р.П. Колосовой. М. : Изд-во МГУ: Изд-во ЧеРо, 1996. 623 с.
11. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. 6-е изд., доп. М. : Норма, 2006. 448 с.
12. Оппортунизм в структуре социально-трудовых отношений / под ред. В.И. Беляева, А.И. Мельникова, Р.А. Самсонова. Барнаул : ИП Колмогоров И.А. (Изд-во «Концепт»), 2015. 236 с.

13. Чанг Х.-Дж. Как устроена экономика. 6-е изд., доп. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.

14. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / под ред. А.А. Аузана. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. 448 с.

15. Бычков А.П. Введение в экономическую теорию : курс лекций. Ч. I: Общие основы экономического развития. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 156 с.

Institutionalization of Social and Labor Relations in the Context of Interaction of Productive Forces and Relations of Production: Orientation on Expanded Reproduction of the Workforce, Development and Growth

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 37–57. DOI: 10.17223/19988648/53/4

Viktor I. Belyaev, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: belyaev-vi@mail.ru

Keywords: institutions, institutionalization, productive forces, relations of production, social and labor relations, workforce reproduction, growth, development.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-010-00491\20.

The article aims to solve the problems of the development and economic growth of enterprises, organizations, regions, countries through the institutional transformation of social and labor relations during the periods of technological re-equipment of industries and industrial complexes. In theory and methodology, the article is based on Karl Marx's well-known law of the correspondence of relations of production to the level and nature of the development of productive forces. It draws attention to the fact that, when technological changes (which are nothing more than the development of productive forces in the social and labor sphere) are introduced, employees' resistance to changes arises. The reason for the resistance lies in the fact that the social and labor (production, according to Marx) relations that had developed by the time the changes were introduced collide with the technologies being introduced (productive forces). In order to reduce the potential of employees' resistance to changes, the article proposes the following: when managing the implementation of changes, a recommendation is to exert managerial influence on the established institutions of social and labor relations, too. The transformation of the latter, which aims at resolving the arising objectively determined contradictions, will, as follows from the logic of Hegel, contribute to the technological development of enterprises, which, according to Joseph Schumpeter's concept, will also ensure economic growth. Social and labor relations are influenced through the reproduction of the workforce, expressed in employees' better qualifications, which, according to the theoretical provisions of Professor Aleksandr Bychkov, ensures the growth of human capital. Based on the provisions of the classical school of political economy, the concept of development of Schumpeter, the logic of Hegel, and the theoretical provisions of Bychkov, the article proposes a methodological scheme for the institutional transformation of social and labor relations. The scheme aims at resolving objectively determined contradictions between productive forces and social and labor relations, which will ensure technological development and economic growth.

References

1. Heinberg, R. (2013) *Konets rosta* [The end of growth]. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovik.
2. Schumpeter, J. (20017) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
3. Bychkov, A.P. (2009) *Ekonomicheskaya teoriya: kurs lektiy* [Economic theory: Lectures]. Pt. II. Tomsk: Tomsk State University.

4. Marx, K. (2017) K kritike politicheskoy ekonomii [To the critique of political economy]. In: *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. A Critique of Political Economy]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Eksmo. pp. 1081–1120.
5. Marx, K. (2017) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. A Critique of Political Economy]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Eksmo. pp. 1081–1120.
6. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
7. Prokhorov, A.M. (ed.) (1983) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Sov. entsiklopediya.
8. Smith, A. (2018) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Eksmo.
9. Belyaev, V.I., Kuznetsova, O.V. & Pyatkova, O.N. (2019) Social and labour relations: The essential basis of employees' labour behaviour in the implementation of changes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 48. pp. 127–149. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/48/10
10. Melik'yan, G.G. & Kolosova, R.P. (eds) (1996) *Ekonomika truda i sotsial'no-trudovye otnosheniya* [Labor economics and social and labor relations]. Moscow: Moscow State University: Izd-vo CheRo.
11. Genkin, B.M. (2006) *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economics and Sociology of Labor]. 6th ed. Moscow: Norma.
12. Belyaev, V.I., Mel'nikov, A.I. & Samsonov, R.A. (eds) (2015) *Opportunizm v strukture sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Opportunism in the structure of social and labor relations]. Barnaul: IP Kolmogorov I.A. (Izd-vo "Kontsept").
13. Chang, H.-J. (2019) *Kak ustroena ekonomika* [Economics: The User's Guide]. Translated from English by E. Ivchenko. 6th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
14. Auzan, A.A. (ed.) (2016) *Institutsional'naya ekonomika: Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional economics: New institutional economic theory]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
15. Bychkov, A.P. (2002) *Vvedenie v ekonomicheskuyu teoriyu: kurs lektsiy* [Introduction to economic theory: Lectures]. Pt. I. Tomsk: Tomsk State University.

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 368.01

DOI: 10.17223/19988648/53/5

Т.Д. Одинокова

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СТРАХОВАНИЕ КАК НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КАТЕГОРИЮ

В условиях активного развития страхового рынка на современном этапе повышается важность и значимость понимания сущности категории «страхование» как фундаментальной теоретической основы функционирования страховых отношений в целом. Кроме осмысления собственно сущности категории «страхование», задачей экономической науки является обоснование сущностных взаимосвязей различных, находящихся в одной плоскости категорий. Для категории «страхование», на наш взгляд, такими являются «финансы», «кредит», «инвестиции». Как самостоятельная экономическая категория страхование носит объективный характер, имея свои внутренние закономерности. Однако, несмотря на общепризнанность и солидный период своего генезиса, страхование до сих пор не имеет однозначного определения своей сущности и самостоятельности функционирования в качестве экономической категории. В рамках данной статьи на основе изучения существующих научных подходов по рассматриваемому вопросу определена авторская позиция на перераспределительную сущность страхования, которая отразилась на выполняемых ею функциях.

Ключевые слова: страхование, финансы, кредит, инвестиции, взаимосвязь экономических категорий, функции страхования, агрегированный финансовый продукт.

Введение. Страхование является одной из древнейших экономических категорий, которое прошло не один этап эволюции и, несмотря на столь продолжительный период истории своего развития, до сих пор нет однозначной точки зрения в понимании как его экономической сущности, так и выполняемой роли в экономике и построении взаимосвязей с другими категориями. Одной из главных тем дискуссий в процессе обсуждения места и роли страхования является отнесение ее к финансовой, правовой и (или) экономической категориям. Данная дискуссия затянулась на многие десятилетия. Следует отметить, что научные взгляды российских ученых-экономистов отличаются от зарубежных. Нестандартность взглядов российских ученых во многом обусловлена учетом специфики страхования в условиях функционирования планово-административной экономики и отсутствием единой точки зрения на экономическую сущность финансов.

В настоящее время накоплена достаточно большая база научных трудов, посвященных, во-первых, определению места и значимости страхования в экономике и экономической теории [1–3]; во-вторых, раскрытию

теории финансов и определению места в ней страховых отношений [4–10]; в-третьих, взаимосвязи страхования с кредитом [11]; в-четвертых, изучению специфики страхования как экономической категории [12–15].

Отсутствие в теории единой точки зрения на понятие и функции страхования, а также ее сущностных взаимосвязей различных, находящихся в одной плоскости категорий еще раз подчеркивает сложность этой проблемы, необходимость обобщения и анализа существующих теоретических воззрений.

Постановка задачи. Сформулированная выше проблема обуславливает задачу формирования теоретического базиса вопроса взаимосвязи страхования с другими смежными экономическими категориями, такими как финансы, кредит и инвестиции. В основе раскрытия вопроса взаимосвязи данных категорий лежит целевой приоритет стороны, на интересы которой направлены рассматриваемые отношения, а именно: страхователя, заемщика, инвестора, налогоплательщика или бюджетополучателя. В связи с чем в данном исследовании использовались общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение и индукция.

Результаты. В традиционных экономических теориях, объясняющих функционирование экономики в целом, страхование рассматривалось либо как «частный момент, который не является экономически значимым, либо как обычный сектор экономики, механизм которого вполне объясним в рамках таких теорий» [3, с. 52]. Так, А. Смит подчёркивал важность для экономики такого института, как страхование: «Страховые предприятия обеспечивают значительную устойчивость состояния отдельных лиц; распределяя между многими людьми те убытки, которые разорили бы отдельное лицо, они облегчают их для всего общества» [4, с. 248]. Д.М. Кейнс страхование включал в цену и рассматривал в рамках управления издержками риска: «Долгосрочная цена предложения оказывается равной сумме первичных издержек производства, добавочных издержек, издержек риска и расходов на оплату процентов; и при анализе долгосрочной цены предложения можно прибегнуть к разложению её на указанные компоненты» [5, с. 68]. П. Самуэльсон страхование раскрывал с позиции противопоставления спекуляции: «Страхование на первый взгляд представляется также одной из форм спекуляции, в действительности приводит к прямо противоположным результатам. Страхование экономически выгодно по тем же самым причинам, по каким спекуляция пагубна. Там, где спекуляция создаёт риск, страхование помогает его уменьшить» [6, с. 85]. Помимо этого, многие теории не учитывали саму специфику страховых отношений – наличие риска. Именно рисковый характер данных договорных обменных отношений определяет размер страхового взноса и принятых страховщиком обязательств.

Страхование является неотъемлемым элементом экономической системы на любом этапе своего развития, и на каждой ступени своей эволюции, сохраняя свою экономическую природу защитной формы, страхование по-новому раскрывает содержание и функционал своего проявления, т.е. каждое «новое

содержание» страхования – включение новых подфункций, новые их сочетания. Следовательно, новые (особые) формы и виды страхования. Если в период рабовладельческого и феодального строя можно было говорить только о финансах, ростовщическом кредите, самозащите и взаимопомощи, то с развитием товарно-денежных отношений усиливается значение финансов и все большую роль начинают играть кредитные отношения, при этом страхование рассматривалось как их специфическая составляющая.

В качестве первого примера можно привести тот факт, что в 4–3-м тыс. до н. э. с целью уменьшения потери от утраты грузов шумерские торговцы разработали систему договоров или контрактов, согласно которым сторона, предоставлявшая капитал для торговца, соглашалась не требовать обратно ссуды в случае утери товара в результате кражи или порчи. За эту услугу торговец-заемщик платил дополнительный процент, который был достаточно высоким. В случае наступления «страхового» события обе стороны минимизировали свои расходы: торговец снижал свои расходы при утере товара; кредитор, собирая дополнительные проценты со многих торговцев, уменьшал свои убытки от потерь не многих торговцев [16, с. 21, 178].

Вторым примером могут выступить положения, которые были представлены в законах вавилонского царя Хаммурапи (в 1792–1750 гг. до н.э.), так, по параграфу 48 в случае наводнения или засухи заимодавец не может требовать ни процентов с долга за этот год, ни хлеба с участка, подвергшегося стихийному бедствию. Ряд других статей (например, параграф 45) также смягчает последствия неблагоприятных обстоятельств из-за действий бога Адада, являющегося символом грозы и дождя [17, с. 14].

Третьим примером, согласно которому страхование можно отнести к финансовой категории, является дикая вира, упоминание о которой относится ко временам Русской правды (XI в. н.э.), призванной обеспечить компенсацию за погибшего [12, с. 75–76], а также уплаты полоняничных денег (1551–1679 гг.) – «налог, который собирали для выкупа пленных (“полоняников”), гл. образом из Крыма. Взимался с окладной единицы – сохи в зависимости от фактических расходов. С 1580-х гг. – постоянный оклад» [18].

Как показал анализ эволюции развития данной категории, именно в период создания и функционирования касс взаимопомощи в Древнем Риме страхование сформировало свои отличительные признаки. При этом более четкие границы, определившие в качестве самостоятельной категории, просматривались лишь в середине XV в., когда страховая услуга превратилась в предмет купли-продажи, т.е. в услугу, приносящую прибыль продавцу.

Как мы видим, страхование всегда было самостоятельной категорией, однако признание его в качестве таковой пришло не сразу. Это было обусловлено тем, что страхование в своей эволюции прошло этап огосударствления (национализации) в рамках планово-административной экономики, которое не могло не повлиять на теоретическое переосмысление роли и сущности страхования. При этом следует подчеркнуть, что какие бы ни происходили изменения или катаклизмы в экономике, они не долж-

ны отразиться на признаках страхования. Следовательно, те процессы, которые рассматривались в планово-административной экономике как страхование, были представлены иной категорией (в данном случае финансами) с использованием ею страховых принципов.

«В отечественной экономической науке крупнейшие ученые-финансисты рассматривали страхование как элемент категории финансов, приписывая ему характерные для финансов функции и роль. За этим, естественно, стояла определенная экономическая реальность, в силу которой страхование превратилось в подсобную отрасль финансов. Ведь в бывшем Советском Союзе страхование, как и вся экономика, было монополизировано государством и деятельность страховой системы в рамках Министерства финансов подчинялась интересам бюджета вплоть до безвозмездных принудительных изъятий из страховых фондов огромных средств на покрытие бюджетного дефицита» [13, с. 20]. Как справедливо отмечает профессор А.И. Худяков, «рассмотрение соотношения категорий «страхование» и «финансы» сильно осложняется тем, что экономическая наука пока не выработала единой точки зрения по поводу того, что представляют собой финансы и финансовые отношения» [14, с. 82]. Как показывает анализ теоретического обоснования экономической сущности финансов, мнения ученых-экономистов разделились на два течения:

– первое, в узком понимании, «финансы – это обусловленная фактом существования государства и необходимостью обеспечения выполнения последним своих функций система денежных отношений, имеющих государственную форму проявления, выражающих перераспределение стоимости ВВП и целенаправленное формирование на этой основе централизованных и децентрализованных денежных фондов в соответствии с общественными потребностями» [7];

– второе, в широком понимании, «финансы – денежные отношения, возникающие в процессе распределения и перераспределения стоимости валового общественного продукта и части национального богатства в связи с формированием денежных доходов и накоплений у субъектов хозяйствования и государства и использованием их на расширенное воспроизводство, материальное стимулирование работающих, удовлетворение социальных и других потребностей общества» [8, с. 11].

Обе точки зрения имеют право на существование, так как каждая из них определяет понятие «финансы» и присущие им признаки, раскрывающие его экономическую сущность, с позиции макро- и микроэкономики.

Несмотря на то, что в настоящее время вторая точка зрения доминирует в экономической литературе, но она же и добавляет сложности в понимании сущностных признаков данной категории. Поскольку, с одной стороны, позволяет объединить в себе процессы, имеющие схожие характеристики, в один – финансовый сектор, и тем самым отделить его от реального сектора экономики и определить специфику механизма регулирования для каждого из них, с другой стороны, объединяя в себе несколько сфер деятельности, имеющих не только схожие, но и отличительные признаки, тем

самым позволяя стираться границам самостоятельности поглощенных финансами таких категорий, как кредит, страхование и инвестиции. По нашему мнению, раскрывая экономическую сущность финансов в данной трактовке, ученые-экономисты рассматривали их с позиции секторов или рынков макроэкономики. В таком случае если рассматривать страхование с позиции финансов в широком смысле, то оно будет выступать финансовой категорией и будет равнозначно понятию «общенациональный страховой фонд», который «может иметь два толкования. Во-первых, как совокупность всех страховых фондов и резервов, сформированных в обществе; во-вторых, как совокупность средств, формируемых в целях обеспечения страховой защиты методом страхования» [20, с. 27].

Как показали многолетние теоретические исследования, вопросы, касающиеся сущности, самостоятельности и взаимосвязи страхования с другими экономическими категориями, не могут быть решены путем простого раскрытия некоторых общих, как правило, внешних признаков, необходимо начать с рассмотрения экономики в целом и ее структурных составляющих. Финансовый сектор экономики относится к надстройке над реальным сектором, как следствие требует более жесткого регулирования со стороны государства, поскольку речь идет об удовлетворении солидарных (коллективных) потребностей, т.е. при возникновении ситуации, когда будут нарушены интересы участников какой-либо группы лиц, это может привести к серьезным потрясениям для экономики в целом и, соответственно, к недоверию к политике действующего правительства со стороны населения. Реальный и финансовый сектора экономики связаны между собой информационными потоками и обеспечивающими их потребности – денежными потоками. Денежные потоки, осуществляемые в финансовом секторе, имеют свои специфические особенности.

В данном исследовании автор для того, чтобы рассмотреть специфику страхования, отличающую его от других, находящихся в одной плоскости, категорий будет придерживаться первой точки зрения. Поскольку она позволяет учитывать не только генезис самого определения «финансы», «которое ведет свое происхождение от средневекового латинского термина *finatio*, *fonancia*, употреблявшегося в XIII и XIV вв. в смысле обязательной уплаты денег и «срока уплаты»... т.е. в смысле совокупности материальных средств, необходимых для удовлетворения потребностей государства и различных общественных групп» [19], но и всей совокупности специфических особенностей денежных отношений, складывающихся в процессе движения денежных средств (и выполняемых деньгами функций) в части формирования и вторичного распределения (т.е. перераспределения) валового национального дохода с учетом существования других смежных с финансами категорий, таких как кредит, страхование, инвестиции. Данная точка зрения позволяет четко определить границы функционирования каждой из перечисленных категорий и изучить специфику принятия решений на уровне экономических субъектов, т.е. на уровне микроэкономики.

Смена в России в 90-е гг. XX в. модели экономического развития привела к переосмыслению сущности страхования как категории. По мнению профессора Л.И. Рейтмана, «страхование в условиях развитых товарно-денежных отношений является экономической категорией, соподчиненной с категориями финансов и кредита» [21, с. 85]. Несколько раньше в этом же ключе предлагал рассматривать страхование В.П. Дьяченко, который в 1974 г. писал, что «область страхования – это область особых денежных отношений, занимающих промежуточное место между финансами и кредитными отношениями» [9, с. 442–443]. По мнению Е.В. Коломина, «вступление страны в новую систему экономических и социальных отношений, связанных с переходом к рынку, предопределяет более значительную роль страхования», а «возрастание роли страхования требует теоретической и практической переоценки его места в системе денежных отношений. Сложившаяся двухэлементная модель «финансы–кредит» должна уступить место трехэлементной модели «финансы–кредит–страхование» [22, С. 30].

В.В. Шахов, так же как Е.В. Коломин, был против отождествления страхования с финансами и в 1998 г. [13] обоснованно доказывают самостоятельность страхования как экономической отрасли и категории науки, рассматривая его сущность, истоки развития, сравнивая и находя отличительные особенности от таких категорий, как финансы и кредит.

На современном этапе многие ученые-экономисты страхование раскрывают либо просто с позиции экономической категории [23, с. 29; 24, с. 6], либо с позиции финансовой категории [25, с. 11], либо определяют «сложной системой отношений, институтов, мероприятий, видов деятельности, в связи с чем может рассматриваться в различных аспектах: экономическом, финансовом, правовом и др.» [26, с. 27].

Для определения сущности страхования следует сначала определить его место в воспроизводственном процессе. Как показано на рис. 1, на стадии распределения валового внутреннего продукта (ВВП), представляющего собой совокупность всех материальных затрат на производство товаров (работ, услуг), затрат на оплату труда и добавочной стоимости, происходит определение прибавочной стоимости, формируются источники денежных доходов у предприятий и населения, которые в дальнейшем будут ими использованы либо в качестве средств оплаты товаров (работ, услуг) с целью удовлетворения текущих потребностей, либо средств накоплений с целью расширения воспроизводства бизнеса, либо средств сбережений, которые будут направлены на финансирование отложенного их спроса на товары (работы, услуги), т.е. будущих потребностей. Как мы видим, в зависимости от состояния бюджетов (профицит или дефицит) у предприятий и у населения определяется специфика возникновения взаимоотношений с финансовым сектором экономики.

Страхование наравне с другими смежными экономическими категориями возникает на стадии обмена, на которой происходит перераспределение денежных доходов предприятий и сбережений населения, обусловленное необходимостью обеспечения цели расширенного воспроизводства и защиты их от объективных случайных непредвиденных событий.

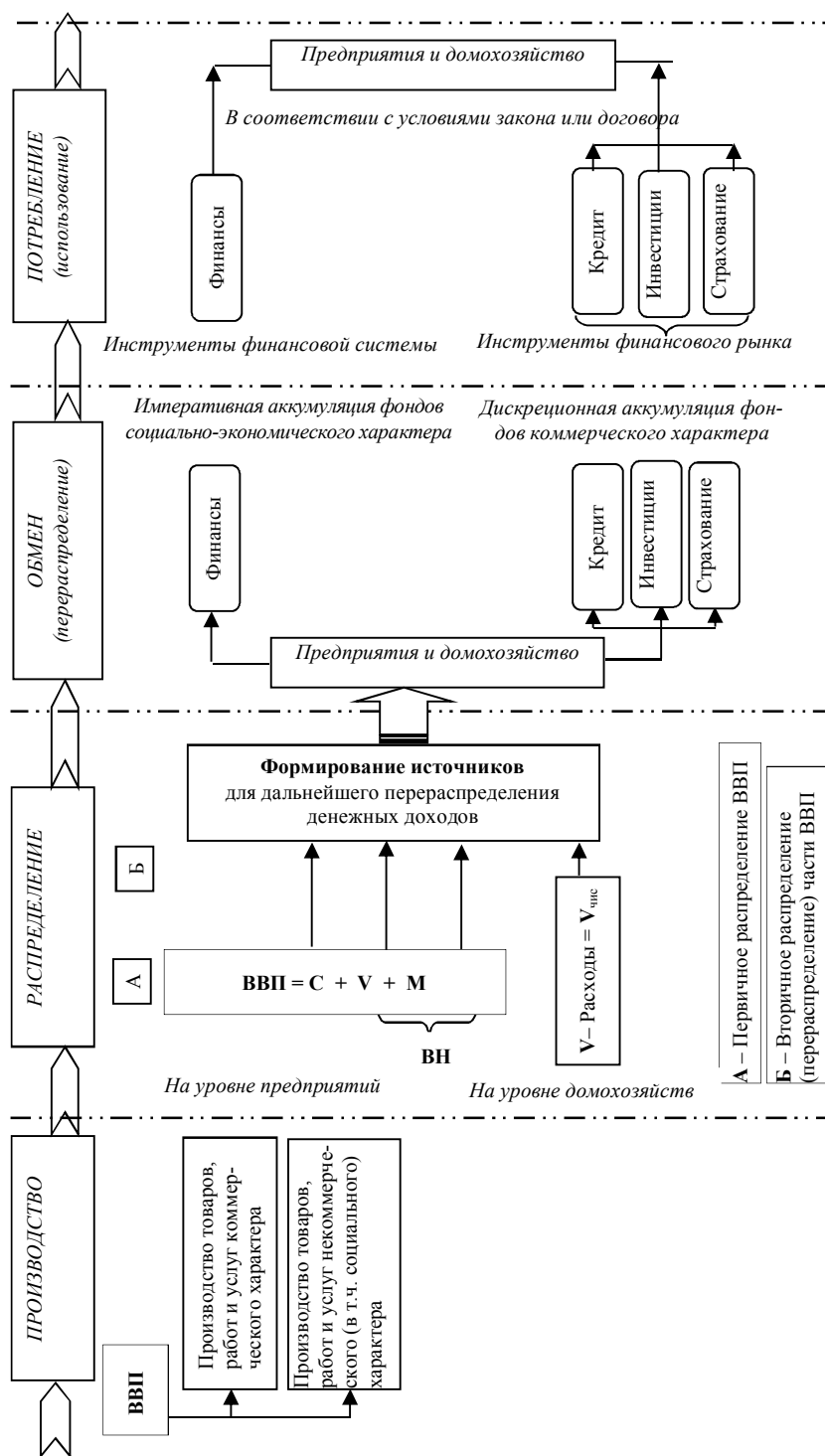

Рис. 1. Место страхования и других смежных экономических категорий в воспроизводственном процессе

Путем внесения платы страхователь получает взамен юридическое обязательство страховщика, гарантирующее ему или указанному бенефициару в случае реализации страховых рисков (т.е. наступления страховых случаев) страховую выплату в рамках определённого лимита. Страховую выплату страхователь в большинстве случаев направляет на восстановление и (или) обеспечение стабильности своих условий существования или жизнедеятельности, тем самым удовлетворяя свои потребности, т.е. страхование выступает в качестве источника финансирования. На других стадиях воспроизводственного процесса страхование не присутствует. Даже несмотря на то, что страховая услуга, как любая услуга, имеет стадию производства, но в отличие от них данный процесс происходит в рамках двух нами выделенных стадий: обмена (перераспределения) и потребления.

В настоящее время именно с перераспределительной сущностью страхования связаны многие дискуссионные вопросы. Так, по мнению В.Б. Гомелля, проблема перераспределительной сущности страхования связана только с экономической, в том числе финансовой стороной данной категории, решение которой дает *ключ* к пониманию. Многие источники лишь декларируют перераспределительную сущность страхования, в некоторых приводятся ее признаки, а истоки и природа перераспределительной сущности пока не раскрыты в абсолютном большинстве страховых и иных экономических работ [27].

Страхование, представляющее собой особые замкнутые перераспределительные товарно-денежные отношения на основе эквивалентного обмена по поводу формирования и использования целевого страхового фонда, выступая частью финансового сектора экономики, естественно, в нее встроено своей эволюцией и полностью подчиняется порядку системы. Но часть особая, со своими устоями, что и позволяет из системы ее выделить.

Отметим некоторые сущностные отличия категории страхования от других смежных экономических категорий:

1) определение стоимости страховой услуги на основе актуарных расчетов взаимосвязи подверженности страхователя риску и объема выполнения обязательств страховой компанией;

2) формирование денежного страхового фонда и необходимость поддержания его в объеме, учитывающем специфику выплат по видам страхования;

3) замкнутая солидарность (общность интересов определенной группы) страхователей, которая проявляется в уплате страховых взносов в страховой фонд и в их согласии по условиям страховых выплат.

Как мы видим, изменение отношения к месту и роли страхования в экономической системе было обусловлено:

1) вступлением страны (России) в новую систему экономических и социальных отношений, связанных с переходом к рынку;

2) повышением значимости страхования в воспроизводственном процессе и необходимостью разработки правового обеспечения легализованной предпринимательской деятельности;

3) переосмыслением экономической сущности («объективных по содержанию и императивных по форме» [10, с. 85]) финансов.

Всё это не могло не отразиться на обосновании сущностных взаимосвязей различных категорий. Так, трёхэлементную модель отношений экономических категорий можно в полной мере отнести к III этапу генезиса страхования (конец XIX в. – начало XXI в.), а в условиях клиентоориентированной экономики (начало XXI в. по наст. время) следует рассматривать уже четырехэлементную модель «финансы – кредит – страхование – инвестиции», при этом каждый ее элемент взаимосвязан с другим элементом и находится в одной плоскости по отношению друг к другу. Данная замкнутая четырехэлементная модель взаимосвязей позволяет пересмотреть построение отношений в процессе развития экономических процессов и, как следствие, увидеть преобразование этих отношений по мере развития экономики.

Как показывает анализ экономических процессов, стабильность развития данной четырехэлементной модели во многом зависит от наличия и эффективности использования четвертого элемента – «инвестиции». Если противопоставить категорию «финансы» по отношению к рассматриваемым категориям (кредиту, страхованию и инвестициям), то можно выделить как общие (схожие), так и отличительные характеристики (табл. 1, составленная автором).

В настоящее время страхование, кредит, инвестиции и финансы не просто развиваются самостоятельно, но и находят точки соприкосновения друг с другом, что приводит к усложнению связей и размыванию границ между ними. Так, например, на стыке соприкосновения финансов и кредита возникают такие взаимоотношения, как государственный кредит; на стыке финансов и страхования – социальное страхование; на стыке инвестиций и страхования – инвестиционное страхование жизни, хеджирование и т.д.

Размывание границ зависит от:

- 1) типа и состояния экономики;
- 2) особенностей реализации финансовой политики, во-первых, как в области фискальной политики (налоговой, таможенной и др.), направленной на формирование доходов государственных и муниципальных фондов денежных средств, так и в области стимулирования развития инструментов финансового рынка; во-вторых, в области расходования средств фондов, находящихся в распоряжении государства и муниципалитетов, направляемых на потребление (социальные, военные, административные расходы) и на развитие (инвестиции, кредиты) и резервирование;
- 3) готовности и возможности государства нести определенные социальные обязательства (социальная политика);
- 4) правового регулирования, соответствующему состоянию развития финансов, кредита, страхования и инвестиций;
- 5) возможностей и доступности продуктов научно-технологического прогресса и др.

Таблица 1. Сравнительная характеристика смежных со страхованием экономических категорий, определяющих специфику каждой из них

Признак	Характеристика категорий			
	Страхование	Кредит	Инвестиции	Финансы
Генеральная (главная, определяющая) цель функционирования	Инвестиционная (т.е. направленная на развитие) и (или) защитная (т.е. направленная на обеспечение устойчивости)			
Особенности управления	Фондовое аккумулирование и перераспределение средств			
Характер экономических отношений в воспроизводственном процессе	Перераспределительные отношения			
Цель перераспределения	Удовлетворение агрегированных потребностей заинтересованных лиц			
Источники права	Международное и национальное право, обычаи делового оборота, судебный прецедент			Международное и национальное право
Своеобразие отношений, составляющих содержание категории	Эквивалентные обменные товарно-денежные отношения			Неравнозначные обменные отношения, преимущественно в денежной форме
По содержанию взаимоотношений	Объективно, исходя из состояния экономики, и субъективно, исходя из положения конкретного субъекта хозяйствования			Объективно, исходя из состояния экономики
Характер проявления	Добровольные и/или принудительные (вмененные) индивидуально-возмездные отношения, строящиеся на экономических законах (спрос – предложение)			Индивидуально-безвозмездные отношения, строящиеся на императивной форме
Характер перераспределения	Перераспределение по территориальному, отраслевому и/или финансовому положению субъекта – стороны, на интересы которой направлены отношения и (или) во времени (т.е. платишь сегодня, а результат позже или наоборот)			Уравнительный принцип перераспределения по территориальному, отраслевому и (или) финансовому положению субъекта-стороны, на интересы которой направлены отношения

Продолжение табл. 1

Признак	Характеристика категорий			
	Страхование	Кредит	Инвестиции	Финансы
Понятие с позиции экономической категории	Совокупность эквивалентных товарно-денежных отношений по поводу предоставления специализированной организацией (страховщиком) страхового покрытия возможных потребностей страхователя, обусловленных изменением у него (застрахованного лица или бенефициара) материальных и нематериальных условий существования в результате реализации объективных случайных и вероятных рисков (наступления страховых случаев) с учетом выполнения принятых обязательств каждой из сторон соглашения	Совокупность эквивалентных товарно-денежных отношений, возникающих между кредитором и заемщиком по поводу движения ссудного капитала на рыночных условиях (срочности, платности, обеспеченности и целевого характера размещения) с учетом выполнения принятых обязательств каждой из сторон соглашения и влияния рисков	Совокупность эквивалентных товарно-денежных отношений, возникающих между вкладчиками (инвесторами) и инвестиционной компанией по поводу предоставления ею возможности вкладчикам (инвесторам) разместить свой временно свободный капитал в инвестиционные инструменты на рыночных условиях (срочности, платности, возвратности, диверсификации и др.) с учетом выполнения принятых обязательств каждой из сторон соглашения и влияния рисков	Система денежных отношений, имеющих государственную (императивную) форму проявления, выражающих перераспределение части ВВП по поводу формирования денежных фондов государства, использование которых направлено на обеспечение выполнения последним своих функций в соответствии с общественными потребностями
	1) Страховые отношения, которые обусловлены: – наличием риска, обладающего признаками объективной случайности и вероятности характера проявления, либо характера проявления страхового события, либо величины и продолжительности страхового обеспечения события; – эквивалентностью обменных товарно-денежных отношений;	1) Кредитные отношения, которые обусловлены: – наличием риска; – эквивалентностью обменных товарно-денежных отношений; – замкнутостью отношений, объединённых интересом привлечения капитала с целью расширения возможностей заимщика по развитию и (или) обеспечению устойчивости.	1) Инвестиционные отношения, которые обусловлены: – наличием риска; – эквивалентностью обменных товарно-денежных отношений; – замкнутостью отношений, объединённых интересом получения дохода, исходя из возможностей перспективного (новой) экономического положения (работы капитала) объектов инвестирования компании.	1) Финансовые отношения, которые обусловлены: – индивидуальной безвозмездностью денежных отношений в пользу государства; – императивностью (государственно-властной) формы проявления;
Признаки				

Признак	Характеристика категорий		
	Страхование	Кредит	Инвестиции
	– замкнутостью отношений между страховщиком и лицами (страхователями), объединённых интересом в создании страхового фонда с целью обеспечения устойчивости последних в случае нанесения вреда капиталу или иных случаях; – перераспределением ВНД; 2) страховое покрытие, в рамках которого происходит обособление имущества страховщика от имущества его членов (страхователей) и управление им для обеспечения своей деятельности	исхода из его достигнутого (-той) экономического положения (работы капитала); – перераспределением (ВНД); 2) обособление имущества организации (кредитора) и предоставление его заемщикам на основании ограниченных вещных прав	– перераспределением валового национального дохода (ВНД); обособление имущества фонда (АИФ, ПИФ и др.) от имущества его членов и управление им (имуществом) на праве доверительного управления для получения инвестиционного дохода
			– перераспределением части валового (ВВП); него продукта (ВВП); формирование и использование денежных фондов государства

Таблица 2. Функции экономических категорий «страхование», «финансы», «кредит», «инвестиции»

Признак	Характеристика категорий		
	Страхование	Кредит	Инвестиции
Функции категории	<i>Перераспределительная (обменная) функция</i> направлена на аккумуляцию и мобилизацию денежных доходов и сбережений с целью удовлетворения солидарных потребностей в обеспечении устойчивости и стабильности, на интересы которой направлены отношения, а также обеспечения ликвидности ресурсов путем распределения и трансформации их по срокам. Объединяет собой группу частных функций в рамках каждой категории и именно на стадии обмена проявляется сущность каждой из них:		
	1) защитная функция связана с формированием резерва на основе актуарных расчетов с целью обеспечения непрерывности	1) мобилизационная функция связана с привлечением временно свободного капитала с целью поддержания	1) сберегательная функция связана с размещением временно свободного капитала с целью его сохранения и приумножения
			1) аккумулятирующая функция связана с формированием фонда(-ов) денежных средств государства с целью

Признак	Характеристика категорий			
	Страхование	Кредит	Инвестиции	Финансы
	сти процесса воспроизводства капитала и его развития в случае наступления определенных событий (включает в себя аккумулирующую, сберегательную, инвестиционную, предпринимательную, социальную и контрольную подфункции); 2) регулирующая функция путем установления правил и границ деятельности страховщиков позволяет осуществлять регулирование как взаимоотношений страхователя со страховщиком (стабилизирующая подфункция), так и деятельности страховщиков, направленной на обеспечение выполнения ими принятых обязательств (гарантирующая подфункция)	платежеспособности заемщика (включает в себя аккумулирующую и трансформационную подфункции); 2) регулирующая – реализуется путем предоставления ссудного капитала с учетом деловой активности и риска, тем самым регулируются денежные потоки в территориальном, отраслевом, социальном разрезе экономики с целью обеспечения процесса воспроизводства капитала и поддержания его темпов развития; 3) замещение наличных денег в обращении позволяет ускорить денежный оборот страны и повысить прозрачность расчетов в экономике	(включает в себя аккумулирующую, трансформационную и накопительную подфункции); 2) регулирующая – реализуется путем перемещения ресурсов в территориально-отраслевом разрезе с учетом деловой активности и рисков с целью обеспечения процесса воспроизводства капитала и поддержания его темпов развития; 3) инновационная – обеспечивает ускорение научно-технического прогресса (НТП); 4) индикативная – позволяет контролировать движение к цели и направлена на повышение эффективности управления капиталом	выполнения своих обязательств перед различными контрагентами в соответствии с действующим законодательством; 2) регулирующая – реализуется путем направления (использования) ресурсов фонда (-ов) с учетом территориальных, отраслевых и социальных процессов в экономике с целью регулирования потребности общественных благ; 3) контрольная функция направлена на укрепление дисциплины по выполнению хозяйствующими субъектами обязательств перед государством
	<i>Функция потребности</i> проявляется посредством предоставления ресурсов и их использования, что позволяет сглаживать процессы финансирования производства за счет обеспечения сбалансированности предполагаемых расходов и располагаемых доходов			

Размывание границ осуществляется за счет:

- перетока денежных средств из одной категории в другую. *Примеры:* свободные денежные средства и резервы страховые компании с целью сохранения и приумножения направляют в различные виды инвестиций; Кредитор, предоставляя заемщику денежные средства в кредит, может его обязать застраховать предмет залога;
- появления продуктов-симбиозов на стыке смежных категорий (инвестиционное страхование жизни, долевое страхование жизни);
- появления (смешанных, нетрадиционных) аналогов развития элементов модели. *Пример:* хеджирование на рынке ценных бумаг; конверсионный арбитраж на рынке кредита;
- выполнения финансовым институтом одной категории функций института другой категории (страховая компания может выступить в роли кредитора; коммерческий банк или инвестиционная компания могут выступить в роли продавца или института по обслуживанию покупателей страховых продуктов);
- использования продуктов в том качестве, которое не свойственно данной категории (например, полис накопительного страхования жизни в качестве обеспечения (залога) взятого заемщиком кредитного обязательства);
- наличия одного и того же учредителя у институтов разных категорий (коммерческий банк, инвестиционная компания, страховая компания) и кэптивного характера построения взаимоотношений (ФПГ, холдинг).

Более того, это ведет к поглощению одним продуктом другого и к появлению агрегированного финансового продукта, в структуре которого состоит несколько продуктов из смежных по отношению друг к другу категорий. При этом структурное соотношение между ними будет определять сам потребитель данной услуги. В настоящее время аналоги уже имеются: агрегированные страховые продукты (например, инвестиционное страхование жизни), структурированные банковские продукты на основе комбинации активов с разным уровнем риска.

Закономерными процессами, вытекающими из вышеопределенных отношений, являются, во-первых, создание и функционирование финансового института в виде финансового супермаркета, работающего по принципу «одного окна», где можно будет приобрести как отдельный продукт, так и совместный (комплементарный или агрегированный) финансовый продукт; во-вторых, концентрация прав в области государственного надзора за деятельностью данных организаций в лице единого финансового мегарегулятора, в функции которого вменяется унификация единых правил и требований по осуществлению деятельности финансовыми институтами и обеспечению ими их финансовой устойчивости, а учет специфики деятельности института, исходя из принадлежности к той или иной экономической категории, возлагается на корпоративный орган надзора в лице ассоциаций, союзов и саморегулируемых организаций (СРО).

Таким образом, мы в будущем увидим частичную потерю самостоятельности категорий друг от друга, в том числе благодаря законодательному ограничению поведения финансовых институтов.

Поскольку страхование, как и другие смежные экономические категории, относится к надстройке над реальной экономикой и в воспроизводственном процессе проявляется только на стадиях обмена (перераспределения) и потребления, то это не могло не отразиться на выполняемых функциях. По нашему мнению, им присущи только две функции: перераспределительная и функция потребления. При этом в рамках перераспределительной функции выделяются частные функции, в которых проявляется экономическая сущность каждой из выделенной категории (табл. 2, составленная автором).

Подводя итоги, хотелось бы еще раз отметить, что, несмотря на достаточно продолжительный период функционирования страхования, до сих пор среди российских теоретиков отсутствует единая точка зрения на его сущность и взаимосвязи с такими смежными экономическими категориями, как финансы, кредит и инвестиции. Однако (с позиции регулирования микроэкономических процессов) изучение и определение взаимосвязи данных категорий необходимо для понимания роли, места и сущности каждой из них как самостоятельной экономической категории в обеспечении непрерывности стадий воспроизводственного процесса, а также принятии грамотных решений в области государственного регулирования деятельности институтов, специализирующихся на каждом направлении. Страхование имеет как общие черты, объединяющие его с финансами, кредитом и инвестициями, так и отличительные характеристики. Одной из объединяющих характеристик выступают присущие данным категориям родовые функции (перераспределительная, обменная и функция потребления), при этом специфика экономического содержания каждой категории раскрывается в частных функциях, входящих в состав обменной функции. Важность определения функций и трактовки страхования как самостоятельной экономической категории, имеющей свои характерные признаки и элементы, бесспорна не только с позиции ее эволюционного развития, но и с позиции уже произошедших и происходящих в настоящее время изменений в экономико-социальном положении страны.

Заключение. Таким образом, нами была рассмотрена эволюция взглядов теоретиков на самостоятельность страхования как экономической категории и показана взаимосвязь и взаимообусловленность ее от теоретического осмысления и практического функционирования финансов, кредита и инвестиций. Наука не стоит на месте, но она все еще недостаточно полно отражает всю ту специфику, которая характерна для страхования, в том числе с учетом практического применения его в качестве инструмента регулирования экономических процессов в стране. Поэтому данная статья дополняет ранее проведенные исследования и может служить отправной точкой для последующих.

Литература

1. *Wagner A.* Der Staat und das Versicherungswesen. 1881.
2. *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 541 с.
3. *Грищенко Н.Б.* Понятие страхового фонда в современной рыночной экономике // *Страховое дело.* 2002. № 11. С. 52–60.
4. *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007.
5. *Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М. : Эксмо, 2007.
6. *Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д.* Экономика. М. : Вильямс, 2008.
7. *Финансы и кредит* / под ред. А.Ю. Казака. Екатеринбург : ЯВА, 1997.
8. *Финансы* / под ред. В.М. Родионовой. М. : Финансы и статистика, 1993.
9. *Дьяченко В.П.* Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974.
10. *Вознесенский Э.А.* Финансы как стоимостная категория. М. : Финансы и статистика, 1985.
11. *Сильченкова Т.Н.* Категории страхования. URL: http://www.silchenkova.ru/Kategorii_strakhovaniya/index.html (дата обращения: 30.01.2020).
12. *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1947.
13. *Шахов В.В.* Вопросы страхования // *Вестник ФА.* 1998. № 1. С. 20–29.
14. *Худяков А.И.* Теория страхования. М. : Статут, 2010. 656 с.
15. *Коломин Е.В.* Теоретический аспект развития государственного страхования в СССР // *Финансы СССР.* 1982. № 3. С. 46.
16. *Финансово-кредитный словарь.* 2-е изд., стереотип. М. : Финансы и статистика, 1994. Т. 3.
17. *Хрестоматия* по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В.Н. Садилов; под ред. проф. З.М. Черниловского. М. : Фирма Гардорина, 1966.
18. *Энциклопедия «Отечество».* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/6044 (дата обращения: 16.01.2020).
19. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%8B> (дата обращения: 20.01.2020).
20. *Теория и практика страхования* : учеб. пособие. М. : Анкил, 2003. 704 с.
21. *Вопросы сущности и функции финансов в системе производственных отношений при социализме* : сб. М., 1988. 164 с.
22. *Коломин Е.В.* Теоретические вопросы развития страхования // *Вестник ФА.* 1998. № 1. С. 30–37.
23. *Страхование* : учебник / под ред. проф. И.П. Хоминич. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2011. 624 с. (Бакалавриат). URL: <https://znanium.com/catalog/product/248547> (дата обращения: 30.10.2020).
24. *Страхование* : учебник для студентов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / под ред. Ю.Т. Ахвледиани, В.В. Шахова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 519 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1028942> (дата обращения: 30.10.2020).
25. *Скамай Л.Г.* Страхование: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 293 с.
26. *Страхование* : учебник для вузов / Л.А. Орланюк-Малицкая [и др.] ; под ред. Л.А. Орланюк-Малицкой. 4-е изд. М. : Юрайт, 2020. 481 с.
27. *Гомелля В.Б.* Очерки экономической теории страхования. М. : Финансы и кредит, 2014. 352 с.

Genesis of Scientific Views on Insurance as an Economic Category

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 58–75. DOI: 10.17223/19988648/53/5

Tatyana D. Odinokova, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tdo17@yandex.ru

Keywords: insurance, finance, credit, investment, relationship of economic categories, insurance functions, aggregated financial product.

In the conditions of active development of the insurance market at the present stage, the importance and significance of understanding the essence of the category “insurance” as a fundamental theoretical basis for the functioning of insurance relations in general is increasing. In addition to comprehending the essence of the category “insurance”, the task of economic science is to substantiate the essential interrelationships of various same-plane categories. For the category “insurance”, in the author’s opinion, such categories are “finance”, “credit”, “investments”. Insurance as an independent economic category is objective and has its own internal laws, the study of which from the standpoint of the retrospective method will provide a deeper understanding of the essence of insurance, its prerequisites, causes and laws of development. As the analysis has shown, despite the generally recognized and solid period of its genesis, insurance still does not have an unambiguous definition of its essence and an independence of functioning as an economic category. The understanding of the essence of insurance, with a due account for modern trends in the development of economic science, predetermines the search for essential features characteristic of insurance, finance, credit, and investments. In the author’s opinion, these features are: the general purpose of functioning, management features, the nature of economic relations in reproduction and the purpose of redistribution. The protective purpose of insurance is a classic distinguishing feature of the category, since insurance was originally formed as a system for protecting property interests in the event of adverse consequences. In the article, based on the study of existing scientific approaches to the issue, the author has investigated the relationship between the categories: within them, while maintaining independence, institutions and their services come in contact and interpenetrate, which makes it possible to identify and substantiate the specifics of creating aggregated and converged financial products. The author has defined and substantiated the protective and regulatory nature of the category “insurance”, which took on various forms throughout evolution, but nevertheless has always been present and manifested in insurance organizations’ activities. The author has also clarified the concept “insurance”, which, in contrast to the existing approaches, emphasizes insurance coverage as an essential feature, taking into account the changing role of insurance institutions in relations with consumers.

References

1. Wagner, A. (1881) *Der Staat und das Versicherungswesen socialökonomische und socialrechtliche Studie*. Tübingen: H. Laupp.
2. Strumilin, S.G. (1932) *Problemy planirovaniya v SSSR* [Problems of planning in the USSR]. Leningrad: USSR AS.
3. Grishchenko, N.B. (2002) Ponyatie strakhovogo fonda v sovremennoy rynochnoy ekonomike [The concept of an insurance fund in a modern market economy]. *Strakhovoe delo*. 11. pp. 52–60.
4. Smith, A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Translated from English. Moscow: Eksmo. Moscow: Eksmo.
5. Keynes, J. (2007) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest, and Money]. Translated from English. Moscow: Eksmo.

6. Samuelson, P. & Nordhaus, W. (2008) *Ekonomika* [Economics]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
7. Kazak, A.Yu. (ed.) (1997) *Finansy i kredit* [Finance and credit]. Yekaterinburg: YaVA.
8. Rodionova, V.M. (ed.) (1993) *Finansy* [Finance]. Moscow: Finansy i statistika.
9. D'yachenko, V.P. (1974) *Tovarno-denezhnye otnosheniya i finansy pri sotsializme* [Commodity-money relations and finance under socialism]. Moscow: Nauka.
10. Voznesenskiy, E.A. (1985) *Finansy kak stoimostnaya kategoriya* [Finance as a value category]. Moscow: Finansy i statistika.
11. Sil'chenkova, T.N. (2020) *Kategorii strakhovaniya* [Insurance categories]. [Online] Available from: http://www.silchenkova.ru/Kategorii_strakhovaniya/index.html (Accessed: 30.01.2020).
12. Raykher, V.K. (1947) *Obshchestvenno-istoricheskie tipy strakhovaniya* [Social and historical types of insurance]. Moscow: USSR AS.
13. Shakhov, V.V. (1998) Voprosy strakhovaniya [Insurance issues]. *Vestnik FA*. 1. pp. 20–29.
14. Khudyakov, A.I. (2010) *Teoriya strakhovaniya* [Insurance theory]. Moscow: Statut.
15. Kolomin, E.V. (1982) Teoreticheskiy aspekt razvitiya gosudarstvennogo strakhovaniya v SSSR [A theoretical aspect of the development of state insurance in the USSR]. *Finansy SSSR*. 3.
16. Garbuzov, V.F. (ed.) (1994) *Finansovo-kreditnyy slovar'* [Finance and credit dictionary]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Finansy i statistika.
17. Chernilovskiy, Z.M. (ed.) (1966) *Khrestomatiya po vseobshchey istorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [Reader on the general history of state and law: A textbook]. Moscow: Firma Gardorina.
18. *Entsiklopediya "Otechestvo"* [Encyclopedia "Homeland"]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/6044 (Accessed: 16.01.2020).
19. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%8B> (Accessed: 20.01.2020).
20. Turbina, K.E. (ed.) (2003) *Teoriya i praktika strakhovaniya: ucheb. posobie* [Theory and practice of insurance: A textbook]. Moscow: Ankil.
21. Anon. (1988) *Voprosy sushchnosti i funktsii finansov v sisteme proizvodstvennykh otnosheniy pri sotsializme* [Issues of the essence and function of finance in the system of production relations under socialism]. Moscow: [s.n.].
22. Kolomin, E.V. (1998) Teoreticheskie voprosy razvitiya strakhovaniya [Theoretical issues of insurance development]. *Vestnik FA*. 1. pp. 30–37.
23. Khominich, I.P. (ed.) (2011) *Strakhovanie: uchebnik* [Insurance: A textbook]. Moscow: Magistr: INFRA-M. [Online] Available from: <https://znanium.com/catalog/product/248547> (Accessed: 30.10.2020).
24. Akhvlediani, Yu.T. & Shakhov, V.V. (eds) (2017) *Strakhovanie: uchebnik dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nostyam "Finansy i kredit", "Bukhgalterskiy uchet, analiz i audit"* [Insurance: a textbook for students majoring in finance and credit, and accounting, analysis and audit]. 5th ed. Moscow: YuNITI-DANA. [Online] Available from: <https://znanium.com/catalog/product/1028942> (Accessed: 30.10.2020).
25. Skamay, L.G. (2017) *Strakhovanie: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata* [Insurance: A Textbook and Workbook for Applied Bachelor's Degree]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
26. Orlanyuk-Malitskaya, L.A. (ed.) (2020) *Strakhovanie: uchebnik dlya vuzov* [Insurance: A textbook for universities]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
27. Gomellya, V.B. (2014) *Ocherki ekonomicheskoy teorii strakhovaniya* [Essays on the economic theory of insurance]. Moscow: Finansy i kredit.

УДК 330.1

DOI: 10.17223/19988648/53/6

М.В. Палт, С.В. Чернявский

СУЩНОСТЬ ПРИРОДНОЙ РЕНТЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ РЕНТНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ПОВЫШЕНИЯ СТИМУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВОГО МЕХАНИЗМА И УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению и развитию теоретических воззрений на категорию природной ренты в трудах Адама Смита, Дэвида Рикардо, Алана Маршалла и других от земельной ренты до дифференциальной ренты – II и квазиренты. Показано, что в современных условиях понимание рентных доходов сводится к их трактовке как прибыли, превышающей средний нормальный уровень, т.е. сверхприбыли. Однако в отношении природной (горной) ренты необходимо руководствоваться классическим ее пониманием, ее изъятие в пользу собственника недр – государства обеспечивает повышение стимулирующего воздействия налогового механизма, устойчивый рост экономики и усиление экономической безопасности государства.

Ключевые слова: природная рента, природные факторы, плодородие земли; замыкающие затраты, дифференциальная рента – I, дифференциальная рента – II, сверхприбыль.

Природная рента, как экономическая категория, связана с использованием природных факторов (земли, недр и т.д.) и получением от этого использования неравных экономических результатов. Затем в экономической науке получило развитие понятие экономической ренты как части дохода любого, а не только природного фактора производства или иной деятельности.

Огромную роль в исследовании земельной ренты сыграл Адам Смит, по мнению которого: «Рента, рассматриваемая как плата за пользование земель, естественно, представляет собою наивысшую сумму, какую в состоянии уплачивать арендатор при данном качестве земли». Величина аренды определяется тем, что «...землевладелец стремится оставить арендатору лишь такую долю продукта, которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда, покупку и содержание скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал». То, что «...остается сверх этой доли, землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты» [13, с. 120]. В том случае, если же цена продукта не перекрывает обычную прибыль и издержки, она «...не приносит никакой ренты землевладельцу» [13, с. 206]. По мнению А.В. Ложниковой, «А. Смит заложил двойственность подхода к

ренте как продукту земли и доходу, определяемому высоким спросом при ограниченном предложении (арендной плате)... Рента, в этих условиях выступает как превышение над заработной платой рабочих, возмещение затрачиваемого капитала и прибыль арендатора» [4, с. 15]. Э.Р. Байкова, анализируя экономические воззрения А. Смита, делает следующий вывод: «А. Смит понимал под рентой дифференциальную надбавку, которая задается уровнем цены. Если рыночная цена товара окажется ниже его естественной цены, землевладельцы немедленно изымут из обработки часть земли и будут использовать ее для получения более высокой ренты, чем дает этот дешевый продукт. В этом случае рента будет выступать в качестве издержек индивидуального производителя, участвующих в определении цены» [1, с. 116].

А. Смит в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» указывал: «...пища является не только первоначальным источником ренты, но и все другие продукты земли» [13, с. 135]. Так, по мнению А.В. Неверова, А.В. Равино, В.П. Демидовца и О.А. Варапаевой: «Лесная дифференциальная рента – дополнительный доход (сверхприбыль), возникающий в результате использования лесных ресурсов разного качества (продуктивности, местоположения, инфраструктурной составляющей и пр.)» [11, с. 63]. Кроме этого, описывая ренту с рудников, А. Смит отмечал: «Так, например, получение ренты с каменноугольной копи зависит отчасти от обилия в ней угля, отчасти от ее местоположения» [13, с. 135]. В современных условиях и именно в России эти положения теории А. Смита имеют особенно важное значение, так как закладывают основы экономики добывающих производств и налогообложения в данном секторе экономики.

Рассматривая причины образования горной ренты (ренты с рудников), А. Смит указал на то, что в горном производстве «...рента, которую может давать своему владельцу тот или иной рудник, зависит не от его абсолютного, а, так сказать, от относительного богатства или избытка его добычи сравнительно с другими рудниками такого же рода» [13, с. 135].

Огромная роль в разработке и развитии теории дифференциальной земельной, а затем и горной ренты принадлежит Д. Рикардо. По мнению А.В. Ложниковой: «Д. Рикардо является автором одного из самых ранних по времени изложений теории дифференциальной ренты (хотя он и не пользуется этим термином)» [4, с. 15]. Д.М. Хлопцов отмечает: «Рикардо прежде всего известен тем, что объяснил само существование земельной ренты исходя из различного плодородия земли» [17, с. 308].

Д. Рикардо определял земельную ренту следующим образом: «Рента – это та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Ее, однако, часто смешивают с процентом и прибылью на капитал, и в обыденной речи этот термин прилагается... ко всем ежегодным платежам фермера землевладельцу. Положим, что из двух смежных ферм одинаковой величины и одинакового естественного плодородия одна располагает всеми полезными хозяйственными строениями и; кроме того, хорошо осушена и удобрена и как следует раз-

делена на участки плетнями, изгородями и стенами, тогда как другая не имеет ни одного из этих преимуществ. Естественно, что за пользование первую будет платиться большее вознаграждение, чем за пользование вторую, а между тем в обоих случаях это вознаграждение называется рентой. Очевидно, однако, что только часть денег, ежегодно уплачиваемых за улучшенную ферму, дается за первоначальные и неразрушимые силы почвы, другая же часть платится за пользование капиталом, который был употреблен на улучшение качества почвы и на сооружение зданий, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи» [14]. Таким образом, уже во втором абзаце главы «О ренте» Д. Рикардо говорит о видах ренты, которые позже назовут дифференциальной рентой – I и дифференциальной рентой – II.

Д. Рикардо считал: «При первом заселении страны, где имеется в изобилии богатая и плодородная земля, лишь незначительную долю которой нужно обрабатывать для снабжения пищей наличного населения или же можно на деле обработать при капитале, которым располагает это население, ренты не существует. Ведь никто не станет платить за пользование землей, раз налицо масса еще не обращенной в собственность земли, которую поэтому может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее. Согласно общим законам предложения и спроса никто не будет платить ренту за такую землю, точно так же как никто не платит рент за пользование воздухом и водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве» [14].

Именно поэтому Д. Рикардо делает вывод, что рента выплачивается за право обработки земли по причине, что ее количество, в отличие от воздуха, не безгранично, а качество, в свою очередь, совсем неодинаково: «С каждым приростом населения, который заставляет страну прибегать к земле худшего качества, чтобы иметь возможность увеличить свой запас пищи, будет подниматься рента всех плодородных земель» [14].

Теория Рикардо, по мнению Е.В. Моргунова, покоилась на трех положениях:

1) земли различаются по их расположению и по степени их плодородности;

2) количество и площадь участков, лучших с точки зрения указанных параметров, ограничено;

3) земли находятся в частной собственности [10, с. 39].

Однако «...до частной собственности на землю, земельной ренты не существовало и земля оставалась “даром природы”» [2, с. 13].

Необходимо отметить, что проблема собственности на землю и право на присвоение земельной ренты неразрывно связаны, тогда как механизм образования земельной ренты Д. Рикардо можно объяснить следующим образом: с ростом населения в обработку привлекаются земли более низкого качества, что не может не отражаться на росте издержек производства, поэтому потребителям приходится переплачивать за хлеб. По этой причине на их землях лучшего качества арендаторы наряду с прибылью, обычной для данной местности, получают и добавочную прибыль, изыма-

емую земельным собственником, который полагает, что арендатору довольно и обычной прибыли.

С данными положениями Д. Рикардо согласно большинство современных экономистов. Так, по мнению Д.М. Хлопцова, заслуга Рикардо прежде всего состоит в том, что он связал образование земельной ренты связано с различиями в плодородности земель и он определял 2 значения сущности ренты. 1) земельная рента – остаток после погашения других затрат; 2) рента образуется предложением фактора образования ренты и эффективностью его использования [17, с. 308]. Однако, считая, что рента это остаток, после оплаты всех других затрат, Д.М. Хлопцов забывает о том, что в остаток будет входить и прибыль. Далее он отмечает, что, по мнению Д. Рикардо «...рента входит в стоимость произведенного продукта» и «...если цена повышается – возрастает рента, но не наоборот» [17, с. 307].

Д. Рикардо первым обратил внимание образование рентных доходов не только от природных ресурсов, но и от машин и оборудования: «Если прибавочный продукт, который земля дает в форм ренты, есть преимущество, то желательно, чтобы с каждым годом вновь сооруженные машины были менее производительны, чем старые. Ведь это, несомненно, сообщило бы большую меновую стоимость товарам, фабрикуемым не только с помощью этих машин, но и всех других машин в стране, и всем владельцам более производительных машин платилась бы рента» [14]. Б.С. Малышев по поводу данной цитаты Рикардо пишет: «Смушает утверждение Рикардо, что для получения капитальной ренты необходимо сооружать все менее производительные машины. Это, конечно же, недоразумение, которые случаются даже у великих. Можно понять, как оно возникло. Проведем аналогию с земельной рентой. Чтобы она появилась, необходимо, во-первых, чтобы имелись земли различного качества, и, во-вторых, чтобы они вовлекались в производство в порядке убывания эффективности. То же самое можно сказать о капитале, для краткости будем говорить о машинах. Необходимо, чтобы были машины различной производительности (эффективности) и чтобы они вовлекались в производство в порядке убывания их эффективности. Но так и происходит: использование машин зависит от их качества, а вовсе не от времени их производства. Научно-технический прогресс состоит в создании все более совершенной техники и введении ее в производство. Но остаются в использовании и старые машины. По отношению к самой худшей из них, но все еще используемой и приносящей только нормальную прибыль, остальные машины создают ренту, которая принадлежит их собственникам. Рикардо путает ежегодный процесс вовлечения машин в производство в порядке снижения их качества и исторический процесс производства все более эффективных машин» [5, с. 38]. Указанное несоответствие в рассуждениях Д. Рикардо отмечают многие экономисты: «...в данной фразе Д. Рикардо содержится определенное, противоречившее логике, утверждение. Конечно, владельцы более производительных машин должны получать больше доходов, имеющих рентный характер. Но почему вновь сооружаемые машины должны быть менее

производительны, чем старые? Чтобы владельцы старых машин не ставились в худшее положение? Но ведь прогресс и состоит в том, что новые машины совершеннее и производительнее заменяемых старых, а стремление получать указанные дополнительные доходы и есть движитель прогресса» [19].

Указанное логическое несоответствие в рассуждениях Рикардо относительно ренты производственного капитала не умаляет его роли в развитии теории как дифференциальной земельной (природной) ренты, так и ренты машин и оборудования, которую впоследствии А. Маршалл назовет квази-рентой.

Следует отметить, что заслуга Д. Рикардо в развитии теории дифференциальной земельной ренты объясняется еще и тем, что вслед за ним понятие «рентный доход» распространилось и на иные виды доходов (в том числе неприродные), если их удельный вес (норматив) превышал средний уровень. К таким доходам относятся и заработная плата: «...доли, достигающие каждому из классов под терминами “рента”, “прибыль”, “заработная плата”, весьма различны на разных стадиях общественного развития. Поэтому основную задачу политэкономии видел в формулировке законов, которые управляют этим распределением» [3, с. 72]. Следует отметить, что разными экономистами вклад Д. Рикардо в развитие теории ренты понимается по-разному: «Согласно Рикардо, последняя возникает благодаря преимуществам в условиях производства, задаваемых разницей в плодородии различных участков. Рента, будучи результатом не вклада в производственный процесс, а перераспределения дохода от капиталистов к ее получателям, оказывается дополнительным фактором, подавляющим стимулы к инвестированию. Иными словами, неоднородность ограниченной ресурсной базы вызывает к жизни праздный класс, содержание которого увеличивает давление на нее» [16, с. 69]. Однако именно в трудах Д. Рикардо многие экономисты находят ответы на самые разные вопросы, в том числе (по мнению А.Д. Чигрина) и о преимуществах свободной торговли: «Напомним кратко хрестоматийное рассуждение Рикардо, обосновывающее преимущества свободной торговли. В одной стране по соотношению издержек 1 кг шерсти стоит два литра вина, в другой – три. При переходе к свободной торговле та страна, в которой дешевле производить шерсть, экспортирует шерсть и импортирует вино. Вторая – наоборот. Обе стороны получают выигрыш в виде высвобождающихся в относительно неэффективных отраслях средств (факторов) производства» [19, с. 220].

В отличие от Д. Рикардо, Дж.Ст. Милль считал присвоение земельной ренты владельцами земли следствием монопольного права владения ею. «...Земля является товаром, – пишет Дж.Ст. Милль, – в котором нуждаются многие, но который никто не может заполучить у кого-либо, кроме землевладельцев» [9, с. 150]. Многие считают, что рента является следствием частной собственности на землю. Как справедливо отмечает Д.М. Хлопцов: «...не обращение земли в собственность приводит к появлению ренты, а наоборот, рента порождает институт частной собственности» [17, с. 307].

Сегодня многие экономисты считают, что одним из самых главных достижений Дж.Ст. Милля в области развития теории ренты явилось определение сущности абсолютной ренты. Так, Е.В. Моргунов пишет: «Наихудшая земля, вне всякого неравенства в плодородии, может давать ренту». Причину возникновения ренты в худших условиях он видел в том, что «продукт в действительности имеет ценность редкости». Другими словами, рентный доход с худшего участка – это рента редкости, возникающая из-за превышения спроса над предложением. Когда спрос превышает предложение, рента редкости возникает и на участках с относительно лучшими характеристиками» [10, с. 41].

Это отмечает и Т.Н. Толстых, и О.Н. Чернышова: «Некоторые предпосылки к установлению понятия абсолютной ренты как общего минимального ценностного слоя (базиса), над которым возвышаются все прочие ценностные уровни дифференциальной и монопольной ренты, проявляются еще у основоположников рентной теории Д. Рикардо и И. Тюнена» [15, с. 81].

А. Маршалл, занимаясь изучением земельной ренты, много внимания уделял исследованию вопросов убывающей предельной отдачи земли и пришел к выводу, что капитал «...работает до тех пор, пока дополнительная отдача, получаемая от дополнительного вложения капитала и труда, не сократилась настолько, что она уже больше не вознаграждает его за их приложение» [7, с. 219].

А. Маршалл первым стал изучать вопросы земельной ренты при использовании земли под городскую застройку и застройку прочих поселений.

Маршалл рассматривал не только земельную ренту, но и занимался изучением ренты, образующейся при добыче полезных ископаемых, и исследовал накопленный в добывающей промышленности опыт. Уже в то время существовали случаи практического определения размеров горной ренты и ее налогообложения. Например, А. Маршалл писал: «Плата за право разработки недр (royalty) – это не рента, хотя ее часто так называют. Дело в том, что, за исключением тех случаев, когда рудники, каменоломни и т.д. практически неисчерпаемы, превышение дохода от них над затратами следует рассматривать, по крайней мере частично, как цену, получаемую от продажи накопленных благ – накопленных, разумеется природой, но теперь считающейся частной собственностью; поэтому предельная цена предложения полезных ископаемых включает, кроме предельных издержек на разработку рудника, также и плату за право его разработки. Конечно, владелец желает получить эту плату без особых издержек, а контракт между ним и арендатором нередко предусматривает отчасти по этой причине выплату как ренты, так и платы за право разработки» [7, с. 132].

Кроме того, А. Маршалл полагал, что земельная рента выступает не как исключительное явление, а лишь как одна в ряду подобных. Поэтому он писал, что «...земельная рента не представляет собой ничего уникального, а просто является основным видом широкой группы экономических явлений» [7, с. 42].

Карл Маркс причины образования земельной ренты характеризовал следующим образом: «Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или на земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади. Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) плодородие (в связи с этим вопросом следует выяснить, что вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель); 2) местоположение земельных участков» [6, т. 25, ч. II, с. 216]. Придерживаясь классической точки зрения на причины образования дифференциальной ренты, К. Маркс отдавал должное и значению замыкающих затрат.

По мнению А.В. Мещерова, «...в первой части III тома “Капитала” содержится один из фундаментальных подходов к теории земельной ренты. С одной стороны, имеет место обоснование формирования стоимости и на ее базе цены производства в рамках модели рынка совершенной конкуренции (исходя из математической парадигмы средних индивидуальных внутриотраслевых затрат, а затем и среднего объема вложенного капитала). С другой стороны, происходит определение рыночной стоимости цен на основе парадигмы предельных оценок. Сопоставление этих оценок позволяет Марксу убедительно раскрыть природу дифференциальной и абсолютной ренты» [8, с. 11].

К. Маркс выделял также и дифференциальную земельную ренту II: «...при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала» [6, т. 25, ч. II, с. 230].

В отличие от А. Маршалла, К. Маркс объяснял образование абсолютной земельной ренты отсталостью органического строения капитала в сельском хозяйстве. Однако если принять указанное объяснение для земледелия и сельского хозяйства, то оно никак не объясняет образование абсолютной ренты в добывающем секторе экономики, где отмечается нормальное строение капитала.

Некоторые экономисты полагают, что К. Маркс считал различия в органическом строении капитала общей причиной образования всех видов рент в сельскохозяйственном производстве: «Источником всех видов рент, в том числе и абсолютной, по мнению К. Маркса, является излишек над средней нормой прибыли, то есть дополнительный доход, обусловленный различиями в органическом строении капитала в сельском хозяйстве, который создаётся только прибавочным трудом наёмных рабочих» [18, с. 198]. С другой стороны, по мнению Л.В. Пономарева: «Абсолютная рента образуется на наихудшем участке земли исходя только из частной собственности на нее» [12].

При оценке роли К. Маркса в развитии теории ренты обратимся к мнению А.В. Мещерова, который считает: «В истории развития экономиче-

ской науки экономическое учение по вопросам стоимости и ренты К. Маркса является новой ступенью в развитии теории стоимости и ренты после Д. Рикардо. Роль К. Маркса в разработке комплекса вопросов теории стоимости и учения о земельной ренте неоспорима» [8, с. 12].

Классические политэкономы связывают образование природной ренты (земельной, горной и т.д.) с природными факторами. Сегодня, хотя образование ренты и связывается с влиянием природы, само определение ренты звучит иначе, чем в классической политэкономии. Например: «Рента принимает и форму дифференциации цен с целью отражения различной стоимости земельных участков, например, большей стоимостью будут обладать земельные участки, располагающиеся ближе к центру города, находящиеся рядом с торговыми центрами или узлами транспортной сети. Фактически анализ местоположения земельных участков, как одного из факторов производительности земли, влияющих на земельную ренту, положил начало исследованиям в области теории размещения производительных сил» [17, с. 307].

Изменились экономическая обстановка и условия и рента должна объяснить не только различные урожаи на равных по площади участках земли, но и разную по доходности эффективность использования не только природных объектов. Однако в этих условиях рента рассматривается не только как излишек урожая на данном участке по сравнению с худшим (замыкающим) земельным участком, но и как излишняя (незаработанная) прибыль, превышающая средний уровень, т.е. сверхприбыль. А это изменяет не только причины образования ренты, но и сущность этой экономической категории. Однако основные принципы образования и распределения природной (горной) ренты остаются без изменений. В этих условиях неизъятие природной (горной) ренты в собственность государства позволяет недропользователям (добывающим компаниям) за счет влияния естественного фактора получать разные финансовые результаты при равных затратах труда и капитала, что снижает стимулирующее воздействие налогового механизма, уменьшает доходную базу федерального бюджета и ослабляет экономическую безопасность государства.

Литература

1. Байкова Э.Р. Земельная рента в структуре стоимости товара. О взаимосвязи категорий «естественная цена» и «абсолютная рента» // Российское предпринимательство. 2010. № 3-2. С. 116–120.
2. Гришаева Л.В., Иваненко О.Б. Институциональный механизм реализации земельной ренты в сельском хозяйстве. Саратов : Вузовское образование, 2013. 160 с.
3. Ивлиев И.В. Роль стоимостных потоков при формировании национального дохода в РФ // Аграрный вестник Урала. 2015. № 11 (141). С. 71–77.
4. Ложникова А.В. Рента в условиях модернизации и технологического развития: макро- и микроэкономическая природа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 300 с.
5. Мальшев Б.С. Общая теория ренты. Томск : ЖК ТГУ, 2012. 196 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1968.
7. Маршалл А. Принципы экономической науки : в 3 т. / пер. с англ. М. : Универс, 1993.

8. Мещеров А.В. Действительная и фиктивная стоимость: ретроспектива и современность // Экономические науки. 2016. № 134. С. 7–13.
9. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии : в 3 т. М. : Прогресс, 1980. Т. 2. 495 с.
10. Моргунов Е.В. Институционализация горной ренты (на примере нефтегазового сектора народного хозяйства России) : дис. ... канд. экон. наук. М. : ГУУ, 2002. 122 с.
11. Неверов А.В., Равино А.В., Демидов В.П., Вартаева О.А. Лесная дифференциальная рента: методология, методика и практика расчета // Труды БГТУ. Экономика и управление. 2008. № 7. С. 63–66.
12. Пономарев Л.В. Сущность рентного подхода к недропользованию в контексте современной экономической науки // Экономический анализ: теория и практика. 2005. № 17. С. 59–64.
13. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Директмедиа Пабблишинг, 2008. 657 с.
14. Сочинения Давида Рикардо : в 3 т. // Начала политической экономии и налогового обложения. Московский либертариум. URL: http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/
15. Толстых Т.Н., Чернышова О.Н. Специфика рентных отношений на рынке земли // Социально-экономические явления и процессы. 2008. № 2 (10). С. 79–87.
16. Федотов А.М. Финансовая рента: гипотетический символ или необходимый элемент экономической системы? // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 3 (42). С. 68–72.
17. Хлопцов Д.М. Земельный вопрос в экономической теории: рента и её понимание в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 307–311.
18. Чернышова Ю.В. Историко-экономические аспекты теории земельной ренты // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. Т. 4, № 36-1. С. 197–199.
19. Чигрин А.Д. «Голландская болезнь» в свете теории сравнительных преимуществ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8-1. С. 218–229.

The Essence of Natural Rent and the Implementation of the Principles of Rental Taxation in the Interests of Increasing the Stimulating Effect of the Tax Mechanism and Strengthening the Economic Security of the State

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 76–86. DOI: 10.17223/19988648/53/6

Mikhail V. Palt, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mvpalt@mail.ru

Sergey V. Chernyavskiy, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vols85-85@mail.ru

Keywords: natural rent, natural factors, fertility of soil, closing costs, differential rent I, differential rent II, excess profit.

The article analyzes and develops the theoretical views on the category of natural rent in the works of Adam Smith (income exceeding all reasonable costs plus the average profit typical for a given area), David Ricardo (income from the initial and indestructible forces of the soil, the other part of it is paid for the use of capital that was used to improve the quality of the soil and for the construction of buildings), and other economists from land rent (income due to differences in the location and fertility of land) to differential rent II (rental income from additional capital investments) and quasi-rent (rent of machines and equipment), etc. David Ricardo formulated the conditions for the formation and receipt of land rent (lands

differ in their location and in their fertility; the number and area of plots that are best in terms of these parameters are limited; lands are privately owned). In turn, Alfred Marshall noted that land rent does not appear as an exclusive phenomenon, but only as one of income sources, among similar ones. In modern conditions, the understanding of rental income is reduced to its interpretation as a profit above the average normal level, that is, excess profit. However, when considering rent as excess profit, the determination of its size is based on a comparison of indicators such as actual and normal profitability rather than land fertility or differences in the depth of occurrence and other natural mining conditions compared with the worst land plot or deposit, and also minerals. The location of land plots, as one of the factors of land productivity affecting land rent, laid the foundation for research in the field of the theory of the location of productive forces. Therefore, in relation to natural (mining) rent, it is necessary to be guided by the classical understanding of it, as income due to objective differences in natural or climatic conditions of agricultural production or subsoil use in comparison with the trailing land plot or deposit. In these conditions, receiving natural rent as income independent of the efforts of the subsoil user (excessive/unearned profit) in favor of the owner of the subsoil, the state, increases the stimulating effect of the tax mechanism in agriculture and the extractive sector of the economy, the efficiency of production and the economy as a whole, and strengthens the national and economic security of the state.

References

1. Baykova, E.R. (2010) About interrelation between the categories of “natural price” and “absolute rent”. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 3-2. pp. 116–120. (In Russian).
2. Grishaeva, L.V. & Ivanenko, O.B. (2013) *Institutsional'nyy mekhanizm realizatsii zemel'noy renty v sel'skom khozyaystve* [Institutional mechanism for the implementation of land rent in agriculture]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie.
3. Ivliev, I.V. (2015) The role of value flows in the formation of national income in the Russian Federation. *Agrarnyy vestnik Urala – Agrarian Bulletin of the Urals*. 11 (141). pp. 71–77. (In Russian).
4. Lozhnikova, A.V. (2011) *Renta v usloviyakh modernizatsii i tekhnologicheskogo razvitiya: makro- i mikroekonomicheskaya priroda* [Rent in the context of modernization and technological development: macro- and micro-economic nature]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Malyshev, B.S. (2012) *Obshchaya teoriya renty* [General theory of rent]. Tomsk: Tomsk State University Faculty of Journalism.
6. Marx, K. & Engels, F. (1968) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat.
7. Marshall, A. (1993) *Printsipy ekonomicheskoy nauki: v 3 t.* [Principles of Economics: in 3 volumes]. Translated from English. Moscow: Univers.
8. Meshcheryov, A.V. (2016) Real and added value: A retrospective and modern approach. *Ekonomicheskie nauki – Economic Sciences*. 134. pp. 7–13. (In Russian).
9. Mill, J.St. (1980) *Osnovy politicheskoy ekonomii: v 3 t.* [Principles of Political Economy: in 3 volumes]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Progress.
10. Morgunov, E.V. (2002) *Institutsionalizatsiya gornoy renty (na primere neftegazovogo sektora narodnogo khozyaystva Rossii)* [Institutionalization of mining rent (on the example of the oil and gas sector of the national economy of Russia)]. Economics Cand. Diss. Moscow.
11. Neverov, A.V. et al. (2008) *Lesnaya differentsial'naya renta: metodologiya, metodika i praktika rascheta* [Differential forest rent: methodology, methods and practice of calculation]. *Trudy BGTU. Ekonomika i upravlenie – Proceedings of BSTU. Economics and Management*. 7. pp. 63–66.
12. Ponomarev, L.V. (2005) *Sushchnost' rentnogo podkhoda k nedropol'zovaniyu v kontekste sovremennoy ekonomicheskoy nauki* [The essence of the rental approach to subsoil

use in the context of modern economic science]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika – Economic Analysis: Theory and Practice*. 17. pp. 59–64.

13. Smith, A. (2008) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Translated from English. Moscow: Direktmedia Publishing.

14. Ricardo, D. (1955) *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [On the Principles of Political Economy and Taxation]. Translated from English. [Online] Available from: http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/.

15. Tolstykh, T.N. & Chernyshova, O.N. (2008) The specificity of the rent-relations in the land market. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2 (10). pp. 79–87.

16. Fedotov, A.M. (2012) Financial rent: Hypothetical symbol or necessary element of economic system? *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 3 (42). pp. 68–72. (In Russian).

17. Khloptsov, D.M. (2009) Land issue in economic theory. Interpretation of ground rent in modern practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 307–311. (In Russian).

18. Chernyshova, Yu.V. (2012) Historical and economic aspects of the land rent theory. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 4 (36-1). pp. 197–199. (In Russian).

19. Chigrin, A.D. (2015) “Gollandskaya bolezнь” v svete teorii sravnitel’nykh preimushchestv [“Dutch disease” in the light of the theory of comparative advantages]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*. 8-1. pp. 218–229.

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

УДК 332.133.23

DOI: 10.17223/19988648/53/7

А.В. Котов

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ В ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Пропорции размещения пространственной экономической активности отражают структурные особенности хозяйства страны. Данная статья представляет результаты исследования по оценке их наиболее оптимального выражения с точки зрения более полного развития потенциала межрегиональных взаимодействий. Методологический базис исследования составляет совокупность разработок в области межрегиональных сопоставлений, концепции регионального рыночного потенциала. На примере расчетов оптимальной структуры ВРП в разрезе федеральных округов отдельно анализируется перспективное место Сибирского федерального округа в российской экономике. В работе показано, что в прогнозный период до 2024 г. в целях укрепления сбалансированности пространственного развития необходимо повышение веса Сибирского федерального округа в национальной экономике с одновременным уменьшением доли Центрального федерального округа и значительным перераспределением прироста экономической активности в целом. Отмечается, что с точки зрения более полного раскрытия потенциала межрегиональных взаимодействий повышение доли ВРП Сибирского федерального округа наиболее полно соответствует долгосрочным целям развития национальной экономики. При этом подчеркивается, что должна вырасти роль межрегиональных проектов для Сибири, особенно транспортно-инфраструктурных, в традиционных и новых отраслях промышленности.

Ключевые слова: пространственное развитие, пространственные пропорции, межрегиональное взаимодействие, макрорегионы, Сибирь, федеральный округ, рыночный потенциал.

Методология исследования пространственных пропорций

Пропорции пространственной организации экономической активности складываются в зависимости от конкретных исторических, социально-экономических и промышленно-технических условий. Они характеризуют определенные стороны экономического процесса развития страны, фазы воспроизводственного процесса, которые охватываются межрегиональными связями, и существующие межрегиональные проблемы [1–2]. Пропорции отражают структурные особенности производительных сил и накопленное национальное богатство страны, привлекательность территории для хозяйственной деятельности [3–4].

Практически всегда исследователи не имеют возможности обладать знанием намерений государственных и частных субъектов рынка о предстоящих инвестиционных решениях. В этих условиях логичной выглядит разработка научно обоснованных подходов, показывающих обобщенно, как те или иные сценарии пространственного развития могут повлиять на экономическое положение страны, какие межрегиональные связи они затронут и в результате – как сформируются перспективные территориальные пропорции экономики.

В России на сегодняшний день немногочисленные исследования пространственных пропорций проводятся с помощью межрегионального моделирования и сконцентрированы в основном в академической сфере. К ним относятся исследования по анализу степени интеграции российской экономики, долгосрочным тенденциям развития/ослабления межрегиональных связей. В их число входит цикл исследований на моделях межрегионального экономического взаимодействия до 2030 г. [5–7].

Изменение пропорций, вызванное трансформацией региональной экономической активности и интенсивностью межрегиональных связей, объективно необходимо для достижения общегосударственных целей. Формирование перспективных пропорций распределения экономической активности подразумевает обоснование целесообразности создания в разных регионах различных видов экономической деятельности или коренной трансформации существующих.

В реальном секторе теснота связей регионов между собой велика, что позволяет говорить о них как об открытой системе межрегиональных взаимодействий, тем самым подчеркивая их активную роль в экономических связях.

Межрегиональные экономические связи могут влиять на формирование пространственных пропорций по следующим (преимущественно экономическим) направлениям:

- межрегиональный обмен продукцией промежуточного и конечного потребления;
- межрегиональная производственная кооперация по загрузке мощностей предприятий и использованию сырьевых и энергетических ресурсов.

С точки зрения влияния на региональную экономику пространственные пропорции могут быть инерционными, относительно стабильными или поворотными [8]. В первом случае они связаны с устойчивыми тенденциями и процессом незначительной настройки экономических соотношений без резкого изменения особенностей в пространственном развитии. Эти пропорции встречаются в практике кратко- и среднесрочного стратегического планирования. В прогнозах на долгосрочную перспективу или в случае реализации масштабных инвестиционных мегапроектов чаще всего формируются поворотные пространственные пропорции, отражающие коренные изменения в экономической жизни страны. Их суть в том, что они формируют принципиально новые, качественно другие соотношения между регионами. Очевидно, что процесс формирования инерционных и пово-

ротных пространственных пропорций связан с инвестиционными намерениями и ограничениями. Поскольку все пропорции носят межотраслевой характер, то их сбалансирование возможно лишь на основе активной координации и итеративной процедуры согласования в рамках циклов разработок.

Обоснование и алгоритм расчета перспективных пространственных пропорций в контексте активизации межрегиональных взаимодействий

В настоящее время в России межрегиональные экономические взаимодействия характеризуются крайней неравномерностью. Наиболее рельефно это проявляется в анализе транспортно-производственных связей. Например, опираясь на оперативную статистику грузоперевозок РЖД, сегодня можно говорить лишь о ядре в 25–30 регионов, которые структурируют основные пространственные пропорции¹. Главной особенностью данных РЖД является своеобразие товарной номенклатуры (тяжелые, насыпные, наливные и пр. грузы). Она объединяет лишь часть реальных производственных межрегиональных связей [9]. Эту базу целесообразно использовать при идентификации наиболее крупных потоков грузов, формирующих межрегиональные связи. Помимо базы грузовых перевозок РЖД, в качестве информационной базы анализа пространственных пропорций следует назвать базы данных СПАРК и Росстата. Каждый из перечисленных информационных источников имеет свои преимущества и недостатки.

База данных СПАРК даёт возможность представления детальной картины региональной экономики через подробнейший круг фирм-поставщиков и фирм-потребителей². При этом следует отметить, что межрегиональные цепочки менее стабильны, чем межотраслевые. При проведении исследований необходимо решать проблемы проверки реальной деловой активности предприятий. Существует определенный риск, что по структуре крупных поставщиков и потребителей может получиться лишь укрупненное отражение структуры индустриальных связей, сложившейся в советское время. Смена ОКВЭД-1 на ОКВЭД-2 и разрыв временных рядов показателей с 2016 на 2017 г. также накладывают ограничения в анализе и требуют согласования этих рядов. В этих условиях анализ места и роли межрегиональных экономических взаимодействий предполагается основывать на официальной статистической отчетности Росстата по субъектам страны. При этом отметим, что Росстат публикует лишь ограниченное количество данных, посвященных межрегиональной торговле (базовый перечень промежуточных товаров – 10–15 наименований). Таким образом, разноеобразие межрегиональных связей требует разработки специального под-

¹ База данных статистики грузовых железнодорожных перевозок (РЖД). URL: <https://cargo-report.info/services/online/>

² База данных СПАРК. URL: <https://www.spark-interfax.ru/>

хода, описывающего пространственное развитие экономики России и формирование пространственных пропорций.

Целью, для которой стоит разработать такой подход, основанный на фактических, межрегиональных и межотраслевых зависимостях, может являться планирование и разработка политики управления пространственной организацией экономической активности. Целесообразно, чтобы подход использовался в двустороннем контексте: генерация пространственной политики и оценка политики. При этом необходимо соблюсти ряд условий:

- это должен быть подход, который адекватно описывает основные черты современного многорегионального развития России;
- подход должен корреспондироваться с существующими инструментами государственной политики и генерировать разработку новых инструментов;
- предлагаемый подход должен быть связан с реальной инвестиционной политикой территорий, чтобы показать возможности достижения целевого состояния.

Выполнение этих условий целесообразно связывать с учетом подготовки сценарных условий для вариантного моделирования развития межрегиональных экономических взаимодействий в России.

Для этого важно обосновать значимость российского внутреннего рынка для различных федеральных округов и, таким образом, «склонность» к расширению межрегиональных взаимодействий. В каждом федеральном округе эта значимость проявляется по-своему и соответственно по-разному будет влиять на принимаемые среднесрочные и долгосрочные решения. Для достижения этой цели проводится ряд расчетов с помощью широко используемой категории регионального рыночного потенциала [10–12].

1-й шаг. Определяется значение рыночного потенциала федерального округа:

$$MP_{fo.i} = \frac{\sum_{i=1}^n l_{r.i}^j * GDP_{r.j}}{\sum_{i=1}^n l_{r.i}^j}, \quad (1)$$

где $MP_{fo.i}$ – значение рыночного потенциала федерального округа; $GDP_{r.j}$ – валовый региональный продукт j -го региона, входящего в i -й федеральный округ; $l_{r.i}^j$ – расстояние между центром региона j и остальными регионами ($i = 1 \dots n$).

2-й шаг. Рассчитывается значение взвешенного рыночного потенциала федерального округа к среднероссийскому уровню:

$$\overline{MP}_{fo.i} = \frac{MP_{fo.i}}{\sum_{i=1}^n MP_{fo.i}/8}, \quad (2)$$

где $\overline{MP}_{fo.i}$ – взвешенный рыночный потенциал федерального округа к среднероссийскому уровню; $MP_{fo.i}$ – рыночный потенциал федерального округа.

3-й шаг. Устанавливается значимость рыночного потенциала (федерального округа) относительно размеров общероссийского рынка в целом:

$$MP_{fo.i}^{\widehat{RF}} = \frac{1}{m} * \int_0^m \frac{\sum_{i=1}^n l_{r.i}^j * GDP_{r.j}}{\sum_{i=1}^n l_{r.i}^j}, \quad (3)$$

где $MP_{fo.i}^{\widehat{RF}}$ – значимость рыночного потенциала (федерального округа) относительно размеров общероссийского рынка в целом; $GDP_{r.j}$ – валовый региональный продукт j -го региона, входящего в i -й федеральный округ; $l_{r.i}^j$ – расстояние между центром региона j и остальными регионами ($i = 1 \dots n$); m – расстояние, в рамках которого исследуется значимость рыночного потенциала (принимаются значения от 0 до 11 000 км как наибольшего расстояния между центрами субъектов в российском внутреннем взаимодействии).

4-й шаг. Определяется среднее расстояние межрегиональных взаимодействий федерального округа относительно среднероссийского уровня;

$$L_{fo.i} = \frac{\sum_{i=1}^n l_{r.i}^j * GDP_{r.j}}{(\sum_{h=1}^8 \sum_{i=1}^n l_{r.i}^j * GDP_{r.j})/8}, \quad (4)$$

где $L_{fo.i}$ – среднее расстояние межрегиональных взаимодействий федерального округа относительно среднероссийского уровня; $GDP_{r.j}$ – валовый региональный продукт j -го региона, входящего в i -й федеральный округ; $l_{r.i}^j$ – расстояние между центром региона j и остальными регионами ($i = 1 \dots n$).

5-й шаг. Рассчитывается расположенность к интенсификации межрегиональных экономических взаимодействий для федерального округа по комплексу формул:

$$MEV_{fo.i} = \sqrt[3]{\overline{MP}_{fo.i} * MP_{fo.i}^{\widehat{RF}} * L_{fo.i}}, \quad (5)$$

$$\overline{MEV}_{fo.i} = \frac{MEV_{fo.i}}{\sum_{i=1}^n MEV_{fo.i}/8}, \quad (6)$$

$$\overline{\dot{MEV}}_{fo.i} = \frac{\overline{MEV}_{fo.i}}{\sum_{i=1}^n \overline{MEV}_{fo.i}/8} (\%), \quad (7)$$

где $MEV_{fo.i}$ – расположенность к интенсификации межрегиональных экономических взаимодействий для федерального округа; $\overline{MP}_{fo.i}$ – взвешенный рыночный потенциал федерального округа к среднероссийскому уровню; $MP_{fo.i}^{\widehat{RF}}$ – значимость рыночного потенциала (федерального округа) относительно размеров общероссийского рынка в целом; $L_{fo.i}$ – среднее расстояние межрегиональных взаимодействий федерального округа относительно среднероссийского уровня; $\overline{MEV}_{fo.i}$ – расположенность к интенсификации межрегиональных экономических взаимодействий для федерального округа, взвешенная к среднероссийскому уровню; $\overline{\dot{MEV}}_{fo.i}$ – расположенность к интенсификации межрегиональных экономических взаимодействий для федерального округа, взвешенная к среднероссийскому уровню (в процентном выражении от общего значения по стране).

6-й шаг. Рассчитывается ВВП на конец прогнозного периода:

$$GDP_{2024}^{RF} = GDP_{2016}^{RF} * k, \quad (8)$$

где GDP_{2024}^{RF} – расчетный ВВП на крайний год расчетного периода; GDP_{2016}^{RF} – ВВП в отчетном году, принимаемый за базовый; k – коэффициент, равный увеличению общероссийского ВВП по официальному действующему макроэкономическому прогнозу.

7-й шаг. Определяется прирост ВВП, который прогнозируется в исследуемом периоде:

$$\Delta GDP_{2016-2024}^{RF} = GDP_{2024}^{RF} - GDP_{2016}^{RF}, \quad (9)$$

где $\Delta GDP_{2016-2024}^{RF}$ – прирост ВВП (в целом на всю страну); GDP_{2024}^{RF} – расчетный ВВП на крайний год расчетного периода; GDP_{2016}^{RF} – ВВП в отчетном году, принимаемый за базовый.

8-й шаг. Рассчитывается приросты ВВП по каждому федеральному округу и формирование прогнозной территориальной пропорции национальной экономики.

$$GDP_{fo,i}^{2024} = GDP_{fo,i}^{2016} + \Delta GDP_{2016-2024}^{RF} * \overline{MEV}_{fo,i}, \quad (10)$$

где $GDP_{fo,i}^{2024}$ – прирост ВВП по i -му федеральному округу; $GDP_{fo,i}^{2016}$ – ВВП в отчетном году, принимаемый за базовый, в i -м федеральном округе; $\Delta GDP_{2016-2024}^{RF}$ – прирост ВВП (в целом на всю страну); $\overline{MEV}_{fo,i}$ – расположенность к интенсификации межрегиональных экономических взаимодействий для федерального округа, взвешенная к среднероссийскому уровню (в процентном выражении от общего значения по стране).

Результаты анализа межрегиональных взаимодействий

Суммируя полученные результаты для отдельных округов, можно вычислить распределение потенциальной значимости рыночного потенциала федеральных округов для описания значимости межрегиональных взаимодействий в России (рис. 1).

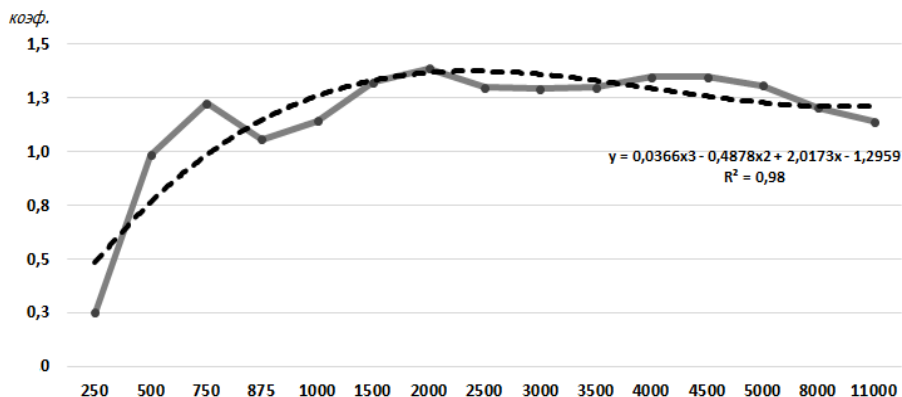

Рис. 1. Зависимость коэффициента межрегиональных взаимодействий от суммарного рыночного потенциала российских регионов

Первый всплеск интенсивности межрегионального взаимодействия соответствует взаимодействиям, происходящим на дальности примерно 750 км. Это соответствует среднему расстоянию между Москвой и Санкт-Петербургом с учетом обеих околостолличных областей [13].

Наиболее высокое значение совокупного рыночного потенциала достигается в радиусе взаимодействий примерно 2 000 км, что соответствует взаимодействиям в рамках макрорегионов. Примечательно, что по мере «открытия» всей страны для межрегиональных взаимодействий всех субъектов между собой значение совокупного в целом снижается. Это свидетельствует о том, что есть определенный оптимальный вариант для организации взаимодействий. На наш взгляд, он заключается в более интенсивной интеграции и завершенности производственных цепочек (но не автаркии) в рамках макрорегионов. Возникновение снижающейся правой ветви на графике свидетельствует о снижении значимости межрегиональных взаимодействий. Таким образом, есть определенное эмпирическое подтверждение о существовании наилучших в современных экономических условиях размеров рынков межрегиональных взаимодействий, отклонение от которого означает недоиспользование резервов экономической интеграции. Возможные перспективные территориальные пропорции в соответствии с подходом развития интенсификации межрегиональных взаимодействий представлены на рис. 2.

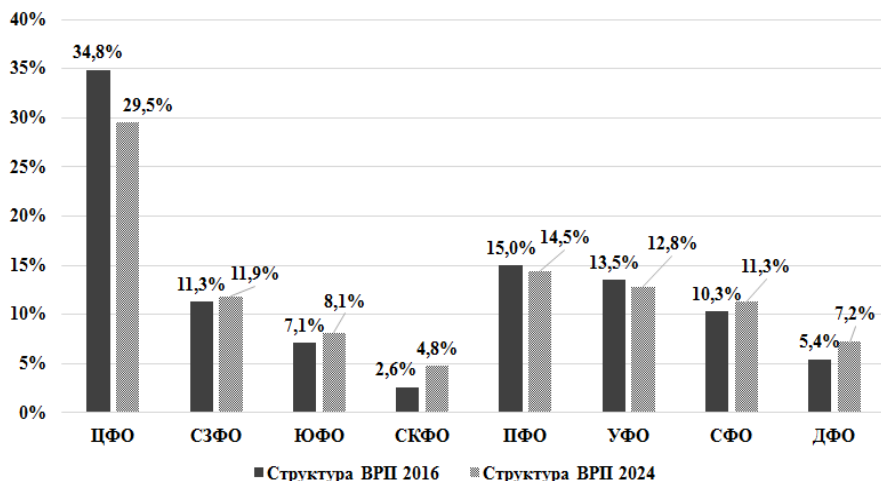

Рис. 2. Вариант перспективных пространственных пропорций (структура ВРП) на 2024 г. с целью интенсификации межрегиональных взаимодействий

В прогнозный период целесообразно сокращение доли Центрального федерального округа (с 34,8 до 29,5%), повышение доли Северо-Западного, Южного, Северо-Кавказского федеральных округов. Серьезным результатом должно стать повышение доли ключевых Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Вес Поволжского и Уральского уменьшится (соответственно с 15 до 14,5% и с 13,5 до 12,8%).

Анализ предложенных пропорций пространственного развития размещения экономической активности показал необходимость сокращения доли Центрального федерального округа в общероссийском производстве. Варианты пространственного развития, заложенные в Стратегии пространственного развития в 2019 г. [14], уже сейчас требуют серьезной корректировки [15] как с точки зрения исходных посылок, так и последствий эпидемии. Для устойчивого развития страны главные тенденции территориального развития должны сохранить свою актуальность практически при любом повороте настоящих и будущих экономических событий (в частности, постепенное вовлечение в оборот производительных сил на востоке страны с использованием технологий пятого и в перспективе шестого технологических укладов) [16]. Однако интенсивность этого процесса может быть разной и главное – разными могут быть объемы средств из федерального бюджета, выделяемые на развитие конкретных регионов.

Формирование пространственных пропорций существует объективно, и органы государственного управления при помощи экономических механизмов в состоянии повлиять на их становление. В современных условиях они будут выступать синтезом планируемых общефедеральных инвестиционных решений и государственно-частного партнерства в реализации отраслевых проектов, принимаемых в отношении определенных территорий.

Место Сибирского федерального округа в перспективном пространственном развитии России

Приведенные расчеты показали, что целесообразно повышение доли ВРП Сибирского федерального округа в национальной экономике. При этом следует принимать во внимание риски изменения сложившейся специализации макрорегиона, риски усугубления экологических проблем, риски пониженных темпов развития тех секторов экономики, которые не вовлечены в межрегиональные экономические взаимодействия [17]. Их необходимо понимать не как единичные связи между субъектами РФ, а как «широкополосное» сотрудничество в рамках межотраслевых инновационных программ [18].

Значимость межрегиональных проектов для Сибири, особенно транспортно-инфраструктурных, обусловлена вынужденностью Сибири искать новые формы выхода на зарубежные рынки, преодолевая природную континентальность. Вместе с тем насущна необходимость увязки этого варианта с дооформлением железнодорожной сети региона – превращением Транссиба в скоростную дорогу и необходимостью сооружения Северо-Сибирской магистрали. Это представляется важным не только для Сибири, но и для устойчивого геоэкономического позиционирования России в быстро набирающем силу Тихоокеанском регионе и наращивании международных хозяйственных связей со странами региона. Одновременно это укрепит горизонтальные связи по направлению «европейская часть – азиатская часть» страны, что остаётся постоянной стратегической задачей правительства [19–20].

Развитие экономической интеграции сибирской экономики должно происходить за счет широкого использования потенциала машиностроительного комплекса региона, а также за счет развития кооперационных связей между специализированными производителями, создания единого информационно-цифрового пространства, формирования единого транспортного и энергетического пространства. Особое значение для Сибирского федерального округа имеет научно-техническая и промышленная кооперация с Республикой Саха (Якутия) для запуска межрегиональных отраслевых программ по энергетике, нефтегазодобыче, нефтехимии, металлургии.

Усиление межрегиональной интеграции в Сибири требует и создания новых институциональных структур. Корпорация развития Енисейской Сибири может считаться первым примером синхронизации интересов субъектов Федерации, частного бизнеса, организаций частной инфраструктуры, которая проводит конкретную работу по формированию условий для запуска межрегиональных проектов. Важно помнить, что предлагаемые институциональные преобразования не направлены на создание каких-либо «сибирских преференций». Они в конечном счете направлены на рост экономической активности в зауральской части страны и, как следствие, на рост экономического потенциала всей России.

Заключение

Пропорции пространственного распределения экономической активности относятся к той категории экономических пропорций, которая характеризует глубинные процессы развития региональной экономики, опосредованной через инвестиционные и межрегиональные связи. В условиях внешних ограничительных мер необходимо качественное преобразование межрегиональных экономических взаимодействий и повышение роли Сибирского федерального округа в национальной экономике.

После децентрализации 1990-х и административной вертикализации в первой половине 2010-х гг. межрегиональных взаимодействий процесс формирования пространственных пропорций вступил в зону нестабильности и стратегической бифуркации. Негативные эффекты в виде сжатия внутреннего рынка, фрагментации единого экономического пространства и образования обособленных локальных рынков в настоящий момент не имеют решающего значения. Но так как они все носят межрегиональный характер, то они способны постоянно формировать груз социальной напряженности на российском экономическом пространстве. Усиление роли Сибири отвечает интересам интенсификации межрегиональных взаимодействий и действиям по раскрепощению потенциала экономического роста. Это предполагает постепенное усиление механизмов национальной внутренней интеграции посредством вовлечения сильных региональных экономик во взаимодействие с более слабыми. Безусловно, в подобных межрегиональных связках будет существовать отчетливая асимметрия сил

активности, но это является наиболее прагматичным ответом на современные вызовы.

Литература

1. *Межрегиональные проблемы социально-экономического и научно-технического развития СССР* // Научный доклад (концепция раздела Комплексного прогноза социально-экономического и научно-технического развития СССР на 20 лет). Новосибирск, 1990. С. 147.
2. *Мазанова М.Б.* Территориальные пропорции народного хозяйства СССР / Академия наук СССР, Госплан СССР, Совет по изучению производительных сил. М. : Наука, 1974. 207 с.
3. *Жуков М.В.* Пространственные пропорции перспективного транспортно-инфраструктурного развития Российской Федерации // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 3. С. 105-114.
4. *Мельников Р.М.* Теория и механизм регулирования пропорций пространственного развития национальной экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2008.
5. *Коломак Е.А., Суспицын С.А.* Развитие методологии теоретических и прикладных исследований пространственных систем // Регион: Экономика и Социология. 2018. № 3 (99). С. 252–276.
6. *Суслов В.И., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В.* Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1131–1144.
7. *Суслов В.И.* Модели пространственной экономики: генезис, современное состояние, перспективы // Регион: Экономика и Социология. 2013. № 2 (78). С. 3–19.
8. *Шнипер Р.И.* Региональные предплановые исследования (экономический аспект). Новосибирск : Наука, 1978. 368 с.
9. *Широв А.А.* Оценка межрегиональных экономических взаимодействий на основе статистики грузовых железнодорожных перевозок // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2 (179). С. 36–47.
10. *González-Val R., Martínez-Galarraga J., Tirado-Fabregat D.A.* Market Potential and Regional Economic Growth in Spain, 1860–1930 // 54th Congress of the European Regional Science Association, 2014, St. Petersburg, Russia, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve.
11. *Shabani Z.D., Samadi A.H.* Does Market Potential Matter? Evidence on the Impact of Market Potential on Economic Growth in Iranian Provinces // Iran. Econ. Rev. 2017. Vol. 21, № 4. P. 847–863.
12. *Klaesson J., Larsson J.P., Norman T.* Accessibility and Market Potential Analysis // Working Papers Series from Swedish Entrepreneurship Forum. 2016. № 49. 39 p.
13. *Идрисов Г.И., Михайлова Т.Н.* Пространственная организация как фактор экономического развития. М., 2019. 58 с.
14. *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».
15. *Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И.* Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: Экономика и Социология. 2018. № 2 (98). С. 264–287.
16. *Минакир П.А.* (ред.) Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск : ДВО РАН, 2010. 560 с.
17. *Санникова И.Н., Рудакова Т.А.* Условия расширения экономической интеграции регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 8. С. 1394–1414. <https://doi.org/10.24891/re.16.8.1394>.
18. *Жаврина Д.А., Макарова Л.А., Пупина Ю.С., Щербинина А.А., Тюленева Н.А.* Взаимосвязь инновационной, инвестиционной активности и социально-экономического

развития регионов СФО // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 49. С. 76–95. DOI: 10.17223/19988648/49/6.

19. *Проблемные регионы ресурсного типа. Программы, проекты и транспортные коридоры* / под ред. М.К. Бандмана, В.Ю. Малова. Новосибирск, 2000. С. 264.

20. Гранберг А.Г., Кулешов В.В. (ред.) Долговременные принципы развития экономики Сибири : сборник научных статей. Новосибирск, 1996. С. 164.

The Siberian Federal District in Perspective Territorial Proportions of the National Economy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 87–99. DOI: 10.17223/19988648/53/7

Aleksandr V. Kotov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russian Federation); Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Keywords: spatial development, spatial proportions, interregional interaction, macroregions, Siberia, federal district, market potential.

The proportions of the location of spatial economic activity reflect the structural features of the country's economy. This article presents the results of a study to assess the most optimal expression of the proportions from the standpoint of a more complete development of the potential for interregional interactions. The methodological basis of the research is a set of developments in the field of interregional comparisons, the concept of regional market potential. On the example of calculating the optimal structure of the GRP in the context of federal districts, the perspective place of the Siberian Federal District in the Russian economy is analyzed separately. In modern national interregional comparisons, the Siberia macro-region was losing its positions, which explains why it is important to rebalance and qualitatively enhance its role in perspective spatial development. This can mainly be done through the modernization of the production potential accumulated in the Siberia macro-region and the intensification of interregional ties with other regions of the country. Further economically justified development of the natural resources of the Siberia macro-region with a new technological basis has become one of the most hotly debated issues. The article states that, in the forecast period until 2024, in order to strengthen the balance of spatial development, it is necessary to increase the weight of the Siberian Federal District in the national economy with a simultaneous decrease in the share of the Central Federal District and a significant redistribution of the increase in economic activity in general. It is emphasized that in terms of realizing the potential of interregional interactions more fully, an increase in the share of the Siberian Federal District's GRP is most consistent with the long-term goals of the national economy. The article shows that the role of interregional projects for Siberia, especially transport and infrastructure projects, in traditional and new industries should grow. This implies a gradual strengthening of national internal integration through strong regional economies' interaction with weaker ones. It is important to understand that the proposed institutional transformations are not aimed at creating any "Siberian preferences". They are ultimately aimed at increasing economic activity throughout Russia. The presented results can be used in the activities of federal and regional government bodies for the development and adjustment of macroregional development strategies.

References

1. Institute of Economic and Industrial Production Organizing, SB USSR AS. (1990) *Mezhregional'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i nauchno-tehnicheskogo razvitiya SSSR* [Interregional problems of the socioeconomic and scientific-technical development of the USSR]. In: *Nauchnyy doklad (kontseptsiya razdela Kompleksnogo prognoza sotsial'no-ekonomicheskogo i nauchno-tehnicheskogo razvitiya SSSR na 20 let)* [Scientific report (the

concept of the section of the Comprehensive Forecast of the Socioeconomic and Scientific-Technical Development of the USSR for 20 years)]. Novosibirsk: Institute of Economic and Industrial Production Organizing, SB USSR AS.

2. Mazanova, M.B. (1974) *Territorial'nye proporsii narodnogo khozyaystva SSSR* [Territorial proportions of the national economy of the USSR]. Moscow: Nauka.

3. Zhukov, M.V. (2014) Prostranstvennye proporsii perspektivnogo transportno-infrastrukturnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Spatial proportions of the perspective transport and infrastructure development of the Russian Federation]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie – Problem Analysis and Public Administration Projection*. 7 (3). pp. 105–114.

4. Consultant.ru. (2019) *Strategy for the spatial development of the Russian Federation for the period until 2025: approved by order of the Government of the Russian Federation uа February 13, 2019, No. 207-r*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/>. (In Russian).

5. Kolomak, E.A. & Suspitsyn, S.A. (2018) Developing the Methodology of Theoretical and Applied Research of Spatial Systems. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 3 (99). pp. 252–276. (In Russian). DOI: 10.15372/REG20180313

6. Suslov, V.I., Ibragimov, N.M. & Mel'nikova, L.V. (2018) Coalition analysis and effects of regional integration. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 14 (4). pp. 1131–1144. (In Russian). DOI: 10.17059/2018-4-6

7. Suslov, V.I. (2013) Modeling the spatial economy: Genesis, current state, and prospects. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 2 (78). pp. 3–19. (In Russian).

8. Shniper, R.I. (1978) *Regional'nye predplanovye issledovaniya (ekonomicheskiy aspekt)* [Regional pre-planning studies (an economic aspect)]. Novosibirsk: Nauka.

9. Shirov, A.A. (2020) Assessment of Interregional Economic Interactions Using Statistics of Freight Railway Transportation. *Problemy prognozirovaniya – Studies on Russian Economic Development*. 2 (179). pp. 36–47. (In Russian).

10. González-Val, R., Martínez-Galarra, J. & Tirado-Fabregat, D.A. (2014) Market Potential and Regional Economic Growth in Spain, 1860–1930. *54th Congress of the European Regional Science Association*. St. Petersburg, Russia: European Regional Science Association (ERSA); Louvain-la-Neuve.

11. Shabani, Z.D. & Samadi, A.H. (2017) Does Market Potential Matter? Evidence on the Impact of Market Potential on Economic Growth in Iranian Provinces. *Iran. Econ. Rev*. 21 (4). pp. 847–863.

12. Klaesson, J., Larsson, J.P. & Norman, T. (2016) Accessibility and Market Potential Analysis. *Working Papers Series from Swedish Entrepreneurship Forum*. 49.

13. Idrisov, G.I. & Mikhaylova, T.N. (2019) *Prostranstvennaya organizatsiya kak faktor ekonomicheskogo razvitiya* [Spatial organization as a factor in economic development]. Moscow: Delo.

14. Consultant.ru. (2019) *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy "Konsul'tant+"*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/>.

15. Kolomak, E.A. et al. (2018) Spatial development strategy of russia: Expectation and reality. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 2 (98). pp. 264–287. (In Russian). DOI: 10.15372/REG20180212

16. Minakir, P.A. (ed.) (2010) *Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsennarnoe prognozirovaniye regional'nogo razvitiya* [Pacific Russia–2030: Scenario Forecasting of Regional Development]. Khabarovsk: FEB RAS.

17. Sannikova, I.N. & Rudakova, T.A. (2018) Conditions of expansion of economic integration of regions. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional Economics: Theory and Practice*. 16 (8). pp. 1394–1414. (In Russian). DOI: 10.24891/re. 16. 8.1394.

18. Zhavrina, D.A. et al. (2020) A study of the relationship between the innovation investment activity and the socioeconomic development of the regions of the Siberian Federal District. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 49. pp. 76–95. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/49/6

19. Bandman, M.K., Malov, V.Yu. (eds) (2000) *Problemnye regiony resursnogo tipa. Programmy, projekty i transportnye koridory* [Problematic resource-type regions. Programs, projects and transport corridors]. Novosibirsk: Institute of Economic and Industrial Production Organizing, SB RAS.

20. Granberg, A.G. & Kuleshov, V.V. (eds) (1996) *Dolgovremennye printsipy razvitiya ekonomiki Sibiri* [Long-term principles of economic development in Siberia]. Novosibirsk: [s.n.].

УДК 314.72

DOI: 10.17223/19988648/53/8

О.М. Рой

ВЛИЯНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ НА МИГРАЦИОННУЮ УБЫЛЬ

В статье проводится анализ влияния неравномерности социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа на миграционную убыль. Статья содержит обзор современных тенденций в сфере миграционных перемещений, выявляются особенности этих перемещений на территории сибирских регионов. На примере Омской области, продемонстрировавшей глубокий демографический спад в последние годы, выделены ведущие факторы влияния на миграционные процессы, отмечена особая роль молодежной миграции. Используя методы количественного и качественного анализа, автор оценивает степень проявления каждого фактора на показателях демографической убыли сибирских регионов. По результатам исследования сделан вывод о неоднозначном и комплексном влиянии факторов на миграционную убыль в сибирских регионах. В заключительной части предложены меры совершенствования пространственной стратегии России на современном этапе.

Ключевые слова: неравномерность развития, Сибирь, миграционная убыль, уровень бюджетной обеспеченности, валовый региональный продукт.

Введение

Неравномерность развития регионов – свойство, присущее большинству современных государств. Трудно найти страну, в которой экономические, социальные и технологические условия были бы идентичными, что вызывает естественные процессы экономического размежевания между территориями. В основе такого размежевания лежит обеспеченность природными ресурсами, технологическая оснащенность их освоения и переработки, готовность местных элит вырабатывать механизмы извлечения имеющихся преимуществ территории в системе общественного разделения труда. Вступление России в рыночные отношения при фактическом сохранении действующей в советский период системы административно-территориального устройства содействовало неравномерности в развитии регионов страны.

Реакцией на неравномерность в развитии территорий выступают миграционные перемещения, связанные с актуальной способностью домохозяйств к смене места жительства в соответствии со своими жизненными установками. Для отдельных территорий эта тенденция оборачивается миграционным приростом, для других – миграционной убылью, т.е. разницей между прибывшими и выбывшими с отрицательным значением за конкретный промежуток времени.

Постановка проблемы

В научной литературе обращается внимание на наличие определенной зависимости между уровнем экономического развития территории и значением ее миграционного сальдо [1, 2]. Отставание одного региона от других способствует перераспределению миграционных потоков в пользу более богатых регионов, что является дополнительным фактором, снижающим потенциал отстающего региона. Однако реальное влияние экономических преимуществ территории на ее миграционную привлекательность является неоднозначным, что подтверждается низкой корреляцией экономических показателей состояния отдельных регионов России (в особенности южных) и миграционными намерениями жителей этих регионов [3, 4]. Невысокие бюджеты ряда регионов Северо-Кавказского федерального округа никак не отражаются на их миграционной привлекательности.

Значительные диспропорции, вызванные миграционными перемещениями, являются отображением сложных социально-экономических процессов, что связано с проявлением множества скрытых факторов, по-разному проявляющих себя в различных регионах страны. И если в одних регионах отмечается небывалый рост миграционного прироста, то в других прослеживается рекордное падение численности населения. Так, по данным Росстата, положительный миграционный прирост был зафиксирован в 28 регионах. Наиболее привлекательными были: Москва (+ 70 424), Московская область (+ 63 361), Краснодарский край (+ 30 555), Санкт-Петербург (+ 20 034) и Тюменская область (+ 9 958). Также немалый миграционный прирост был отмечен в последние годы в Воронежской, Свердловской, Калининградской областях, в Крыму и Севастополе. Тогда как в ряде восточных регионов страны и в первую очередь в СФО и ДВФО были отмечены высокие значения миграционной убыли населения.

Особый интерес влияние неравномерности на миграционные процессы вызывает в сибирском макрорегионе, миграционная убыль которого, пришедшая на последние десятилетия, нуждается в серьезном исследовании [5, 6].

Демографический кризис в России, выражающийся в значительном сокращении естественного прироста, выступает ярко выраженным трендом последних нескольких лет. Предковидный 2019 г. ознаменовался снижением числа рождений с 10,9 до 10,1 на тысячу человек, тогда как число умерших – лишь с 12,5 до 12,3. Что касается рождаемости, то она резко упала во всех регионах страны [7; 8, с. 268]. Сокращение естественного прироста не было компенсировано миграционными потоками, направленными в российские регионы со стороны стран бывшего СССР, которые заметно иссякли уже в нулевые годы [9]. Сибирские регионы в меньшей степени, чем регионы центральной и юго-западной частей страны, испытали увеличение численности населения за счет международной миграции [10]. Тем не менее различия в социально-экономическом положении сибирских регионов стали оказывать определенное влияние на внутреннюю миграцию, способствуя более динамичному развитию одних регионов и отставанию других.

Неравномерность социально-экономического развития регионов прежде всего следует оценивать по показателю валового регионального продукта (ВРП). Анализ состояния экономического развития сибирских регионов на период 2019 г., свидетельствует, что по объему ВРП в Сибирском федеральном округе (СФО) с большим отрывом лидирует Красноярский край. ВРП Красноярского края, по итогам 2018 г., составил 2 316 млрд руб., что почти в два раза превышает показатели региона, занимающего 2-е место в этом рейтинге, – Иркутской области с 1 356 млрд руб. Даже считающаяся ведущим сибирским регионом Новосибирская область занимает в этом рейтинге 4-е место, имея значение данного показателя в 1183 млрд руб. Другие сибирские регионы заметно отстают от лидеров, располагая гораздо меньшими показателями: Республика Алтай – 47 млрд руб., Тыва – 64 млрд руб.

Не меньший разброс в значении показателей можно обнаружить и при исследовании миграционных процессов. В ряде сибирских регионов отмечаются значительные темпы миграционной убыли населения. Так, по результатам 2019 г., Омская область вышла на 2-е место в России по оттоку населения: только в 2017 г. регион покинули 17,6 тыс. чел. Значительные отрицательные показатели по миграционному приросту имеют также Забайкальский край, Бурятия, Кемеровская, Иркутская области. Положительной динамикой в миграции населения в настоящее время обладают только Красноярский край и Новосибирская область, имеющие довольно высокие показатели социально-экономического развития, по сравнению с другими субъектами, представляющими СФО. Всего же, несмотря на то, что в целом по Сибири отмечаются отрицательные значения миграционного прироста – 5 946 чел., а коэффициент миграционного прироста на 10 000 чел. населения в 2018 г. составлял –17 [11, с. 92], только у Новосибирской области этот показатель имел положительное значение – +29, разброс в значениях сибирских регионов по этому показателю является разительным (от –1 (Красноярский край) до 62 (Омская область)).

Однако возникает вопрос: насколько уровень социально-экономического развития региона определяет вектор миграционных процессов и в конечном счете влияет на показатели миграционной убыли?

Оценка влияния неравномерности социально-экономического развития регионов СФО на миграционные процессы

Лидирующие значения Омской области по показателям миграционной убыли послужили стимулом для выявления скрытых факторов, содействующих намерениям жителей покидать достаточно успешный в советское время сибирский регион. Наиболее миграционная убыль велика в молодежном сегменте, который в большей степени чувствителен к воздействию вышеназванных факторов, оказывая негативное влияние на развитие региона в долгосрочной перспективе [12]. Анализ проведенных в период 2018–2019 гг. в г. Омске опросов, осуществленных лабораторией стратегических и региональных исследований ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (рук. – проф.

О.М. Рой) по исследованию факторов готовности граждан к миграциям показал, что наиболее значимыми факторами, влияющими на стремление респондента к смене жительства, являются следующие:

1. Уровень бюджетной обеспеченности региона.
2. Низкий уровень оплаты труда в регионе.
3. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.
4. Экологическое неблагополучие.
5. Возможность продолжения обучения, получение перспективной профессии.
6. Условия для развития малого и среднего предпринимательства.
7. Степень устойчивости региональной экономики.
8. Климатические условия.

В отношении других сибирских регионов влияние выделенных факторов проявляется по-разному, в зависимости от социально-экономических и социокультурных особенностей исследуемой территории.

Оценка связи уровня *бюджетной обеспеченности* и показателей миграционного прироста свидетельствует о неоднозначном соответствии данных параметров. К примеру, при достаточно скромном бюджете 21,5 млрд руб. Республика Алтай обнаруживает, по данным 2017 г., устойчивый положительный миграционный прирост – 6,1 (на 1 000 чел.) (данные Новосибирскстата), а Тыва при 25,5 млрд уровне республиканского бюджета – 13,2 (на 1 000 чел.). Конечно же, объяснить этот эффект можно природным своеобразием данных регионов, их экологическими и эстетическими достоинствами, а также национальными и социокультурными особенностями. В отношении других сибирских регионов уровень бюджетной обеспеченности в целом оказывает существенное воздействие на миграционные намерения граждан [13, с. 25]. Безусловным лидером здесь является наиболее развитый и промышленно оснащенный сибирский регион – Красноярский край, запланировавший в 2019 г. в качестве своих бюджетных доходов 223,7 млрд руб. Однако в крае с 1 января 2018 г. численность постоянного населения сократилась на 2 471 чел. (или на 0,1%), в первую очередь за счет естественной убыли – на 2 193 чел., миграционная убыль выдала –278 чел.

Неоднозначно можно трактовать и влияние на миграционную убыль *уровня оплаты труда*. По данным 2019 г., лидерами по показателю среднемесячной оплаты труда в Сибири были три региона – Красноярский край (48 425 руб.), Томская область (42 498 руб.) и Иркутская область (44 975 руб.), тогда как аутсайдерами по этому показателю являются Алтайский край (27 123 руб.), Омская область (34 327 руб.) и Республика Алтай (31 780 руб.). Здесь зависимость между уровнем оплаты труда и миграционной убылью является более выраженной, хотя, к примеру, один из лидеров миграционного прироста – Новосибирская область – имеет средние показатели среднемесячной оплаты труда (37 366 руб.) [14].

Следующий статистический показатель – *среднедушевые доходы населения* СФО – также распределен между регионами неравномерно (рис. 1).

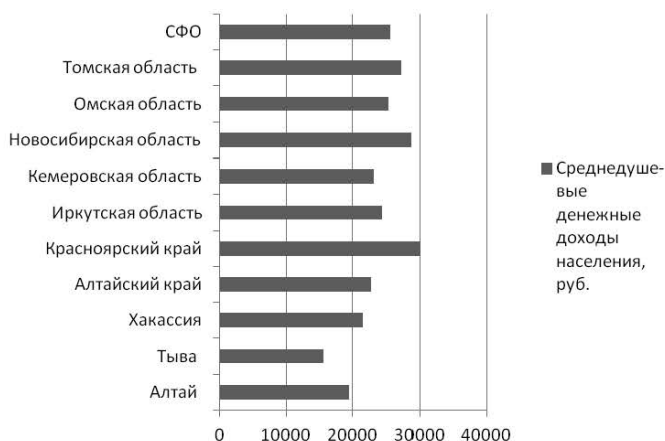

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы населения СФО, руб.

Гистограмма указывает на определенную зависимость между показателями среднедушевых денежных доходов и миграционной убылью, хотя данная связь является опосредованной многими факторами как этнонационального, так и географического характера. Возникает предположение, что на миграционную убыль влияет не столько низкий уровень оплаты труда, сколько растущие показатели пауперизации (обнищания) населения. Поэтому одно из важнейших значений принадлежит показателю *доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*, который имеет в Сибири достаточно высокую степень дифференциации (таблица).

**Доля населения с денежными доходами ниже
величины прожиточного минимума в СФО (составлено по: [15, с. 153])**

№ п/п	Регион	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума
1	Республика Алтай	24,0
2	Республика Хакасия	18,5
3	Республика Тыва	34,4
4	Алтайский край	17,4
5	Красноярский край	17,1
6	Иркутская область	17,7
7	Кемеровская область	13,9
8	Новосибирская область	14,1
9	Омская область	13,6
10	Томская область	14,7

Однако анализ представленных выше данных также указывает на отсутствие прямой зависимости между показателями доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и миграционной убыли. Следует также учитывать и тот факт, что миграционная

убыль – феномен с высоким уровнем запаздывания. Поэтому текущие изменения того или иного фактора не сразу отображаются на миграционных последствиях. Более того, даже отрицательные значения отдельных факторов могут корреспондировать с положительными значениями миграционного сальдо. Кроме того, высокий уровень бедности приводит к консервации миграционной готовности, неспособности людей кардинально менять условия своего проживания.

Одним из ключевых факторов влияния на миграционную убыль является *экологическое благополучие*. Оценку экологической ситуации в регионе провести достаточно сложно в силу значительного разнообразия критериев экологического состояния. Общий подход, отражающий государственную экологическую политику, определен Федеральным законом № 7-ФЗ от 10.01.2002 «Об охране окружающей природной среды», где в разделе 8 обозначены критерии определения зон чрезвычайной экологической ситуации. По данным общественной организации «Зеленый патруль», приведенным в 2019 г., к наиболее экологически неблагоприятным сибирским регионам относятся: Красноярский край, Омская и Иркутская области. Есть ряд других критериев экологического неблагополучия: к примеру, неблагоприятность региона для производства сельскохозяйственной продукции. В 2017 г. федеральное правительство внесло Тыву, Алтай, Бурятию, Кузбасс и Томскую область в число 29 регионов, которые были признаны неблагоприятными для производства сельскохозяйственной продукции. Барнаул, Новокузнецк, Иркутск и Омск считаются наиболее грязными городами не только в Сибири, но и в России в целом. Следует отметить, что способность органов региональной власти влиять на политику экологически опасных предприятий заставляет последние модернизировать свое производство и сокращать неблагоприятные последствия воздействия на среду. В целом можно говорить об определенной связи миграций и экологического состояния региона, тем более что основная доля проживающих в Сибири приходится именно на города.

Миграционную убыль необходимо также увязывать с *особенностями образовательной и возрастной структуры мигрантов*. Следует отметить в связи с этим важнейшую роль образовательного кластера в Томской области, оказывающего влияние на миграционные показатели. Областная столица региона продолжает привлекать значительную часть молодежи и научных кадров, несмотря на достаточно неблагоприятные миграционные тенденции в целом. Каждый год на поступление в томские вузы подается от 55 тыс. до 63 тыс. заявлений. Общее число бюджетных мест в 6 томских вузах превышает 8 тыс. (к примеру, в Омске в 11 государственных вузов чуть больше 9 тыс.). По данным экспертов, около половины всех абитуриентов в Томск приезжает из других регионов РФ, причем шестая часть – из стран ближнего зарубежья. Проблема здесь заключена в неготовности местных рынков труда ассимилировать большое количество заканчивающих вузы высококвалифицированных специалистов, зачастую вынужденных в поисках работы выезжать за пределы региона.

Одним из ключевых факторов неравномерности становится неупорядоченное распределение средств государственной поддержки и бюджетных мест среди сибирских вузов [16]. Дифференциация вузов по их статусу, экономические возможности регионов и инвестиционные намерения местных компаний оказывают значительное влияние на перераспределение миграционных потоков. Закономерной реакцией на отсутствие доступности к получению профильного образования становится отток молодежи, которая выезжает в регионы, где имеются крупные федеральные университеты, существует более гибкая система распределения бюджетных мест между специальностями, соответствующая структуре территориального рынка. Молодежь традиционно считается наиболее подверженной миграциям когортой, активность которой повысилась в связи с введением ЕГЭ и возможность молодых людей поступать в вузы, находящиеся за пределами мест их постоянного проживания.

Еще одним важным фактором, определяющим характер миграционной убыли региона, представляется *занятость в сфере малого и среднего бизнеса*. Малые предприятия, как никакие другие, ориентированы на регион, будучи чувствительными ко всем изменениям внутрирегиональной конъюнктуры. Возможности перерегистрации малых предприятий при изменении условий их функционирования вызывают тенденции их неравномерного распределения между регионами. Так, к примеру, малое предпринимательство представлено в Омской области – 29,1 тыс. ед., тогда как в Новосибирской области – 77,8 тыс. ед., а в Красноярском крае – 50,0 тыс. ед. [15, с. 373]. Способность региона удержать в сфере своей юрисдикции малый бизнес дает возможность региону не только оставлять у себя большую часть получаемых доходов, но и трудоустраивать местное население.

Фактор степени устойчивости региональной экономики выражается в уверенности респондента в своем будущем, устойчивости сложившихся производственных и коммерческих связей, надежности и емкости имеющейся в регионе ресурсной базы. Влияние этого фактора на миграционную убыль трудно операционализировать, но он способствует формированию определенного психологического климата, который оказывает воздействие на желание человека к изменению места жительства. Огромную роль в этом процессе играют средства массовой информации, формирующие образ территории, оказывающий либо положительное, либо отрицательное влияние на миграционные установки. СМИ задают перспективную модель региона, воплощаемую в оценке качества функционирования базовых общественных институтов, позиционируют условия жизни отдельного региона относительно других. В рамках проведенного опроса на территории Омской области была выявлена высокая степень неверия значительной части опрошенных (до 60%) в перспективы экономического развития региона, подкрепленная низкой оценкой состояния территориального рынка труда. Тем не менее прямой зависимости между негативной оценкой экономического потенциала региона и миграционными намерениями респондента выявить не удалось.

Что касается *климатических условий* как миграционного фактора, то в пределах Сибирского федерального округа он не имеет широкого разнообразия и вряд ли может быть рассмотрен как проявление неравномерности в условиях существования человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что ни один из выделенных нами факторов напрямую не оказывает решающего воздействия на миграционную убыль населения в регионах: в каждом конкретном случае показатели миграционной убыли являются функцией совокупного влияния факторов. Однако обнаруженные в разрезе каждого фактора различия между регионами трудно недооценивать. Бесконтрольное нарастание этих различий будет способствовать тенденциям депопуляции отдельных регионов и утрате комплексности в воспроизводстве макрорегиональных социально-экономических связей.

Роль государственной политики России в преодолении миграционной убыли

Принятая в начале 2019 г. Пространственная стратегия России усиливает роль макрорегионов в развитии страны, акцентирует внимание на разработке сбалансированной политики по основным направлениям регионального развития. Макрорегиональный формат социально-экономического развития призван сформировать надрегиональные формы территориальной кооперации, усилить значение межрегионального сотрудничества и нивелировать имеющиеся пространственные диспропорции, вызванные неравномерностью регионального воспроизводства. Вместе с тем необходимо прописать в документе дополнительные меры пространственного развития, противодействующие масштабной демографической убыли на периферийных территориях:

1. Недопущение диспропорций в системе государственной поддержки регионов. Уровень бюджетной обеспеченности региона должен оставаться основным критерием федеральной поддержки.

2. Государственная система бюджетного стимулирования должна осуществляться в соответствии с запросами регионов и особенностями сложившегося там территориального рынка труда.

3. Вполне обоснованная идея развития макрорегионов должна быть дополнена характерными и детально прописанными механизмами взаимодействия бизнес-сообществ, зарегистрированных в разных субъектах федерации, в рамках перспективных кластерных образований.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выделить ряд наиболее значимых факторов миграционной убыли, выявленных в процессе опроса жителей региона с наиболее высокими значениями данного показателя – Омской области. Однако анализ этих факторов на основе обобщения статистических данных регионов СФО продемонстрировал сложный характер такого влияния, отображающий специфические особен-

ности того или иного региона, условия его социально-экономического развития. Полученные результаты подтверждают необходимость совершенствования макрорегиональных способов осуществления государственной региональной политики, преодоления нарастающих межрегиональных диспропорций. Нарастание тенденций миграционной убыли в отдельных регионах угрожает деформацией сложившейся системы общественного разделения труда в стране, разрушением хозяйственных межрегиональных связей и может повлечь за собой обострение социально-экономических противоречий в обществе.

Литература

1. Якишбаева Г.В. Анализ динамики и классификация типов трудовой миграции в России // Экономика труда. 2017. № 4. С. 431–446.
2. Воробьева О.Д., Ионцев В.А., Кожевникова Н.И. и др. Миграционные процессы в России / под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ, 2014. 383 с.
3. Абдулманапов П.Г. Влияние миграций на демографическую структуру в регионах СКФО // Успехи современного естествознания. 2016. № 3. С. 108–112.
4. Ракачева Я.В. Основные тенденции миграционных процессов в Южном федеральном округе: демографические и социально-экономические последствия // PRIMO ASPECTU. 2016. № 4 (28). С. 26–30.
5. Воробьев Н.В. Миграция населения Сибири: постсоветские тенденции // География и природные ресурсы. 2019. № 5 (159). С. 172–177.
6. Трибунский С.И., Колядо В.Б., Карташев В.Н., Колядо Е.В. Основные тенденции миграционных процессов в Сибирском федеральном округе // Сибирское медицинское обозрение. 2011. № 4.
7. Срочно нужен третий // Российская газета. 12.03.2020. № 54. (6108). URL: <https://rg.ru/2020/03/12/kak-izmenilas-demograficheskaja-situaciia-v-rossii-v-2019-godu.html>
8. Социально-экономическое положение России: январь-июль, 2020 г. М. : Росстат, 2020.
9. Короленко А.В. Основные черты современного демографического кризиса в России и пути его преодоления // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 79–94.
10. Самаруха В.И., Краснова Т.Г., Плотникова Т.Н. Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия БГУ. 2018. № 1. С. 56–62.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. М., 2019. 1204 с
12. Киселева А.М. Миграционная безопасность Омской области: молодежный аспект // Вестник СибАДИ. 2018. № 12, т. 15, сквозной номер выпуска – 59. С. 121–132.
13. Новосибирская область. 2018: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2018.
14. О заработной плате в регионах СФО. URL: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS17_2020.pdf
15. Российский статистический ежегодник. 2019. М. : Росстат, 2019. 713 с.
16. Рой О.М. Влияние государственной образовательной политики на развитие предпринимательства или нужны ли Омской области экономисты? // Национальные приоритеты России. 2018. № 3 (30). С. 52–59.

The Uneven Development of Siberian Regions: Impact on Migration Loss

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 100–110. DOI: 10.17223/19988648/53/8

Oleg M. Roy, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: roi_omsk@mail.ru

Keywords: uneven development, Siberia, migration loss, level of budgetary provision, gross regional product.

The article analyzes the impact of the uneven socioeconomic development of the regions of the Siberian Federal District on the migration loss. Using the GRP (gross domestic product) indicator, the author demonstrates significant differences in the level of the socioeconomic development of Siberian regions. The trend towards a decrease in natural increase in Siberia that has emerged in recent years is exacerbated by an increase in migration loss, which has covered a number of regions of the Siberian Federal District. The article contains an overview of modern trends in the field of migration movements, identifies the features of these movements in Siberian regions. On the example of Omsk Oblast, which has demonstrated the most profound migration loss in recent years, the leading factors of influence on migration processes are identified: the fiscal capacity of the region; low wages in the region, the share of the population whose cash income is below the minimum subsistence level; environmental woes; the opportunity of continuing education, obtaining future-oriented professions; conditions for the development of small and medium-sized businesses; the stability of the regional economy; and climatic conditions. Using the methods of quantitative and qualitative analysis, the author assesses the manifestation of each factor in the indicators of migration loss in Siberian regions. The study did not show a direct relationship between the fiscal capacity of the region, the level of wages, and the indicators of migration growth. At the same time, the connection between migration loss and the state support of regions in the educational sphere or the developing assistance to small and medium-sized businesses is more clearly visible. The special role of youth migration is emphasized. The analysis of the identified trends shows that the growing differences between regions will contribute to depopulation trends in some regions and to the loss of complexity in the reproduction of macroregional socioeconomic ties. The author emphasizes that the fiscal capacity of the region should remain the main criterion for federal support, and the state system of budgetary incentives should be implemented in accordance with the needs of the regions and the characteristics of the territorial labor market. In the final part, the measures to improve the spatial strategy of Russia at the present stage are proposed. The idea of macroregional development presented in the strategy should be supplemented by the prescribed mechanisms of interaction between business communities registered in different subjects of the federation, within the framework of promising cluster formations.

References

1. Yakshibaeva, G.V. (2017) Analysis of dynamics and classification of types of labor migration in Russia. *Ekonomika truda – Russian Journal of Labor Economics*. 4. pp. 431–446. (In Russian).
2. Vorob'eva, O.D. et. al. (2014) *Migratsionnye protsessy v Rossii* [Migration processes in Russia]. Moscow: Ekon-inform.
3. Abdulmanapov, P.G. (2016) The influence of migration on the demographic structure in the regions of the North Caucasus Federal District *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 3. pp. 108–112.
4. Rakacheva, Ya.V. (2016) Osnovnye tendentsii migratsionnykh protsessov v Yuzhnom federal'nom okruge: demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya [The main trends of migration processes in the Southern Federal District: demographic and socioeconomic consequences]. *RRIMO ASPECTU*. 4 (28). pp. 26–30.
5. Vorob'ev, N.V. (2019) Population migration of Siberia: Post-Soviet trends. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 5 (159). pp. 172–177. (In Russian). DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2019-5(172-177)
6. Tribunskiy, S.I. et al. (2011) Main tendencies of the migration processes in Siberian Federal District. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie – Siberian Medical Review*. 4.
7. *Rossiyskaya gazeta*. (2020) Srochno nuzhen tretiy [A third one is urgently needed]. 12 March 2020. 54 (6108). [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/03/12/kak-izmenilas-demograficheskaya-situatsiya-v-rossii-v-2019-godu.html>

8. Rosstat. (2020) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii: yanvar'-iyul', 2020 g.* [The socioeconomic situation in Russia: January–July, 2020]. Moscow: Rosstat.
9. Korolenko, A.V. (2014) The main features of the current demographic crisis in Russia and ways of its overcoming. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 2 (70). pp. 79–94. (In Russian).
10. Samarukha, V.I., Krasnova, T.G. & Plotnikova, T.N. (2018) Migration movement of the population of Siberian regions. *Izvestiya BGU – Bulletin of Baikal State University*. 1. pp. 56–62.
11. Rosstat. (2019) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2019: stat. sb.* [Regions of Russia. Socioeconomic indicators. 2019: Statistics]. Moscow: Rosstat.
12. Kiseleva, A.M. (2018) Omsk Region Migration Security. Youth Aspect. *Vestnik SibADI – The Russian Automobile and Highway Industry Journal*. 12 (15). pp. 121–132. (In Russian). DOI: 10.26518/2071-7296-2018-1-121-132
13. Federal State Statistic Service in Novosibirsk Oblast. (2018) *Novosibirskaya oblast'. 2018: statisticheskiy ezhegodnik* [Novosibirsk Oblast. 2018: A statistics yearbook]. Territorial'nyy organ FSGS po Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: TOGS.
14. Federal State Statistic Service in Novosibirsk Oblast. (2020) *O zarabotnoy plate v regionakh SFO* [On wages in the regions of the Siberian Federal District.]. [Online] Available from: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS17_2020.pdf.
15. Rosstat. (2019) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2019* [Russian statistical yearbook. 2019]. Moscow: Rosstat.
16. Roy, O.M. (2018) Vliyanie gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki na razvitie predprinimatel'stva ili nuzhny li Omskoy oblasti ekonomisty? [The impact of the state educational policy on the development of entrepreneurship, or does Omsk Oblast need economists?]. *Natsional'nye priority Rossii*. 3 (30). pp. 52–59.

ЭКОНОМИКА ТРУДА

УДК 331

DOI: 10.17223/19988648/53/9

Е.М. Каз

ДОВЕРИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ МОДЕЛИ К ИНСТРУМЕНТАМ

В статье доверие в организации выдвигается на роль фактора, играющего определяющую роль в процессе социального взаимодействия. В ней представлен разработанный автором и апробированный на практике инструментарий управления доверием. Данный инструментарий позволяет не только выявлять подразделения в организации, наиболее остро нуждающиеся в укреплении доверия, но и предлагает новый подход к формированию резерва для ротации руководителей и отбора претендентов на руководящие должности в «проблемные подразделения», содействующий повышению качества социального взаимодействия в них, а значит, и в компании в целом.

Ключевые слова: управление организацией, доверие, результативность труда, ротация руководителей, конфигурация организации, социально-трудовые отношения.

В условиях ускоряющегося динамизма окружающей среды, когда действие и характер другого субъекта трудно предсказуемы, растет исследовательский интерес к проблемам социального взаимодействия [1–3]. Еще в 1920 г. русско-американский социолог, один из ведущих мыслителей XX в., П.А. Сорокин определил данную категорию как «функцию поведения одного или множества индивидов, зависимую от сознания и поведения других индивидов» [4, с. 237]. Концепция «социального взаимодействия» получила широкое признание в рамках психологии, философии, политологии [5–7]. Что касается использования данной категории в экономических исследованиях на уровне организаций, то этот вопрос остается малоизученным. По нашему мнению, рассмотрение социально-трудовых отношений как комплекса сложных социальных связей, формирующихся в сфере труда, открывает перспективы изучения их с позиции концепции социального взаимодействия и позволяет ставить вопрос о роли доверия как фактора, определяющего качество социального взаимодействия в формировании социально-трудовых отношений в организации.

Взгляд на доверие как на фундаментальную основу социального порядка охватывает большое количество дисциплин и уровней исследования. Почему люди доверяют, как доверие формирует социальные отношения – изучение этих вопросов находится в центре внимания психологов [8–14], социологов [15–18], экономистов [19–22], исследователей, занятых изучением организационного поведения [23].

Ряд авторов убеждены, что доверие – главный фактор формирования здоровой личности, другие рассматривают доверие как основу межличностных отношений. Одних авторов интересует изучение доверия как основы для организации сотрудничества, – других – как залог стабильности социальных институтов, рынков и важный механизм организации эффективного рыночного обмена. Наконец, значительное количество исследований посвящено социально-философским и нравственно-этическим аспектам доверия.

Все это указывает на то, что проблема доверия находится в центре междисциплинарных исследований. Высокая востребованность изучения феномена «доверие» со стороны общества, экономики и бизнеса позволяет прогнозировать дальнейшую активизацию и углубление исследований в данной области. Вместе с тем все более значимой становится проблема сближения теоретических позиций, согласования концептуальных и прикладных моделей, разработанных в рамках различных дисциплин.

С целью изучения роли доверия в формировании социально-трудовых отношений в рамках организации нами было проведено исследование в одной из компаний г. Томска – ООО «Спец Логистик-НК». Компания является официальным дистрибьютором компании ООО «ПЕПСИКО ХОЛДИНГС» («PepsiCo Russia») и занимается оптовой торговлей безалкогольными напитками (бренды «Pepsi», «Mirinda», «7UP», «Mountain Dew», «Lipton Ice Tea», «Аква Минерале», «Ессентуки» и др.), пищевыми продуктами (снэковая продукция: «Cheetos», «Lay's», «ХрусTeam» и др.), молочными продуктами (бренды «Домик в деревне», «Веселый молочник», «Чудо», «Имунеле» и др.), а также их хранением, складированием и поставкой.

В процессе исследования, в котором участвовало 117 человек, был проведен анализ взаимосвязей между степенью выполнения функциональных обязанностей сотрудниками, качеством их труда и рядом социально-экономических параметров:

- удовлетворенность заработной платой;
- общая удовлетворенность трудом;
- уровень самореализации в труде;
- условия труда;
- уровень руководства.

Кроме того, оценивался *сложившийся* уровень доверия¹ в первичных трудовых коллективах компании. Для этого на основе данных, полученных с использованием метода парных сравнений, рассчитывались коэффициенты социальной дистанции (в опубликованных нами ранее работах была обоснована правомерность использования инструментария оценки социальной дистанции для определения уровня доверия, сложившегося в трудовом коллективе [24, 25]).

Что касается информации о степени выполнения сотрудниками своих функциональных обязанностей, то она собиралась с помощью специально

¹ Сложившийся уровень доверия – реально существующий уровень доверия в трудовых коллективах.

разработанной анкеты (табл. 1). Анкетирование позволило оценить каждого работника по четырём параметрам, а именно: качество выполнения задания, производительность труда, абсентеизм, отношение к труду.

Оценка производительности труда, как и остальных трех параметров, осуществлялась руководителями первичных трудовых коллективов компании ООО «Спец Логистик-НК» путем присвоения каждому подчиненному одного из значений шкалы с диапазоном от «никогда» до «постоянно». Затем эти значения переводились в баллы от 0 до 5.

**Таблица 1. Анкета оценки подчиненных
непосредственным руководителем (фрагмент)**

Вопрос	Вариант ответов					ФИО
	никогда	редко	не редко, но и не часто	часто	постоянно	
1. Насколько часто сотрудник перевыполнял месячное задание или оказывался в числе лучших по данному показателю на предприятии?						Гарчев И.
						Емельянов Д.
						Немыцкий А.
						Астафьев Р.
						...
2. Насколько часто этот сотрудник получал материальное поощрение за выполнение своих функций выше среднего						Гарчев И.
						Емельянов Д.
						Немыцкий А.
						Астафьев Р.
...	...	...	...	...	...	...
						...

Собранная в процессе анкетирования информация, а также значения коэффициентов социальной дистанции, полученные по каждому первичному трудовому коллективу, переносились в электронные таблицы, затем обрабатывалась на компьютере с использованием пакета прикладных программ SPSS for Windows. Это позволило провести корреляционный анализ данных (расчет коэффициентов корреляции Спирмена и оценка уровня значимости). Полученная информация подтвердила положительную корреляцию на уровне 0,502 между доверием и результатами трудовой деятельности (корреляционные связи значимы при $p = 0,05$). Исследование также показало высокую положительную корреляцию на уровне 0,781 между доверием и внутрифирменными «рамочными условиями» (приемлемый уровень доверия), в качестве которых выступают структурные особенности организации, стадия жизненного цикла и особенности конфигурации организации по Г. Минцбергу (рис. 1).

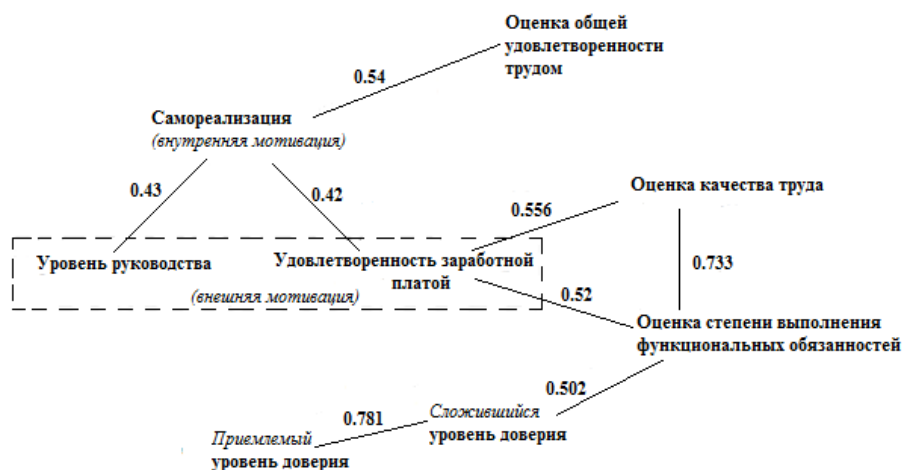

Рис. 1. Выявленные значимые корреляционные связи (значимы при $p = 0,05$)

Проведенное эмпирическое исследование, кроме того, позволило установить те первичные трудовые коллективы, в которых коэффициент межличностной дистанции оказался меньше, а следовательно, выше уровень доверия¹, имели более высокую результативность труда².

Полученные результаты позволили разработать инструментарий по управлению уровнем доверия в организации.

Разработка инструментария управления доверием в организации, по нашему мнению, должна опираться на принципы ситуационного подхода. Как известно, ситуационный подход отказывается от поиска единственно правильного способа управления организацией и требует идентификации параметров окружающей среды, определяющих в каждом конкретном случае свой приемлемый метод управления [26, с. 238]. «Железная клетка рациональности, – как отмечают, ссылаясь на М. Вебера, авторы работы «Школа стратегий», – придает форму всему, с чем сталкивается руководитель» [26, с. 242–243]. Применительно к развиваемой в статье точке зрения на важную роль доверия в социальном взаимодействии мы полагаем, что иная комбинация параметров организации: конфигурации, стадии жизненного цикла и структурной части – может требовать иных подходов к формированию и развитию социального взаимодействия между сотрудниками трудового коллектива.

¹ Используя показатель «межличностная дистанция» для оценки уровня доверия, следует учитывать, что его изменение в определенном направлении свидетельствует об изменении уровня доверия в противоположном направлении. Поскольку чем меньше межличностная дистанция, тем больше доверие и наоборот.

² Среднее значение коэффициента межличностной дистанции составило: погрузочно-разгрузочный терминал – 1,3; отдел товароведения – 2,4; автотранспортное подразделение – 3,3, в то время как среднее значение результативности труда – 4,5; 3,9; 3,4 соответственно.

В пользу указанного вывода говорит также анализ результатов ряда научных проектов. Так, исследование, проведенное в одном из крупнейших аграрно-промышленных объединений России ЗАО «Сибирская Аграрная группа», не обнаружило высокого уровня «доверия» в организации [27, с. 154]. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что изучение данного параметра проводилось путем расчета средних показателей в целом по трем, во многом различным, предприятиям компании: «Главное подразделение ЗАО «Аграрная Группа»», ЗАО «Аграрная Группа Мясопереработка» в г. Томске и «Аграрная Группа Молоко» [27, с. 153], а значит, без дифференциации, исходя из роли таких факторов, как конфигурация, стадия жизненного цикла организации, функциональные особенности структурных частей организации.

В другом исследовании, выполненном А.Б. Купрейченко и В.С. Фроловой среди сотрудников двух организаций сферы услуг, было выявлено «расхождение в представлениях об актуальном уровне организационного доверия у руководящего состава и рядовых работников» [28, с. 434]. С позиции отстаиваемого нами подхода такой вывод вполне закономерен. Рядовые сотрудники и менеджеры не относятся к одной и той же структурной части организации (первые относятся к операционному ядру, структуре или вспомогательному персоналу, вторые – к срединной линии или стратегической вершине). Уже это определенно указывает, что исследованные группы сотрудников должны различаться по уровню доверия. Поэтому полученный в процессе опросов вывод вполне закономерен. Однако авторы исследования отнеслись к выявленной ситуации как к «серьезной проблеме» [28, с. 434], объяснив ее тем, что менеджеры «в значительной степени переоценивают уровень организационного доверия» [28, с. 436–437], сложившийся в их компании.

Итак, прежде чем определить уровень доверия, сложившийся в подразделениях, необходимо осуществить картирование «условий взаимодействия» (рис. 2).

Процедура картирования включает ряд этапов: оценку приемлемого уровня доверия в подразделениях (I этап); оценку фактически сложившегося уровня доверия в подразделениях компании (II этап); картирование расхождений между приемлемым и сложившимся уровнями доверия (III этап). Под приемлемым уровнем доверия нами понимается уровень доверия, который признается достаточным для полной реализации возложенных на подразделение функций. Что касается сложившегося уровня доверия, то это реально существующий уровень доверия в трудовых коллективах.

В свою очередь, I этап включает: определение конфигурации организации; идентификацию стадии жизненного цикла, на которой она находится; выделение и классификацию структурных частей организации; количественную оценку по каждому подразделению приемлемого уровня доверия. Что касается II этапа, то он осуществляется путем анкетирования сотрудников подразделений. Оценка и последующее картирование подразделений по

степени востребованности механизмов доверия (III этап) могут быть осуществлены либо путем расчета разности баллов, полученных каждым подразделением на I и II этапах, либо с использованием матрицы «Сложившийся уровень доверия – приемлемый уровень доверия» (табл. 2).

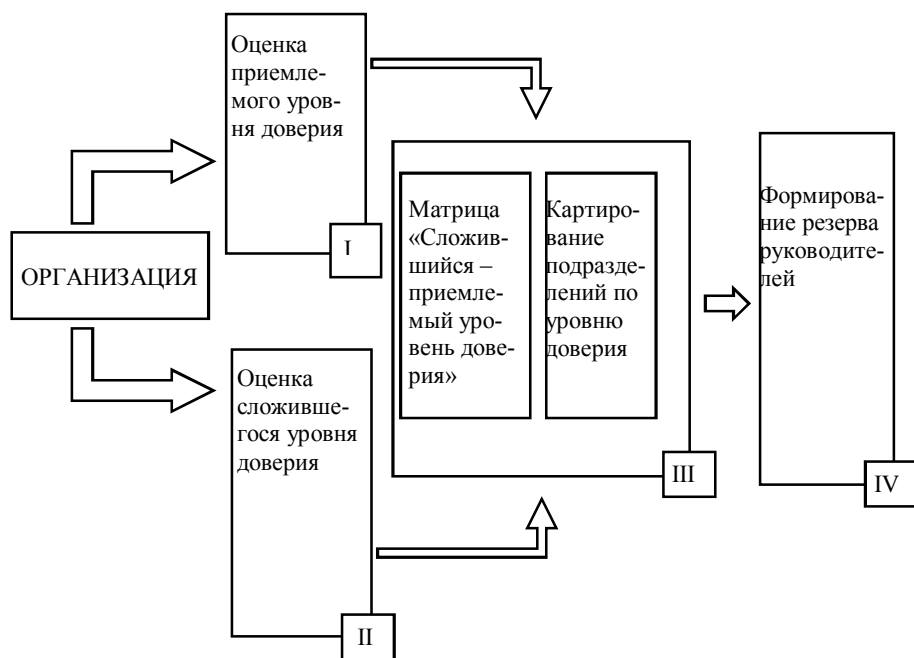

Рис. 2. Уровень доверия в организации: картирование и формирование резерва руководителей подразделений

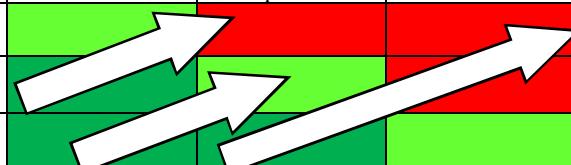
Подразделения, получившие наиболее высокие оценки на III этапе, признаются наиболее остро нуждающимися в развитии механизмов доверия.

В матрице (табл. 2) темным цветом в правом верхнем углу обозначены сочетания оценок приемлемого и фактически сложившегося уровней доверия, свидетельствующие об острой необходимости совершенствования социального взаимодействия в подразделении посредством развития механизмов доверия. Серым цветом средней интенсивности в левом нижнем углу матрицы и светло-серым цветом по диагонали – сочетания оценок, свидетельствующие об отсутствии такой потребности.

Анализ матрицы показывает, что руководители ряда подразделений (сочетание оценок которых выделено серым цветом средней интенсивности, см. табл. 2) могут быть включены в резерв для ротации руководителей. Стрелки обозначают возможные направления такой ротации: из подразделений с высоким уровнем доверия, но не требующих такого уровня, в подразделения с низким уровнем доверия по результатам оценки сложившегося уровня доверия, но требующие высокого уровня по результатам оценки приемлемого уровня доверия.

**Таблица 2. «Сложившийся уровень доверия – приемлемый уровень доверия»
и возможные направления ротации руководителей подразделений**

Оценка приемлемого уровня доверия (простран- ственная модель)	Оценка сложившегося уровня доверия в подразделении (анкетирование сотрудников)			
		Высокая	Средняя	Низкая
	Высокая			
	Средняя			
	Низкая			

Такой вывод базируется на широко разделяемой точке зрения, что стиль руководства, а значит, и характер воздействия руководителя на социально-трудовые отношения остаются постоянными, так как определяются особенностями его личности. Поэтому целесообразнее подбирать руководителя к ситуации, сложившейся в области социально-трудовых отношений в том или ином подразделении, чем стремиться изменить модель поведения руководителя.

Очевидно, что предварительный список претендентов на должность в «проблемное подразделение» может включать как лиц, входящих в резерв для ротации (см. табл. 2), так и других сотрудников.

Возвращаясь к начальным этапам процедуры картирования, следует отметить, что решение вопроса идентификации стадии жизненного цикла организации (I этап, пункт 2) потребовало разработки соответствующей методики. Для этой цели была подготовлена диагностическая анкета определения стадии жизненного цикла организации. Она включает 11 блоков вопросов (соответствуют 11 выделенным нами параметрам, по которым одна стадия жизненного цикла отличается от другой). Все разделы содержат описание 6 ситуаций (каждая отражает особенности одного из этапов жизненного цикла). В ее основу положена модель жизненного цикла организации И. Адизеса [29] и принципы шкалирования, заложенные в методе BARS (Behaviorally Anchored Rating Scale – шкала оценки с привязкой к показателям деятельности) [30, с. 516]. Эти принципы требуют, чтобы каждому делению шкалы, конструируемой на основе метода BARS, ставился в соответствие свой набор характеристик деятельности. Лицо, проводящее оценку, должно выбрать то описание, которое в наибольшей степени соответствует ситуации, сложившейся в компании.

Как следует из проведенного исследования, экономические ресурсы, приобретенные компанией, прямо или опосредованно преобразуются в доверие и другие символические ресурсы. Последние, обеспечивая рост организации и ее защиту от неопределенностей внешней среды, фактически вновь трансформируются в экономические ресурсы. Так, морально-этический феномен «доверие» превращается в важный экономический ресурс. Высокий уровень доверия в компании позволяет ей применять более

компактную, но и более эффективную систему управления. Напротив, дефицит доверия и попытка преодолеть его усилением иерархических систем управления и контроля не всегда приводят к повышению эффективности деятельности предприятия. Еще реже дефицит доверия удается напрямую компенсировать структурными преобразованиями в компании. Скорее это происходит опосредованно: удачные структурные преобразования содействуют повышению качества взаимодействия сотрудников, что, в свою очередь, способствует росту доверия между ними, а следовательно, и улучшению функционирования системы управления предприятием.

Выявленные автором положительные корреляции между доверием и результатами трудовой деятельности, а также между доверием и внутрифирменными «рамочными условиями» позволили разработать инструментарий управления доверием. С его помощью можно не только выявить подразделения в организации, наиболее остро нуждающиеся в укреплении доверия, но и предложить новый подход к формированию резерва для ротации руководителей и отбора претендентов на руководящие должности в «проблемные подразделения», содействующий повышению качества социального взаимодействия как в отдельных подразделениях, так и в компании в целом.

Литература

1. Li D., Liu J. Dynamic capabilities, environmental dynamism, and competitive advantage: Evidence from China // Journal of Business Research. 2014. Vol. 67. P. 2793–2799. DOI: 10.1016/j.jbusres.2012.08.007
2. Goll I. Rational decision-making and firm performance: the moderating role of environment // Strategic Management Journal. 1997. Vol. 18. P. 583–591. DOI: 10.1002/(sici)1097-0266(199708)18:7<583::aid-smj907>3.3.co;2-q
3. Jansen J., Crossan M. Strategic leadership for exploration and exploitation: the moderating role of environmental dynamism // Elsevier. The Leadership Quarterly. 2009. Vol. 20. P. 5–18. DOI: org/10.1016/j.leaqua.2008.11.008
4. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1003 с.
5. Doise W., Mugny G. Social interaction and cognitive development: further evidence // European Journal of Social Psychology. 1976. Vol. 6. P. 245–247. DOI: 10.1002/ejsp.2420060207
6. Lopes P. N. et al. Emotion regulation abilities and the quality of social interaction // Emotion. 2005. Vol. 5(1). P. 113–118. doi.org/10.1037/1528-3542.5.1.113
7. Heffner T., Rentsch J. Organizational commitment and social interaction: a multiple constituencies approach // Journal of Vocational Behavior. 2001. Vol. 59. P. 471–490. DOI: 10.1006/jvbe.2001.1808
8. Deutsch M. Trust and suspicion // Sage journal. 1958. Vol. 2 (4). P. 265–279. DOI: 10.1177/002200275800200401
9. Worchel S., Austin W. G. Trust and Distrust. The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey, CA : Cole Publishing. 1979. P. 174–187.
10. Antonenko I., Rotenberg K. Psychology of social trust // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–5 July, 2019). Moscow : Moscow University Press, 2019. 2160 p. URL: https://ecp2019.ru/doc/Book_of_Abstracts_ecp_2019.pdf
11. Журавлёва Л. А., Сумарокова В. А. Особенности доверия и недоверия у студентов экономических вузов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 3.

С. 60–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-doveriya-i-nedoveriya-u-studentov-ekonomicheskikh-vuzov>

12. Зинченко В.П. Психология доверия. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Изд-во СИОКПП, 2001. 104 с.

13. Позняков В.П. Региональные и гендерные особенности доверия российских предпринимателей к различным видам организаций // Экономическая психология в России и Беларуси. Минск : Экономпресс, 2007. С. 274–297.

14. Скрипкина Т.П. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. № 3. С. 111–131.

15. Gambetta D. Can We Trust Trust? in Gambetta, Diego (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations, electronic edition, Department of Sociology, University of Oxford, chapter 13. 2000. P. 213–237.

16. Селигман А. Проблема доверия. М. : Идея-Пресс, 2002. 256 с.

17. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 440 с.

18. Веселов Ю. Доверие и справедливость. Моральные основания. М. : Аспект Пресс, 2011. 231 с.

19. Axelrod D., Goold S. Maintaining trust in the surgeon-patient relationship: challenges for the new millennium // Arch Surg. 2017. Vol. 135 (1). P. 55–61.

20. Miller M., Hoppe S. Attributions for job termination and psychological distress // Human Relations. 1994. Vol. 47. P. 307–327.

21. Радаев В. О доверии: классовом и личном // Harvard Business Review. Россия. Бизнес и общество. Экономика. 2012. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/al1427>

22. Ляско А. Межфирменное доверие и шumpетерианские инновации // Вопросы экономики. 2003. № (11). С. 27–40. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-11-27-40>

23. Tyler T., Kramer R. Whither trust? Trust in Organizations: Frontiers of theory and research. Thousand Oaks, CA : Sage, 1996. 423 p.

24. Kaz E.M. Trust in the development of labor relations and well-being at work // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). Lifelong Wellbeing in the World (WELLSO 2016). 2017. Vol. XIX. P. 291–297. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.40

25. Каз Е.М. Фактор «доверие» в концепциях мотивации трудовой деятельности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 3 (35). С. 206–218.

26. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. СПб. : Питер, 2000. 330 с.

27. Мундриевская Ю.О. Структура и факторы формирования социального капитала вертикально интегрированного холдинга // Инициатива. Актуальные проблемы социальных наук. (26–27 апреля 2013 г.). XV Всероссийская конференция молодых учёных. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. С. 151–155.

28. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М. : Институт психологии РАН, 2008. 564 с.

29. Адизес И.К. Управление жизненным циклом корпорации. СПб. : Питер, 2011. 384 с.

30. Бергер Д., Бергер Л. Энциклопедия систем мотивации и оплаты труда. М. : Альпина Паблишер, 2008. 768 с.

Trust within an Organization and Effectiveness of Activities: From the Model to Instruments

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 111–122. DOI: 10.17223/19988648/53/9

Evgenia M. Kaz, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gk123a@mail.ru

Keywords: social and labor relations, trust, labor productivity, leadership rotation, organization's configuration.

The article studies trust as an important factor that has a significant impact on social interaction within an organization. The article presents the results of the conducted correlation analysis of data from questionnaires, obtained in one Tomsk company, on the level of trust, the degree of effectiveness of activities by employees, quality of work, as well as a number of socioeconomic parameters: satisfaction with wages, general job satisfaction, the level of self-realization in work, working conditions, the level of leadership. The analysis made it possible to reveal a positive correlation at the level of 0.502 between trust and effectiveness of activities (correlations are significant at $p = 0.05$). The study also revealed a high positive correlation at the level of 0.781 between the real level of trust and the acceptable level of trust, which is determined by the structural features of the organization, the stage of the life cycle and the features of the organization's configuration, according to Henry Mintzberg. The conducted empirical research also made it possible to determine that labor collectives with a higher level of trust also had higher labor productivity. The obtained results made it possible to develop instruments for managing the level of trust within the organization, which includes a number of stages: assessment of the acceptable level of trust in the company's divisions (stage I); assessment of the real level of trust in the company's divisions (stage II); mapping the discrepancies between the acceptable and the real levels of trust (stage III). In order to assess the acceptable level of trust (stage I), it is required to determine the configuration of the organization, identify the stage of its life cycle, allocate and classify the structural parts of the organization, and, as a result, to quantify the acceptable level of trust for each division. At stage II, the employees of the divisions are questioned. The author proposes to determine the assessment and subsequent mapping of divisions according to the degree of demand for trust mechanisms (stage III) by calculating the difference in points received by each division at stages I and II. The divisions that received the highest results at stage III are recognized as most urgently in need of the development of trust mechanisms. The results of testing the instruments developed by the author in one of the companies in Tomsk are described in the article. The instruments made it possible for the company to identify the divisions of the organization that required trust building and to propose a new approach to the formation of a reserve for the rotation of managers and selection of candidates for senior positions in the "problem" divisions. The new approach contributes to improving the quality of social interaction in separate divisions and in the whole company.

References

1. Li, D. & Liu, J. (2014) Dynamic capabilities, environmental dynamism, and competitive advantage: Evidence from China. *Journal of Business Research*. 67. pp. 2793–2799. DOI: 10.1016/j.jbusres.2012.08.007
2. Goll, I. (1997) Rational decision-making and firm performance: the moderating role of environment. *Strategic Management Journal*. 18. pp. 583–591. DOI: 10.1002/(sici)1097-0266(199708)18:7<583::aid-smj907>3.3.co;2-q
3. Jansen, J. & Crossan, M. (2009) Strategic leadership for exploration and exploitation: the moderating role of environmental dynamism. Elsevier. *The Leadership Quarterly*. 20. pp. 5–18. DOI: org/10.1016/j.leaqua.2008.11.008
4. Sorokin, P.A. (2008) *Sistema sotsiologii* [The system of sociology]. Moscow: Astrel'.
5. Doise, W. & Mugny, G. (1976) Social interaction and cognitive development: further evidence. *European Journal of Social Psychology*. 6. pp. 245–247. DOI: 10.1002/ejsp.2420060207
6. Lopes, P.N. et al. (2005) Emotion regulation abilities and the quality of social interaction. *Emotion*. 2005. 5(1). pp. 113–118. DOI: 10.1037/1528-3542.5.1.113
7. Heffner, T. & Rentsch, J. (2001) Organizational commitment and social interaction: a multiple constituencies approach. *Journal of Vocational Behavior*. 59. pp. 471–490. DOI: 10.1006/jvbe.2001.1808
8. Deutsch, M. (1958) Trust and suspicion. *Sage Journal*. 2 (4). pp. 265–279. DOI: 10.1177/002200275800200401

9. Worchel, S. & Austin, W.G. (1979) *Trust and Distrust. The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Cole Publishing. pp. 174–187.
10. Antonenko, I. & Rotenberg, K. (2019) *Psychology of social trust*. Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology. 2–5 July. 2019. Moscow, Lomonosov Moscow State University. Moscow: Moscow University Press. [Online] Available from: https://ecp2019.ru/doc/Book_of_Abstracts_ecp_2019.pdf.
11. Zhuravleva, L.A. & Sumarokova, V.A. (2014) Peculiarities of trust and distrust in students of higher schools of economics. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogy*. 3. pp. 60–65. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-doveriya-i-nedoveriya-u-studentov-ekonomicheskikh-vuzov>. (In Russian).
12. Zinchenko, V.P. (2001) *Psikhologiya doveriya* [The psychology of trust]. 2nd ed. Samara: Izd-vo SIOKPP.
13. Poznyakov, V.P. (2007) Regional'nye i gendernye osobennosti doveriya rossiyskikh predprinimateley k razlichnym vidam organizatsiy [Regional and gender characteristics of Russian entrepreneurs' trust in various types of organizations]. In: Zhuravlev, A.L. & Polikarpov, V.A. (eds) *Ekonomicheskaya psikhologiya v Rossii i Belarusi* [Economic psychology in Russia and Belarus]. Minsk: Ekonompress. pp. 274–297.
14. Skripkina, T.P. (2011) Antinomiya doveriya k miru i doveriya k sebe v chelovecheskom bytii [Antinomy of trust in the world and trust in oneself in human being]. *Razvitie lichnosti – Development of Personality*. 3. pp. 111–131.
15. Gambetta, D. (2000) Can We Trust Trust? In: Gambetta, D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Electronic edition. Chapter 13. University of Oxford: Department of Sociology. pp. 213–237.
16. Seligman, A. (2002) *Problema doveriya* [The problem of trust]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
17. Sztompka, P. (2012) *Doverie – osnova obshchestva* [Trust: the foundation of society]. Translated from Polish. Moscow: Logos.
18. Veselov, Yu. (2011) *Doverie i spravdlivost'*. *Moral'nye osnovaniya* [Trust and justice. Moral grounds]. Moscow: Aspekt Press.
19. Axelrod, D. & Goold, S. (2017) Maintaining trust in the surgeon-patient relationship: challenges for the new millennium. *Arch Surg*. 135 (1). pp. 55–61.
20. Miller, M. & Hoppe, S. (1994) Attributions for job termination and psychological distress. *Human Relations*. 47. pp. 307–327.
21. Radaev, V. (2012) O doverii: klassovom i lichnom [On trust: class and personal]. *Harvard Business Review: Rossiya. Biznes i obshchestvo. Ekonomika*. [Online] Available from: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/a11427>
22. Lyasko, A. (2003) Inter-Firm Trust and Schumpeterian Innovations. *Voprosy ekonomiki*. (11). pp. 27–40. [Online] Available from: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-11-27-40>. (In Russian).
23. Tyler, T. & Kramer, R. (1996) *Whither trust? Trust in Organizations: Frontiers of theory and research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
24. Kaz, E.M. (2017) Trust in the development of labor relations and well-being at work. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). Lifelong Wellbeing in the World (WELLSO 2016)*. XIX. pp. 291–297. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.40
25. Kaz, E.M. (2016) The factor “trust” in labor motivation concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 3 (35). pp. 206–218. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/35/17
26. Mintzberg, H., Ahlstrand, B. & Lampel, J. (2000) *Shkoly strategiy* [Strategy Safari: A Guided Tour Through The Wilds of Strategic Management]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

27. Mundrievskaya, Yu.O. (2014) [The structure and factors of the formation of social capital of a vertically integrated holding]. *Initia*. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State University. pp. 151–155.

28. Kupreychenko, A.B. (2008) *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [The psychology of trust and distrust]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.

29. Adizes, I.K. (2011) *Upravlenie zhiznennym tsiklom korporatsii* [Managing corporate lifecycles]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

30. Berger, D. & Berger, L. (2008) *Entsiklopediya sistem motivatsii i oplaty truda* [The compensation handbook]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.

УДК 339.543:378

DOI: 10.17223/19988648/53/10

**В.И. Дьяков, В.В. Горчаков, М.В. Ниязова, В.В. Стецюк,
Ю.Д. Исмагилова**

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ УСЛОВИЯМИ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ¹

Существует необходимость получения научно обоснованных данных о том, как молодые специалисты ощущают себя, делают первые шаги в таможенных органах, как «система» оценивает на практике уровень подготовленности выпускников, как развиваются их межличностные отношения в условиях службы в таможенных органах. Организованная и эффективно функционирующая система адаптации должностных лиц и работников таможенных органов очень важна как для молодого специалиста, так и для организации, она обеспечивает снижение показателя текучести кадров, уменьшение издержек, сохранение времени руководителя и сотрудников, развитие позитивного отношения к работе, удовлетворенности условиями труда, а также определяет эффективность последующих действий молодого специалиста на рабочем месте. Профессиональная адаптация в таможенных органах имеет ряд особенностей, которые обусловлены спецификой таможенной службы. Работа посвящена оценке влияния удовлетворенности условиями и возможностями профессиональной деятельности в таможенных органах на адаптацию должностных лиц и работников таможенных органов к таможенной службе. Цель статьи – провести анализ факторов, влияющих на удовлетворенность условиями и возможностями профессиональной деятельности, и разработать рекомендации по совершенствованию процесса адаптации молодых специалистов к таможенной службе на примере выпускников Владивостокского филиала Российской таможенной академии, работающих в таможенных органах. Выделены подходы к профессиональной адаптации к таможенной службе, различающиеся по объекту анализа. Корреляционный анализ результатов социологического опроса выпускников таможенного вуза показал прямые положительные взаимосвязи отдельных показателей внешних и внутренних факторов. Разработана модель и на ее основе проведена оценка удовлетворенности условиями и возможностями профессиональной деятельности в таможенных органах, а также уровня адаптированности к требованиям профессии. Предложен комплекс мероприятий по совершенствованию процесса профессиональной адаптации молодого специалиста к таможенной службе. Совершенствование системы управления процессом адаптации рассматривается с приемной кампанией и затрагивает весь процесс обучения образовательной организации, а заканчивается в таможенных органах. Процесс совершенствования системы управления

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного по заказу Дальневосточного таможенного управления по теме «Профессиональная адаптация выпускников образовательной организации высшего образования: 2000–2019 гг. (на примере Владивостокского филиала Российской таможенной академии)».

адаптацией должностных лиц и работников таможенных органов включает комплекс разнообразных мероприятий, в том числе разработку и внедрение научно обоснованной программы адаптации.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, молодой специалист, самооценка, корреляционный анализ, внешние и внутренние факторы, таможенные органы, Дальневосточное таможенное управление, Владивостокский филиал Российской таможенной академии.

Повышение эффективности управления кадровым составом таможенных органов зависит не только от «совершенствования системы подбора и расстановки кадров; сохранения высококвалифицированного кадрового состава и привлечения молодых специалистов на службу в таможенные органы; совершенствования системы профессионального развития должностных лиц таможенных органов, повышения их профессионализма и компетенции» [1], но и от ключевых факторов адаптации молодых специалистов к таможенной службе.

Среди разнообразия исследований этой области основная линия раздела пролегает между теми из них, в которых профессиональная адаптация рассматривается как элемент применения образовательных технологий в сфере таможенного образования [2, 3] или системы управления персоналом таможенной службы [4–6], и теми, в которых изучается адаптация молодого специалиста – выпускника образовательной организации, связанного с адаптацией поведения [3, 7–11]. Другими словами, если в первом случае объектом анализа является система управления процессом адаптации, то во втором – участники процесса профессиональной адаптации.

Авторы статьи относят себя ко второй группе, изучающей прежде всего факторы, влияющие на адаптацию молодых специалистов в таможенных органах. Среди разнообразия факторов выделяют основные из них – индивидуальные и ситуационные, материальные (прагматические) и альтруистические. Так, Herminia Ibarra [12] рассматривает индивидуальные и ситуационные факторы, влияющие на адаптационное поведение, формируя спектр возможностей, которыми руководствуется молодой специалист. Н.В. Мозолевой [8] показано влияние индивидуальных и ситуационных факторов на процесс профессиональной адаптации в таможенных органах. При этом автор выделяет преобладание статусных позиций таможенной профессии и материального благосостояния семей, которые включены в социальный аспект идентичности, как одну из ключевых особенностей таможенных коллективов. В исследованиях [6, 7] определена совокупность индивидуальных факторов, развивающих процесс адаптации либо синдрома дезадаптации молодых специалистов таможенных органов. В.А. Клитинова и Н.М. Корсунова [10] отмечают индивидуальные и материальные факторы как основную причину эффективности профессиональной адаптации молодых специалистов в таможенных органах: отсутствие перспектив карьерного роста, как следствие, в коммерческой организации, выпускники таможенных специальностей порой видят больше перспектив. Авторы [11] выделили материальные и альтруистические факторы у сту-

дентов Санкт-Петербургского и Ростовского филиалов Российской таможенной академии.

Рассмотрение факторов адаптации молодых специалистов в таможенных органах имеет научную значимость, так как оно позволяет грамотно организовать, с одной стороны, процесс управления, процесс обучения – с другой. Особый интерес представляет оценка влияния условий на участника профессиональной адаптации, на его возможности и ограничения. Цель нашей статьи – на примере выпускников Владивостокского филиала Российской таможенной академии (далее – филиал, далее – ВФ РТА), работающих в таможенных органах, проанализировать факторы, влияющие на удовлетворенность условиями и возможностями профессиональной деятельности, и сформировать рекомендации по совершенствованию процесса адаптации молодых специалистов к таможенной службе.

Выборочную совокупность проведенного социологического исследования составили 355 выпускников, окончивших дневное отделение ВФ РТА в период с 2000 по 2019 г. и работающих в таможенных органах на начало 2019 г.¹ В целом по состоянию на 01.01.2019 каждый четвертый служащий в ДВТУ – выпускник ВФ РТА (1 076 из 4 170), или 29,1 % общего количества специалистов, получивших диплом Российской таможенной академии во Владивостоке. Основную часть составили работники Владивостокской таможни (34,3%) и Уссурийской таможни (28,8%).

Для целей исследования под факторами профессиональной деятельности будем понимать объективные обстоятельства, определяющие характер, содержание и качество деятельности работника или существенно влияющие на них [13, 14]. На условия и возможности профессиональной деятельности молодых специалистов оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Если «волевые качества личности», «способность к принятию нестандартных решений» [8], наличие «оптимального профессионально приемлемого уровня психологической сопротивляемости профессиональным трудностям» [9] – это внутренние факторы и таможенные органы могут их регулировать, то к внешним относятся, помимо общепринятых факторов (демографические, социально-экономические, культурные и пр.), «стабильность таможенной службы» [8] и нормативно-правовые условия развития таможенной службы Российской Федерации. Внешние факторы определяют контекст исследования и не могут быть изменены прямым управляющим воздействием таможенных органов.

¹ Анкетирование проводилось с января по апрель 2019 г. и включало опрос выпускников Владивостокского филиала Российской таможенной академии, работающих в таможенных органах и пунктах пропуска в регионе деятельности Дальневосточного таможенного управления. На этот период в структуру Дальневосточного таможенного управления входили: Биробиджанская таможня, Благовещенская таможня, Владивостокская таможня, Дальневосточная электронная таможня, Камчатская таможня, Магаданская таможня, Находкинская таможня, Сахалинская таможня, Уссурийская таможня, Хабаровская таможня.

Респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, позволяющих количественно оценить условия и возможности своей профессиональной деятельности. Вопросы сгруппированы в три условные группы факторов и показателей.

F1. Содержание и возможности труда: характер и содержание работы (R1.); творческие возможности профессии (R2.); должность (R3.); условия профессионального роста (R4.); возможность должностного продвижения (R5.).

F2. Организация и условия труда: организация труда (R6.); условия труда (R7.); оплата труда (R8.); режим работы (R9.); социальные гарантии (R10.).

F3. Межличностные взаимоотношения в рабочем коллективе: результаты профессиональной деятельности (R11.); взаимоотношения с коллегами (R12.); взаимоотношения с непосредственным руководителем (R13.).

Если содержание и возможности труда (F1.) и межличностные взаимоотношения в рабочем коллективе (F3.) – внутренние факторы и таможенные органы могут их регулировать, то фактор организации и условий труда (F2.) относится к внешним, поскольку условия труда и оплата труда, режим работы и социальные гарантии установлены нормативно-правовыми актами Минфина России и Правительства Российской Федерации.

Анализ полученных данных выявил разные уровни корреляции (табл. 1). Высокая прямая взаимосвязь ($K \geq 0.7$) наблюдается между условиями профессионального роста (R4.) и возможностью должностного продвижения (R5.), взаимоотношениями с коллегами (R12.) и с непосредственным руководителем (R13.). Существует умеренная положительная корреляция ($0.5 \leq K < 0.7$) организации труда (R6.) с условиями труда (R7.), режима работы (R9.) с условиями труда (R7.), оплаты труда (R8.) с социальными гарантиями (R10.), условий профессионального роста (R4.) с организацией труда (R6.), возможности должностного продвижения (R5.) с организацией труда (R6.).

Таблица 1. Коэффициенты корреляции между показателями групп факторов

		F1.					F2.					F3.		
		R1.	R2.	R3.	R4.	R5.	R6.	R7.	R8.	R9.	R10.	R11.	R12.	R13.
F1.	R1.	1												
	R2.	0,3	1											
	R3.	0,3	0,2	1										
	R4.	0,4	0,3	0,4	1									
	R5.	0,4	0,4	0,4	0,7	1								
F2.	R6.	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5	1							
	R7.	0,3	0,2	0,3	0,4	0,4	0,6	1						
	R8.	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	1					
	R9.	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3	1				
	R10.	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,3	0,5	0,2	1			
F3.	R11.	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	1		
	R12.	0,2	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2	0,3	1	
	R13.	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3	0,2	0,4	0,7	1

Начнем рассмотрение результатов анализа с фактора содержания и возможностей труда (F1.), имеющего доминирующее число связей между показателями. Показатели этого фактора можно отнести к достижительной мотивации. На рис. 1 приведен сопоставительный анализ показателей удовлетворенности выпускников содержанием и возможностями труда.

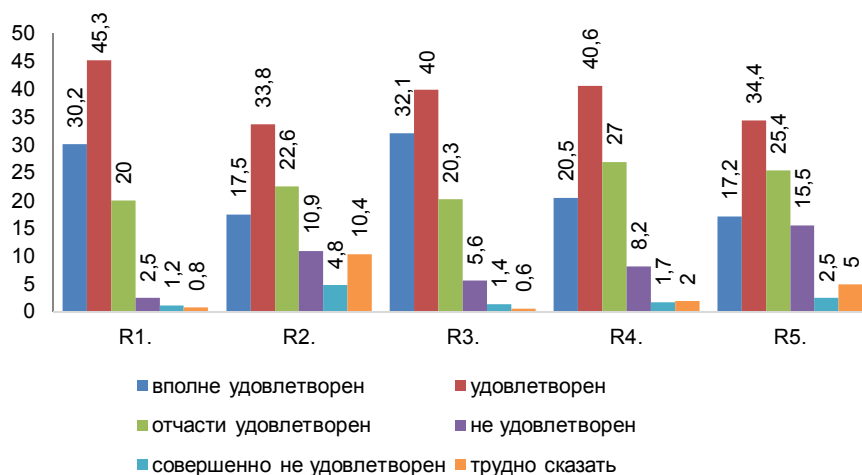

Рис. 1. Удовлетворенность выпускников содержанием и возможностями труда (%):
 R1. – характер и содержание работы; R2. – творческие возможности профессии;
 R3. – должность; R4. – условия профессионального роста;
 R5. – возможность должностного продвижения

Исходя из представленных на рис. 1 данных, следует, что в целом выпускники удовлетворены содержанием и возможностями своей профессиональной деятельности, а их самооценка находится на уровне «удовлетворен» и «вполне удовлетворен». Наибольшее значение имеют показатели характера и содержания работы (R1.), должности (R3.) и условий профессионального роста (R4.) (в порядке убывания).

Немаловажным фактором, воздействующим на благополучную адаптацию молодых специалистов к трудовой деятельности, несомненно, является удовлетворенность организацией и условиями труда (F2.). Закономерно, что чем выше степень удовлетворенности у работников данными характеристиками труда, тем быстрее и успешнее они усвоят трудовые навыки (рис. 2).

Ответы, полученные в результате социологического опроса, свидетельствуют об относительной удовлетворенности выпускников организацией и условиями труда по показателям режима работы (R9.), условий труда (R7.) и организации труда (R6.).

Интерпретация данных фактора уровня удовлетворенности межличностными взаимоотношениями в рабочем коллективе (F3.) позволяет утверждать, что выпускники филиала в значительной степени удовлетворены навыками межличностного общения (рис. 3). Так, 91,5% респондентов

тов удовлетворены сложившимися взаимоотношениями с коллегами по работе (R12.), а 90,1% устраивают профессиональные отношения с непосредственным руководителем (R13.).

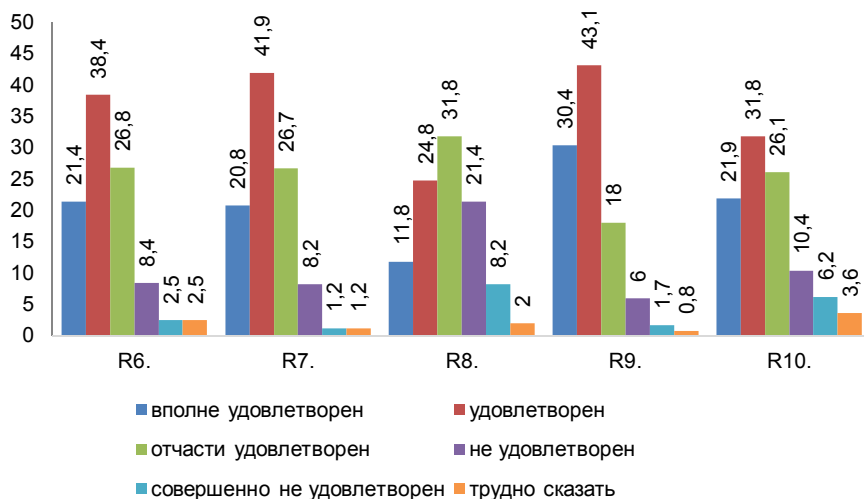

Рис. 2. Удовлетворенность выпускников организацией и условиями труда (%):

R6. – организация труда; R7. – условия труда; R8. – оплата труда;

R9. – режим работы; R10. – социальные гарантии

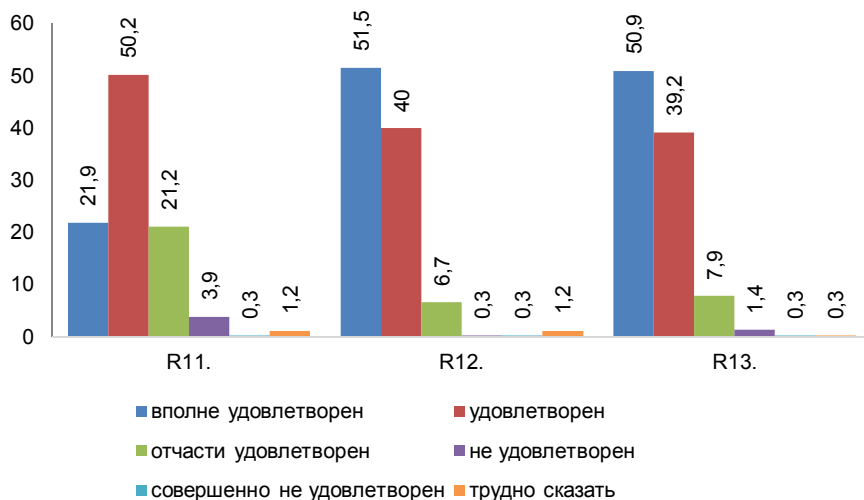

Рис. 3. Удовлетворенность выпускников межличностными взаимоотношениями в рабочем коллективе (%): R11. – результаты профессиональной деятельности;

R12. – взаимоотношения с коллегами; R13. – взаимоотношения с непосредственным руководителем

Модель оценки удовлетворенности условиями и возможностями профессиональной деятельности в таможенных органах также предусматривала оценку уровня адаптированности к требованиям профессии, которая состоит из двух этапов. На первом этапе выпускникам, работающим в таможенных органах, было предложено оценить уровень своей адаптированности к требованиям профессии по 9-балльной шкале, а результаты их самооценки позволили выделить «высокий», «средний» и «низкий» уровень адаптированности (табл. 2). В результате первоначальная выборка была структурирована на 190, 146 и 19 респондентов соответственно.

Таблица 2. Самооценка выпускников филиала своего уровня адаптированности к требованиям профессии, %

№ п/п	Уровень адаптации	Средний	Специальность			
			Таможенное дело	Экономика и управление на предприятии (таможня)	Экономический факультет (менеджмент)	Юриспруденция
1	Высокий	53,5	53,8	48,1	46,7	60,7
2	Средний	41,1	40,7	45,3	46,7	35,9
3	Низкий	5,4	5,5	6,6	6,6	3,4

Данные табл. 2 иллюстрируют, что субъективное ощущение высокой адаптированности присутствует у большинства выпускников, работающих в таможенных органах. Среди специальностей наиболее позитивная оценка отмечена по направлению «Юриспруденция». При этом 58% выпускников филиала – должностных лиц и работников таможенных органов с уровнем самооценки адаптированности как «высокий» требуется не более года для профессиональной адаптации. У выпускников средней и низкой адаптированности наблюдается тенденция к увеличению этого периода до двух и трех лет. По объективным причинам чаще себя уверенно в профессии чувствуют респонденты более ранних годов выпуска. Однако с 2014 г. начинает возрастать, а с 2016 г. преобладать доля выпускников с самооценкой «пока нет такой уверенности».

Второй этап модели включает выделение групп в уровнях адаптированности на основе сопоставления удовлетворенности работой в целом и условий и возможностей своей профессиональной деятельности. Получилось четыре группы уровней адаптированности выпускников к требованиям профессии: «отличная», «хорошая», «удовлетворительная», «неудовлетворительная». Их анализ показал связь между удовлетворенностью работой в целом и условиями и возможностями своей профессии в группе «отличная» высокой самооценки адаптированности (рис. 4). Остальные группы также рассматривались, но основные выводы сделаны именно по этой группе.

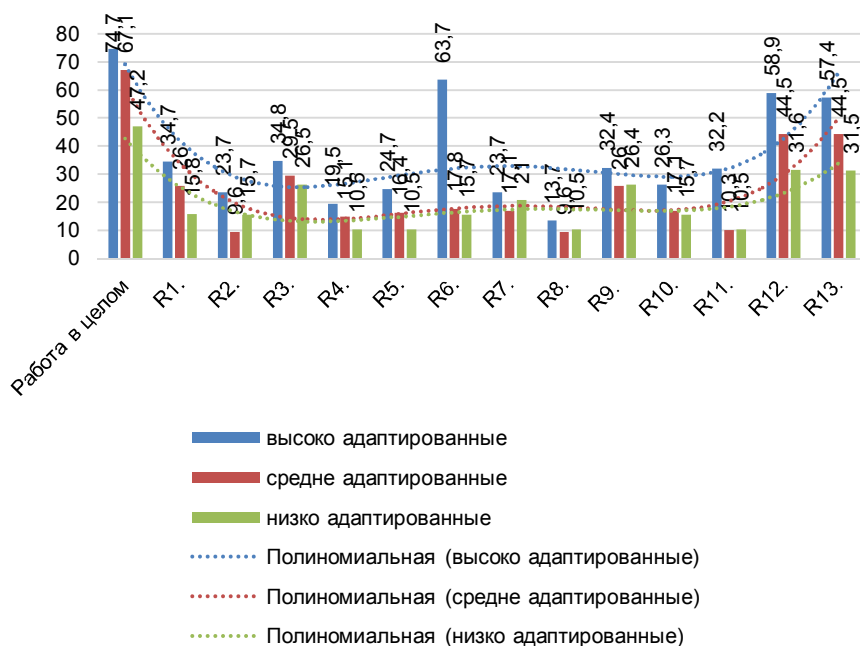

Рис. 4. Сопоставление показателей оценки удовлетворенности условиями и возможностями профессиональной деятельности по группе «отличная» уровней адаптированности выпускников к требованиям профессии, %

Можно констатировать, что уровень удовлетворенности разными показателями имеет высокое значение при высокой самооценке уровня адаптированности выпускников. Так, организация труда (R6.), взаимоотношения с коллегами (R12.) и непосредственным руководителем (R13.) имеют наибольшую степень удовлетворенности у группы с высокой адаптированностью. Наибольшая степень удовлетворенности по показателям взаимоотношений с коллегами (R12.) и непосредственным руководителем (R13.) характерна и для групп средне и низко адаптированных. У последней группы выпускников также наблюдается наибольшая степень удовлетворенности должностью (R3.) и режимом работы (R9.). Кроме того, работу в целом оценили на «отлично» 74,7% из 190 высоко адаптированных выпускников, 67,1% – из 146 средне адаптированных и 47,2% – из 19 выпускников с низким уровнем адаптации.

Заметим, что под словом «адаптированность» подразумевается качественное состояние человека как результат процесса адаптации [15].

Социологическое исследование выявило, что существенная часть выпускников с высоким и средним уровнем самооценки адаптированности не довольны размером заработной платы (R7.). Тем не менее выпускников удерживают на работе хорошие взаимоотношения с коллегами (R12.) и непосредственным руководителем (R13.).

60,5% выпускников с уровнем самооценки адаптированности как «высокий» продолжают работать по распределению. В то время как из катего-

рии выпускников с низкой самооценкой уровня адаптированности 73,7% сменили место работы.

Таким образом, представленные результаты исследования показывают, что основное влияние на условия и возможности профессиональной деятельности молодых специалистов оказывают: условия профессионального роста (R4.), возможность должностного продвижения (R5.), взаимоотношения с коллегами (R12.) и непосредственным руководителем (R13.). Следующие по значимости это организация труда (R6.), условия труда и профессионального роста (R7.), возможность должностного продвижения (R5.), режим работы (R9.), оплата труда (R8.) и социальные гарантии (R10.). При этом более низкое значение уровня удовлетворенности оплатой труда и социальными гарантиями относительно других показателей хоть и весомо, но по большому счету не оказывает негативного воздействия на процесс адаптации. Между показателями «характер и содержание работы» (R1.), «творческие возможности профессии» (R2.), «должность» (R3.) и «результаты профессиональной деятельности» (R11.) выявлены некоторые взаимосвязи, но сильная линейная связь между ними в явном виде отсутствует. Коэффициенты корреляции не превышают 0,5 – корреляции слабые, очень слабые или статистически незначимые. Последнее подтверждает выводы А.А. Антипова, который объяснял такую тенденцию «консервативным содержанием госслужбы» [16]. Также в экономической литературе есть разные взгляды на степень влияния отдельных факторов на объект управления. Например, Н.В. Мозолева отмечает негативное влияние таких внутренних факторов, как «неудовлетворенность заработной платой» и «недостаточная реализованность мотивации» [8].

Помимо приведенных данных, опрос выпускников выявил взаимосвязь показателей самооценки, полученных в ВФ РТА знаний, умений, навыков, и разных аспектов условий жизни выпускника – молодого специалиста таможенных органов. Высокая прямая положительная связь определена между общетеоретической и профессиональной подготовкой в филиале, а также ощущением свободы, здоровьем и условиями жизни в целом у находившихся на службе в таможенных органах. Умеренная положительная корреляция существует, например, между (в порядке убывания) уверенностью в завтрашнем дне и возможностью дать образование своим детям, ощущением личной безопасности и качеством питания, качеством питания и здоровьем, условиями для отдыха и досуга и ощущением свободы, уверенностью в завтрашнем дне и ощущением личной безопасности, условиями отдыха и досуга и уверенностью в завтрашнем дне, материальной обеспеченности и уверенностью в завтрашнем дне и т.д. Также имеет место статистически значимая положительная зависимость профессиональной подготовки, практической подготовки по специальности, подготовки по иностранному языку, подготовки в области информационных технологий, знаний и навыков организационно-управленческой работы, общекультурного развития.

Исходя из результатов проведенного анализа факторов, выявленных взаимосвязей и с учетом подходов к адаптации молодых специалистов к

таможенной службе, совершенствование связанных с ним процессов должно осуществляться по двум основным направлениям.

Совершенствование образовательной деятельности филиала должно быть направлено на повышение компетентности и качества своих выпускников, которые формируют значимую часть кадрового состава таможенных органов в регионе деятельности ДВТУ. Изменения должны начинаться с приемной кампании и затрагивать весь процесс обучения. Например, А.А. Антипов [16] рекомендует осуществлять подготовку госслужащих только за счет бюджетных ассигнований и внедрить дополнительную форму вступительных испытаний для абитуриентов – подготовку творческой работы (эссе, сочинение) о своем отношении к будущей профессии. Исследования авторов [2, 4, 9, 16–18] акцентируют внимание на необходимости применения в образовательной деятельности таможенного вуза инновационных образовательных технологий (например, инкорпорирование тренинговых занятий по практическому овладению психологическими и поведенческими навыками будущей профессии), на вовлечении опытных действующих и отставных сотрудников ФТС России в учебный процесс и составление учебных планов, а также на увеличении часов на гуманитарные дисциплины с целью формирования логического, критического, гуманистически-ориентированного мышления, языковую подготовку и на сокращении разрыва между теоретическим и практическим обучением.

По мнению И.Е. Ткаченко и А.В. Барановой [17], взаимодействие с таможенными органами способствует, с одной стороны, повышению эффективности профессионального образования и удовлетворению потребностей таможенной системы в компетентных специалистах и позволяет формировать содержание образовательных программ в соответствии с текущими и перспективными требованиями таможенных органов, а с другой – формированию профессионально подготовленного и динамично развивающегося кадрового потенциала таможенной службы Российской Федерации. В результате сотрудничества в процессе обучения выпускник может приступить к профессиональным обязанностям уже с накопленной актуальной теоретической и практической базой в сфере таможенного дела. Данное утверждение подтверждено результатами приведенного выше корреляционного анализа показателей самооценки полученных в ВФ РТА знаний, умений, навыков.

Процесс совершенствования образовательной деятельности может включать разработку специальной концепции и дорожной карты. Так, Д.Г. Коровяковский [19] предлагает концепцию развития профессиональной подготовки специалистов таможенного дела, состоящую из разделов: описание сущности современной системы профессиональной подготовки; формулировка целей и задач профессиональной подготовки обучающихся в области таможенного дела; представление структуры высшего таможенного образования; описание материально-технической базы, ведущих подготовку специалистов таможенного дела; описание управления системой профессиональной подготовки в вузах; описание содержания и структуры мониторинга качества профессиональной подготовки в вузах; перечень

концептуальных приоритетов образовательной политики в области таможенного дела; этапы реализации. При этом педагогическая программа (дорожная карта) должна включать основные направления, описание мероприятий и сроков их достижения.

Ключевым инструментом сопряжения сферы образования и сферы профессиональной деятельности специалистов таможенного дела, по мнению авторов, является компетентностный подход. Его применение позволяет формировать систему подготовки, соответствующую требованиям таможенных органов, федеральных государственных образовательных стандартов, рекомендациям международных профессиональных стандартов и международных стандартов в области качества.

Второе направление совершенствования процесса профессиональной адаптации молодых специалистов к таможенной службе затрагивает систему управления персоналом таможенных органов. При трудоустройстве молодого специалиста таможенные органы должны отдавать предпочтение не исполнительным, а прежде всего интеллектуально развитым, свободно и содержательно мыслящим выпускникам. «Интеллект всегда сможет обусловить исполнительность, а исполнительность никак не влияет на развитие мышления» [16]. Помимо этого, Е.Е. Красницкая [5] выделяет необходимость создания системы эффективного руководства профессиональной подготовкой в таможенных органах. Рекомендации О.А. Немченко и А.В. Тарасенко [6] относятся к разработке программ адаптации, которые, исходя из задач и целей таможенного органа, могут включать: требования к адаптации для каждой группы новых работников; состав мероприятий первого дня нового работника; подготовку документов, необходимых новому работнику для ознакомления; перечень специальных учебных мероприятий по освоению новых должностных обязанностей и др. Таким образом, на современном этапе системе управления персоналом таможенных органов для совершенствования процесса профессиональной адаптации необходимо внедрение обширной программы повышения квалификации и самосовершенствования, а основной задачей руководителей таможенных органов становится вовлечение должностных лиц в разработку программ преобразований и их реализацию. Для получения синергетического эффекта представленные направления должны стать элементами единой системы профессиональной адаптации молодого специалиста к таможенной службе.

Таким образом, наиболее важные выводы исследования можно изложить в следующих положениях.

Подходы к профессиональной адаптации к таможенной службе различаются объектом анализа – система управления процессом адаптации (таможенной организации и (или) образовательной организации высшего образования, осуществляющей подготовку по образовательным программам в сфере таможенного дела) или участник процесса профессиональной адаптации (выпускник – молодой специалист).

На примере ДВТУ и подчиненных ему таможен эмпирически выявлены взаимосвязи между девятью из тринадцати показателей внутренних и

внешний факторов, влияющих на условия и возможности профессиональной деятельности молодых специалистов в таможенных органах. Высокая прямая положительная корреляция существует между условиями профессионального роста, возможностью должностного продвижения, взаимоотношениями с коллегами и непосредственным руководителем.

Анализ результатов опроса свидетельствует о наличии высокой адаптированности выпускников, работающих в таможенных органах. Значительная часть выпускников – должностных лиц и работников таможенных органов ДВТУ адаптируются к профессиональной деятельности в течение года. Выявленные наметившиеся тенденции к увеличению этого периода до двух и трех лет, а также к росту доли неуверенных в профессии требуют дополнительных исследований.

Показатели оплаты труда и социальных гарантий являются индикаторами внешнего фактора «организация и условия труда», а низкая удовлетворенность ими выпускников также требует дополнительного, контекстуального анализа. Другой круг вопросов, связанный с развитием объекта исследования, касается расширения географии изучения адаптации выпускников филиала, работающих в таможенных органах других федеральных округов Российской Федерации, а также выпускников Российской таможенной академии в целом.

Рекомендации по совершенствованию процесса адаптации молодых специалистов к таможенной службе основываются на подходах к адаптации и результатах корреляционного анализа показателей факторов, влияющих на условия и возможности профессиональной деятельности в таможенных органах. Совершенствование системы управления процессом адаптации начинается с приемной кампании и затрагивает весь процесс обучения образовательной организации, а заканчивается в таможенных органах. Может включать комплекс разнообразных мероприятий, в том числе разработку и внедрение научно обоснованной программы адаптации.

Литература

1. *Стратегия* развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. *Ershov A., Stepanova E.* The analysis of innovative educational technologies' development in training of customs business specialists in the Eurasian economic community countries // *Customs Scientific Journal Customs*. 2012. № 1. P. 24–31.
3. *Мочаев С.А.* Предупреждение аддиктивного поведения работников таможенной службы в процессе профессионального обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 26 с.
4. *Попова Д.А.* Развитие научно-методического аппарата и разработка практических рекомендаций по адаптации должностных лиц к условиям профессиональной деятельности в целях повышения кадрового потенциала таможенных органов : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 31 с.
5. *Красницкая Е.Е.* Анализ принципов Э. Деминга (модели управления качеством результатов труда) с позиций таможенного дела // *Балтийский экономический журнал*. 2009. № 2. С. 95–104.

6. Немченко О.А., Тарасенко А.В. Трудовая адаптация персонала таможенного органа // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 2. С. 132–135.
7. Блохина Л.Н. Индивидуальные различия в психологической адаптации к условиям в профессиональной деятельности у госслужащих таможенных органов // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 1. С. 79–89.
8. Мозолева Н.В. Динамика ценностей в процессе формирования таможенных коллективов : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2007. 24 с.
9. Гороховатский Л.Ю. Формирование психологической сопротивляемости личности будущего специалиста таможенных органов профессиональным трудностям : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2013. 27 с.
10. Клитникова В.А., Корсунова Н.М. Проблемы совершенствования кадрового обеспечения в таможенных органах // NovaUm.Ru. 2018. № 11. С. 121–124.
11. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Мальков Н.Р., Яргина Н.Ю. Структура установок трудовой деятельности студентов таможенного вуза: региональный аспект // Таможенные чтения – 2011. Инновационная Россия: вызовы образованию и науке : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. I: Инновационная Россия: проблемы и перспективы : в 2 ч. Ч. I / под общ. ред. А.Н. Мячина. СПб. : Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2011. С. 259–270.
12. Ibarra H. Provisional Selves: Experimenting with Image and Identity in Professional Adaptation // Administrative Science Quarterly. 1999. № 44 (4). P. 764–791.
13. Авдеев М.А., Слепцова Е.В. Анализ факторов, влияющих на адаптацию персонала // Экономика и современный менеджмент: теория и практика : сборник статей по материалам XLVI международной научно-практической конференции. № 2 (46). Новосибирск : СибАК, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-adaptatsiyu-personala> (дата обращения: 12.05.2020).
14. Гонина О.О., Ильченко С.В. Актуальные аспекты эффективной системы адаптации персонала // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 3 (11). С. 8–14.
15. Яценко Е.А. Оценка эффективности адаптации персонала в Малоистокском ЛПУМГ – филиале ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» // Human progress. 2018. Т. 4, № 3. URL: http://progress-human.com/images/2018/Tom4_3/Yatsenko.pdf (дата обращения: 29.04.2020).
16. Антипов А.А. Подготовка госслужащих в России: социально-исторические истоки современных проблем и образовательные пути их решения // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1. С. 110–115.
17. Ткаченко И.Е., Баранова А.В. Компетентностный подход как условие повышения качества кадрового потенциала таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 1. С. 82–87.
18. Коровяковский Д.Г. Подготовка кадров с высшим образованием по специальности «таможенное дело» как один из элементов обеспечения национальной безопасности России // Таможенное дело. 2016. № 3. С. 36–40.
19. Коровяковский Д.Г. К вопросу о разработке концепции развития профессиональной подготовки специалистов таможенного дела // Таможенное дело. 2019. № 2. С. 38–40.

Assessment of Satisfaction with the Conditions and Opportunities for Professional Activity in Customs Bodies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 123–137. DOI: 10.17223/19988648/53/10

Vladimir I. Dyakov, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: vid@vfrta.ru

Viktor V. Gorchakov, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: gorchakov.vv@vfrta.ru

Marina V. Niyazova, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: marinav.var@gmail.com

Viktor V. Stetsyuk, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: stetsyuk1983@mail.ru

Yulia D. Ismagilova, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Isma-86@yandex.ru

Keywords: professional adaptation, young specialist, self-evaluation, correlation analysis, external and internal factors, customs service, Far Eastern Customs Administration, Vladivostok Branch of Russian Customs Academy.

There is a need to obtain scientifically grounded data on how young professionals feel about themselves, take their first steps in the customs bodies, how the “system” evaluates in practice the level of graduates’ preparedness, how their interpersonal relations develop while they serve in the customs bodies. An organized and effectively functioning system of adaptation of customs body officials and employees is very important both for a young specialist and for an organization. Such a system decreases the rate of staff turnover, reduces costs, saves the time of the manager and the employees, develops a positive attitude to work, satisfaction with working conditions, and also determines the effectiveness of the follow-up actions of the young professional in the workplace. Professional adaptation in the customs bodies has a number of features due to the specifics of the customs service. The article assesses the impact of satisfaction with working conditions and opportunities in the customs bodies on the adaptation of customs bodies’ officials and employees to the customs service. The article aims to analyze factors affecting satisfaction with working conditions and opportunities, and to develop recommendations for improving the adaptation of young specialists to the customs service using the example of Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy graduates working in the customs bodies. The authors identify the approaches to professional adaptation to the customs service; they differ by the object of analysis. A correlation analysis of the graduates’ survey shows a direct positive relationship of individual indicators of external and internal factors. A model assessing work satisfaction and the level of adaptation to the professional requirements has been designed. Recommendations have been developed to improve a young specialist’s professional adaptation to the customs service. The improvement of adaptation management starts from the enrollment campaign, goes through the entire learning process at the educational organization, and ends in the customs bodies. For the officials and employees of the customs bodies, the improvement includes various measures, including the development and implementation of a scientifically based adaptation program.

References

1. Consultant.ru. (2020) *Development strategy of the customs service of the Russian Federation until 2030: order of the Government of the Russian Federation of May 23, 2020, No. 1388-r.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/. (In Russian).
2. Ershov, A. & Stepanova, E. (2012) The analysis of innovative educational technologies’ development in training of customs business specialists in the Eurasian economic community countries. *Customs Scientific Journal CUSTOMS*. 1. pp. 24–31.
3. Mochaev, S.A. (2012) *Preduprezhdenie addiktivnogo povedeniya rabotnikov tamozhennoy sluzhby v protsesse professional'nogo obucheniya* [Prevention of addictive behavior of customs service employees in professional training]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
4. Popova, D.A. (2013) *Razvitie nauchno-metodicheskogo apparata i razrabotka prakticheskikh rekomendatsiy po adaptatsii dolzhnostnykh lits k usloviyam professional'noy deyatel'nosti v tselyakh povysheniya kadrovogo potentsiala tamozhennykh organov* [Development of the scientific methodological apparatus and practical recommendations for

the adaptation of officials to the conditions of professional activity to increase the personnel potential of customs bodies]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.

5. Krasnitskaya, E.E. (2009) Analiz printsipov E. Deminga (modeli upravleniya kachestvom rezul'tatov truda) s pozitsiy tamozhennogo dela [Analysis of the principles of E. Deming (models of quality management of labor results) from the standpoint of customs]. *Baltiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. 2. pp. 95–104.

6. Nemchenko, O.A. & Tarasenko, A.V. (2016) Customs body personnel adaptation for working conditions. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2. pp. 132–135. (In Russian).

7. Blokhina, L.N. (2008) Individual differences in psychological adaptation to professional activity conditions in custom agencies state employees. *Psikhologicheskii zhurnal*. 29 (1). pp. 79–89. (In Russian).

8. Mozoleva, N.V. (2007) *Dinamika tsennostey v protsesse formirovaniya tamozhennykh kolektivov* [Dynamics of values in the formation of customs staff]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

9. Gorokhovatskiy, L.Yu. (2013) *Formirovanie psikhologicheskoy soprotivlyaemosti lichnosti budushchego spetsialista tamozhennykh organov professional'nykh trudnostyam* [Formation of psychological resistance to professional difficulties of the future specialist of customs bodies]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Samara.

10. Klitinova, V.A. & Korsunova, N.M. (2018) Problemy sovershenstvovaniya kadrovogo obespecheniya v tamozhennykh organakh [Problems of improving staffing in the customs bodies]. *NovaUm.Ru*. 11. pp. 121–124. 11. Lukin, V.N. et al. (2011) [The structure of work attitudes of students of a customs university: a regional aspect]. *Tamozhennye chteniya – 2011. Innovatsionnaya Rossiya: vyzovy obrazovaniyu i nauke* [Customs readings–2011. Innovative Russia: challenges to education and science]. Vol. I (I). St. Petersburg: RTA Branch in St. Petersburg. pp. 259–270. (In Russian).

12. Ibarra, H. (1999) Provisional Selves: Experimenting with Image and Identity in Professional Adaptation. *Administrative Science Quarterly*. 44 (4). pp. 764–791.

13. Avdeenko, M.A. & Sleptsova, E.V. (2015) [Analysis of factors affecting the adaptation of personnel]. *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya i praktika* [Economics and modern management: theory and practice]. Conference Proceedings. Vol. 2 (46). Novosibirsk: SibAK. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-adaptatsiyu-personala> (Accessed: 12.05.2020). (In Russian).

14. Gonina, O.O. & Il'chenko, S.V. (2018) Actual aspects of effective system of personnel adaptation. *Biznes i dizayn revyu*. 3 (11). pp. 8–14. (In Russian).

15. Yatsenko, E.A. (2018) Assessment of Personnel Adaptation Effectiveness in Maloistoksky Linear Production Department of the Trunk Gas Pipelines – Branch of Gazprom Transgaz Yekaterinburg Ltd. *Human Progress*. 4 (3). [Online] Available from: http://progress-human.com/images/2018/Tom4_3/Yatsenko.pdf (Accessed: 29.04.2020). (In Russian).

16. Antipov, A.A. (2015) Training civil servants in Russia: Socio-historical roots of current problems and educational ways to resolve them. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 1. pp. 110–115. (In Russian).

17. Tkachenko, I.E. & Baranova, A.V. (2012) Using the competency-based approach for improving the quality of human resources in customs. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 1. pp. 82–87. (In Russian).

18. Korovyakovskiy, D.G. (2016) Training of personnel with higher education on the specialty “customs” as one of elements of ensuring national security of Russia. *Tamozhennoe delo – Customs Affairs*. 3. pp. 36–40.

19. Korovyakovskiy, D.G. (2019) On the issue of development of the concept of customs specialists professional training. *Tamozhennoe delo – Customs Affairs*. 2. pp. 38–40. (In Russian).

ФИНАНСЫ

УДК 336.22; 336.25

DOI: 10.17223/19988648/53/11

Е.С. Вылкова, Н.Г. Викторова, В.Н. Наумов, Н.В. Покровская

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РФ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ – ДРАЙВЕРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: НАЛОГОВАЯ КОМПОНЕНТА

Актуальность кластерного анализа в налоговых целях обуславливается необходимостью грамотного научно обоснованного определения территорий, являющихся драйверами экономического роста. Произведена группировка российских регионов на кластеры (группы) по совокупности показателей, отражающих налоговую политику на основе официальных статистических данных за 2018 г. с применением программных средств SPSS, Rstudio, Anaconda Navigator. Вследствие аномальности значений пять субъектов Федерации исключены из анализа: Москва, Севастополь, Ингушетия, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. В результате анализа выделены три группы (кластера) регионов: 1) наименее функционально пропорциональные (7 регионов); 2) средне функционально пропорциональные (50 регионов); 3) максимально всесторонне успешные (22 региона). Выявлено, что среди регионов третьей группы лидерами по цифровым показателям являются: Тюменская и Мурманская области, Республика Татарстан, Ленинградская область. В развитие проведенного исследования определены следующие перспективные направления: 1) Включение в кластерный анализ не типичных для характеристики налоговой среды показателей, наиболее полно отражающих влияние на нее внешних разноплановых факторов. 2) Экстраполяция результатов на оценку текущего налогового состояния, а также налогового потенциала территорий других государств. 3) Необходимость совершенствования метода кластерного анализа применительно к налогообложению на основе технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: налог, кластерный анализ, регион, налоговая политика, цифровизация, экономический рост.

Введение

Многочисленные разработки ученых базируются на кластеризации как методе исследования в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в областях экономики. Е.С. Цепилова и О.И. Беляева [1] рассматривают влияние кластеризации на развитие региональной интеграционной политики. К.Н. Пивоваров, А.Б. Золотухин и В.В. Стрельцкая [2] проводят кластеризацию месторождений нефтегазовых ресурсов Печорского моря. Исследование управленческого характера в части региональной кластеризации химической промышленности на примере Казахстана реализовано в работе Л.А. Кудабоевой и соавт. [3].

В контексте регионального развития В. Щепинин и соавт. [4] исследовали кластер производства технологий. Использованию современных ИТ-технологий в деятельности отраслевого кластера региона посвящена работа В. Конкиной, А. Щемякина, И. Бабкина [5]. Имеются научные разработки, затрагивающие проблемы формирования в регионах кластеров в промышленности [6], в строительстве [7], в судостроении [8] и многих других отраслях.

В работе Т.Н. Селентьевой и соавт. [9] проанализировано влияние государственной политики и управления на развитие кластеров в регионах, а в исследовании М. Родригеса и М. Франко [10] города Португалии объединены в кластеры для оценки экономического развития регионов и стран.

Однако следует отметить недостаточное внимание ученых к вопросам смыслового наполнения понятия кластеризации в привязке к налоговой сфере и использованию кластер-процедур для расчетов.

Налоговая кластеризация регионов является важным инструментом совершенствования налоговой политики территории, обнаружения новых тенденций ее развития в будущем. Поэтому она требует глубокого изучения в теории и активнейшего изучения на практике

Налоговая кластеризация в системе экономических понятий и явлений: обзор литературы

В настоящее время во всех сферах общественной жизни все более проявляются признаки неопределенности внешней среды. Возникает необходимость в равновесном состоянии различных социально-экономических систем как базисе их устойчивого развития. Все это касается индивидов, домашних хозяйств, бизнеса, государства и зависит, по мнению И.А. Рудской и Д.Г. Родионова [11], в частности, от возможностей, на которых они функционируют. Авторы согласны с мнением Е. Конникова и соавт. [12], что среди факторов, отражающих потенциальное состояние той или иной локации, следует выделить налоговый фактор. Например, данный фактор характеризует налоговую емкость как совокупность уплачиваемых налогов налогоплательщиками конкретной территории в бюджетную систему государства, а также налоговую конкурентоспособность данной территории по сравнению с другими территориями. Следует отметить ряд работ, посвященных этим налоговым характеристикам региона. Так, в исследовании С. Гарга и соавт. [13] показано влияние ВРП на душу населения, доли экономически активного населения и уровня грамотности на налоговую емкость штатов Индии. А в работе Зарате-Марко и Валлес-Хименеса [14] проведена связь между налоговыми поступлениями и численностью населения, а также их доходами.

С точки зрения налоговой конкуренции территорий несомненный интерес представляют исследования, затрагивающие такие аспекты, как равновесие и эффективность отношений между странами-участницами Федерации [15], децентрализация руководства территориями в фискальном союзе

[16]; размер территорий [17], уровень экономического развития государств [18]; структура налогов [19].

Многие авторы с различных позиций исследуют вопросы налоговой политики. В базе Scopus за последние 5 лет содержится более 50 работ посвященных непосредственно вопросам налоговой политики. Самой цитируемой является статья, рассматривающая влияние государственно-частного партнерства на совершенствование налогообложения транспортных средств [20]. Большое количество цитирований свидетельствует об интересе исследователей к проблематике взаимосвязи налоговой политики с заботой об окружающей среде и сокращением количества вредных выбросов [21]. Н. Вароцис и И. Катерелос пишут, что развитие децентрализации и повышение социальной направленности являются главными направлениями реформирования региональной налоговой политики в Греции [22].

В последнее время зарубежные авторы в своих публикациях часто рассматривают вопросы налоговой политики во взаимосвязи с цифровизацией. А.К. Уокер и Б.Л. Буэльтель [23] анализируют государственную налоговую политику в сфере онлайн-продаж. А. Нелен исследует цифровизацию в сфере экологического налогообложения [24].

По сути, результатами большинства из приведенных исследований региональной направленности является выделение территорий по схожим признакам и объединение их в группы (кластеры). Однако понятие «налоговая кластеризация», как элемент кластерного анализа, в наукометрических базах данных не встречается. С точки зрения налогообложения следует отметить работу М.А. Троянской, Ю.Г. Тюриной о налоговом регулировании кластеров, как одной из форм инновационной экономики [25], нашедшую свое продолжение в исследовании вопросов повышения эффективности государственной поддержки кластер-процедур в Чешской Республике [26], но это никак не затрагивает налоговую кластеризацию.

Только в работах Е.С. Вылковой и А.А. Тарасевича излагаются вопросы теоретических основ налоговой кластеризации [27] и предлагается комплекс показателей и индексов для ее осуществления на региональном уровне [28].

Цель и методы исследования

Отсюда вытекает цель настоящего исследования – на основе эконометрических методов выделить в кластеры регионы РФ по совокупности показателей, отражающих их налоговое состояние, налоговое администрирование, информатизацию налоговой среды для определения государственной политики устойчивого развития территорий.

Применение методологии кластерного анализа к группировке российских регионов в соответствии с закономерностями признаков, характеризующих процесс налогообложения по регионам, а также результаты и последствия этого процесса, позволит провести налоговую кластеризацию субъектов Российской Федерации.

Выбору концептуально-содержательных, логически обоснованных и доступных для расчета на субфедеральном уровне параметров налоговой кластеризации предшествовали предварительные этапы исследования, реализованные авторами с применением таких программных продуктов, как Statistical Package for the Social Sciences (SPSS), Rstudio, Anaconda Navigator, в том числе представленные в предшествовавших работах по налоговой кластеризации [28]. Результирующие четырнадцать показателей комплексно характеризуют налоговое состояние субъекта Российской Федерации, результаты налогового администрирования, а также федеральной и региональной налоговой политики.

Параметрами налоговой кластеризации на субфедеральном уровне выступили следующие показатели.

Налогоемкость валового регионального продукта (НЕ) характеризует отношение величины налогов, сборов, иных обязательных платежей, поступивших в доходы консолидированного бюджета субъекта РФ (ΣH_n) к валовому региональному продукту (ВРП):

$$HE = \Sigma H_n / \text{ВРП}. \quad (1)$$

Коэффициент поступления налогов (КНП) показывает соотношение поступивших в доходы субфедерального бюджета налогов, сборов, иных обязательных платежей и этих же платежей, начисленных к уплате (ΣH_n):

$$\text{КНП} = \Sigma H_n / \Sigma H_n. \quad (2)$$

Уровень налогообложения занятого населения (HY_3H) рассчитывается путем деления величины налогов, сборов, иных обязательных платежей, поступивших в доходы консолидированного бюджета субъекта РФ, на численность занятого населения по субъекту Российской Федерации ($Ч_{3H}$):

$$HY_3H = \Sigma H_n / Ч_{3H}. \quad (3)$$

Аналогичным образом рассчитывается уровень налогообложения юридических лиц ($HU_ЮЛ$) и индивидуальных предпринимателей ($HU_ИП$) – как отношение поступивших налогов и обязательных платежей к численности юридических лиц ($Ч_{ЮЛ}$) и индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств ($Ч_{ИП}$) по российским регионам:

$$HU_ЮЛ = \Sigma H_n / Ч_{ЮЛ}, \quad (4)$$

$$HU_ИП = \Sigma H_n / Ч_{ИП}. \quad (5)$$

Задолженностеемкость ВРП по налогам, сборам, иным обязательным платежам в консолидированный бюджет субъекта РФ ($ЗЕ$) определяется как частное от деления налоговой задолженности в субфедеральный бюджет ($З_n$) к валовому региональному продукту:

$$ZE = \Sigma Z_n / \text{ВРП}. \quad (6)$$

По логике, схожей с расчетом показателей (3)–(5), характеризуются уровни налоговой задолженности занятого населения ($ЗЕ_3H$), юридических лиц ($ЗЕ_ЮЛ$), индивидуальных предпринимателей ($ЗУ_3П$):

$$3E_3H = \sum 3H/Ч_{3H}, \quad (7)$$

$$3E_ЮЛ = \sum 3H/Ч_{ЮЛ}, \quad (8)$$

$$3E_ИП = \sum 3H/Ч_{ИП}. \quad (9)$$

Отношение дополнительных начислений (включая штрафы и пени) по результатам камеральных проверок (Ндопк) к числу камеральных проверок, проведенных в субъекте Федерации (КП), показывает уровень дополнительно начисленных сумм на одну камеральную проверку (ДН_УК).

$$ДН_УК = \sum Ндопк/КП. \quad (10)$$

Схожим образом рассчитывается уровень дополнительно начисленных сумм на одну выездную проверку (ДН_УВ) – как частное от деления дополнительных начислений (включая штрафы и пени) по результатам выездных проверок (Ндопв) на число выездных проверок, проведенных в регионе (ВП):

$$ДН_УВ = \sum Ндопв/ВП. \quad (11)$$

Для характеристики эффективности налога на добавленную стоимость в регионе (НДС) исчисленная сумма НДС по различным объектам налогообложения ($\Sigma НДС_{\text{и}}$) соотносится с величиной вычетов по налогу ($\Sigma НДС_{\text{в}}$).

$$НДС = \sum НДС_{\text{и}} / \sum НДС_{\text{в}}. \quad (12)$$

Расчет эффективной ставки налога на прибыль прибыльных предприятий (ННП) включает такие показатели, как сумма налога на прибыль, исчисленная по прибыльным организациям в регионе (ННПп), доходы от реализации прибыльных предприятий (ДРп), а также внереализационные доходы прибыльных предприятий (ВДп):

$$ННП = \frac{\sum ННПп}{\sum ДРп + \sum ВДп}. \quad (13)$$

Завершает перечень параметров кластеризации эффективность налогового администрирования (НИ), для которой сумма издержек налогообложения ИздН, рассчитываемая как затраты на содержание налоговых органов по регионам, соотносится с величиной налогов, сборов, иных обязательных платежей, поступивших в доходы консолидированного бюджета субъекта РФ:

$$НИ = \sum ИздН / \sum Нп. \quad (14)$$

Источником данных послужила детализированная информация по субъектам РФ из отчетов Федеральной налоговой службы России и Росстата. Специфика имеющихся данных обусловила объединение сведений по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. Таким образом, кластеризации подвергались данные за 2018 г. по 84 субъектам Федерации.

Результаты кластер-процедур налогового состояния субъектов РФ

Результаты исходного этапа процесса кластеризации были неочевидными как относительно числа кластеров, так и их характеристик за счет наличия аномальных значений. Аномальность значений по Москве, Севастополю, Ингушетии, Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому АО была подтверждена по итогам построения ящичных диаграмм (рис. 1), потому эти субъекты Федерации были исключены из кластеризации.

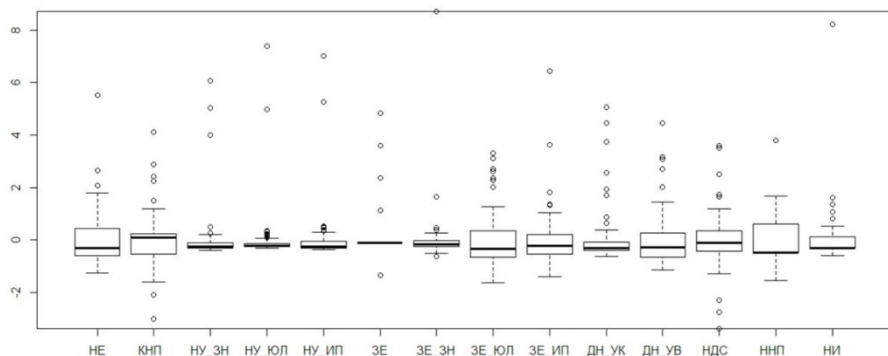

Рис. 1. Ящичная диаграмма распределения значений.

Источник: составлено авторами

Согласно рис. 1, наибольшие отличия характерны для эффективности налогового администрирования, а также для уровня налоговой задолженности занятого населения. Максимальное значение эффективности характерно для г. Москва (значение показателя, равное 8,23, существенно превышает нулевое среднее значение); максимальное значение задолженности занятого населения характерно для г. Севастополь. Особенность Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО заключается в том, что несколько признаков для них являются аномальными – расстояние от данных объектов до центра распределения максимальное. Существенные отличия характеристик налогового состояния Москвы, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов достаточно ожидаемы – большинство экономических параметров в этих субъектах РФ значимо выше среднероссийских. Социально-экономические характеристики Севастополя и Ингушетии отличаются в обратную сторону – они ниже остальных значений по субъектам Федерации. Характер аномальности параметров налогового состояния этих пяти субъектов Федерации, их причины и последствия могут явиться основой для их освещения в отдельных работах. Однако в данном исследовании из дальнейшей кластеризации эти регионы были исключены.

Последующий анализ выявил оптимальность выделения трех кластеров. Субъекты Федерации, вошедшие в каждый из трех кластеров, представлены в табл. 1, а нормированные значения показателей по кластерам – на рис. 2–4.

Таблица 1. Распределения субъектов Федерации по кластерам

Номер кластера	Субъекты Федерации
Кластер 1	Республики Дагестан и Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики, Московская и Смоленская области
Кластер 2	Республики Адыгея, Алтай, Бурятия, Калмыкия, Карелия, Крым, Марий-Эл, Мордовия, Тыва, Хакасия, Чувашская, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Сахалинская, Свердловская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская и Челябинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, г.Санкт-Петербург
Кластер 3	Республики Башкортостан, Коми, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртская, Красноярский и Пермский края, Архангельская область и Ненецкий автономный округ, Астраханская, Владимирская, Иркутская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Томская, Тюменская и Ярославская области

Источник: составлено авторами.

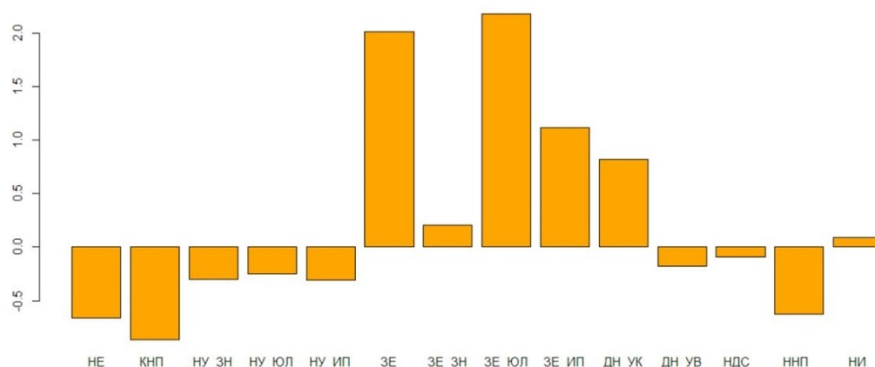

Рис. 2. Нормированные значения налогового состояния кластера 1.

Источник: составлено авторами

Нормированные значения (рис. 2–4) и центры кластеров (табл. 2) позволяют интерпретировать результаты кластерного анализа налогового состояния субъектов РФ на основе данных за 2018 г.

Исходя из полученных значений, первый кластер может быть назван «наименее функционально пропорциональным». В него входят 8,33% всех регионов, включенных в анализ; это преимущественно субъекты Федерации Северо-Кавказского федерального округа.

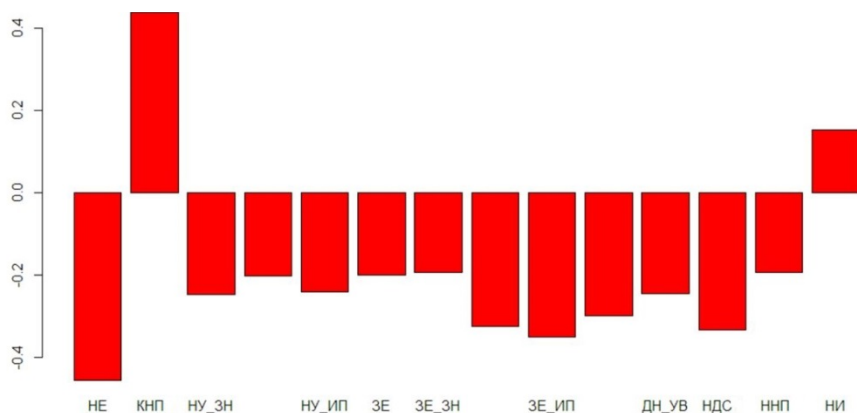

Рис. 3. Нормированные значения налогового состояния кластера 2.

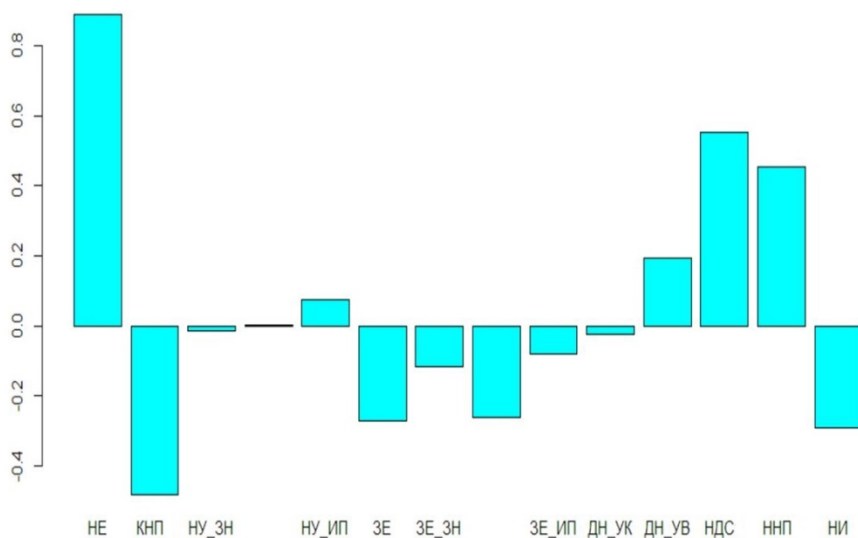
Источник: составлено авторами

Рис. 4. Нормированные значения налогового состояния кластера 3.

Источник: составлено авторами

Для этого кластера характерны наименьшая налоговоемкость ВРП, наибольшая задолженностеемкость ВРП и наибольший уровень налоговой задолженности, как занятого населения, так и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, высокая задолженность дополняется и наибольшей результативностью налоговых проверок (как камеральных, так и выездных), выражаемой в уровне дополнительных начислений на одну проверку. Описанные параметры налогового состояния регионов первого кластера дополняются средней эффективностью налогового администрирования.

Таблица 2. Центры кластеров

Показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
1. Налогоемкость ВРП	0,13	0,14	0,29
2. Коэффициент поступления налогов	1	1,08	1,02
3. Уровень налогообложения занятого населения	126467,02	124878,21	328879,37
4. Уровень налогообложения юридических лиц	2227,32	2851,49	6910,34
5. Уровень налогообложения индивидуальных предпринимателей	2592,15	2266,05	6105,84
6. Задолженностеемкость ВРП по налогам	0,02	0,01	0,01
7. Уровень налоговой задолженности занятого населения	15937,71	6838,94	8079,24
8. Уровень налоговой задолженности юридических лиц	393,7	158,38	164,65
9. Уровень налоговой задолженности индивидуальных предпринимателей	333,69	122,39	149,16
10. Уровень дополнительно начисленных сумм (включая налоговые санкции и пени) на одну камеральную проверку	1,78	0,51	0,82
11. Уровень дополнительно начисленных сумм (включая налоговые санкции и пени) на одну выездную проверку	17841,49	12084,72	17421,6
12. Эффективность НДС	1,08	1,05	1,17
13. Эффективная ставка налога на прибыль прибыльных предприятий	0,01	0,01	0,02
14. Эффективность налогового администрирования	0,02	0,03	0,01

Источник: составлено авторами.

Наиболее многочисленным – 59,52% всех субъектов Федерации, включенных в анализ, – является второй кластер, который по итогам качественной интерпретации значений может быть назван «средне функционально пропорциональным налоговым кластером». Для субъектов Федерации этого кластера характерна наименьшая эффективность налогового администрирования, однако наибольший коэффициент поступления налогов, наименьший уровень налогообложения занятого населения и индивидуальных предпринимателей (но не юридических лиц), наименьший уровень налоговой задолженности всех анализируемых субъектов и наименьшие доначисления налогов и санкций за нарушение налогового законодательства по итогам налоговых проверок.

Регионы РФ, входящие в третий кластер, могут быть оценены как максимально всесторонне успешные в налоговой сфере (с позиции государства). Третий кластер включает в себя 22 субъекта Федерации из 79, вовлеченных в анализ. В третий кластер вошли субъекты Федерации с наибольшей налогоемкостью ВРП и наибольшим уровнем налоговых поступлений, генерируемых занятым населением, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. В регионах данного кластера наибольшая

эффективность налогообложения добавленной стоимости и финансового результата организаций.

Весьма показательно значение налоговых издержек: оно является наибольшим в средне функционально пропорциональном налоговом кластере, средним в наименее функционально пропорциональном налоговом кластере и наименьшим во всесторонне успешном в налоговой сфере кластере.

Взаимосвязь налоговой кластеризации и цифровизации российских регионов

Налоговое состояние субъекта федерации, диагностированное нами в рамках кластерного анализа, имеет целый ряд социально-экономических причин. Успехи налогового администрирования в России последних лет со всей очевидностью свидетельствуют о значимости цифровой трансформации в достижении стабильного и значимого экономического роста. Многие зарубежные и отечественные авторы исследуют цифровизацию в налоговой сфере [29–34].

Глубиной отличаются исследования Е.А. Ермаковой, посвященные специфике цифровых технологий в сфере публичных финансов, включая налоговые аспекты бюджетных отношений [35, 36]. М.Н. Конягина рассматривает цифровую экономику как широко применительно к достижению технологического превосходства [37, 38], так и конкретно в части цифрового инструментария прогнозирования налоговых поступлений в бюджеты зарубежных стран [39].

Е.Ф. Киреева комплексно излагает вопросы налогообложения цифрового бизнеса в Белоруссии на основе изучения опыта в этой сфере, имеющегося у других государств. В коллективных монографиях под редакцией И.А. Майбурова и Ю.Б. Иванова системно раскрываются вопросы налогообложения и налогового администрирования в цифровой экономике [40, 41].

Однако исследований, объединяющих проблематику налоговой кластеризации регионов РФ с цифровизацией соответствующих территорий, до настоящего времени нет.

Оценка характеристик информационного общества по субъектам Федерации всесторонне успешного в налоговой сфере кластера позволяет сделать вывод о значимом влиянии цифровой детерминанты на налоговое состояние территории.

В частности, всесторонне успешный в налоговой сфере кластер включает регионы с весьма высокими рейтингами доступности цифровых технологий, показателей использования сети Интернет и распространенности цифровых компетенций (сопоставлялись рейтинги 2018 г. по данным статистического сборника Росстата и НИУ ВШЭ «Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации» [42]) (табл. 3–5).

Таблица 3. Место субъектов Федерации третьего кластера по основным показателям доступности цифровых технологий (2018)

	Абоненты фиксированного ШПД на 100 человек населения	ШПД в домохозяйствах	ШПД в организациях	Число компьютеров на 100 обучающихся в общеобразовательных организациях	Число компьютеров на 100 обучающихся в профессиональных образовательных организациях	Доля компьютеризированных посадочных мест в библиотеках
Архангельская область	22	43	47	11	9	56
Астраханская область	52	12	21	15	16	57
Владимирская область	31	55	9	10	12	19
Иркутская область	32	42	58	13	14	18
Калининградская область	30	39	21	8	9	36
Краснодарский край	34	67	26	15	16	56
Ленинградская область	60	33	7	9	10	59
Мурманская область	5	8	28	9	15	22
Ненецкий автономный округ	44	73	24	5	9	33
Омская область	49	30	32	16	16	15
Оренбургская область	44	26	5	14	16	43
Пермский край	26	51	14	14	13	6
Республика Башкортостан	27	20	18	13	17	27
Республика Коми	15	21	22	10	12	16
Республика Саха (Якутия)	53	70	68	11	15	11
Республика Татарстан	6	13	1	3	5	37
Рязанская область	15	59	27	7	12	32
Самарская область	26	14	64	11	14	27
Саратовская область	27	35	60	14	18	43
Томская область	37	64	57	12	11	1
Тюменская область	10	6	38	10	7	3
Удмуртская Республика	32	46	31	15	17	34
Ярославская область	18	66	13	11	12	7

Примечание. ШПД – широкополосный доступ к сети Интернет.

Источник: составлено авторами с использованием [42].

**Таблица 4. Место субъектов Федерации третьего кластера
по основным показателям использования сети Интернет (2018)**

	Активные Интернет-пользователи	Активные пользователи социальных сетей	Участники электронной торговли		Участники онлайн-взаимодействия с органами власти	
			Население	Организации	Население	Организации
Архангельская область	29	10	34	47	23	50
Астраханская область	9	5	13	29	20	30
Владимирская область	50	67	44	18	60	17
Иркутская область	51	48	42	55	69	62
Калининградская область	23	29	25	24	52	26
Краснодарский край	5	26	40	36	8	48
Ленинградская область	47	50	20	3	62	22
Мурманская область	8	6	4	42	63	54
Ненецкий автономный округ	65	48	10	25	53	59
Омская область	41	15	41	54	47	41
Оренбургская область	32	9	46	31	15	10
Пермский край	62	55	54	20	71	32
Республика Башкортостан	16	14	55	37	7	38
Республика Коми	18	13	19	43	68	57
Республика Саха (Якутия)	10	18	18	59	57	37
Республика Татарстан	19	27	15	19	6	3
Рязанская область	43	20	56	45	2	22
Самарская область	10	38	15	63	18	66
Саратовская область	31	28	31	50	4	64
Томская область	40	63	38	48	11	63
Тюменская область	4	3	3	22	14	41
Удмуртская Республика	64	58	30	23	44	20
Ярославская область	48	46	36	7	22	11

Источник: составлено авторами с использованием [42].

Таблица 5. Место субъектов Федерации третьего кластера по основным показателям распространенности цифровых компетенций (2018)

	Население, обладающее цифровыми навыками	Онлайн-самообразование населения	Специалисты ИКТ в организациях на 10 тыс. работников
Архангельская область	17	40	54
Астраханская область	9	53	34
Владимирская область	57	52	48
Иркутская область	65	32	50
Калининградская область	25	15	24
Краснодарский край	62	42	31
Ленинградская область	22	19	54
Мурманская область	8	6	40
Ненецкий автономный округ	58	71	63
Омская область	61	27	12
Оренбургская область	19	63	51
Пермский край	55	21	25
Республика Башкортостан	26	49	24
Республика Коми	16	12	42
Республика Саха (Якутия)	55	35	38
Республика Татарстан	29	27	8
Рязанская область	31	64	15
Самарская область	4	4	13
Саратовская область	21	58	18
Томская область	40	3	7
Тюменская область	3	57	61
Удмуртская Республика	54	30	38
Ярославская область	44	13	6

Источник: составлено авторами с использованием [42].

Лидерами по цифровым показателям являются нижеприведенные регионы третьего кластера, которые следует признать истинными лидерами, способными быть примером для других субъектов РФ и драйверами устойчивого развития российских территорий:

1. Тюменская область – входит в первую десятку субъектов Федерации по 9 из 15 показателей: по доле населения, участвующего в электронной торговле; по доле населения, обладающего цифровыми навыками; по числу активных пользователей социальных сетей; по доле компьютеризированных посадочных мест в библиотеках; по числу активных интернет-пользователей; по доле домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет; по числу компьютеров на 100 обучающихся в профессиональных образовательных организациях; по доле абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек

населения; по числу компьютеров на 100 обучающихся в общеобразовательных организациях.

2. Мурманская область – входит в первую десятку субъектов Федерации по 8 из 15 показателей: по доле населения, участвующего в электронной торговле; по доле абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения; по числу активных пользователей социальных сетей; по онлайн-самообразованию населения; по доле домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет; по доле населения, обладающему цифровыми навыками; по числу активных интернет-пользователей; по числу компьютеров на 100 обучающихся в общеобразовательных организациях.

3. Республика Татарстан – входит в первую десятку субъектов Федерации по 7 из 15 показателей: по доле организаций, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (1-е место среди всех регионов); по числу компьютеров на 100 обучающихся в общеобразовательных организациях, а также в профессиональных образовательных организациях и по числу организаций, и по численности населения, участвующего в онлайн-взаимодействии с органами власти; по числу активных абонентов широкополосного (мобильного или фиксированного) доступа к сети Интернет; по числу специалистов по информационным и коммуникационным технологиям.

4. Ленинградская область – входит в первую десятку субъектов Федерации по 4 из 15 показателей: по доле организаций, участников электронной торговли; по доле организаций, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет; по числу компьютеров на 100 обучающихся в общеобразовательных организациях; по доле компьютеризированных посадочных мест в библиотеках.

Заключение

Следует отметить, что 9% регионов имеют неблагоприятное налоговое состояние, 63% – среднее и 28% – высокое, являются драйверами экономического роста, их опыт следует масштабировать по другим территориям РФ. Регионы третьего кластера наиболее подвержены влиянию информатизации налоговой среды. И здесь не только финансовый фактор оказался важным, но и наличие IT-инфраструктуры, самообразования и др.

Налоговая кластеризация – инновационный инструмент, лежащий в основе региональной налоговой политики. В перспективе для отбора в кластеры следует включать в анализ многоплановые показатели, позволяющие с системно-интегральных позиций классифицировать территории, не только исходя из налоговых факторов, но и социально-экономических, политических, институциональных, инфраструктурных, инвестиционных, экологических и иных.

Опыт налоговой кластеризации российских регионов может быть экстраполирован на страны федеративного устройства, а также на государ-

ства, где территории выделены по иному основанию (например, географическому признаку).

Одним из перспективных подходов к реализации налогового кластерного анализа является привлечение технологии искусственного интеллекта, позволяющей в режиме реального времени обрабатывать разнородные группы больших данных.

Литература

1. Цепилова Е.С., Беляева О.И. Перспективы региональной интеграционной политики на основе формирования кластеров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19, № 3 (40). С. 99–108.
2. Pivovarov K.N., Zolotukhin A.B., Streletskaya V.V. Application of multicriteria fuzzy clusterization approach to assess the arctic sea oil and gas field development prospects // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. Vol. 700, № 1.
3. Kudabayeva L., Issakova S., Nauryzbekova A., Mussaev G., Tuleyeva G., Zhantayeva A., Suleimenova I. Using supply chain management strategy for regional economic clusterization in Kazakhstan's chemical industry // International Journal of Supply Chain Management. 2019. № 8 (2). P. 885–895.
4. Schepinin V., Skhvediani A., Kudryavtseva T. An empirical study of the production technology cluster and regional economic growth in Russia // Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship. 2018. P. 732–740.
5. Konkina V., Shemyakin A., Babkin I. Information and software of managing the industry cluster of the region // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. 2019. P. 8632–8637.
6. Dyrdonova A.N., Shinkevich A.I., Fomin N.Y., Andreeva E.S. Formation and development of industrial clusters in the regional economy // Espacios. 2019. № 40 (1). P. 24–31.
7. Kuzovleva I., Alekseenko V., Filippova T., Kudryavtseva T. Efficiency of construction cluster innovative potential management // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. Vol. 497, № 1.
8. Gutman S.S., Zaychenko I.M., Kalinina O.V. Selection of strategy implementation tool for shipbuilding cluster of Arkhangelsk Oblast // Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference. 2017. P. 1430–1438.
9. Selentyeva T.N., Degtereva V.A., Ivanova M.V., Mikheyenko O.V. The competitiveness of innovation clusters: Approaches to assessing and role of state cluster policy // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference. 2018. P. 1706–1709.
10. Rodrigues M., Franco M. Taxonomy of Holistic Performance of Current Creative Cities: Empirical Study // Journal of Urban Planning and Development. 2020. Vol. 146, № 1.
11. Rudskaya I.A., Rodionov D.G. Comprehensive evaluation of Russian regional innovation system performance using a two-stage econometric model // Espacios. 2018. Vol. 39, № 4. P. 35–47.
12. Konnikov E.A., Konnikova O.A., Ivanov S.A., Novikova O.V. Instrumentation of ensuring the sustainability of the tax system // Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference. 2018. P. 5218–5225.
13. Garg S., Goya A., Pa R. Why Tax Effort Falls Short of Tax Capacity in Indian States: A Stochastic Frontier Approach // Public Finance Review. 2017. № 45 (2). P. 232–259.
14. Zarate-Marco A., Valles-Gimenez J. Regional Tax Effort in Spain // Economics. 2019. № 13. P. 1–32.
15. Mintz J., Tulkens H. Commodity tax competition between member states of a federation: equilibrium and efficiency // Journal of Public Economics. 1986. № 29 (2). P. 133–172.
16. Kothenburger M. Tax Competition in a Fiscal Union with decentralized leadership // Journal of Urban Economics. 2004. № 55 (3). P. 498–513.

17. Kanbur R., Keen M. Jeux Sans Frontieres: Tax Competition and Tax Coordination When Countries Differ in Size // *American Economic Review*. 1993. Vol. 83, № 4. P. 877–892.
18. Mardan M., Stimmelmayer M. Tax competition between developed, emerging, and developing countries – Same same but different? // *Journal of Development Economics*. 2020. № 146.
19. Neog Y., Gaur A.K. Tax structure and economic growth: a study of selected Indian states // *Journal of Economic Structures*. 2020. № 9 (1). P. 1–12.
20. Yang T., Long R., Li W. Suggestion on tax policy for promoting the PPP projects of charging infrastructure in China // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 174. P. 133–138.
21. Gao X., Zheng H., Zhang Y., Golsanami N. Environmental concern and level of emission reduction // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, is. 4.
22. Varotsis N., Katerelos I. Tax behaviour relating to the review of a revised regional tax policy: a study in Greece // *Journal of Economic Structures*. 2020. Vol. 9, is. 1.
23. Walker A.K., Buettel B.L. A legal analysis of state tax policy for online sales: The recipe from Direct Marketing // *Journal of Legal Tax Research*. 2018. Vol. 16, iss. 1. P. 39–58.
24. Nellen A. In the green classroom – tax policy of environmental tax rules and incentives: New directions in teaching and research // *Journal of Green Building*. 2017. Vol. 12, is. 4. P. 165–173.
25. Troyanskaya M.A., Tyurina Y.G. Contradiction of clusters taxation in Russia: Taxes as barriers and stimuli for clustering // *Contributions to Economics*. 2017. P. 3–11.
26. Zizka M., Valentova V.H., Pelloneova N., Stichhauerova E. Evaluation of the Efficiency of Public Support for Cluster Organizations in the Czech Republic // *Danube*. 2020. № 10 (4). P. 299–320.
27. Вылкова Е.С., Тарасевич А.А. Налоговая кластеризация регионов РФ как разновидность фиксации типов закономерностей // *Вестник-Экономист ЗАБГУ*. 2013. № 6. С. 1–16.
28. Вылкова Е.С., Тарасевич А.А. Комплексная система налоговых показателей для кластер-процедур на уровне субъектов РФ // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2014. № 3. С. 41–51.
29. Tax administration Goes Digital / ed. Channing Flynn. EY, 2018. 16 p.
30. Koroleva L., Aleksandrova A. Information technologies as an instrument to administer added value tax // *Communications in Computer and Information Science*. 2016. № 674. P. 106–122.
31. Информационная экономика: этапы развития, методы управления, модели / под ред. В.С. Пономаренко, Т.С. Клебановой. Харьков, 2018. 676 с.
32. Sabitova N.M., Khafizova A.R. Information technologies as a factor of evolution of tax administration // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6. P. 169–173. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n1s3p169
33. Victorova N., Vylkova E., Pokrovskaya N., Shukhov F. Information technology and innovation in taxpayer registration and numbering: national and international experience // *Proceedings of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University International Scientific Conference on innovations in digital economy*. ACM, New York, 2019. P. 1–6. DOI: 10.1145/3372177.3373349
34. *The Digital Economy and Society Index (DESI)*. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi>
35. Ермакова Е.А. Цифровые трансформации государственных финансов в России // *Экономическая безопасность и качество*. 2019. № 3 (1). С. 21–24.
36. Ермакова Е.А., Гуреева О.В. Особенности внедрения цифровых технологий в бюджетные отношения // *Основные тенденции и перспективы развития экономики в координатах цифровой эры*. Хабаровск, 2018. С. 52–57.
37. Koniagina M., Isaeva A., Mukhin K., Koroliov A., Vulfovich E., Dochkina A. Struggle for the technological leadership in the digital economy // *Espacios*. 2019. Vol. 40, № 37. P. 10–27.

38. Koniagina M., Belotserkovich D., Vorona-Slivinskaya L., Pronkin N. Development trends of an internet of things in context to information security policy of a person, business and the state // *Talent Development and Excellence*. 2020. Vol. 12, № 2s. P. 1181–1193.

39. Киреева Е.Ф. Налоговый режим для цифрового бизнеса в технологических и инновационных парках: белорусский опыт // *Финансы*. 2019. № 4. С. 37–41.

40. *Налоги в цифровой экономике. Теория и методология* / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 279 с.

41. *Цифровые технологии налогового администрирования* / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 263 с.

42. *Информационное общество в Российской Федерации*. 2019 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 197 с.

Tax Clusterization of Regions of the Russian Federation to Identify Territories—Drivers of Sustainable Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 138–157. DOI: 10.17223/19988648/53/11

Elena S. Vylkova, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National. Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vylkova-es@ranepa.ru

Natalia G. Victorova, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: viktorova_ng@spbstu.ru

Vladimir N. Naumov, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National. Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: naumov-vn@ranepa.ru

Natalia V. Pokrovskaia, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.pokrovskaia@spbu.ru

Keywords: tax, tax clustering, region, tax policy, digitalization, economic growth.

The relevance of tax clustering is due to the need for a competent scientifically grounded definition of territories that are drivers of economic growth. The aim of the study was to identify, on the basis of econometric methods, clusters of the regions of the Russian Federation by a set of indicators reflecting their tax status, tax administration, informatization of the tax environment. The Russian regions were grouped into clusters by a set of tax indicators based on official statistical data for 2018 using SPSS, Rstudio, Anaconda Navigator software. As a result of the anomalous values, five federal subjects were excluded from the analysis: Moscow, Sevastopol, Ingushetia, Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs. Econometric analysis made it possible to conclude that there are three clusters of regions according to the analyzed parameters: 1) the least functionally proportional (7 regions), which have the lowest tax intensity of the gross regional product, the highest debt intensity of the gross regional product and the highest level of tax debt of the employed population, companies, and individual entrepreneurs; 2) medium functionally proportional (50 regions) with the lowest efficiency of tax administration, the highest coefficient of tax collection, the lowest level of taxation of the employed population and individual entrepreneurs (but not companies), the lowest level of tax debt of all analyzed subjects, and the lowest additional tax charges and sanctions for violation of tax legislation from tax audits, 3) the most comprehensively successful (22 regions), which are characterized by the highest tax intensity of the gross regional product and the highest level of tax revenues generated by the employed population, companies, and individual entrepreneurs. The regions of this cluster have the most effective taxation of value added and financial results of organizations. Among the regions of the third group, the leaders in terms of digital indicators are: Tyumen Oblast, Murmansk Oblast, Republic of Tatarstan, Leningrad Oblast. The study can develop in the following promising directions: 1) inclusion in the cluster analysis of indicators, not typical for the characteristics of the tax environment, that most fully reflect the influence of external

diverse factors on the tax state of the regions; 2) extrapolation of the results to assess the tax status of the territories of other states; 3) the need to improve the tax clustering method based on artificial intelligence technology.

References

1. Tsepilova, E.S. & Belyaeva, O.I. (2017) Prospects of the regional integration policy based on cluster formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya – Science Journal of VolSU. Global Economic System*. 19 (3). pp. 99–108. (In Russian).
2. Pivovarov, K.N., Zolotukhin, A.B. & Streletskaia, V.V. (2019) Application of multicriteria fuzzy clusterization approach to assess the arctic seas oil and gas field development prospects. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 700 (1).
3. Kudabayeva, L. et al. (2019) Using supply chain management strategy for regional economic clusterization in Kazakhstan's chemical industry. *International Journal of Supply Chain Management*. 8 (2). pp. 885–895.
4. Schepinin, V., Skhvediani, A. & Kudryavtseva, T. (2018) An empirical study of the production technology cluster and regional economic growth in Russia. *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship*. pp. 732–740.
5. Konkina, V., Shemyakin, A. & Babkin, I. (2019) Information and software of managing the industry cluster of the region. *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference*. pp. 8632–8637.
6. Dyrdonova, A.N. et al. (2019) Formation and development of industrial clusters in the regional economy. *Espacios*. 40 (1). pp. 24–31.
7. Kuzovleva, I. et al. (2019) Efficiency of construction cluster innovative potential management. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 497 (1).
8. Gutman, S.S., Zaychenko, I.M. & Kalinina, O.V. (2017) Selection of strategy implementation tool for shipbuilding cluster of Arkhangelsk Oblast. *Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference*. pp. 1430–1438.
9. Selentyeva, T.N. et al. (2018) The competitiveness of innovation clusters: Approaches to assessing and role of state cluster policy. *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference*. pp. 1706–1709.
10. Rodrigues, M. & Franco, M. (2020) Taxonomy of Holistic Performance of Current Creative Cities: Empirical Study. *Journal of Urban Planning and Development*. 146 (1).
11. Rudskaya, I.A. & Rodionov, D.G. (2018) Comprehensive evaluation of Russian regional innovation system performance using a two-stage econometric model. *Espacios*. 39 (4). pp. 35–47.
12. Konnikov, E.A. et al. (2018) Instrumentation of ensuring the sustainability of the tax system. *Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference*. pp. 5218–5225.
13. Garg, S., Goya, A. & Pa, R. (2017) Why Tax Effort Falls Short of Tax Capacity in Indian States: A Stochastic Frontier Approach. *Public Finance Review*. 45 (2). pp. 232–259.
14. Zarate-Marco, A. & Valles-Gimenez, J. (2019) Regional Tax Effort in Spain. *Economics*. 13. pp. 1–32.
15. Mintz, J. & Tulkens, H. (1986) Commodity tax competition between member states of a federation: equilibrium and efficiency. *Journal of Public Economics*. 29 (2). pp. 133–172.
16. Kothenburger, M. (2004) Tax Competition in a Fiscal Union with decentralized leadership. *Journal of Urban Economics*. 55 (3). pp. 498–513.
17. Kanbur, R. & Keen, M. (1993) Jeux Sans Frontieres: Tax Competition and Tax Coordination When Countries Differ in Size. *American Economic Review*. 83 (4). pp. 877–892.
18. Mardan, M. & Stimmelmayer, M. (2020) Tax competition between developed, emerging, and developing countries – Same same but different? *Journal of Development Economics*. 146.

19. Neog, Y. & Gaur, A.K. (2020) Tax structure and economic growth: a study of selected Indian states. *Journal of Economic Structures*. 9 (1). pp. 1–12.
20. Yang, T., Long, R. & Li, W. (2018) Suggestion on tax policy for promoting the PPP projects of charging infrastructure in China. *Journal of Cleaner Production*. 174. pp. 133–138.
21. Gao, X. et al. (2019) Environmental concern and level of emission reduction. *Sustainability*. 11 (4).
22. Varotsis, N. & Katerelos, I. (2020) Tax behaviour relating to the review of a revised regional tax policy: a study in Greece. *Journal of Economic Structures*. 9 (1).
23. Walker, A.K. & Bueltel, B.L. (2018) A legal analysis of state tax policy for online sales: The recipe from Direct Marketing. *Journal of Legal Tax Research*. 16(1). pp. 39–58.
24. Nellen, A. (2017) In the green classroom – tax policy of environmental tax rules and incentives: New directions in teaching and research. *Journal of Green Building*. 12 (4). pp. 165–173.
25. Troyanskaya, M.A. & Tyurina, Y.G. (2017) Contradiction of clusters taxation in Russia: Taxes as barriers and stimuli for clustering. Contributions to Economics. In: Popkova, E.G. et al. (eds) *Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth*. Springer. pp. 3–11.
26. Zizka, M. et al. (2020) Evaluation of the Efficiency of Public Support for Cluster Organizations in the Czech Republic. *Danube*. 10 (4). pp. 299–320.
27. Vylkova, E.S. & Tarasevich, A.A. (2013) The complex system of tax indicators for cluster procedures at the level of the RF subjects. *Vestnik-Ekonomist ZABGU*. 6. pp. 1–16. (In Russian).
28. Vylkova, E.S. & Tarasevich, A.A. (2014) The complex system of tax indicators for cluster procedures at the level of the RF subjects. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment*. 3. pp. 41–51. (In Russian).
29. Flynn, Ch. (ed.) (2018) *Tax Administration Goes Digital*. EY.
30. Koroleva, L. & Aleksandrova, A. (2016) Information technologies as an instrument to administrate added value tax. *Communications in Computer and Information Science*. 674. pp. 106–122.
31. Ponomarenko, V.S. & Klebanova, T.S. (eds) (2018) *Informatsionnaya ekonomika: etapy razvitiya, metody upravleniya, modeli* [Information economy: stages of development, administration methods, models]. Kharkiv: Simon Kuznets Kharkiv National University of Economics.
32. Sabitova, N.M. & Khafizova, A.R. (2015) Information technologies as a factor of evolution of tax administration. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6. pp. 169–173. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n1s3p169
33. Victorova, N. et al. (2019) Information technology and innovation in taxpayer registration and numbering: national and international experience. *Proceedings of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University International Scientific Conference on innovations in digital economy*. New York: ACM. pp. 1–6. DOI: 10.1145/3372177.3373349
34. European Council. (2020) *The Digital Economy and Society Index (DESI)*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi>.
35. Ermakova, E.A. (2019) Digital transformation of public finance in Russia, *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo*. 3 (1). pp. 21–24. (In Russian).
36. Ermakova, E.A. & Gureeva, O.V. (2018) [Features of the implementation of digital technologies in budgetary relations]. *Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya ekonomiki v koordinatakh tsifrovoy ery* [Main trends and prospects of economic development in the digital era]. Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law. pp. 52–57. (In Russian).
37. Koniagina, M. et al. (2019) Struggle for the technological leadership in the digital economy. *Espacios*. 40 (37). pp. 10–27.
38. Koniagina, M. et al. (2020) Development trends of an internet of things in context to information security policy of a person, business and the state. *Talent Development and Excellence*. 12 (2s). pp. 1181–1193.

-
39. Kireeva, E.F. (2019) *Nalogovyy rezhim dlya tsifrovogo biznesa v tekhnologicheskikh i innovatsionnykh parkakh: belorusskiy opyt* [Tax regime for digital business in technological and innovation parks: Belarusian experience]. *Finansy*. 4. pp. 37–41.
40. Mayburov, I.A. & Ivanov, Yu.B. (eds) (2019) *Nalogi v tsifrovoy ekonomike. Teoriya i metodologiya* [Taxes in the digital economy. Theory and methodology]. Moscow: YuNITI-DANA.
41. Mayburov, I.A. & Ivanov, Yu.B. (eds) (2019) *Tsifrovye tekhnologii nalogovogo administrirovaniya* [Digital technologies of tax administration]. Moscow: YuNITI-DANA.
42. Sabel'nikova, M.A. et al. (eds) (2019) *Informatsionnoe obshchestvo v Rossiyskoy Federatsii. 2019: stat. sb.* [Information society in the Russian Federation. 2019: Statistics]. Moscow: HSE.

УДК 330.7

DOI: 10.17223/19988648/53/12

Т.В. Счастлиная, А.В. Хорошилова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕМИАЛЬНОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ

В банковской системе России назрела необходимость перехода к интенсивному и инновационному пути развития, к совершенствованию предлагаемых пакетов банковских продуктов и услуг. Проведен анализ качественных параметров программ премиального банковского обслуживания банков из топ-5. Были выявлены факторы, представляющие интерес для банков и их клиентов. Сформулированы предложения по возможным направлениям совершенствования программ премиального банковского обслуживания.

Ключевые слова: банковская система, банковские продукты и услуги, коммерческие банки, премиальное банковское обслуживание, премиальные программы, финансовый рынок.

Трансформация экономики России, начавшаяся в 90-е гг. XX в., настоятельно потребовала грамотного и целенаправленного создания и развития финансового рынка и в первую очередь его банковского сектора. Если в 90-е гг. развитие банковского сектора происходило хаотично, экстенсивным путем, то в последние десятилетия наметился переход к интенсивному развитию, к периоду качественных преобразований, происходят процессы, способствующие избавлению от неработоспособных моделей банковского бизнеса. Это требует особых усилий прежде всего со стороны финансового мегарегулятора, но и коммерческие банки не могут остаться в стороне от этих процессов. У банковского менеджмента, по нашему мнению, должен появиться интерес к поиску различных инструментов, позволяющих решать заданные практические задачи и обеспечивать точечное воздействие на решение конкретных проблем.

Частное банковское обслуживание – это не просто одно из направлений деятельности кредитной организации либо набор услуг, а фактически «банк в банке», что подразумевает отличные от традиционного розничного бизнеса принципы обслуживания состоятельных клиентов. Сложности в частном банковском обслуживании возникают тогда, когда отсутствует продуманная и отработанная технология и стандарты обслуживания.

Процесс взаимодействия клиента с банком, включающий консультирование, общение с персоналом, заключение сделок, оказывает значительное влияние на формирование потребительского опыта. Поэтому сценарии обслуживания состоятельных клиентов необходимо выстраивать таким образом, чтобы клиенты получали уникальный опыт, даже если банк предлагает стандартные для рынка продукты. Опыт должен быть положительным даже в случае, если клиенту приходится терять деньги или решать кризис-

ные вопросы. По однотипным проблемам разные банки могут предлагать различные решения, формируя уникальный опыт, в этом как раз и заключается их дифференциация. Однако прежде чем предложить персональное обслуживание клиентам, важно определить, какой группе клиентов оно может быть адресовано. Для распределения клиентов на группы необходимо выделить признаки группировки, представляющие интерес для банка [1], провести детальную сегментацию клиентуры.

Предлагать персональное обслуживание целесообразно тем клиентам, которые имеют высокий и средний уровень достатка и являются надежными партнерами банка. Интерес для менеджера банка представляют и те клиенты, которые относятся к потенциальным и гипотетическим. Это те лица, которым в будущем может быть предложено персональное обслуживание, они должны быть активными, обладать социальной мобильностью, хорошо усваивать информацию, иметь достаточно высокую самооценку [2, с. 3].

Клиент, оценивая для себя возможность перехода на обслуживание в другой банк, всегда рассматривает комплекс услуг – процентные ставки и условия, качество обслуживания, наличие персонального менеджера и отдельного офиса, оперативность решения его запросов и т.д. Поэтому сложно назвать один фактор, который является определяющим для клиента. Ценовой критерий наиболее явный, качество сервиса же – показатель, который можно оценить только опытным путем.

С целью оценки возможностей совершенствования премиального банковского обслуживания в современных условиях проведем сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания в определенном контексте, используя наиболее важные для анализа параметры. Воспользуемся опытом и наработками организации Frank RG.

Frank RG проводит исследования в тесном сотрудничестве с банками-участниками, что ежегодно обеспечивает возможность встретиться с руководством премиальных подразделений, сделать выборку клиентов по заданным критериям для анкетирования, получить доступ к статистическим данным.

Одно из исследований проводилось в период с января по июнь 2019 г. Frank RG проанализировала 13 премиальных программ на рынке, провела интервью с руководителями банковских подразделений премиального обслуживания, опросила 4 015 клиентов премиум-сегмента. Кроме того, «тайные покупатели» консультировались с профильными менеджерами банков и тестировали премиальный сервис в течение четырех месяцев.

Премиальное обслуживание оценивалось по параметрам, объединенным в восемь категорий: сервис (офлайн и онлайн); надежность; переводы, снятие наличных, обмен валюты; размещение денежных средств; небанковские привилегии; дебетовые карты; кредитные карты; кредиты.

«Банком с лучшей премиальной программой был признан Альфа-Банк. Второе место занял Райффайзенбанк, третье – «Тинькофф», далее следуют Ситибанк и Росбанк», – указано в сообщении Frank RG [3].

Кроме того, были объявлены победители по отдельным номинациям. Так, за «лучший премиальный сервис» был награжден Райффайзенбанк, за

«лучший Digital Premium Banking» – Тинькофф Банк, в качестве «лучшего инвестиционного консультанта» – Ситибанк, за «самую динамично развивающуюся премиальную программу» – Росбанк.

Помимо премиум-программ вышеперечисленных банков, в рамках исследования анализировались также программы банка «Санкт-Петербург», Газпромбанка, «Открытия», Промсвязьбанка, «Русского Стандарта», Сбербанка, «Уралсиба» и ЮниКредит Банка.

Программы премиального банковского обслуживания ориентированы на клиентов со среднемесячным доходом от 150 тыс. руб., имеющих балансы на счетах от 2–3 млн руб.

Анализ ответов клиентов разных сегментов позволил выявить зависимость клиентских предпочтений от объема располагаемого капитала и ежемесячных транзакций по картам:

- Pre-affluent Spender (капитал до 2 млн руб., траты по картам до 200 тыс. руб./мес.);

- Affluent Spender (капитал до 2 млн руб., траты по картам более 200 тыс. руб./мес.);

- Pre-affluent Saver (капитал от 2 до 4 млн руб., траты по картам менее 200 тыс. руб./мес.);

- Affluent Spender, Pre-affluent Saver (капитал от 2 до 4 млн руб., траты по картам более 200 тыс. руб./мес.);

- Affluent Saver (капитал от 4 млн руб., траты по картам менее 200 тыс. руб./мес.);

- Affluent Saver and Spender (капитал от 4 млн руб., ежемесячные траты по картам более 200 тыс. руб./мес.).

В ходе анализа материалов, собранных в различных авторитетных источниках, Frank RG выявила основные тренды Premium Banking в 2018–2019 гг. Все они были разделены на четыре группы – Эмоциональность, Персональность, Контроль, Продукты и сервис. Представим их в табл. 1.

По данным Forbes, 68% миллениалов осуществляют покупку, ориентируясь на ценности, которые коммуницирует компания. Для старшего поколения этот показатель ниже, но также существенно вырос за последние годы. Это говорит о том, что клиенты выбирают те компании, которые разделяют их ценности:

- не «покупают», а «покупают у»;

- не «инвестируют», а «инвестируют в».

The Financial Brand отмечает, что в последние годы банки и финансовые организации следуют тренду и меняют своё позиционирование. Ранее фокус коммуникаций был на преимуществах продукта для определенной аудитории, теперь компании рассказывают о своих ценностях и интересах, говорят о социальных проблемах. Цель – привлечь аудиторию, более лояльную к бренду и вовлеченную в развитие бизнеса.

Пользование digital-сервисами растет, и большинство операций можно провести онлайн. Но это не значит, что многие операции стали так необходимы клиенту. 66% клиентов хотели бы, чтобы им не показывались предложения, которые для них потеряли свою актуальность [4].

Таблица 1. Мировые тренды Premium Banking – потребности клиентов и изменения банков [3]

	Клиент	Банк
Эмоциональность	Совпадение убеждений и ценностей организации и клиента. Пользование социальными сетями. Поиск новых знакомств, нетворкинг. Оценка обслуживания как единого процесса	Позиционирование через ценности. Ведение социальных сетей банка. Замена отделений «хабами». Работа с клиентскими путями
Персональность	Возможность настроить цифровые каналы «для себя». Персональные предложения и продукты, индивидуальная аналитика	Индивидуальные настройки цифровых каналов. Новые программы сегментирования клиентов/«я-сегмент»
Контроль	Финансовая грамотность, инвестиции. Недоверие к банкам и финансовой системе. Безопасность собственных средств. Предпринимательская деятельность	Расширение инвестиционной линейки, финансовые консультации. Сотрудничество с RegTech. Фокус на кибербезопасность. Интеграция с МСБ
Продукты и сервис	Обслуживание в нескольких банках, поиск выгоды. Сокращение комиссий. Фокус на цифровизацию	Создание маркетплейсов, внедрение OpenBanking. Введение новых комиссионных моделей. Автоматизация операционных процессов

Крупнейшие банки активно расширяют свою инвестиционную линейку, предлагая не только классические, но и более рискованные продукты. Ключевая задача банков при этом – донести до клиента все возможные риски, чтобы не потерять его, если вложения не оправдаются.

С целью выделения необходимых направлений совершенствования программ ПБО проведем контекстный анализ по ряду качественных параметров. По итогам анализа мы сможем выявить те параметры, которые вызывают интерес у клиентов и могут нуждаться в дальнейшем развитии. Ранее нами уже проводился анализ программ ПБО Сбербанка РФ, Промсвязьбанка и Альфа-Банка, банков представленных на томском банковском рынке. В данной статье мы решили остановиться на анализе программ ПБО банков из топ-5 согласно результатам рейтинга Frank Premium Banking Award 2019. Приведем таблицы сравнительного анализа некоторых параметров премиального банковского обслуживания банков, вошедших в топ-5 (табл. 2–10). Таблицы составлены авторами с использованием информации банков, размещенной на официальных сайтах [5–9].

Таблица 2. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Премиальные карты»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Премиальные карты»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Дебетовая карта Альфа-Карта Premium. Alfa Travel Premium. Дебетовая карта Аэрофлот Black Edition
Райффазенбанк «Premium Banking»	Mastercard World Black Edition Premium. Visa Platinum Premium. Mastercard Buy&Fly Premium Rewards. Austrian Airlines Mastercard World Black. Visa Platinum Travel Premium Rewards
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	Дебетовая карта Tinkoff Black Metal. ALL Airlines Black Edition
Ситибанк «Citigold»	Дебетовая карта Mastercard World Elite. Дебетовая карта Visa Infinite
Росбанк «Премиальный»	Дебетовая карта Премиальная #МожноВСЁ. Дебетовая карта Mastercard World Black Edition. Кредитная карта Mastercard Black Edition #120под НОЛЬ. Кредитная карта Visa Signature #МожноВСЁ

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 3. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Для путешествий»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Для путешествий»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Скидки на связь в поездках: Интернет и звонки за границей по тарифам, как дома. Для абонентов любого оператора «большой четверки». Премиальный сервис от 20 000 отелей-партнёров: Лучшая цена номера. Бесплатное повышение категории номера. Ранний заезд и поздний выезд. Рестораны: Бронирование столиков даже там, где всё уже занято. Скидки и комплименты для особых клиентов. Приглашения на закрытые мероприятия
Райффазенбанк «Premium Banking»	Бесплатное снятие наличных за рубежом: Снятие наличных в любом банкомате. Снятие по карте в той же валюте во избежание комиссии. Возможность воспользоваться экстренной выдачей наличных при утере карты. Специальный курс обмена валют: Премиальные клиенты могут обменивать валюту по специальному курсу от 300 000 руб. в Райффайзен-Онлайн. Интернет: Бесплатный мобильный интернет в роуминге от «Билайн»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Для путешествий»
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	Интернет: Бесплатный интернет в роуминге от Билайна, Tele2 и Мегафона. Выгодный обмен валюты: Разница с биржевым курсом – от 0,25% в рабочее время по Москве. Конвертация внутри вклада без вывода денег и потери процентов. Бонус за расходы на поездки. Повышенный кэшбэк в Тинькофф Путешествиях: Отели – 10% за бронь через Booking.com. Аренда авто – 10%. Билеты на самолеты и поезда – 5%. Готовые туры – 5%
Ситибанк «Citigold»	Безлимитный интернет по всему миру: Доступ более чем к миллиону точек Wi-Fi по всему миру – в отелях, ресторанах, торговых центрах и даже в самолетах. Citigold Home Connect: Находясь за границей, клиент может позвонить в Citigold CitiPhone по местной связи, не платя за международный звонок в России. Электронная библиотека: Электронная библиотека – это доступ к бесплатному интернет-хранилищу газет и журналов на русском языке: Коммерсантъ, РБК, Эксперт, Профиль, Огонек, Вокруг света и др. Каждую неделю – обновление инвестиционных обзоров от аналитиков Citi
Росбанк «Премиальный»	Подготовка к поездке: Оплата путешествий Travel-бонусами на портале Росбанк OneTwoTrip через РОСБАНК Онлайн. Бесплатное страхование для всей семьи в путешествиях. Скидка до 35% на AVIS, Agoda, Hotels.com и др. Выгодный курс конвертации валюты. Помощь в подготовке документов для визы. В пути: Скидка 20% на Wheely и Get. Бесплатная упаковка багажа PACK&FLY. Любимые сериалы и кино со скидкой 50% от Okko & Амедиатека. Скидка 10% в аэропорту Шереметьево в ресторанах Novikov Group. Скидка 10% при заказе питания на борт с Aeromenu. Компенсация до 600 евро за отмену или задержку рейса. Далеко от дома: Бесплатное снятие наличных в банкоматах по всему миру.

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Для путешествий»
	Доступ к 7 счетам в разных валютах. Безлимитный и бесплатный интернет в роуминге. Срочный перевыпуск карты за рубежом – бесплатно. Travel-бонусы за покупки по карте: За каждые 100 рублей начисляются 5 бонусов. В дальнейшем клиент может полностью или частично оплатить бонусами билеты или отели на портале Росбанк OneTwoTrip через РОСБАНК Онлайн

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 4. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Трансферы в аэропорт»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Трансферы в аэропорт»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Выбор для каждого: трансфер или такси. Компенсация стоимости поездок на такси в аэропорт (в форме cash-back) до 15 трансферов в год
Райффазенбанк «Premium Banking»	Услуга недоступна в рамках данной программы
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	Службы такси платные, банк не предоставляет трансфер даже для VIP-клиентов
Ситибанк «Citigold»	Комфорт и безопасность клиентов доверенного сервису личных водителей Wheely с новыми автомобилями представительского и бизнес-класса. Профессиональные водители в деловых костюмах в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Краснодаре, Перми, Казани, Сочи, а также Лондоне (Великобритания) и Париже (Франция)
Росбанк «Премиальный»	Услуга недоступна в рамках данной программы

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 5. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Priority Pass»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Priority Pass»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Проход в бизнес-залы любых аэропортов: Бесплатный проход для клиентов и их гостей
Райффазенбанк «Premium Banking»	Более 1 200 комфортных бизнес-залов в аэропортах по всему миру для клиентов и их спутников. Бесплатные закуски и освежающие напитки

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Priority Pass»
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	2 прохода в месяц в залы Lounge Key в аэропортах по всему миру
Ситибанк «Citigold»	Программа Mastercard Airport Experiences от LoungeKey предоставляет: Доступ в бизнес-залы аэропортов более чем в 500 городах мира. Эксклюзивные предложения от ресторанов, магазинов, спа-центров и Duty Free
Росбанк «Премиальный»	Более 1 200 бизнес-залов аэропортов доступно по всему миру. До 12 бесплатных проходов для клиентов и их спутников. Сервис и комфорт перед полетом

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 6. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Страхование в путешествиях»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Страхование в путешествиях»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Полис компании АльфаСтрахования покрывает потерю багажа, медицинские риски, а также риски непрофессионального занятия экстремальными видами спорта. Страхование на 150 000 € для вас и на 35 000 € для каждого члена семьи
Райффазенбанк «Premium Banking»	Страхование до 150 000 евро на путешествия по всему миру. Страхование для супругов и детей в совместной поездке
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	На 5 человек, до 100 000 \$. Для виз и активного отдыха по всему миру, включая лыжи и сноуборд. Страховка франшизы при аренде авто до 3000 \$
Ситибанк «Citigold»	Годовой сертификат на время путешествий для клиентов и их детей
Росбанк «Премиальный»	Бесплатное страхование для всей семьи в путешествиях. Количество застрахованных поездок не ограничено. Страховую услугу предоставляет ООО «СОСЬЕТЕ ЖЕНЕРАЛЬ Страхование»

Источник: составлено авторами по данным банков.

**Таблица 7. Сравнительный анализ программ
премиального банковского обслуживания по параметру «Кэшбэк»**

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Кэшбэк»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	<u>Альфа-Карта Premium:</u> Кэшбэк с покупок: 3% (при сумме покупок более 150 000 руб. в месяц). 2% (при сумме покупок более 10 000 руб. в месяц). Максимальная сумма кэшбэка в месяц – 15 000 руб. Процент на остаток по счёту в месяц: 6% (при сумме покупок более 150 000 руб. в месяц). 5% (при сумме покупок более 10 000 руб. в месяц). <u>Alfa Travel Premium:</u> До 11% милями за услуги, оплаченные на travel.alfabank.ru До 5% милями за любые покупки по карте Оплата милями билетов любых авиакомпаний по курсу 1 миль = 1 руб. <u>Аэрофлот Black Edition:</u> Процент на остаток по счёту в месяц: 6% (при сумме покупок более 150 000 руб. в месяц). 5% (при сумме покупок более 10 000 руб. в месяц). Также: до 2 миль за каждые 60 руб.
	<u>Visa Platinum Travel Premium Rewards:</u> Мили: 1 миль Travel Miles за каждые 30 руб. 1000 миль при совершении трат не менее 50 000 руб. в месяц 1000 миль в день рождения. Дополнительные премиальные мили начисляются за покупку авиабилетов любой авиакомпании, аренду автомобилей и отелей
Райффазенбанк «Premium Banking»	<u>Tinkoff Black Metal:</u> Кэшбэк с покупок: До 15% – в выбранных категориях. 1% – по умолчанию за все покупки. До 33% – за оплату билетов в кино, на концерты, а также счетов в ресторанах, если клиент забронировал это все через приложение Тинькофф. Лимит – 30 000 руб. в месяц. Кэшбэк с покупок у партнеров банка: До 30% по спецпредложениям. Лимит – 30 000 руб. в месяц. Бонус при пополнении вклада в любой валюте: 0,5% к пополнению. Процент на остаток по счёту в год: 4% годовых на любой остаток Повышенный кэшбэк в Тинькофф Путешествиях: Отели – 10% за бронь через Booking.com Аренда авто – 10% Билеты на самолеты и поезда – 5% Готовые туры – 5% <u>Дебетовая карта ALL Airlines Black Edition:</u> 10% за отели и авто при бронировании на Booking.com и Rentalcars.com через Тинькофф Путешествия
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Кэшбэк»
	5% за туры, ж/д и авиабилеты при бронировании на Тинькофф Путешествиях. 1,5% за обычные покупки. 4% годовых милями на любой остаток на счете. Обмен миль на любые билеты от 6 000 руб. по курсу 1 миля = 1 руб. <u>Кредитная карта ALL Airlines Black Edition:</u> 10% за отели и авто. 5% за туры, ж/д и авиабилеты. 3% за любые авиабилеты. 2% за любые покупки. Обмен миль на любые билеты от 6 000 руб. по курсу 1 миля = 1 руб.
Ситибанк «Citigold»	Кэшбэк в рамках данной программы не предоставляется <u>Дебетовая карта Премиальная #МожноВСЁ:</u> Кэшбэк за покупки: От 2 до 10% – на 3 выбранные категории. Размер Cashback на товары из 3 выбранных категорий зависит от общей суммы покупок с начала месяца (в месяц начисляется не более 5 000 руб. по одной карте). 1% в промежутке 0–10 000 руб. 2% в промежутке 10 000–40 000 руб. 5% в промежутке 40 000–100 000 руб. 10% в промежутке 100 000–300 000 руб. 1% на всё. До 5 Travel-бонусов за каждые 100 руб. На остаток по #МожноСЧЁТу в рублях: до 7% Кэшбэк по спецпредложениям:
Росбанк «Премиальный»	5% в магазинах сети «Магнит» 10% в сервисе «Яндекс.Еда» 10% в сервисе «Яндекс.Лавка» 10% на АЗС «Газпромнефть» 20% в ресторанах «Макдоналдс» <u>Дебетовая карта Mastercard World Black Edition:</u> До 7% на остаток по #МожноСЧЁТу в руб. <u>Кредитная карта Visa Signature #МожноВСЁ:</u> Кэшбэк за покупки: 1% – на любые покупки на товары из 1 выбранной категории: 1% в промежутке 0–10 000 руб. 2% в промежутке 10 000–40 000 руб. 5% в промежутке 40 000–100 000 руб. 10% в промежутке 100 000–300 000 руб. В месяц начисляется не более 5 000 Cashback-бонусов по одной карте

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 8. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Инвестиции»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Инвестиции»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Персональный менеджер разработает стратегию инвестирования, исходя из целей клиента и готовности к риску. Доступ ко всем инвестиционным продуктам: – торговля акциями и облигациями; – доверительное управление; – паевые инвестиционные фонды; – продукты с защитой капитала до 100%; – юридические и налоговые льготы. Большой опыт и высокая надежность: – более 25 лет на рынке; – 700 млрд руб. суммарный объем активов; – более 150 тыс. клиентов по итогам 2019 г. Лучший премиальный сервис в России по версии Frank Research Group
Райффазенбанк «Premium Banking»	Паевые инвестиционные фонды: - Минимальная сумма вложений 50 000 руб. - Возможность выбрать один из 17 фондов. - Налоговый вычет до 3 млн руб. в год. Доверительное управление: - Минимальная сумма вложений 3 млн руб. Широкие возможности по реализации стратегий, недоступных через иные форма инвестирования. Брокерское обслуживание: - Рекомендуемая сумма вложений от 1 млн руб. - Широкий выбор продуктов для инвестирования - Консервативный подход к инвестированию
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	Персональный менеджер поможет решить любой вопрос, связанный с инвестициями. Доступ к бумагам на мировых биржах и сделкам с внебиржевыми финансовыми инструментами. Обзоры рынков, дополнительные идеи инвестиций и отчеты по интересующим клиента компаниям – наглядно и ясно. Формирование портфеля. ETF, ПИФ, евробонды, структурные ноты. Брокерский счет за 0 руб.
Ситибанк «Citigold»	Российские ПИФы: - Минимальная сумма первоначальных инвестиций – 50 000 руб. - Докупка паев – от 5 000 руб. Российские акции и облигации: 14 крупнейших мировых рынков. Широкие возможности диверсификации портфеля. Структурированные ноты: - Возможность реализовать инвестиционную стратегию согласно своему взгляду на рынок.

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Инвестиции»
	Дополнительная диверсификация портфеля инвестора. Доступ к экзотическим рынкам и инструментам. Валютные инструменты: Текущие счета в 10 валютах: RUB, USD, EUR, GBP, CHF, JPY, AUD, NZD, SGD, ZAR. Специальные курсы для крупных обменных операций. Анализ модельного портфеля и оценка решений по ребалансировке имеющегося инвестиционного портфеля. Инвестиционные семинары и мероприятия, которые проводятся для клиентов Citigold совместно с российскими и зарубежными партнерами Citi
Росбанк «Премиальный»	Инвестиционное страхование жизни «Премьер Инвест»: Комплексная финансовая программа объединяет преимущества инвестирования в мировую экономику, возврат вложенных средств и страховую защиту: – минимальный взнос – 100 000 руб.; – 3 финансовые стратегии на выбор; – возможность инвестировать в рублях и долларах; – срок программы – 3 или 5 лет; – 100% возврат вложенных средств по окончании программ; – налоговые и юридические привилегии. «Доверительное управление»: – надежность: провайдер продукта – управляющая компания с максимальным рейтингом надежности по данным Эксперт РА и активами под управлением свыше 550 млрд руб.; – доходность: возможность получить доход выше ставки по банковскому вкладу на аналогичный срок; – экспертиза: корзина активов подобрана в соответствии с рекомендациями аналитиков Societe Generale; – минимальная сумма инвестирования – от 500 000 руб./ шаг увеличения – 100 000 руб. «SmartInvest». Данная программа поможет подобрать для клиента инвестиционный портфель и управлять им: – минимальная сумма инвестирования 100 000 руб.; – вложение в более 1 400 крупнейших компаний по всему миру; – основан на работах нобелевских лауреатов по экономике;

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Инвестиции»
	– инвестирование в рублях, долларах; – число портфелей не ограничено. Инвестиции на любой срок. Единая комиссия – 1,3% в год от стоимости активов при инвестировании от 3 лет

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 9. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Скидки и акции»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Скидки и акции»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Скидка 8% на бронирование отелей в более чем 200 странах мира. Скидка 15% на трансферы в аэропорт и обратно с Wheely и Gett. Скидка до 35% на прокат автомобилей в Avis. Скидки до 15% и специальный сет по особой цене в ресторанах NOVIKOV GROUP в аэропорту «Шереметьево». Скидки на билеты «для своих» в музеи и театры. Выставки без очередей и другие бонусы
Райффазенбанк «Premium Banking»	Скидка 10% на сайте и в приложении Farfetch. Колесо обозрения London Eye и музей Мадам Тюссо со скидкой 20%. В 3 раза больше бонусов за покупки от 3 000 руб. и бесплатная доставка в «Азбуке Вкуса» и другие бонусы
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	Особые условия в избранных бутиках, театрах, ресторанах, фитнес-клубах, салонах красоты. Скидка 15% в Яндекс.Такси. Скидка 10% в ресторанах Novikov Group. Скидка 15% на сайте AllSole и другие бонусы
Ситибанк «Citigold»	Скидка 20% в сети кафе «PRIME». Карта клиента METRO и купоны на скидки до 25%. Кэшбэк 5% при бронировании отеля на Booking.com и другие бонусы
Росбанк «Премиальный»	Скидка 30% от стоимости аренды сейфовой ячейки, действующей в регионе проживания клиента. Скидка 10% на заказ фермерских продуктов от LavkaLavka. Скидка 30% на все поездки с Wheely и другие бонусы

Источник: составлено авторами по данным банков.

Таблица 10. Сравнительный анализ программ премиального банковского обслуживания по параметру «Стандарты обслуживания»

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Стандарты обслуживания»
Альфа-банк «Альфа-Премиум»	Персональный менеджер: – организует любое путешествие; – оформит визу; – бронирует отель; – купит билеты на любой транспорт; – организует трансфер и проживание; – будет на связи по любым вопросам. Для детей: – банк поможет найти престижный университет, колледж, школу за границей; – предложит специальные условия для накоплений на будущее; – выпустит детскую карту для удобных трат. Здоровье: – банк поможет подобрать клинику за границей; – поможет оформить страхование на специальных условиях. Юридические услуги: бесплатные консультации от лучших юристов по любым вопросам: от ДТП до налогов. Условия предоставления бесплатного обслуживания: – остаток 1,5 млн руб. и трат от 100 000 руб. в месяц по дебетовым картам; – или ежемесячный остаток 3 000 000 руб.; – или поступление заработной платы 400 000 руб. в месяц первые 6 месяцев. Иначе обслуживание составит 2 990 руб. в месяц
Райффазенбанк «Premium Banking»	Персональный менеджер: – гибкий и внимательный сервис; – учет индивидуальных потребностей; – помощь в составлении плана действий для достижения поставленных финансовых целей. Выделенные зоны обслуживания: – конфиденциальные встречи клиента с его персональным менеджером; – без очередей и в удобное для клиента время. Выделенная телефонная линия Premium Line 24/7: – заказ денежных средств в отделение, операции со счетами, кредитами и депозитами; – консультация по продуктам банка и многое другое. Обратный звонок: удобный способ связаться с Premium Line 24/7, если клиент находится в поездке. Условия предоставления бесплатного обслуживания: – 2 500 000 руб. на рублевых счетах и в инвестиционных продуктах на конец месяца; – или 250 000 руб. трат по картам в месяц, в том числе по дополнительным и кредитным;

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Стандарты обслуживания»
	– или 500 000 руб. перевод заработной платы (от юридического лица). Иначе обслуживание составит 5 000 руб. в месяц
Тинькофф Банк «Tinkoff Black Премиум»	Персональное обслуживание: – свой человек в банке: быстро ответит, оформит доставку документов и многое другое; – консьерж-сервис Prime: организует поездку, деловой график и досуг; – автоконсьерж Alfred в Москве: бесплатный вызов каждый месяц. Дистанционное обслуживание: – лучшее дистанционное премиальное обслуживание по версии Frank Research Group в 2019 г.; – страховой полис. Чат с персональным менеджером. Условия предоставления бесплатного обслуживания: для бесплатного обслуживания дебетовых карт: – сумма покупок – от 200 000 руб. в месяц; – или общий остаток на счетах – от 3 000 000 руб.; для бесплатного обслуживания кредитных карт: – общий остаток на счетах – от 3 000 000 руб.; – или сумма покупок – от 200 000 руб. в месяц и общий остаток на счетах – от 1 000 000 руб. Иначе обслуживание составит 1 990 руб. в месяц
Ситибанк «Citigold»	Персональный финансовый консультант Citigold. Ассистент по сервисным вопросам. Инвестиционный специалист. Консьерж-сервис Aspire Lifestyles – ассистент, готовый выполнить любое поручение 24/7, 365 дней в году в любой точке земного шара. Индивидуальное премиальное обслуживание за рубежом: – квалифицированный персональный менеджер, который говорит на русском языке; – построение долгосрочной стратегии инвестирования, соответствующей ожиданиям клиента; – управление капиталом на международных рынках; – уютный офис в деловом районе Canary Wharf в Лондоне. Юридическая консультация: клиенты Citigold могут получать консультации по юридическим аспектам от компаний-партнеров АО КБ «Ситибанк», ведущих поставщиков профессиональных услуг. Международное обслуживание: открытие счетов через подразделения в Великобритании и на о. Джерси. Доступ к своим инвестициям из любой точки мира, где бы ни находился клиент. Доступ к счетам более чем в 20 валютах. Конвертация на специальных условиях. Образование в Великобритании: если клиент хочет продолжить обучение сам или дать своему ребенку

Банки / программы ПБО	Характеристика программ ПБО – параметр «Стандарты обслуживания»
	достойное образование, то партнеры банка подберут нужную школу или университет и помогут подготовиться к поступлению. Условия предоставления бесплатного обслуживания: при среднемесечном балансе от 6 000 000 руб. РФ или эквивалента в других валютах. Иначе обслуживание составит 2 800 руб. в месяц
Росбанк «Премиальный»	Персональный ассистент поможет клиенту в любой ситуации в любое время суток: – организация путешествий; – организация досуга; – помощь по дому; – помощь на дорогах; – образовательный консьерж; – медицинская поддержка. Профессиональная юридическая помощь и многое другое. Условия предоставления бесплатного обслуживания: – ежемесячное поступление заработной платы – более 250 000 руб.; – или ежемесячная сумма покупок по картам – 150 000 руб.; – или среднемесечный баланс на счетах – более 3 000 000 руб.; – или среднемесечный баланс на счетах от 1 500 000 руб. + ежемесячная сумма покупок по картам свыше 75 000 руб. Иначе обслуживание составит 5 000 руб. в месяц

Источник: составлено авторами по данным банков.

В рассмотренных премиальных программах банков есть много общих привилегий для клиентов: премиальные карты, специальные программы страхования и инвестирования, персональный помощник, особые курсы обмена валют, кэшбэк, Priority Pass, а также скидки и акции от партнеров банков.

Среди особых привилегий можно выделить юридические услуги от Альфа-Банка; экстренную выдачу наличных за рубежом в случае утери карты от Райффайзенбанка; бонусы за расходы на поездки от Тинькофф Банка; рыночную аналитику, электронную библиотеку и помощь с образованием в Великобритании от Ситибанка; Travel-бонусы за покупки по карте и скидки на сейфовые ячейки от Росбанка.

Минимальная стоимость обслуживания премиальной карты при невыполнении ни одного из условия бесплатного обслуживания составляет 1 990 руб. в месяц в Тинькофф Банке, максимальная – 5 000 руб. в Райффайзенбанке и в Росбанке.

Каждый банк может подать пример своих отношений в премиальном секторе и принять в рассмотрение привилегии, предоставляемые другими банками.

В то же время предоставление банками качественного премиального обслуживания несет бремя определенных проблем.

Среди основных вызовов премиального банковского обслуживания (Premium Banking):

- Цифровизация банковского сервиса, которая активно проникает в сегмент состоятельного клиента. Одновременно запрос премиального клиента на сервис от человека сохраняется, особенно у тех, кто располагает бóльшим капиталом. Поэтому необходимо суметь поддержать высокий уровень квалификации менеджеров, активно инвестируя в цифровые каналы обслуживания. Предел диджитализации премиального клиента до конца не ясен.

- Снижение маржинальности бизнеса. Становится очевидным, что развитие за счет предложения более дешевого продукта ставит под вопрос перспективу развития премиального сервиса.

- Поиск новых идей, реальной ценности премиального сервиса для клиента. Как перефокусировать клиента с продукта и выгоды, которую клиент хочет получить от банка, на дополнительные, неизмеримые в деньгах преимущества [3]?

Стоит отметить, что современным состоятельным клиентам любого банка важно не только принимать продуктовые предложения банка, как, например, премиальные карты, но также получать безупречный сервис и дополнительные небанковские привилегии, в который входят инвестиционное обслуживание, помощь в обеспечении комфорта в жизни и путешествиях.

Успешность премиального сервиса в будущем будет зависеть от способности банка правильно выстроить сервисные процессы, оптимизировать затраты за счет цифровой оптимизации, а также повысить доходность за счет вовлечения клиентов в инвестиции и дополнительные небанковские сервисы в рамках построения экосистемы ПБО.

Предложения для улучшения качества обслуживания состоятельных клиентов:

1. Необходимо постоянно повышать квалификацию персонала, работающего с премиум-сегментом, чтобы клиент всегда был доволен компетентностью менеджеров и качеством обслуживания.

2. Поскольку сегмент премиум-класса растет в основном не за счет скидок и акций, а за счет предоставления дополнительных услуг и гарантий, нужно разрабатывать и включать в пакеты ПБО новые привилегии и еще более выгодные условия для сотрудничества, способные заставить клиента сделать выбор в пользу именно данного банка.

3. Необходимо и важно уметь находить индивидуальный подход к каждому клиенту премиум-класса, выстраивая сотрудничество с учетом всех его пожеланий, стремясь удовлетворить все его потребности, чтобы повысить лояльность и доверие клиента к банку. Тогда такой клиент надолго задержится в статусе постоянного.

4. Запрашивать пожелания и предложения клиентов насчет улучшения качества обслуживания в самих банках и в онлайн-режиме, при этом имея возможность быстро их обрабатывать.

5. Банк должен наилучшим образом организовать работу с клиентами в точке продаж, предлагая только те услуги, которые соответствуют индивидуальным потребностям и пожеланиям того или иного клиента, поскольку подавляющее большинство (особенно клиенты премиум-класса) не любит, когда им предлагают все подряд, навязывая ненужные услуги.

6. Создать доступность всех видов услуг в любом месте и в любое время, тем самым еще больше повышая лояльность клиента к банку.

7. Постоянно пополнять линейку инвестиционных продуктов, давая возможность выбора новых инвестиционных программ с учетом прогноза.

8. Обновить программы инвестиционного страхования.

9. Ввести услуги медицинского страхования с возможностью лечения в любой клинике России и Европы.

Литература

1. Масленченков Ю.С. Финансовый менеджмент банка. М. : Юнити-Дана, 2015. 400 с.
2. Давиденко Н. Меню для VIP-клиентов // Инвестгазета. 2006. № 48.
3. *Premium banking* в России 2019. М., 2020. URL: <https://frankrg.com/wp-content/uploads/2019/09/73fecc0279b5.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).
4. *Experian* Personalization in marketing – where's the line between 'cool' and 'creepy'?. Ноттингэм, 2020. URL: <https://www.experian.co.uk/assets/marketing-services/white-papers/wp-personalisation-retail-marketing.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).
5. *Альфа-Банк: Альфа Премиум*. М., 2020. URL: <https://alfabank.ru/everyday/package/premium/> (дата обращения: 20.05.2020).
6. *Райффазенбанк: Premium Banking*. М., 2020. URL: https://www.raiffeisen.ru/premium_service/premiumbanking/ (дата обращения: 20.05.2020).
7. *Тинькофф Банк: Tinkoff Black Премиум*. М., 2020. URL: <https://www.tinkoff.ru/tinkoff-premium/> (дата обращения: 20.05.2020).
8. *Ситибанк: Citigold*. М., 2020. URL: https://www.citibank.ru/russia/citigold/rus/citigold_ru.htm (дата обращения: 20.05.2020).
9. *Росбанк: Премиальный*. М., 2020. URL: <https://www.rosbank.ru/premialnoe-obsluzhivanie/> (дата обращения: 20.05.2020).

Improvement of Premium Banking Services: The Need and the Potential

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 158–176. DOI: 10.17223/19988648/53/12

Tatiana V. Schastnaya, Tomsk State University Journal of Economics (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: herz@sibmail.com

Arina V. Horoshilova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arinahoroshilova@mail.ru

Keywords: banking system, banking products and services, commercial banks, premium banking, bonus programs, financial market.

The need for a transition to an intensive and innovative development path is overdue in the banking system of Russia. The quality parameters of the premium banking service program for top-5 banks were analyzed. Factors of interest to the banks and their clients were identified. Suggestions on possible ways to improve premium banking programs were formulated. For the analysis, the authors selected banks with the most interesting bonus programs. The contextual analysis of the qualitative parameters of the premium banking programs allowed identifying these programs' important components and possible problems. These are:

the digitalization of banking services, which actively penetrates the segment of the wealthy client; lower business margins; search for the real value of a premium service for the customer. In the authors' opinion, the most urgent problem is the combination of trends in the digitalization of the banking services and the needs of individualization of the approach to servicing a premium client. The main directions for improving premium banking programs were formulated. They are associated with improving the skills of the program staff; searching for new additional offers and organizing operational feedback for this; expanding the line of financial products offered to premium customers, for example, investment and insurance products, legal services. Premium banking provides a premium client with a special status in terms of service individualization, involves working with target segments, and offers bonus programs of banking products and services aimed at specific target audiences. Therefore, premium banking encourages the bank to identify and differentiate different target groups (audiences) by income level, investment goals, etc.; to conduct events (training seminars, conferences, presentations) to attract individuals to the financial market. Premium banking provides a balance between the economic interests of the company, the financial market and the banking system, commercial banks and individuals. Therefore, the task of developing this segment of the banking services market becomes relevant, meeting the modern needs of the economy. Primarily, the introduction and improvement of premium banking are beneficial to commercial banks themselves, as it increases their level of competitiveness, contributes to the formation of customer loyalty, thus allowing for a more complete satisfaction of customer needs in special services. Currently, improvements in premium banking could also contribute to raising the financial awareness of private clients concerning investment opportunities in the financial markets that would provide effective and balanced development of the financial market of Russia.

References

1. Maslennikov, Yu.S. (2015) *Finansovyy menedzhment banka* [Financial management of the bank]. Moscow: Yuniti-Dana.
2. Davidenko, N. (2006) Menu dlya VIP-klientov [Menu for VIP-clients]. *Investgazeta*. 48.
3. Frank RG. (2019) *Premium banking in Russia 2019*. [Online] Available from: <https://frankrg.com/wp-content/uploads/2019/09/73fecc0279b5.pdf> (Accessed: 16.05.2020). (In Russian).
4. Experian. (2020) *Personalization in marketing – where's the line between 'cool' and 'creepy'?* [Online] Available from: <https://www.experian.co.uk/assets/marketing-services/white-papers/wp-personalisation-retail-marketing.pdf> (Accessed: 16.05.2020).
5. Alfa Bank. (2020) *Alfa-Bank: Alfa Premium* [Alfa Bank: Alfa Premium]. [Online] Available from: <https://alfabank.ru/everyday/package/premium/> (Accessed: 20.05.2020).
6. Raiffeisen Bank. (2020) *Raiffesbank: Premium Banking*. [Online] Available from: https://www.raiffeisen.ru/premium_service/premiumbanking/ (Accessed: 20.05.2020).
7. Tinkoff Bank. (2020) *Tinkoff Bank: Tinkoff Black Premium*. [Online] Available from: <https://www.tinkoff.ru/tinkoff-premium/> (Accessed: 20.05.2020).
8. Citibank. (2020) *Citibank: Citigold*. [Online] Available from: https://www.citibank.ru/russia/citigold/rus/citigold_ru.htm (Accessed: 20.05.2020).
9. Rosbank. (2020) *Rosbank: Premium*. [Online] Available from: <https://www.rosbank.ru/premialnoe-obsluzhivanie/> (Accessed: 20.05.2020).

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 331.1

DOI: 10.17223/19988648/53/13

Е.Л. Андреянова, В.Н. Чипизубова

ТРУДОВЫЕ И КАРЬЕРНЫЕ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья посвящена осмыслению и анализу особенностей ценностных трудовых установок и карьерных мотиваций современной молодежи в контексте теории поколений. Сформулированы принципы построения и развития карьеры молодого поколения в условиях трансформации рынка труда в результате технологических, экономических, демографических изменений. Представлены результаты опроса студентов старших выпускных курсов ведущих вузов Иркутской области, позволившие определить наиболее предпочтительные способы трудоустройства и ключевые факторы выбора будущего места работы. Результаты исследования могут быть использованы региональными структурами по взаимодействию с молодежью для принятия управленческих решений, работодателями, заинтересованными вопросами привлечения и закрепления перспективных молодых сотрудников, а также самими молодыми специалистами при определении своих трудовых мотиваций и карьерных траекторий.

Ключевые слова: рынок труда, карьера, карьерные траектории, трудовые мотивации, поколение Z, молодежь, softskills-навыки.

Введение. Обоснование актуальности темы исследования

Молодежь – одна из основных социально-демографических групп общества, экономическая активность которой определяет эффективность занятости и перспективы развития современного рынка труда. В соответствии с широко известной теорией поколений и, в частности, с исследованиями российской школы поколений молодые люди, рожденные с 1985 по 2002 г., представляют поколение Y (миллениалы), рожденные с 2003 г. и по настоящее время относятся к поколению Z (хоумлендеры – «домоседы»). Именно они в ближайшем будущем будут представлять основную долю экономически активного населения. В связи с этим актуальными являются исследования, изучающие особенности молодых поколений работников, их систем ценностей, трудового поведения, карьерных мотиваций.

Последние десятилетия численность российской молодежи неуклонно сокращается, что может привести к несовпадению спроса и предложения рабочей силы. На начало 2020 г. количество молодых людей насчитывается 23 477 тыс. чел., что составляет около 16% населения России [1], в частности, в Иркутской области наблюдается схожая пропорция населения: более 412 тыс. чел., или 17% от постоянного населения [2].

В этой связи встает вопрос о повышении качества имеющегося молодежного человеческого ресурса. При этом актуальный для молодежи вопрос карьерного и трудового развития на рынке труда остается малоизученным. Это обусловлено трансформацией современного рынка труда в результате технологических инноваций и экономических, демографических изменений.

В ближайшие 20–30 лет рынок труда будет меняться под воздействием глобальных демографических и социально-экономических трендов. Так, ожидается, что уже к 2030 г. людей старше 60 лет впервые в истории будет больше, чем детей [3].

Вслед за сменой поколений и технологическим развитием изменятся и профессии, главным образом рутинного характера (упаковщики, технические контролеры, охранники и т.д.). По мнению Д. Судакова, порядка 30–70% профессий будут автоматизированы [4]. Эти трансформации повлекут за собой развитие надпрофессиональных навыков, и соответственно, изменятся формы и содержание образования, которое в большей степени станет цифровым.

Главный вывод экспертов, занимающихся данной проблемой, сводится к тому, что в условиях высокой неустойчивости и растущей сложности мира людям необходимо повышать «навыки будущего», позволяющие конкурировать в новой социально-экономической и технической реальности.

Особенности трудовых и карьерных мотиваций молодого поколения: обзор литературы

Современные исследователи, зучая проблему построения траекторий карьерного развития, отмечают смену моделей трудового поведения молодого поколения [5–8]. Последовательный процесс от учебы к работе и дальнейшее постепенное развитие карьеры по вертикали сегодня уходит в прошлое. Для успешного профессионального и карьерного становления и развития молодые специалисты все больше осознают потребность в применении концепции «life-long learning» (обучение на протяжении всей жизни). Невозможно закончить свое обучение в стенах учебного заведения, этот процесс осуществляется всю трудовую сознательную жизнь и определяет перспективы поиска лучших работодателей, должностей, сфер деятельности.

При таком подходе к работе и профессии меняется и роль учебных заведений. Как акцентируют Т.В. Окунева, О.Н. Шестопалова [6], место учебы становится средством достижения поставленных целей студента в перспективе. По мнению авторов, обучающиеся оценивают востребованность своей специальности положительно в соответствии с потребностями рынка труда. Но процесс осознания своих профессиональных желаний – процесс динамичный и зависит не только от рефлекслирующих личных факторов, но и от характеристик инвайронментальной среды, замечают Л.В. Темнова, О.А. Лизунова [8]. Авторы предлагают рассмотреть такие инструменты,

как индивидуальное управление карьерой и профессиональные сетевые карты. Это значит, что карьера в современном ее понимании может развиваться по самостоятельному индивидуальному пути, что расширяет границы возможностей молодежи по выбору карьерной траектории.

Целый ряд исследователей, опираясь на опросы абитуриентов и студентов, провели анализ формирования трудовых ориентаций молодых людей в разных социально-экономических условиях регионов РФ. Можно отметить работы В.А. Гневашовой, С.В. Лукова [9], Н.А. Гончаровой, М.А. Гончаровой [10], Е.В. Дуплинской, М.В. Рылской [11].

Зарубежные ученые также подчеркивают смену поколенческих установок, определяющих поведение в трудовой сфере. Так, Adamou Argiro, Katsarou Danaï-Eleni и др., характеризуя современное молодое поколение, отмечают, что они осознают необходимость постоянно развиваться в условиях многозадачности и постоянных изменений бизнес-среды.

В своем поведении они отражают особенности воспитания и претендуют на нелестный титул «поколение me», выражающиеся в завышенных ожиданиях и представлениях о себе. В результате молодые люди более склонны к стрессу и депрессиям. Именно по этой причине требует особого внимания и изучения представление об успехе у современной молодежи в контексте жизненной и профессиональной реализации [12].

В своей работе N. Usslepp, N. Hübner, G. Stoll и соавт. утверждают, что необходимо рассматривать как личностные особенности молодежи, так и выбор профессионального образовательного пути [13]. Наиболее известной методикой, отражающей это мнение, является модель RIASEC. Авторы считают, что комплекс признаков, имеющихся в этой модели, наряду с убеждениями, ценностями и жизненными целями, особенно важны в оценке образовательной и профессиональной траектории.

В статье «Несколько поколений на рабочем месте: изучение исследований, влияния стереотипов и применения организационных практик» авторы отмечают, что очень важно устоявшиеся стереотипы поколений подкреплять эмпирическими исследованиями для более точного их понимания. Кроме того, возрастные различия не всегда коррелируют с поколенческими установками. В течение жизни каждый человек способен изменять свое отношение к разным аспектам жизни, в том числе и к пониманию трудовых карьерных мотиваций. В связи с этим, учитывая особенности поколения, важно обращаться к более индивидуальному изучению трудового потенциала, в том числе молодых сотрудников [14].

Так, в исследовании Nguyen Thi Thu Ha, Nguyen Thi Nhu Trang, Dao Thuy Hang используют в дополнение к проведенному опросу 400 студентов глубинное интервью для 16 участников. Такой подход позволяет получить дополнительную, скрытую информацию, которую не всегда возможно учесть, задавая вопросы без анализа первопричин полученных суждений. Появляется возможность исследовать трудовую и карьерную мотивацию с точки зрения индивидуальных мнений и суждений, которые являются уникальными и позволяют оценивать степень их корреляции с принятыми поколенческими ха-

рактеристиками. Формируя системы мотивации молодых сотрудников, важно учитывать как общехарактерные, так и индивидуальные факторы [15].

Так, в частности, Международная консалтинговая компания PricewaterhouseCoopers (PwC) опросила более 4000 молодых специалистов из 75 стран мира (273 – из России): «Миллениалы на работе: рабочее пространство приобретает новую форму». Были выявлены следующие черты поколения и их взгляды на построение трудовой карьеры:

- высокая вовлеченность в мультимедийные технологии, виртуальное общение;

- важна возможность работать по гибкому графику, а также удаленное выполнение задач и проектов;

- выраженные предпринимательские намерения по созданию собственного бизнеса;

- потребность в интересной работе, готовность кардинально сменить не только рабочее место, но и профессию, если утрачивается смысл и интерес в работе;

- возможность успешно соблюдать баланс между работой и личным временем и получать профессиональное признание важнее стремления к руководящей должности.

Молодой человек сегодня вступает в новую для себя среду не только по определению выпускника образовательного учреждения, но и по содержательным навыкам. Развитие цифровой эпохи на основе технологических преобразований формирует новую бизнес-среду, отличающуюся стремительными изменениями, нестабильностью, неопределенностью. Такие условия предопределяют появление новых принципов построения карьерных траекторий современной молодежи. Наиболее заметными трендами в трудовых взаимоотношениях между работодателями и выпускниками вузов являются переход к гибким и нестандартным формам занятости, активное использование digital-среды в качестве средства коммуникации, активное развитие практик корпоративного обучения (таблица).

В 2016 г. Всемирный экономический форум подготовил доклад «Будущее рабочих мест – занятость, навыки и карьерная стратегия в условиях Четвертой промышленной революции» [16]. По мнению экспертов, происходит стремительное устаревание знаний и накопленных теоретических представлений, снижение значимости официального образования, а на первый план выходят кроссфункциональные навыки (soft skills), способность быстро научиться и войти в новую предметную область своими силами. Исследователи считают, что к 2020 г. наиболее востребованными станут следующие компетенции: комплексное видение и решение проблем, критическое мышление; креативность; умение управлять людьми; сотрудничество; эмоциональный интеллект; умение принимать и оценивать решения; высокое качество обслуживания; навыки ведения переговоров; когнитивная гибкость [17]. Важными условиями профессионального развития являются способность молодежи к постоянному обучению на протяжении всей жизни, личная активность и ответственность в организации карьерной траектории.

**Изменение принципов построения карьеры
в условиях цифровой трансформации рынка труда**

Принципы построения карьеры в XX в. (индустриальная эпоха)	Принципы построения карьеры в XXI в. (постиндустриальная, или информационная эпоха)
Профессия выбирается на долгосрочную перспективу	Сочетание разных сфер деятельности, сме- на нескольких профессий за трудовой пе- риод жизни
Гарантированная занятость	Необеспеченность работой, самомаркетинг
Стабильные предсказуемые трудовые пе- ремещения, целевое распределение на работу	Нестабильные непредсказуемые трудовые перемещения, самоопределение на рынке труда
Работа на территории работодателя	Традиционное присутствие на рабочем месте сочетается с удаленным выполнени- ем рабочих задач
Найм в рамках внутреннего рынка труда	Расширение рамок найма не только на внутреннем, но и внешнем рынке труда
Узкофункциональные специалисты	Многофункциональные специалисты
Стабильный график работы	Гибкий график работы
Стандартные формы занятости (по найму в режиме полного рабочего дня по месту нахождения работодателя)	Нестандартные формы занятости (фриланс, самозанятость, краудворкинг)
Успешная карьера представляет собой вертикальное движение по карьерной лестнице, часто – в рамках одной органи- зации.	Успешность карьеры проявляется в освоении разнообразного профессионального опыта, развития softskills-навыков, позволяющих адаптироваться к условиям многозадачности и постоянным изменениям бизнес-среды.
Среднее закрепление на одном рабочем месте (должности) от 5 до 10 лет.	Среднее закрепление на одном рабочем месте (должности) от 3 до 5 лет.
Главное преимущество – стабильность	Главное преимущество – адаптивность

Источник: составлено авторами.

Кроме того, необходимо учитывать, что в настоящий момент трансформация рынка труда обусловлена сменой поколений работников. Используя теорию поколений для характеристики воззрений современной молодежи, можно определить, что существует период, равный примерно 20-летнему циклу, формирования ценностных установок поколения, не только относительно «Я-концепции», но и по отношению к труду, обществу, развлечениям и т.д. [18, 19]. Ценностная модель поколения, в совокупности с другими факторами, существенно может определять вектор развития страны или территорий в тот или иной период времени. Так, в частности, среди факторов, влияющих на развитие поколенческих взглядов, можно выделить:

- причастность к одной исторической эпохе;
- политическую и экономическую ситуацию в стране и мире;
- модель школьного образования и воспитания;

- роль семьи и личности в обществе;
- лидеров мнений, героев и кумиров;
- игры, развлечения и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что и российские, и зарубежные ученые отмечают важность своевременного анализа и профессионального самоопределения молодежи. Отечественные исследователи, как правило, подчеркивают эту взаимосвязь, непосредственно ориентируясь на рынок труда; иностранные же авторы обращают внимание на различные аспекты личности, в частности психологические. Они (зарубежные авторы) отмечают, что если раньше выбор образовательного пути обычно рассматривался с точки зрения социального неравенства (семьи, миграции, уровня жизни и т.п.), то сегодня полученные результаты способствуют пониманию важности различных характеристик личности для структурирования жизни молодых людей и в конечном счете социального развития общества.

Какие бы подходы не использовались исследователями, вопрос мотивационного самоопределения в трудовой сфере для молодежи является актуальным. Становится очевидным, что молодой человек находится в двойственном положении: с одной стороны, он желает материального благополучия, возможности реализовывать свои цели, быть удовлетворенным своей деятельностью, с другой – существующие реалии социально-экономической жизни и рынка труда определяют свои правила и требования к функционированию рабочих мест. Это положение несомненно наталкивает молодых людей к поиску себя и заработка с помощью гибких форм занятости, ставя во главу угла вопросы самореализации и самоактуализации.

Постановка задачи исследования

Объектом исследования выступила молодежь Иркутской области, предметом исследования – особенности трудовых и карьерных ориентаций молодого поколения Z. В связи с этим гипотезой работы является положение о том, что поколению Z присуща специфика трудовых и карьерных мотиваций. Целью работы является определение мотивационных установок начинающих специалистов поколения Z в рамках трудового и карьерного развития. Сегодня на конкурентном рынке труда все чаще диплом об образовании не является гарантией, а только одним из базовых условий трудоустройства. Стабильность и устойчивую гарантию трудоустройства не готовы обеспечить и сами работодатели, так как бизнес-среда активно изменяется и требует быстрой адаптации к новым условиям. В связи с этим выбор места работы и определение карьерной траектории являются важными вопросами для современной молодежи.

Несмотря на достаточно полный обзор проблем молодежи в трудовой сфере, в том числе регионального характера [9–11, 21–23, 32], нами ставилась задача представления портрета современной молодежи, вступающей на рынок рабочей силы, выявления мотивационных установок при построении трудовых и карьерных траекторий. На наш, взгляд, такое знание нового по-

коления очень ценно для работодателей при осуществлении кадровых стратегий организации, профильных региональных структур по взаимодействию с молодежью при разработке нормативно-управленческих практик.

Основой исследования стал онлайн-опрос, проведенный в марте–апреле 2020 г. среди студентов старших курсов факультета бизнес-коммуникаций и прикладной информатики Иркутского государственного университета и факультета авиационных систем и комплексов Иркутского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации. В условиях удаленного обучения социальные мессенджеры и Google-формы позволили провести опрос, результаты которого подтвердили гипотезу исследования и определили эмпирическую основу данной статьи. Было опрошено 250 человек. Среди опрошенных 74% составили девушки и 26% – юноши. Средний возраст респондентов 21,6 года. Свыше 80% опрошенных – это молодежь в возрасте 20–22 лет.

Особое внимание при разработке опроса уделялось выявлению намерений и мотивов, определяющих формирование трудовых и карьерных траекторий обучающихся старших курсов вузов, обусловивших актуальные проблемы трудовой сферы региона: отток населения, молодежная безработица. Мы исходили из предположения о том, что в число факторов молодежной безработицы и сложностей построения карьеры входит недостаточная оценка трудовых установок современного поколения. Результаты исследования позволили из «первых рук» узнать трудовые воззрения молодежи и выявить особенности принципов построения и развития карьеры современного поколения в условиях трансформации рынка труда.

Анализ результатов исследования

Опрос подтвердил, что молодому поколению Z присуща гибкость, необходимая в условиях цифровой экономики. При ответе на вопрос «Какие виды трудоустройства Вы считаете для себя наиболее привлекательными?» 45,2% респондентов выбрали вариант «работа на постоянной основе с гибким графиком работы в установленных рамках и возможностью удаленно выполнять поручения», 21,6% предпочли создание собственного бизнеса, 20,8% – работу на постоянной основе на территории работодателя с полной занятостью, 10,8% – гибкую занятость (фриланс, самозанятость), 1,6% – вахтовую работу (рис. 1). Отметим, что данные результаты соответствуют Z-поколенческим установкам: приоритетное желание использовать гибкие формы занятости, а также развиваться в собственном бизнесе [5, 18, 20].

При ранжировании ответов на вопрос «Какие факторы для Вас являются наиболее значимыми при выборе будущего места работы?» 91,2% отметили подходящий уровень заработной платы, далее – «возможности профессионального развития» – 80,4%, «комфортные современные условия труда» – 72,3%, «гибкий график работы» – 54,7%.

Какой способ трудоустройства Вы считаете для себя наиболее предпочтительным:

Рис. 1. Ответы респондентов о наиболее предпочтительных способах трудоустройства

какие факторы для Вас являются ключевыми при выборе будущего места работы?

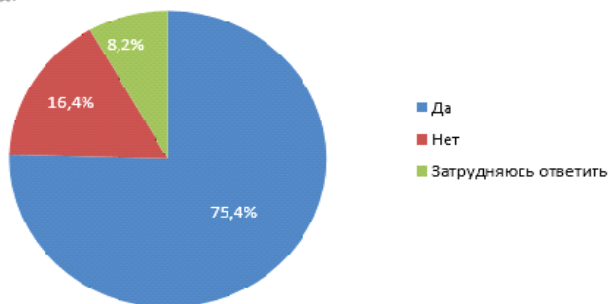

Рис. 2. Ключевые факторы выбора будущего места работы

Представленные выше ответы респондентов согласуются с результатами исследования «Поколение Z на рынке труда», проведенного международной рекрутинговой компанией «Hays» в России в феврале–апреле 2019 г., в котором приняли участие 2 217 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет [24, 30, 31].

Достаточно известной установкой современной молодежи является желание быстрого карьерного роста, готовность менять не только работодателей, но и профессии на пути своего карьерного развития [6, 16, 20, 25].

При этом обращают на себя внимание миграционные намерения студентов по переезду в другие регионы РФ (центральные, западные) с целью трудоустройства и получения более высоких трудовых доходов, которое выразили 75% опрошенных нами респондентов (рис. 3).

Главными мотивами постобразовательной миграции были названы более высокая заработная плата и более широкие возможности трудоустройства и карьерного роста. Кроме того, опрошенные отмечали важность среды и инфраструктуры проживания (рис. 4).

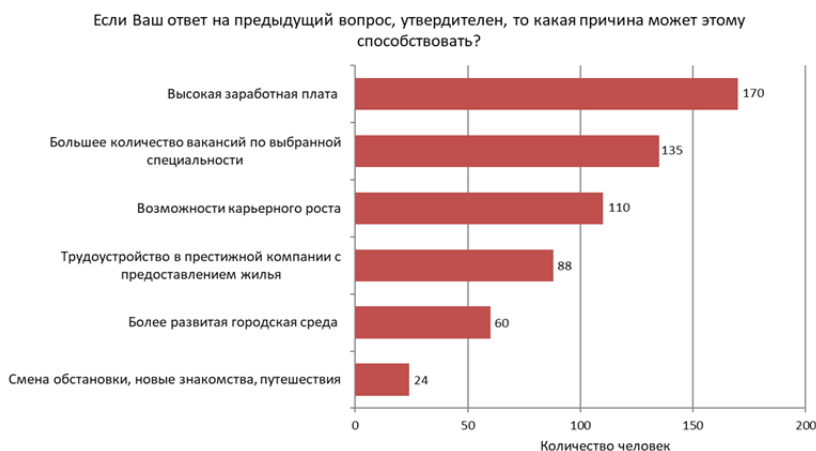

Рис. 4. Причины возможного переезда респондентов в другую страну/регион

В опросе был задан вопрос об оценке уровня заработной платы при трудоустройстве на начальном этапе. По представлениям респондентов, их заработная плата составит от 20 до 30 тыс. руб. В случае же переезда они рассчитывают на более высокие доходы: в среднем от 40 до 70 тыс. руб., что в 2–2,3 раза больше. Таким образом, переезд молодежи – это, с их точки зрения, экономически выгодное действие. При этом, по мнению экспертов [26], молодые люди склонны переоценивать свои возможности, рассчитывая на высокую оплату труда.

Проблему закрепления молодежи в стране отражает Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. [27], в регионе –

Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2036 г. [28], отмечает в своих ежегодных докладах Министерство молодежной политики Иркутской области [29]. Проведенный экспертами анализ показал, что, по мнению респондентов (молодежь в возрасте 18–25 лет), их уровень жизни в сравнении с людьми схожего социального статуса, проживающими на территории г. Москвы и Московской области, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Красноярского края, Новосибирской области, хуже. Такое мнение отметили от 30 до 40% опрошенных молодых людей [30, с. 32–33].

В дополнение на вопрос «Что может стать главной причиной для переезда в другой регион Российской Федерации или за пределы страны?» самыми популярными ответами стали следующие критерии: возможность улучшить качество жизни (90%); отсутствие работы, соответствующей их квалификации (80%); возможность реализовать свои карьерные устремления (55%); безработица в регионе (50%).

Таким образом, комплексный портрет современного сотрудника Z характеризует амбициозного молодого человека, для которого карьера ассоциируется прежде всего с высоким уровнем оплаты своего труда. Главными его нематериальными мотиваторами являются комфортная рабочая среда и поддерживающий, направляющий стиль руководства. При этом выполняемая работа должна быть интересной, с минимумом рутинных и однообразных задач. В условиях молодежной безработицы Иркутской области, которая достигает порядка 40% [2], понимание и обращение к особенностям трудовой и карьерной мотивации поколения Z может послужить одним из путей сглаживания социально-экономических проблем трудоустройства.

В связи с полученными результатами необходимо развивать комплекс мероприятий по привлечению молодежи к работе в своем регионе, формированию единого диалога между работодателями и молодыми претендентами на рабочие места. Это направление может стать одним из методов достижения качественного развития потенциала молодежи Иркутской области [28]. Для достижения этой цели в регионе предпринимаются меры по созданию, сохранению и активизации институциональной среды молодежного сообщества. Они проявляются в объединениях молодежи в образовательных и общественных организациях, наличии эффективно функционирующих региональных систем в сфере молодежной политики, наличии подразделений по работе с молодежью в муниципальных образованиях на территории области, формировании нормативно-правовой базы в сфере молодежной политики, аккумуляции опыта проведения международных и федеральных молодежных форумов, конкурсов и других мероприятий, высоком уровне образованности молодежи и в целом сильной молодежной политике. Тем не менее сохраняются риски, проявляющиеся в нехватке специалистов нужной квалификации, для обеспечения стабильного социально-экономического функционирования региона, реализации инновационных, новых инвестиционных и общественных проектов и закрепления молодого населения на территории региона.

На основе изложенных современных трендов изменения рынка труда, изменений принципов построения карьеры и содержания карьерных мотиваций в условиях информационного общества актуальным является дальнейшее развитие региональной инфраструктуры по содействию и поддержке профессионального и карьерного самоопределения молодежи Иркутской области.

В настоящее время оказание услуг по сопровождению профессионального самоопределения в Иркутской области осуществляют Министерство образования Иркутской области, центры занятости населения, Молодежный кадровый центр, муниципальные кабинеты профориентации, Региональный институт кадровой политики и непрерывного профессионального образования, негосударственные профориентационные организации (рис. 5).

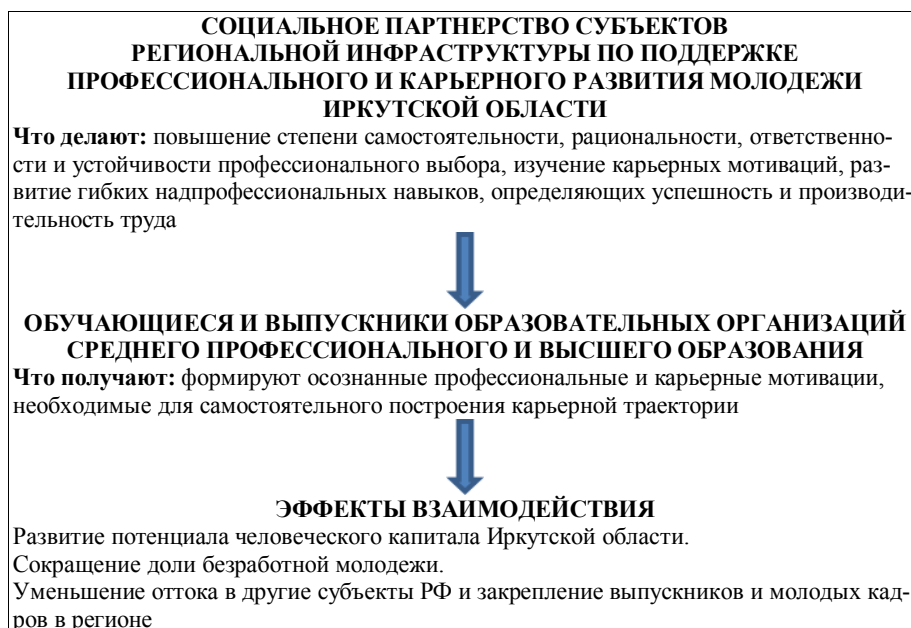

Рис. 5. Эффекты взаимодействия субъектов региональной инфраструктуры по поддержке профессионального и карьерного развития молодежи Иркутской области

Традиционный подход системы содействия профессиональному и карьерному самоопределению, предполагающий помощь с выбором конкретной профессии, сегодня менее результативен в силу того, что очень значительны изменения в обществе в связи с глобальной технологизацией и цифровизацией. Учитывая сложность прогноза востребованности отдельных профессий и специальностей, необходима комплексная системная поддержка молодежи, предполагающая подготовку к самостоятельному и ответственному профессионально-образовательному выбору, развитию надпрофессиональных навыков по проектированию будущей карьеры на протяжении всей своей жизни.

Выводы

На основании полученных результатов исследования можно сделать следующие выводы. Молодежь поколения Z отражает кардинальную смену трудовой траектории населения с учетом быстро меняющейся социально-экономической ситуации и поколенческих установок, выражающихся в гибкости и вариативности выбора реализации своего труда: субъективно оцениваемой высокой оплате за свой труд, территориальной мобильности, наличии комфортных трудовых и карьерных условий рабочего места.

В целях диалога между заинтересованными участниками рынка труда Иркутской области высока потребность в социальном партнерстве, проявляющемся в практико-ориентированных формах содействия профессиональному и карьерному самоопределению и развитию молодежи, предоставлении возможностей формирования личностного значимого опыта, погружения обучающихся и начинающих специалистов в реальный профессиональный контекст и качественно подготовленных молодых специалистов с требуемыми работодателями компетенциями.

Анализ государственной позиции в области молодежной политики подтвердил актуальность исследования. Региональные стратегические документы определяют решение проблем молодежи и наращивание человеческого капитала как одного из приоритетных направлений субъекта РФ. Очевидно, что глобальные социально-экономические тренды будут определять трудовые и карьерные мотивации современной молодежи. Сформулированы особенности принципов построения и развития карьеры современной молодежи в условиях трансформации рынка труда. На начальном этапе успешность трудоустройства начинающих специалистов обусловлена навыками самомаркетинга, индивидуального управления карьерой. При этом карьерное развитие существенно зависит от степени овладения надпрофессиональными softskills-навыками с целью адаптации к условиям многозадачности и повышения личной производительности труда. Исходя из мотивации совмещения учебы с работой, создания собственного бизнеса, молодежь все больше предпочитает нестандартные формы занятости из-за гибкой организации труда, большей личной свободы и самостоятельности. Использование поколенческой теории объяснило понимание ценностных трудовых установок современной молодежи; результаты опроса подтвердили выводы о мотивационных установках начинающих специалистов в рамках трудового и карьерного развития. Было выявлено, что для современного сотрудника поколения Z характерны карьерные устремления, среди которых наиболее значимыми стали высокий уровень оплаты труда, возможность профессионального развития и обучение внутри организации, направляющий стиль руководства при минимуме рутинных задач и комфортная рабочая среда.

Результаты исследования могут быть использованы региональными структурами по взаимодействию с молодежью для принятия управленческих решений, работодателями, заинтересованными вопросами привлече-

ния и закрепления перспективных молодых сотрудников, а также самими молодыми специалистами при определении своих трудовых мотиваций и карьерных траекторий.

Заключение

Рассмотренные особенности трудовых и карьерных мотиваций молодежи Иркутской области отражают реакцию на внешние изменения, происходящие в информационном обществе с характерными для него нестабильностью, волатильностью, сложностью принятия решений.

Представленные мнения, ожидания, ценностные установки, определяющие формирование карьерных и трудовых мотиваций поколения Z, целесообразно принимать во внимание при построении систем профориентации, трудовой адаптации, образования и развития с учетом кадровой потребности региона, социально-экономических интересов отдельных работодателей. Информированность в данной сфере дает возможность построения более эффективной практики социально-трудовых взаимоотношений работодателей с начинающими специалистами, что является залогом устойчивого развития и конкурентного преимущества в современной цифровой бизнес-среде.

Исследование показало, что для значительной части молодежи ценность труда в немалой степени определяется уровнем его оплаты. В связи с этим больше половины опрошенных имеют намерение уехать из региона в поисках перспективной работы и достойной заработной платы. Очевидной проблемой региона остается продолжающийся отток наиболее подготовленных, перспективных, конкурентоспособных молодых специалистов. Необходимо комплексное решение данной проблемы с участием региональных вузов, местных органов власти, наиболее привлекательных работодателей.

Литература

1. *Официальный сайт* Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 02.08.2020).
2. *Официальный сайт* Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения: 02.08.2020).
3. *Петрова Ю.* Рынок труда – 2039а. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/02/26/823875-rinok-truda-2039> (дата обращения: 16.07.2020).
4. *Онлайн проектно-аналитическая сессия «Кадры для цифровой экономики»* национальной программы «Цифровая экономика РФ» в условиях пост-пандемического мира (28–29 мая 2020). URL: <https://leader-id.ru/event/50367/> (дата обращения: 29.05.2020).
5. *Красностанова М.В., Кузнецов И.И., Шахова М.С.* Экономика карьеры: профессиональные траектории современных молодых специалистов // Креативная экономика. 2015. № 9 (11). С. 1423–1440. DOI: 10.18334/ce.9.11.2090
6. *Окунева Т.В., Шестопалова О.Н.* Формирование и поддержание профессиональных ожиданий выпускников транспортных вузов в процессе обучения // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2019. № 3 (43). С. 79–88. DOI: 10.20291/2079-03922019-3-79-88

7. Сафронова М.А. Ожидания старшекурсников относительно будущей карьеры // Глобальный научный потенциал. 2019. № 1 (94). С. 70–73.
8. Темнова Л.В., Лизунова О.А. Факторы формирования карьерных траекторий выпускников вузов // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 89–97.
9. Гневашева В.А., Луков С.В. Российский вуз глазами студентов // Понимание. Умение. 2015. № 3. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Gnevasheva_Lukov_Monitoring-Study-Russian-HEIs/ DOI: 10.17805/zpu.2015.3.28
10. Гончарова Н.А., Гончарова М.А. Необходимость интеграции системы образования субъектов РФ в их социально-экономическое развитие // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 234–237.
11. Дуплинская Е.В., Рылская М.В. Меры государственной поддержки молодежного рынка труда // Journal of Economy and Business. 2020. Vol. 2-1 (60). P. 103–105. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10096
12. Adamou Argiro M.A., Katsarou Danai-Eleni M.A., Koffas Stefanos, Dr. Aspridis George, Assoc. Prof. Dr. Tsiotas Dimitrios, Dr. Sdrolas Labros, Prof. Dr. Generation Y: Investigation of Their Role in the Contemporary Life Conditions and Job Market // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 9, № 3. DOI: 10.2478/mjss-2018-0044 (дата обращения: 04.09.2020).
13. Usslepp N., Hübner N., Stoll G., Spengler M., Trautwein U., Nagengast B. RIASEC interests and the Big Five personality traits matter for life success—But do they already matter for educational track choices? // J. Pers. 2020. № 88. P. 1007–1024. <https://doi.org/10.1111/jopy.12547> (дата обращения: 04.09.2020).
14. Arlene Pace Green, Laura Mastrangelo Eigel, Jacquelyn Boone James, Danielle Hartmann, Kate Malter McLean. Multiple Generations in the Workplace: Exploring the Research, Influence of Stereotypes, and Organizational Applications. January 2012. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195385052.013.0146; https://www.researchgate.net/publication/259177364_Multiple_Generations_in_the_Workplace_Exploring_the_Research_Influence_of_Stereotypes_and_Organizational_Applications (дата обращения: 10.09.2020).
15. *Consumption*, the self, the society and technology – a study of youth in Hanoi city (Vietnam) 30 years after economic renovation // International Journal of Economics, Commerce and Management. November 2019. URL: <http://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2019/11/71119.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).
16. Доклад «Будущее рабочих мест – занятость, навыки и карьерная стратегия в условиях Четвертой промышленной революции». URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (дата обращения: 05.06.2020).
17. 10 необходимых навыков успеха в условиях Четвертой промышленной революции. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution/> (дата обращения: 10.06.2020).
18. Поколение «Z» – большой проект от РБК. Стиль. URL: <https://rugenerations.su/2020/02/24/> (дата обращения: 10.04.2020).
19. X, Y, Z: чем отличаются друг от друга разные поколения и как найти к ним подход, РБК.Стиль. URL: <http://genz.style.rbc.ru/article-1.html> (дата обращения: 15.04.2020).
20. RUGENERATIONS – Российская школа теории поколений. URL: <https://rugenerations.su/> (дата обращения: 15.04.2020).
21. Чередищенко Г.А. Выпускник на рынке труда (по материалам опроса Росстата) // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 4. С. 96–107. DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10412
22. Филиппов В.М. Рынок труда, государственная политика на рынке труда и возможности профессионального образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 2 (30). С. 48–56.
23. Андреева Е.Л., Трофимов Е.А. Экономико-теоретические и практические аспекты молодежного рынка труда Иркутской области // Известия БГУ. 2020. Т. 30, № 3. С. 351–358. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).351-358

24. Поколение Z на рынке труда. Исследование Hays. URL: <https://hr-portal.ru/article/pokolenie-z-na-rynke-truda-issledovanie-hays> (дата обращения: 22.04.2020).
25. Поколение Z с точки зрения работодателя – головная боль или суперресурс? URL: <https://www.jobhelp.center/news/?id=350> (дата обращения: 20.04.2020).
26. Тавокин Е.П. Российская молодёжь на рынке труда в оценках экспертов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-molodyozh-na-rynke-truda-v-otsenkah-ekspertov/viewer> (дата обращения: 10.04.2020).
27. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014. № 2403-р. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 13.05.2020).
28. Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2036 г. URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/project2036/> (дата обращения: 12.05.2020).
29. Государственный доклад «Молодежь Иркутской области». URL: https://mmp38.ru/auth/GOS0_DOKLAD_2017.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
30. *Soft skills* – навыки XXI века: что больше всего ценят работодатели-драйверы в России и Пермском крае? URL: <https://perm.hse.ru/news/243254110.html> (дата обращения: 10.07.2020).
31. Команда мечты «миллениумы», или как привлечь миллениумов в вашу команду. URL: <https://rugenations.su/2020/02/25/> (дата обращения: 20.06.2020).
32. Чипизубова В.Н., Дмитриева Д.С., Иванова Ю.С. Особенности трудовой и карьерной мотивации в контексте теории поколений // Коммуникационные технологии: социально-экономические и информационные аспекты : материалы Всероссийской (23 ежегодной) молодежной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 235–239.
33. McCrindle Mark, Wolfinger Emily. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations. Sydney: University of New South Wales 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/328347222_The_ABC_of_XYZ_Understanding_the_Global_Generations

Work and Career Motivations of Modern Youth in Irkutsk Oblast

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 177–194. DOI: 10.17223/19988648/53/13

Elena L. Andreyanova, Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: elena_andreyanova@mail.ru

Vitalia N. Chipizubova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: chip27@rambler.ru

Keywords: labor market, career, career paths, labor motivations, Generation Z, young people, soft skills.

This article aims at understanding and analyzing the features of value-based attitudes to work and career motivations of modern youth in the context of the theory of generations. The principles of building and developing the career of the young generation in the conditions of labor market transformation as a result of technological and informational innovations are formulated. The article presents the results of a survey of senior graduate students of leading universities in Irkutsk Oblast. The survey shows the most preferred ways of employment and key factors in choosing a future job. The results of the study can be used by regional structures for interaction with young people to make managerial decisions, by employers interested in attracting and securing promising young employees, as well as by young specialists themselves when determining their labor motivations and career paths.

References

1. Federal State Statistics Service. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Accessed: 02.08.2020). (In Russian).
2. Irkutsk Oblast Office of the Federal State Statistics Service. [Online] Available from: <https://irkutskstat.gks.ru/> (Accessed: 02.08.2020). (In Russian).
3. Petrova, Yu. (2020) *Rynok truda – 2039* [Labor market – 2039]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/02/26/823875-rinok-truda-2039> (Accessed: 16.07.2020).
4. Leader-ID. (2020) Onlayn proektno-analiticheskaya sessiya “Kadry dlya tsifrovoy ekonomiki” natsional'noy programmy “Tsifrovaya ekonomika RF” v usloviyakh post-pandemicheskogo mira (28–29 maya 2020) [Online design and analytical session “Personnel for the Digital Economy” of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” in the post-pandemic world (May 28–29, 2020)]. [Online] Available from: <https://leader-id.ru/event/50367/> (Accessed: 29.05.2020).
5. Krasnostanova, M.V., Kuznetsov, I.I. & Shakhova, M.S. (2015) The career economy: professional trajectories of modern young specialists. *Kreativnaya ekonomika – Creative Economy*. 9 (11). pp. 1423–1440. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.9.11.2090
6. Okuneva, T.V. & Shestopalova, O.N. (2019) Formation and maintenance of professional expectations of transport university graduates in the learning process. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya – Herald of the Ural State University of Railway Transport*. 3 (43). pp. 79–88. (In Russian). DOI: 10.20291/2079-03922019-3-79-88
7. Safronova, M.A. (2019) Undergraduate Expectations for Future Careers. *Global'nyy nauchnyy potentsial – Global Scientific Potential*. 1 (94). pp. 70–73. (In Russian).
8. Temnova, L.V. & Lizunova, O.A. (2017) Factors of formation of university graduates' career trajectories. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 11 (217). pp. 89–97. (In Russian).
9. Gnevasheva, V.A. & Lukov, S.V. (2015) On the Monitoring Study “Russian HEIs through Students' Eyes”. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. [Online] Available from: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Gnevasheva_Lukov_Monitoring-Study-Russian-HEIs/. (In Russian). DOI: 10.17805/zpu.2015.3.28
10. Goncharova, N.A. & Goncharova, M.A. (2015) Necessity of integration of the education system of subjects of the Russian Federation for their social and economic development. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Orel State University*. 6 (69). pp. 234–237. (In Russian).
11. Duplinskaya, E.V. & Ryl'skaya, M.V. (2020) Measures of state support for the development of the youth labor market. *Journal of Economy and Business*. 2-1 (60). pp. 103–105. (In Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10096
12. Adamou Argiro, M.A. et al. (2018) Generation Y: Investigation of Their Role in the Contemporary Life Conditions and Job Market. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 9 (3). DOI: 10.2478/mjss-2018-0044
13. Usslepp, N. et al. (2020) RIASEC interests and the Big Five personality traits matter for life success—But do they already matter for educational track choices? *J. Pers.* 88. pp. 1007–1024. DOI: 10.1111/jopy.12547
14. Green, A.P. et al. (2012) *Multiple Generations in the Workplace: Exploring the Research, Influence of Stereotypes, and Organizational Applications*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/259177364_Multiple_Generations_in_the_Workplace_Exploring_the_Research_Influence_of_Stereotypes_and_Organizational_Applications (Accessed: 10.09.2020). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195385052.013.0146
15. Nguyen Thi Thu Ha, Nguyen Thi Nhu Trang & Dao Thuy Hang. (2019) Consumption, the self, the society and technology – a study of youth in Hanoi city (Vietnam) 30 years after economic renovation. *International Journal of Economics, Commerce and Management*.

7 (11). [Online] Available from: <http://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2019/11/71119.pdf> (Accessed: 20.09.2020).

16. Centre for the New Economy and Society. (2018) *The Future of Jobs Report*. [Online] Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (Accessed: 05.06.2020).

17. WEF. (2016) *The 10 skills you need to thrive in the Fourth Industrial Revolution* [Online] Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution/> (Accessed: 10.06.2020).

18. RBC. Style. (2020) *Pokolenie "Z" – bol'shoy proekt ot RBK. Stil'* [Generation Z: a big project from RBC. Style.]. [Online] Available from: <https://rugenations.su/2020/02/24/> (Accessed: 10.04.2020).

19. RBC. Style. (2020) *X, Y, Z: chem otlichayutsya drug ot druga raznye pokoleniya i kak nayti k nim podkhod* [X, Y, Z: How different generations differ from each other and how to find an approach to them.]. [Online] Available from: <http://genz.style.rbc.ru/article-1.html> (Accessed: 15.04.2020).

20. *RUGENERATIONS: Russian school of the theory of generations*. [Online] Available from: <https://rugenations.su/> (Accessed: 15.04.2020). (In Russian).

21. Cherednichenko, G.A. (2019) Graduate in the Labor Market (Based on the Rosstat Survey). *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*. 4. pp. 96–107. (In Russian). DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10412

22. Filippov, V.M. (2018) Labor market, state policy in the labor market and opportunities for vocational education. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 2 (30). pp. 48–56. (In Russian).

23. Andreyanova, E.L. & Trofimov, E.A. (2020) Economic-Theoretical and Practical Aspects of the Youth Labor Market in Irkutsk Region. *Izvestiya BGU – Bulletin of Baikal State University*. 30 (3). pp. 351–358. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).351-358

24. HR-Portal. (2019) *Pokolenie Z na rynke truda. Issledovanie Hays* [Generation Z in the labor market. Research by Hays]. [Online] Available from: <https://hr-portal.ru/article/pokolenie-z-na-rynke-truda-issledovanie-hays> (Accessed: 22.04.2020).

25. Job Help. (2019) *Pokolenie Z s tochki zreniya rabotodatelya – glavnaya bol' ili superresurs?* [Generation Z in the employer's view: a headache or a super resource?]. [Online] Available from: <https://www.jobhelp.center/news/?id=350> (Accessed: 20.04.2020).

26. Tavokin, E.P. (2016) Russian youth in the labor market in the expert assessments. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-molodyozh-na-rynke-truda-v-otsenkah-ekspertov/viewer> (Accessed: 10.04.2020). (In Russian).

27. Russian Federation. (2014) *Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014, No. 2403-r: Youth development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025*. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Accessed: 13.05.2020). (In Russian).

28. Irkutsk Oblast. (2020) *Proekt strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Irkutskoy oblasti do 2036 g.* [Draft strategy for the socioeconomic development of Irkutsk Oblast until 2036]. [Online] Available from: <https://irkobl.ru/sites/economy/socioeconomic/project2036/> (Accessed: 12.05.2020).

29. Gosudarstvennyy doklad "Molodezh' Irkutskoy oblasti". [Online] Available from: https://mmp38.ru/auth/GOS0_DOKLAD_2017.pdf (Accessed: 20.05.2020).

30. HSE in Perm. (2019) *Soft skills – navyki XXI veka: chto bol'she vsego tsenyat rabotodately-dravvery v Rossii i Permskom krae?* [Soft skills – skills of the 21st century: what do employers-drivers in Russia and in Perm Krai value most?]. [Online] Available from: <https://perm.hse.ru/news/243254110.html> (Accessed: 10.07.2020).

31. *RUGENERATIONS. (2020) Komanda mechyty "milleniumy", ili kak privlech' milleniumov v vashu komandu* [The Millennium Dream Team, or How to Attract Millennials

to Your Team]. [Online] Available from: <https://rugenerations.su/2020/02/25/> (Accessed: 20.06.2020).

32. Chipizubova, V.N., Dmitrieva, D.S. & Ivanova, Yu.S. (2020) [Features of labor and career motivation in the context of the theory of generations]. *Kommunikatsionnye tekhnologii: sotsial'no-ekonomicheskie i informatsionnye aspekty* [Communication technologies: socioeconomic and information aspects]. Conference Proceedings. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 235–239. (In Russian).

33. McCrindle, M. & Wolfinger, E. (2011) *The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations*. Sydney: University of New South Wales. [Online] Available from: https://www.research-gate.net/publication/328347222_The_ABC_of_XYZ_Understanding_the_Global_Generations.

УДК 332.1:330.3

DOI: 10.17223/19988648/53/14

Е.А. Фролова, И.В. Шарф

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

В статье представлена оценка динамики социальных показателей устойчивого развития экономик группы нефтедобывающих регионов РФ с малыми и трудноизвлекаемыми запасами. В результате исследования установлено, что значительная часть социальных показателей (безработица, бедность, демографические показатели, индекс качества жизни) демонстрируют ухудшение положения дел в отдельных нефтедобывающих регионах, что свидетельствует о закреплении ресурсной зависимости этих региональных экономик. Снижение показателей является как следствием ухудшения положения дел в мировой экономике, так и диспропорций в отраслевой структуре регионального производства, что создает угрозу устойчивому развитию нефтедобывающих регионов. Ключевые слова: нефтедобывающие регионы, устойчивое развитие, качество жизни, ресурсная зависимость, социальные и демографические индикаторы.

В программном стратегическом документе «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [1] в качестве ключевого вызова обозначаются «значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов, неравномерное размещение производительных сил и расселение населения на территории страны». В основе региональных различий лежат природно-климатические условия и ресурсы, которые относятся к базовым факторам, которые в силу объективных причин изменить невозможно [2]. Они порождают диспропорции в социально-экономическом развитии, которые ярко иллюстрируются отсутствием пропорциональности и несоразмерностью в региональной экономике, в частности в соотношении добывающей и обрабатывающей промышленности. К факторам второй природы относят систему расселения и демографические характеристики, обеспеченность инфраструктурой, уровень развития и структуру экономики, институты и политику государства, в том числе и по отношению к региону. Они порождают социально-экономическое неравенство, предполагающее неравномерность в распределении собственности, доходов, прав, благ и измеряемое показателями, характеризующими благополучие населения и которое можно сократить посредством институционального воздействия. В сово-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 18-010-00660 Концептуальные подходы к парадигме устойчивого и сбалансированного недропользования области с учетом специфики минерально-сырьевой базы и отраслевой структуры в целях обеспечения долгосрочного социально-экономического роста нефтедобывающего региона.

купности они определяют уровень устойчивости и сбалансированности территориального развития, а также тенденции, которые в научной литературе аккумулированы в понятии «ресурсное проклятие» [3].

Анализ причин и последствий сырьевой ориентации экономики («ресурсного проклятия») представлен в работах российских и зарубежных авторов. В частности, С. Гуриев и соавт. отмечают, что в долгосрочном периоде изобилие ресурсов может не столько стимулировать, сколько замедлять экономическое развитие, несмотря на то, что доходы от продажи сырья могут увеличивать совокупный спрос, инвестиционную активность и ускорять технологическое развитие [4]. Однако, как отмечают авторы, ресурсное богатство может приводить к ухудшению качества физического и человеческого капитала, а также политических институтов и росту неравенства из-за особенностей механизмов перераспределения ресурсной ренты. Преодолеть ресурсное проклятие или снизить его отрицательные последствия можно путем диверсификации отраслевой структуры экономики, уменьшения имущественного неравенства, развития финансового сектора, в первую очередь путем роста доступа к финансовым ресурсам предприятий несырьевых отраслей и укрепления макроэкономической стабильности.

Важную роль в преодолении сырьевой ориентации экономики играет территориальная структура распределения производства в РФ. Региональные различия существовали всегда в российской истории. Активное развитие нефтяной промышленности во второй половине XX в. их усилило, в том числе и на муниципальном уровне [5], а в постсоветский период региональная финансово-налоговая политика явилась дополнительным катализатором.

В результате во многих современных исследованиях авторы делят регионы России на две большие группы: ресурсные регионы (в том числе нефтегазовые) и остальные регионы, анализируя особенности и тенденции их развития, причины и последствия усиления сырьевой ориентации региональной экономики.

В том числе С.Н. Левин и соавт. выделяют дискретные структурные альтернативы развития ресурсных регионов: регионы с анклавной двойственной экономикой (ресурсозависимые) и целостной региональной экономикой (ресурсообеспеченные), отмечая, что в случае ресурсной зависимости формируется изолированный от остальной экономики экспортный сектор, который не создает стимулов для развития и модернизации остальной экономики. Напротив, в целостной региональной экономике ресурсный сектор становится локомотивом развития, способствуя ее диверсификации и модернизации [6]. Также авторы отмечают наличие тесной обратной взаимосвязи между показателями ресурсной зависимости и темпами экономического роста [7]. Реализация эффективного ресурсного режима, по мнению авторов, может способствовать «переводу ресурсного проклятия в ресурсное благословение».

Актуальность исследования обусловлена также общемировой тенденцией, выраженной в стремлении к устойчивому развитию (The Sustainable Development Goals, SDGs), которое было обозначено в Декларации Гене-

ральной ассамблеи ООН [8] и которое предполагает достижение 17 целей в условно выделенных областях, имеющих огромное значение для человечества и планеты, таких как люди, планета, процветание, мир, партнерство, что побудило научное сообщество к новым исследованиям в свете происходящих макроэкономических событий, в первую очередь на мировых рынках полезных ископаемых, в частности нефти и газа. В ряде научных работ признается, что нефтегазовая отрасль сохраняет огромный потенциал для вклада в достижение обозначенных целей Декларации либо за счет усиления положительного влияния, прежде всего способствуя социально-экономическому развитию регионов, либо за счет смягчения негативных последствий.

Целью исследования является сравнительный анализ социально-экономического положения и тенденций регионального развития нефтедобывающих субъектов РФ. В контексте вышесказанного наша работа направлена также на анализ их устойчивости в долгосрочной перспективе. Выбор данных нефтедобывающих регионов как объектов исследования обусловлен качественными и количественными характеристиками ресурсной базы и ролью нефтегазового комплекса в экономике региона [9].

Выбранные для анализа регионы (республики Татарстан, Удмуртская и Коми, Самарская и Томская области) обладают значительной ресурсной базой, аккумулированной преимущественно в мелких и средних месторождениях (>50%). Однако львиная доля добычи нефти принадлежит нескольким крупным месторождениям.

В соответствии с классификацией ресурсных регионов Республика Коми и Томская область отнесены к регионам с высоким уровнем ресурсной зависимости, Самарская область, Татарстан и Удмуртская Республика – регионы со средним уровнем ресурсной зависимости [7].

Более 90 лет нефтяная отрасль развивалась на идеях расширения географии поиска, разведки и освоения запасов углеводородов с запада на восток, от наиболее инфраструктурно развитых регионов к сложно доступным районам с суровыми природно-климатическими условиями, сложными горно-геологическими характеристиками [10], которые подкреплялись открытием крупных и уникальных месторождений. Рентабельность их разработки в совокупности с востребованностью на мировом рынке во второй половине XX в. являлась основой для придания нефтегазовому комплексу роли главного локомотива социально-экономического развития и диверсификации региональной экономики. Однако ухудшающееся в количественном и качественном плане состояние ресурсной базы делает маловероятным открытие крупных месторождений.

Как следствие, парадигма развития нефтегазовой отрасли предполагает ориентацию на поддержание добычи на разрабатываемых месторождениях и активное вовлечение в разработку мелких и мельчайших месторождений с запасами 1–5 млн т. Так, доля месторождений с запасами менее 1 млн т на территории республик Татарстан и Башкортостан составляет почти 70–90%. В ХМАО и Томской области этот показатель чуть менее 50%. Низкая

рентабельность разработки таких месторождений влечет за собой востребованность новых технологий, разработка которых является приоритетной задачей, обозначенной в Стратегии научно-технологического развития РФ [11]. Использование существующих технологий, которыми обладают высокотехнологичные иностранные компании, сдерживается санкционным давлением [12].

Таким образом, гипотеза исследования предполагает, что в регионах, территориально привязанных к Волго-Уральской нефтегазоносной провинции, устойчивость социально-экономического развития обеспечивается тем фактом, что нефтегазовый комплекс практически выполнил ключевую первоначальную роль локомотива региональной экономики, придающего стартовое движение и силу экономическому росту, и продолжает играть эту роль наряду с другими отраслями, а следовательно, позволяет обеспечивать более высокий уровень благосостояния населения по сравнению со среднероссийскими значениями. В Томской области, не обладающей уникальной ресурсной базой, подобно ХМАО, нефтегазовый комплекс не смог в полной мере реализовать исторически предназначенные ему функции двигателя экономики, что дополнительно сдерживает экономическое развитие относительно более низким уровнем диверсификации региональной экономики. В Томской области нефтегазовый комплекс не смог в полной мере реализовать исторически предназначенные ему функции двигателя экономики, что сдерживает экономическое развитие, в том числе вследствие низкого уровня диверсификации региональной экономики и недостаточности имеющихся финансово-инвестиционных ресурсов в бюджетной системе и у предприятий. В ХМАО-Югра, который является основным нефтедобывающим регионом России (более 42% от общей добычи в РФ), роль НГК в качестве локомотива социально-экономического развития и диверсификации экономики в настоящее время реализуется в полной мере вследствие имеющихся финансово-инвестиционных возможностей, в том числе для мер государственной поддержки промышленных предприятий автономного округа [13].

В качестве материалов исследования послужили официальные данные министерств и ведомств, в частности Федеральной службы государственной статистики, органов законодательной и исполнительной власти анализируемых нефтедобывающих субъектов РФ. Основными методами исследования являются эмпирический и экономико-статистические.

Добывающий сектор в регионах создает значительную долю ВРП, при этом в динамике за 10 лет (2008–2018) относительный вклад добывающей отрасли в ВВП РФ и ВРП рассматриваемых регионов увеличивается. Самый большой вклад добывающая промышленность вносит в ВРП Республики Коми (более 30%), в то время как среднероссийский уровень едва превышает 10%. Вклад добывающей промышленности в ВРП Томской области за 10 лет значительно увеличился и в отдельные периоды превышает 30%. При этом в абсолютном выражении объемы добычи нефти за аналогичный период времени меняются незначительно: в среднем за 10 лет в трех регионах (Татарстан, Самарская область, Коми) прирост добычи со-

ставил 16%, однако в двух регионах (Удмуртия и Томская область) объемы добычи сократились (на 3 и 10,8% соответственно). Лидером по объемам добычи является Республика Татарстан (более 35 млн т в год), Самарская область и Республика Коми ежегодно добывают в пределах 15 млн т, Удмуртия и Томская область замыкают этот рейтинг с объемом чуть более 10 млн т в год [14]. Занятость в добывающем секторе большинства регионов составляет в среднем от 1,2 до 2,5% экономически активного населения, однако в Республике Коми занятость выше – 7–7,5%, что доказывает наличие существенного влияния положения дел в добывающей промышленности на региональный рынок труда.

Таким образом, можно говорить о закреплении сырьевой ориентации экономики отдельных российских регионов, в том числе в Томской области, что может быть обусловлено как позитивными тенденциями развития добывающего сектора (благоприятной мировой конъюнктурой цен на энергоносители), так и ухудшением положения дел в экономике региона (например, обусловленной низким уровнем диверсификации производства или колебаниями валютного курса). Усиление сырьевой зависимости регионов также подтверждается исследованиями Е.С. Каган и Е.В. Гоосен. Авторы отмечают рост коэффициента зависимости как соотношения доли ресурсных отраслей в ВРП региона к доли ресурсных отраслей в ВВП РФ в 2005–2014 гг. [15]. Истощение ресурсного потенциала регионов может в дальнейшем привести к ухудшению не только финансовых и экономических показателей, но и социальных индикаторов.

Вклад отрасли в развитие регионов можно оценить путем сравнительного анализа динамики основных социально-экономических показателей добывающих регионов и аналогичных среднероссийских параметров.

Республика Татарстан, Удмуртия, Самарская область, Республика Коми, Томская область в совокупности обеспечивают 5,5–6% от общего объема национальной добычи углеводородов, при этом доля Томской области составляет лишь 0,5% ВВП РФ. Вместе с тем вклад добывающей промышленности в развитие региона довольно высок.

Изменения мировой хозяйственной конъюнктуры, внешнеполитические и внутриэкономические факторы в 2008–2018 гг. оказали существенное влияние на развитие региональной экономики. Восстановительный период в 2010–2012 гг. после мирового финансового и экономического кризиса 2008/2009 позволил нарастить номинальный ВРП в 1,5–2 раза по сравнению с уровнем 2008 г., однако в дальнейшем темпы роста существенно замедлились (рис. 1). В среднем за 10 лет ежегодный темп прироста номинального ВРП в рассматриваемых регионах составил 8,5–9%, что меньше среднероссийского уровня (10,13%). Темп прироста ВРП на душу населения оказался меньше (9,8%), при этом в большинстве рассматриваемых регионов фактический темп прироста меньше среднероссийского уровня на 0,5–1 п.п. По абсолютным размерам ВРП на душу населения Томская область занимает третье место среди рассматриваемых регионов после республик Татарстан и Коми.

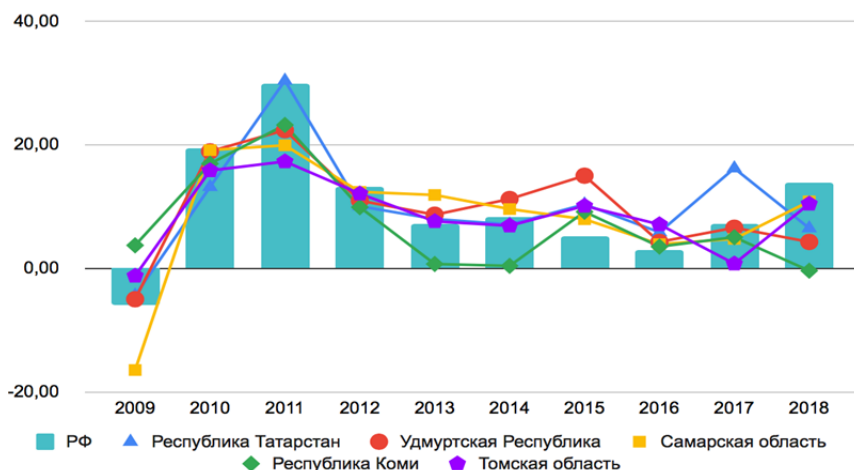

Рис. 1. Прирост ВРП/ВВП, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в регионах в 2008–2018 гг. стабильно растет, однако абсолютные размеры зарплаты в большинстве регионов меньше, чем среднероссийские значения (за исключением Республики Коми). Среднегодовой темп прироста номинальной заработной платы в рассматриваемых регионах составляет 9,16% против 9,55% в среднем по РФ, среднегодовые темпы прироста реальной начисленной заработной платы в регионах меньше 1,5%, в то время как в целом по РФ темп прироста реальной начисленной заработной платы составил 2,06%.

Более высокое абсолютное значение номинальной и реальной заработной платы в ресурсных регионах сопровождается более высоким, чем среднероссийский, уровнем безработицы в Томской области и Республике Коми (рис. 2).

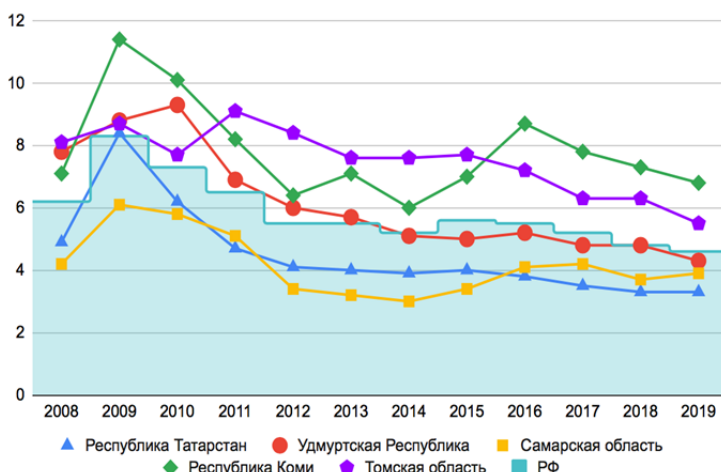

Рис. 2. Динамика безработицы, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Экономическое развитие регионов создает финансовую базу для социального развития – производства общественных благ, обновления производственной, транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры, что, в свою очередь, является неотъемлемым условием дальнейшего повышения привлекательности регионов для проживающих и желающих мигрировать в регион людей.

Среди главных индикаторов привлекательности территории для проживания – динамика численности постоянного населения, которая, в свою очередь, обусловлена динамикой рождаемости и смертности, а также динамикой межрегиональной и международной миграции. За рассматриваемый период численность населения РФ меняется незначительно (среднегодовой прирост – 0,25%), исключение составляет 2015 г., когда численность населения РФ существенно приросла за счет вновь присоединенных территорий (рис. 3).

Прирост численности населения в большинстве ресурсных регионов не только меньше среднероссийского уровня, но и в большинстве периодов – отрицательный, что вызывает дополнительные вопросы о факторах, которые обуславливают подобное положение дел. Положительный абсолютный прирост населения наблюдается только в Республике Татарстан. В Томской области положительные значения прироста численности могут быть обусловлены притоком абитуриентов в вузы Томска из других регионов и стран СНГ, многие из которых по окончании обучения остаются жить и работать в регионе. В Республике Коми наблюдается устойчивое сокращение абсолютной численности населения (в среднем на 1% в год), несмотря на самую большую долю нефтегазового сектора в ВРП и самую высокую номинальную заработную плату, что при прочих равных условиях должно было стать значимым фактором привлечения в регион новых кадров.

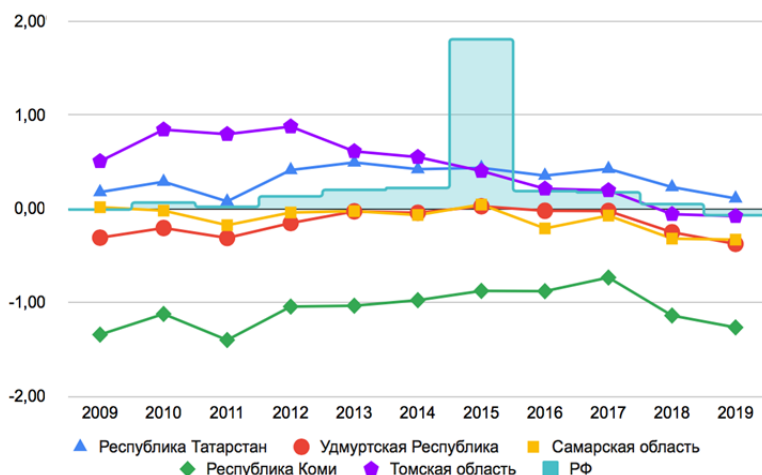

Рис. 3. Прирост численности постоянного населения, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Ухудшение демографической ситуации в регионах и в РФ в целом в большей степени обусловлено снижением рождаемости, которая, даже несмотря на устойчивую тенденцию снижения смертности населения в 2008–2018 гг., не обеспечивает устойчивого естественного воспроизводства населения. Темпы изменения смертности в ресурсных регионах в целом соответствуют общероссийским тенденциям (рис. 4), что может быть обусловлено естественными причинами (смертность как следствие заболеваний, в том числе сезонное распространение инфекций). Также весомую роль в высокой смертности играет состояние региональной системы здравоохранения, качество и доступность медицинской помощи. Например, значительная удаленность сельских населенных пунктов от областного центра в Томской области, труднопроходимый рельеф в северо-восточной части региона могут быть причиной высокой смертности в сельских населенных пунктах из-за отсутствия возможности вовремя обратиться за медицинской помощью, так как оптимизация здравоохранения привела к закрытию большей части ФАПов в селах и поселках. В результате в Томской области в 2019 г. смертность выросла на 2%, в то время как в других нефтедобывающих регионах она снизилась на 2–4%.

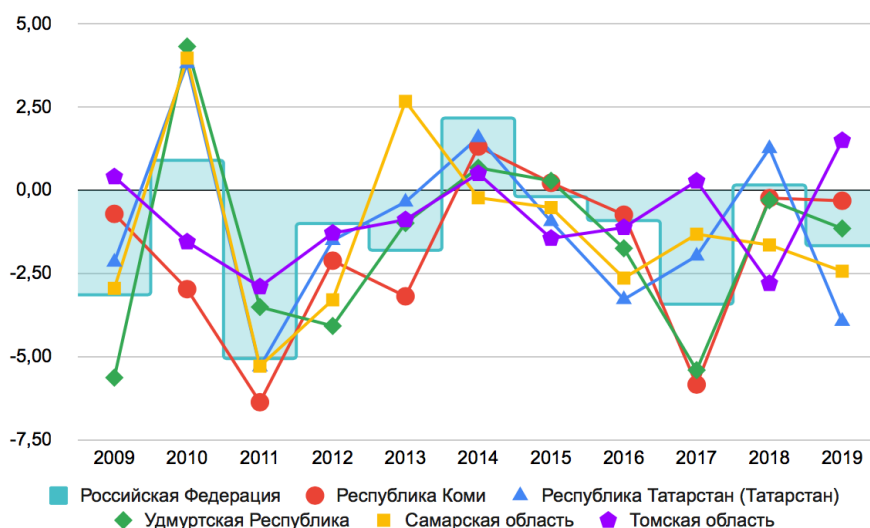

Рис. 4. Темпы прироста смертности, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Основной причиной сокращения численности населения является значительное сокращение рождаемости (в некоторых случаях более 10–12% в год) как в целом по РФ, так и в нефтедобывающих регионах. При этом также наблюдаются устойчивые тенденции сокращения рождаемости, которые, скорее всего, носят общероссийский характер (лавинообразное снижение рождаемости после 2015 г.), однако если в 2009–2015 гг. в ресурсных регионах темпы роста рождаемости немного, но превышали сред-

нероссийский уровень (например, в Татарстане в 2012 г.), то в 2016–2019 гг. темпы снижения рождаемости в трех регионах из пяти превышают среднероссийский уровень (рис. 5).

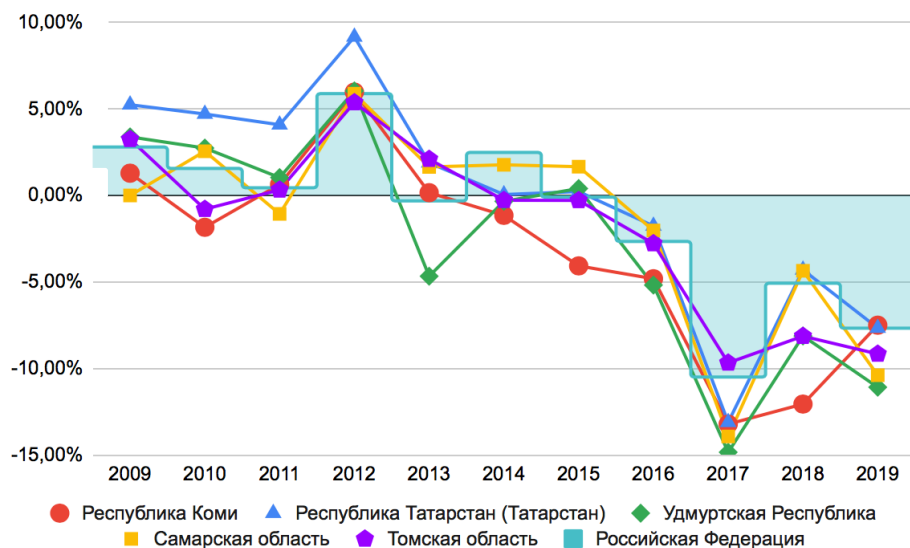

Рис. 5. Темпы прироста рождаемости, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

В результате коэффициент естественного прироста населения во всех ресурсных регионах с 2016 г. неуклонно снижается, отражая в том числе среднероссийские тенденции (рис. 6), при этом для рассматриваемых территорий характерно небольшое превышение уровня естественного прироста населения над среднероссийскими значениями. В Самарской области воспроизводство населения отражает общие тенденции с той лишь небольшой оговоркой, что за весь рассматриваемый период естественный прирост населения в регионе отрицательный. Если смертность главным образом обусловлена состоянием здравоохранения региона, то рождаемость, напротив, отражает репродуктивное поведение семей, которое во многом зависит от качества социальной инфраструктуры региона, ожиданий относительно будущего, а не только от текущего уровня доходов и инструментов государственной поддержки семей с детьми.

Таким образом, актуальными и обоснованными являются предложения по продлению программы материнского капитала в РФ, в том числе в части стимулирования рождения уже первого ребенка и дополнительных выплат при увеличении количества детей в семье за счет федеральных и региональных финансовых источников. Финансовые возможности бюджетов нефтедобывающих регионов несколько больше, что, при прочих равных условиях, будет способствовать улучшению демографической ситуации.

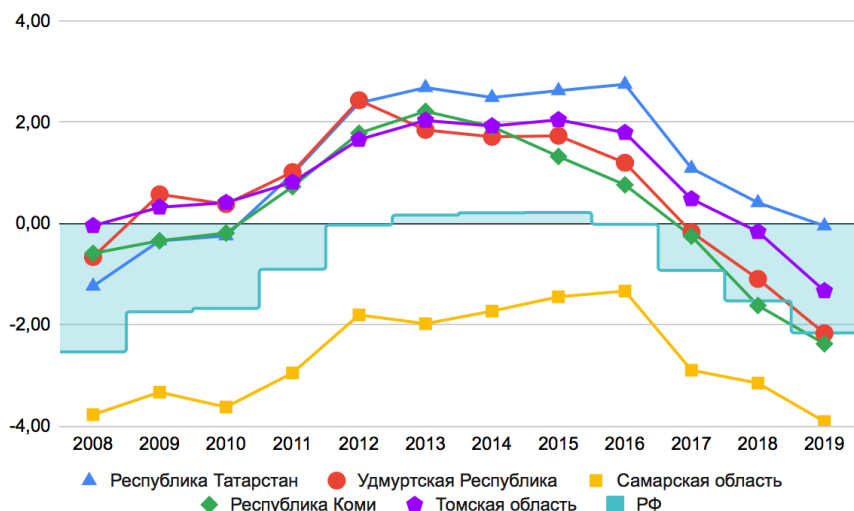

Рис. 6. Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 чел.).

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Однако региональной власти не следует забывать и о социальной инфраструктуре на территории, так как именно она во многом определяет ожидания населения, миграционные процессы и инвестиционную привлекательность.

Текущее состояние социальной, транспортной, коммунальной инфраструктуры в РФ позволяет дать комплексные рейтинги, одним из которых являются оценки РИА Рейтинг.

Авторы методики РИА Рейтинг используют 70 показателей по 11 блокам: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры [16]. Чем выше место региона в рейтинге, тем выше качество жизни населения в регионе. Лидерами рейтинга на протяжении многих лет являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Белгородская область, Краснодарский край. Среди рассмотренных нефтедобывающих регионов лидером рейтинга также является Республика Татарстан, укрепляя свои позиции в 2010–2019 гг., несмотря на ухудшение мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей в 2015–2019 гг. Самарская область и Удмуртская Республика сохраняют позиции в рейтинге на уровне 8–20-го и 40–50-го места соответственно. Томская область и Республика Коми, напротив, серьезно ухудшили свое положение в 2016–2019 гг., в период более чем двукратного падения цен на нефть на мировом рынке (рис. 7). Данное обстоятельство позволяет подтвердить выводы исследователей о высокой степени ресурс-

ной зависимости экономик этих регионов, когда сокращение доходов нефтедобывающих компаний негативно сказывается на уровне доходов региональных и местных бюджетов.

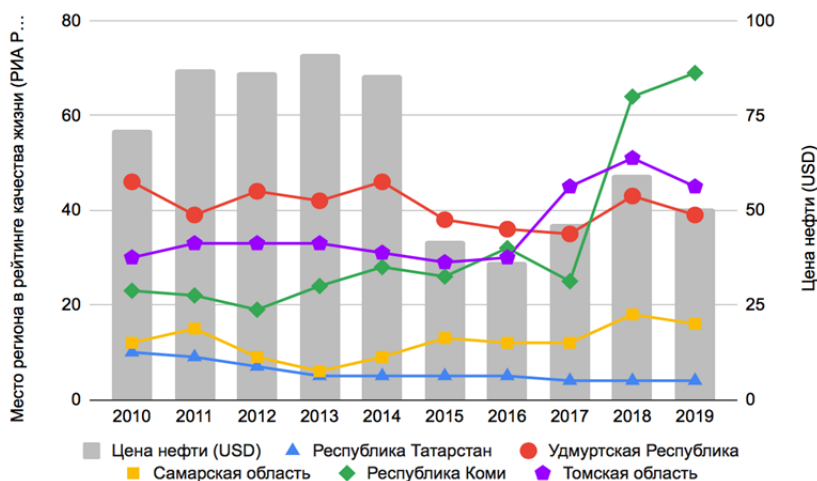

Рис. 7. Цена нефти Brent и рейтинг качества жизни регионов РФ.

Источник: составлено авторами по данным РИА Рейтинг

Дополнить оценки качества жизни в регионах также могут показатели бедности населения. Даже принимая во внимание недостатки современной российской системы учета бедности (бедными официально считаются только те лица, доходы которых составляют меньше величины прожиточного минимума — абсолютная бедность, в то время как в большинстве развитых стран бедными признаются лица с доходом менее 60% от среднего дохода по стране — относительный критерий бедности), фактический уровень бедности населения в большинстве рассмотренных нефтедобывающих регионов, за исключением Республики Татарстан, оказался выше среднероссийского (рис. 8), что по сути можно расценивать как абсолютный нонсенс. Высокие доходы, которые получали нефтедобывающие компании от благоприятной мировой конъюнктуры, не способствовали улучшению социально-экономического положения населения в регионах. Данное обстоятельство может быть обусловлено не только низким уровнем диверсификации региональных экономик, но и спецификой формирования доходной базы региональных и местных бюджетов. Львиная доля налогов от предприятий нефтегазового комплекса поступает в федеральный бюджет, таким образом, региональные и местные бюджеты оказываются без источников обеспечения финансовой устойчивости, не имеют ресурсов для развития социальной, транспортной, производственной инфраструктуры, укрепляя, как следствие, ресурсную зависимость региональных экономик.

Реструктуризация и реорганизация нефтедобывающих компаний региона приводят к концентрации бизнеса в Москве и Московской области, а

также в Санкт-Петербурге, что способствует централизации финансовых потоков, вследствие этого источники регионального развития еще больше сокращаются, усиливается региональное неравенство, аккумулирует не только финансы, но и трудовой потенциал, инновации и инфраструктуру в нескольких крупных центральных, западных и южных регионах.

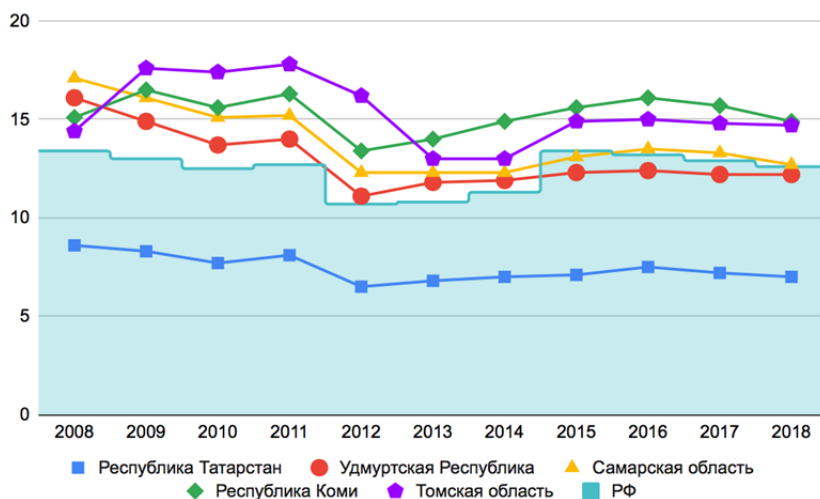

Рис. 8. Уровень бедности, %.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Таким образом, динамика социальных показателей демонстрирует устойчивую тенденцию закрепления ресурсной зависимости регионов с небольшими запасами углеводородного сырья. Ресурсный сектор можно рассматривать в качестве локомотива экономического развития только в Республике Татарстан. Высокий уровень диверсификации региональной экономики, собственные нефтедобывающие и перерабатывающие предприятия в Татарстане обеспечивают устойчивое развитие хозяйства региона, которое в меньшей степени зависит от колебаний мировой конъюнктуры и других факторов. Напротив, Томская область, Республика Коми, Удмуртская Республика характеризуются существенными отраслевыми диспропорциями, которые негативно сказываются на конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности регионов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».
2. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М. : ЛИБРОКОМ, 2015. 392 с.
3. Mapping the oil and gas industry to the sustainable development goals: an atlas. IPECA. URL: <https://www.ipieca.org/media/4404/online-mappingoilandgastodgatlas.pdf> (дата обращения: 17.09.2020).

4. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.
5. Белькина А.С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 246–248.
6. Левин С.Н., Каган Е.С., Саблин К.С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 3. С. 92–101.
7. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. № 17 (3). С. 89–106. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106
8. Декларация Генеральной ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 17.09.2020).
9. Шарф И.В., Михальчук А.А. Налоговые льготы в системе недропользования. Воспроизводственный аспект // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 3. С. 791–805.
10. Эдер Л.В., Конторович А.Э. Необходимость смены парадигмы развития нефтегазового комплекса в России // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 3, № 1. С. 16–23.
11. Указ Президента России от 1 декабря 2016 года № 642. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://government.ru/docs/37705/> (дата обращения: 17.09.2020).
12. Филимонова И.В., Эдер Л.В., Комарова А.В., Проворная И.В., Немов В.Ю. Ресурсные регионы России: социально-экономические показатели и инновационное развитие // Наукоемкие технологии разработки и использования минеральных ресурсов. 2018. № 4. С. 167–171.
13. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31 марта 2016 года № 23-оз «О промышленной политике в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». URL: <http://docs.cntd.ru/document/411724736/> (дата обращения: 17.09.2020).
14. Эдер Л.В., Филимонова И.В., Немов В.Ю., Проворная И.В. Нефтегазовая промышленность Приволжского федерального округа на этапе перехода к новой парадигме развития // Бурение и нефть. 2018. № 7-8. С. 3–13.
15. Каган Е.С., Гоосен Е.В. К вопросу об идентификации регионов ресурсного типа // Институциональная трансформация экономики: пространство и время : сборник докладов V Международной научной конференции : в 2 т. Кемерово, 2017. С. 57–64.
16. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

Trends in Social Sustainable Development Indicators for Russian Oil-and-Gas Regions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 195–209. DOI: 10.17223/19988648/53/14

Elena A. Frolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

Irina V. Sharf, Tomsk Polytechnic University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_sharf@mail.ru

Keywords: oil-producing regions, sustainable development, quality of life, resource dependence, social and demographic indicators.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-010-00660

The article presents an assessment of social sustainable development indicators for Russian oil-and-gas regions. Natural energy resources are one of the most important factors in ensuring the competitiveness of regional economy. However, the resource sector development leads to a subnational resource dependence and to a decline in the quality of life indicators.

Natural resources could be a motor of economic development. For this purpose, local authorities should enhance the social and market infrastructure, innovation and investment activity, create institutions that support diversification and prevent the overindulgence of resource companies. The natural resources' impact on the quality of life for Tomsk Oblast, the Komi Republic, the Udmurt Republic, the Republic of Tatarstan, and Samara Oblast was assessed. These regions have small energy resource (oil and gas) reserves, but mining creates 15 to 30% of the regional product. Extractive industries employ 2% of the workforce. World economy trends in 2008–2018 had a significant negative impact on the mining sector of these regions. Dependence on oil prices has led to a reduction in subnational budget revenues, the Gross Regional Product growth rate has declined, the poverty rate has increased, and the quality of life indicators have decreased. Demographic indicators (fertility and mortality rates) have also worsened. The social and economic development indicators in most of the considered oil-and-gas regions became worse than the same indicators in Russia. This fact indicates a high level of resource dependence of subnational economies (resource curse). Only in the Republic of Tatarstan the resource sector became the motor of the regional economic performance, despite the decline in oil prices. As a result, Tatarstan occupies a leading position in the rating of the quality of life indicators. The level of poverty in Tatarstan is lower than in other resource regions and in Russia. Tatarstan also has a high level of population growth, low unemployment, and higher rates of economic growth than Russia. The worst situation is in Tomsk Oblast and in the Komi Republic, in which the share of the extractive sector in the Gross Regional Product is 30%; therefore, the indicators of the socioeconomic development are highly dependent on the oil-and-gas companies' performance. Low diversification, transport accessibility limitations, poor natural and climatic conditions, as well as a decrease in the income of oil-and-gas companies due to the fall in oil prices leads to an increase in poverty rates in these regions, increases the out-region migration of the working-age population, which reduces regional competitiveness. Thus, the economies of most of the considered oil-and-gas regions cannot be considered sustainable.

References

1. Consultant.ru. (2017) *Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017, No. 13: "On Approval of the Fundamentals of State Policy for Regional Development of the Russian Federation for the Period until 2025"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/. (In Russian).
2. Kuznetsova, O.V. (2015) *Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Regional Policy of Russia: 20 Years of Reforms and New Opportunities]. Moscow: LIBROKOM.
3. IPIECA. (2013) *Mapping the oil and gas industry to the sustainable development goals: an atlas*. [Online] Available from: <https://www.ipieca.org/media/4404/online-mappingoilandgastodsgatlas.pdf> (Accessed: 17.09.2020).
4. Guriev, S., Plekhanov, A. & Sonin, K. (2010) Economics of Development Based on Commodity Revenues. *Voprosy Ekonomiki*. 3. pp. 4–23. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2010-3-4-23
5. Bel'kina, A.S. (2015) Socio-economic inequality of Russia's regions: Ways of solving the problem. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3 (55). pp. 246–248. (In Russian).
6. Levin, S.N., Kagan, E.S. & Sablin, K.S. (2015) "Resource type" regions in the modern Russian economy. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 7 (3). pp. 92–101. (In Russian).
7. Kurbatova, M.V., Levin, S.N., Kagan, E.S. & Kislitsyn, D.V. (2019) Resource-type regions in Russia: Definition and classification. *Terra Economicus*. 17 (3). pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106

8. UN. (2015) *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (Accessed: 17.09.2020). (In Russian).
9. Sharf, I.V. & Mikhail'chuk, A.A. (2019) Tax Incentives in the System of the Natural Resources Management: Reproduction Aspect. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 15 (3). pp. 791–805. (In Russian). DOI: 10.17059/2019-3-13
10. Eder, L.V. & Kontorovich, A.E. (2017) Neobkhodimost' smeny paradigmy razvitiya neftegazovogo kompleksa v Rossii [The need to change the paradigm of the development of the oil and gas complex in Russia]. *Interesno Geo-Sibir'*. 3 (1). pp. 16–23.
11. Russian Federation. (2016) *Decree of the President of Russia of December 1, 2016, No. 642: "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/37705/> (Accessed: 17.09.2020). (In Russian).
12. Filimonova, I.V. et al. (2018) Resursnye regiony Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli i innovatsionnoe razvitiye [Resource regions of Russia: Socioeconomic indicators and innovative development]. *Naukoemkie tekhnologii razrabotki i ispol'zovaniya mineral'nykh resursov*. 4. pp. 167–171.
13. Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug. (2016) *Law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra of March 31, 2016, No. 23-oz "On industrial policy in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra"*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/411724736/> (Accessed: 17.09.2020). (In Russian).
14. Eder, L.V., Filimonova, I.V., Nemov, V.Yu. & Provornaya, I.V. (2018) The oil and gas industry of the Volga Federal District at the stage of transition to a new development paradigm. *Burenie i nef't'*. 7–8. pp. 3–13. (In Russian).
15. Kagan, E.S. & Goosen, E.V. (2015) K voprosu ob identifikatsii regionov resursnogo tipa [On identifying resource-type regions]. *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: prostranstvo i vremya* [Institutional transformation of the economy: space and time]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 57–64. (In Russian).
16. RIA. (2019) *Rating of regions of the Russian Federation: Quality of life*. [Online] Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018.pdf (Accessed: 20.09.2020). (In Russian).

УДК 311.21

DOI: 10.17223/19988648/53/15

О.Ф. Пятова, М.В. Коломкина, Т.В. Шумилина

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Концепция устойчивого развития сельских территорий определила задачи по развитию коллективных форм хозяйствования на селе, основными из которых являются кооперативы. Развитая сельскохозяйственная кооперация является важнейшим механизмом повышения эффективности производства и социальной стабильности в обществе. Она позволяет обеспечивать население высококачественными продовольственными товарами собственного производства, повышать уровень своих доходов. Однако деятельность кооперативных организаций освещается недостаточно полно, да и сама деятельность слабо развита.

Ключевые слова: кооперация, сельское население, сельское хозяйство, инфраструктура, государственная поддержка.

Введение

Внимание государственной аграрной политики направлено на обеспечение жизнедеятельности сельского населения в контексте устойчивого развития сельских территорий [1]. Основным индикатором действия аграрной политики является стабильное социально-экономическое развитие, которое проявляется в эффективном сельскохозяйственном производстве, увеличении занятости сельского населения и, как следствие, повышении уровня жизни.

Кооперативное движение сыграло важную роль в социально-экономическом развитии государства. Оно имеет длительную историю развития, которое началось в связи с отменой крепостного права и осуществлением буржуазных реформ 60–70-х гг. Потребительские сообщества возникли практически во всех губернских центрах России. В дальнейшем все более ускоряющиеся процессы капиталистического развития и формирования национального рынка значительно расширили социальную базу и географию российских кооперативов [2].

В соответствии с российским законодательством потребительское общество – это добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное для торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов [3, 4].

Отдельным видом кооперативной организации является потребительская кооперация. По мнению Ха-Джун Чанга, потребительские кооперативы предоставляют покупателям лучшие цены за счет объединения своих

покупательных способностей и переговоров в целях получения скидок у поставщиков. Конечно, таких скидок за счет объединения потребителей добиваются многие предприятия розничной торговли. Но разница заключается в том, что при прочих равных условиях кооперативы могут предоставлять покупателям большие скидки, поскольку им не нужно выплачивать дивиденды акционерам [5].

Они принимают важное участие в развитии сельских территорий, в том числе в укреплении безопасности в сфере продовольственного обеспечения [6].

Сфера деятельности потребительской кооперации связывает сельское хозяйство, перерабатывающую промышленность, торговлю и определяет темпы их развития в системе продовольственного обеспечения [7].

В законе «О потребительской кооперации» [8] одна из задач кооперативного движения определена как пропаганда кооперативной идеологии, которая заключается в работе с пайщиками. Главная цель – вернуть пайщикам чувство хозяина в потребительском кооперативе, пробудить у них интерес к результатам деятельности своей организации и кооперации в целом.

В Самарской области, как и в других регионах России, кооперативные отношения на селе развиваются в рамках нескольких моделей и организационных систем. Важнейшими из них являются сельскохозяйственные кооперативы (производственные, потребительские) и потребительские общества.

Цель и методы

Цель исследования – выявление состояния развития кооперативного движения в Самарской области как одной из форм сельскохозяйственного производства.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- выявить тенденции развития сельскохозяйственной кооперации в регионе;
- определить уровень знаний сельского населения о кооперативном движении в регионе.

Теоретической, методологической и информационной базами исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по теории статистики и развитию кооперативного движения, данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Самарской области, Самарского областного ревизионного союза сельскохозяйственных кооперативов «Средняя Волга», результаты выборочного наблюдения. Нормативно-правовые документы, регулирующие аспекты кооперативного движения, составили правовую базу исследования.

Основными методами при проведении исследования явились статистические методы: метод сравнения, выборочный метод, метод типологических группировок, анализ рядов динамики, табличные и графические методы представления данных. Они позволили выделить и рассмотреть отдельные аспекты информированности сельского населения о кооператив-

ных организациях Самарской области, провести сопоставление отдельных статистических показателей, характеризующих состояние и развитие кооперативного движения.

Результаты

Деятельность системы потребительской кооперации в Самарской области традиционно является одним из важнейших факторов развития сельских территорий, обеспечивает формирование рыночной инфраструктуры и решает проблемы сбыта произведенной малыми формами хозяйствования сельскохозяйственной продукции.

Руководство области уделяет внимание развитию кооперативных организаций. Только в последние годы на реальную помощь кооператорам в рамках целевой программы было выделено из регионального бюджета около 200 млн руб. Поддержка осуществляется главным образом в форме субсидирования процентных ставок по кредитам в рамках Государственной программы развития.

На выделенные средства было закуплено более 10 тыс. т молока и почти 500 т мяса в ЛПХ, что превысило запланированные показатели на 11 и 95% соответственно. Кроме этого, кооперативными организациями было приобретено технологического оборудования и специализированного автомобильного транспорта на общую сумму более 15 млн руб. Это позволило увеличить объёмы закупок сельскохозяйственной продукции, расширить ассортимент и повысить качество производимых продуктов. Социальным эффектом стало создание в кооперативах 42 новых рабочих мест [9].

Самарская область входит в число регионов с низким уровнем развития снабженческо-сбытовой и перерабатывающей кооперации, но с достаточно активным уровнем развития кредитной кооперации. Именно кредитные кооперативы, при отсутствии в сельских поселениях представительств банковских организаций, оказывают реальную помощь жителям села в получении оборотных средств.

На территории региона на 1 января 2017 г. было зарегистрировано 38 сельскохозяйственных потребительских кооперативов (в 2013 г. – 56), около половины которых составляют кредитные кооперативы. Крупные холдинги пользуются конкурентным преимуществом, многие из них кредитуются за рубежом. Фермеры и личные подсобные хозяйства с 2017 г. лишились государственной поддержки в виде компенсации процентной ставки. Поэтому первоочередной задачей является обеспечение равного доступа к господдержке всех категорий сельских товаропроизводителей независимо от формы хозяйствования [10].

В 2017 г. фактически осуществляют деятельность 15 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, в том числе 11 кредитных, 2 перерабатывающих и 2 снабженческо-сбытовых в 13 муниципальных районах Самарской области.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на принимаемые органами государственной власти Самарской области меры, в последние го-

ды в регионе наблюдается снижение числа сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Сельскохозяйственная кооперация позволяет своим участникам обеспечивать конкурентоспособность на рынках товаров и услуг, повышать уровень доходов, получать кредитные ресурсы, влиять на аграрную политику страны в целом и насыщать рынок высококачественными продовольственными товарами собственного производства.

Руководители сельскохозяйственных предприятий и главы муниципальных районов понимают, что без развития производственных кооперативных организаций стабилизировать и повышать эффективность аграрной сферы, развивать сельские территории невозможно.

Говоря о сельской кооперации в целом, нельзя не отметить значимость данного направления в первую очередь для жителей сельских районов области, так как сельская кооперация способствует развитию социально-экономической инфраструктуры села, повышению уровня занятости и жизни сельского населения.

Потенциально социальной базой кооперации в сельской местности являются не только все сельские жители Самарской области, но и около 500 действующих сельскохозяйственных организаций, а также почти 3 тысячи крестьянских (фермерских) хозяйств.

Одним из важных элементов для становления перспективной формы хозяйствования должен стать организованный областной «Центр развития кооперации». Это проект, направленный на развитие всех видов сельскохозяйственной кооперации, повышение качества жизни сельского населения, его занятости и самозанятости, кооперативной и финансовой грамотности; применение кооперативной технологии в решении социальных задач и становлении гражданского общества в сельской местности. Главная аудитория проекта – личные подсобные и крестьянско-фермерские хозяйства. Как правило, это небольшие производства, и им может не хватать средств на приобретение нужного оборудования для переработки и реализации своей продукции.

Как показывает опыт, сельское население недостаточно информировано о преимуществах потребительских кооперативов, которые могут обеспечить им стабильный доход. Членами Ревсоюза «Средняя Волга» Самарской области было проведено выборочное обследование сельского населения Самарской области методом интервьюирования.

Целью анкетирования явилась оценка уровня осведомленности сельского населения о специфике деятельности кооперативных организаций и выработка предложений по развитию сельскохозяйственной кооперации в Самарской области. Кроме этого, изучалось мнение жителей о вовлечении кооперативов в социальную жизнь села и повышении социальной активности населения. Данная акция проводилась в рамках некоммерческого проекта по развитию сельскохозяйственной кооперации и ее социального капитала в Самарской области.

Анкетирование осуществлялось летом в 2017 г. В опросе приняли участие 1 011 человек, среди которых 45,3% мужчины.

Результаты опроса в сентябре того же года были доложены на конференции руководителей кооперативных организаций.

При обследовании была поставлена цель охвата не только как можно больше жителей области, но и беседа с жителями всех возрастов для более объективной оценки их осведомленности о деятельности кооперативных организаций.

Возрастная характеристика респондентов представлена пятью группами возрастов. Большая по численности группа опрошенных насчитывает жителей в возрасте от 41 до 55 лет (36,2%) и в возрасте 27–40 лет (33,4%). Это самая действенная часть сельского населения. Они уже имеют жизненный и трудовой опыт, способны самостоятельно принимать решения.

Третью группу по численности составляют респонденты старшего возраста: люди предпенсионного и пенсионного возрастов. Их мнение очень ценно для организаторов обследования, так как многие помнят опыт работы кооперативных организаций советского периода.

Основная часть респондентов занята в сельском хозяйстве и неаграрной сфере деятельности (рис. 1).

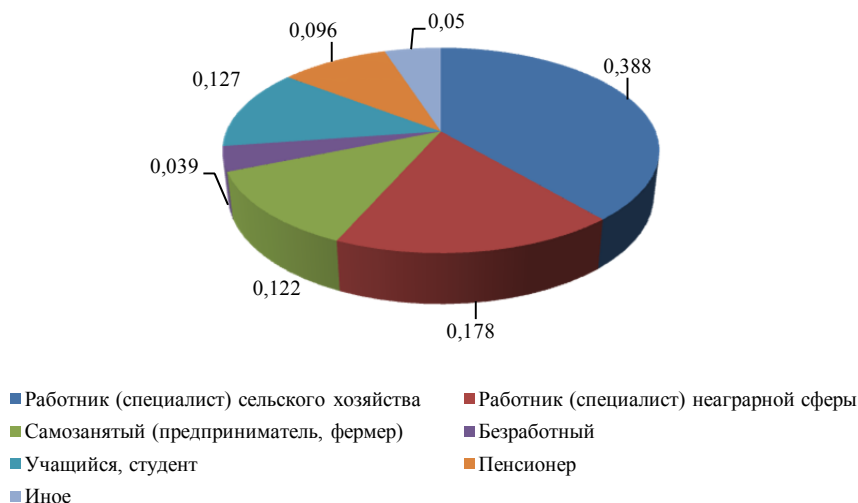

Рис. 1. Структура респондентов по сфере деятельности, %

В сельском хозяйстве заняты 33% респондентов, которые являются представителями возрастных групп от 27 до 55 лет.

Большая группа представлена учащимися, которые в перспективе могут быть привлечены к работе в кооперативных организациях или организовать собственное производство.

Каждый третий респондент на вопрос об осведомленности о деятельности кооперативных организаций ответил, что слышал что-то о кооперативах 90-х гг. (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке своей осведомленности о деятельности кооперативов/кооперативных организаций, % от общего числа респондентов

Варианты ответов	Все	В том числе по возрастным группам				
		до 18 лет	18–26 лет	27–40 лет	41–55 лет	56 и выше лет
1. Слышал что-то о кооперативах 90-х гг. прошлого века	34,0	0,3	4,1	9,4	13,1	7,1
2. Знаю и разбираюсь в разных видах кооперации и кооперативных принципах	25,8	0,1	3,0	7,5	10,4	4,8
3. Иное	23,4	–	2,6	9,1	9,3	2,3
4. Впервые слышу такое понятие	16,9	0,2	5,0	7,9	2,9	0,8

Положительно можно оценить то, что каждый четвертый респондент на вопрос об осведомленности о деятельности кооперативных организаций ответил, что знает о видах и особенностях кооперативов. Среди них респонденты старших возрастных групп (27–40 и 41–55 лет) составляют 17,9%. Тем не менее среди респондентов этих возрастных групп много людей, которые понятия не имеют о видах и принципах деятельности кооперативных организаций. Они составляют 64,5% от численности данных возрастных групп и 10,8% от общего числа респондентов.

Более молодые респонденты впервые слышали о таких понятиях. Их 5% от общего числа респондентов.

На вопрос о своем отношении к деятельности кооперативных организаций 31,8% респондентов выразили желание как можно больше узнать об их деятельности. Среди молодых респондентов желание больше узнать о кооперативах преобладает над другими ответами. Это свидетельство того, что деятельность кооперативных организаций освещается недостаточно полно, да и сама деятельность слабо развита. Жители старших возрастов выразили мнение о том, что кооперативы полезны и нужны как для фермеров, так и для жителей села, но их развитию уделяется недостаточное внимание.

Среди молодых респондентов распространено мнение о том, что кооперативы выгодны только его руководству.

При ответе на вопрос о членстве в кооперативных организациях почти 70% респондентов заявили, что не являются членами кооперативов. Самое большое число не задействованных в кооперативной деятельности среди молодых респондентов до 40 лет – их 95% среди данной возрастной группы.

Число респондентов, являющихся членами сельскохозяйственных производственных кооперативов, составляет 56,4%. Здесь основная группа представлена респондентами старшего возраста – от 41 до 55 лет.

На втором месте респонденты из сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива. Их 16,9%. Но здесь основную долю составляют респонденты в возрасте 56 и выше лет.

Основная причина, которая озвучена респондентами об их неучастии в деятельности кооперативов, это отсутствие их в населенном пункте. Таких респондентов 31,4%. Даже при наличии кооперативов в населенном пункте 15,9% респондентов указали на отсутствие необходимости пользования их услугами. Больше всего в данной группе респондентов в возрасте 41–55 лет.

Планируют принять участие в организации кооперативов 15,5% респондентов. Самая большая здесь группа респондентов в возрасте 27–40 лет.

Не доверяют кооперативам 15% респондентов.

Респондентам был задан вопрос о том, какие услуги могли бы оказывать кооперативы сельским жителям. Для респондентов самой распространенной услугой оказалось содействие в решении социально-бытовых проблем (вспашка участка, доставка кормов, дров и др.). На это указали 21,8%. Второй по значимости услугой для респондентов является оказание материальной помощи (17,5%). Покупка и (или) приобретение товаров повседневного спроса в магазине райПО, сельПО заняла в рейтинге вариантов ответов третье место. На это указали 11,9% респондентов. Затем следуют такие виды услуг, как консультационные услуги и получение займа в кредитном кооперативе – 8,3 и 8,0% соответственно. При ответах на этот вопрос самыми активными были респонденты возрастной группы 41–55 лет.

Большое число респондентов указали на то, что пользовались иными услугами, не представленными в вариантах ответов. Таких респондентов было 18,9%.

Рейтинговая оценка вариантов ответов на вопрос о видах деятельности и услугах, которые могут оказывать кооперативы своим членам, выявила, что респонденты отдали предпочтение развитию сельскохозяйственных производственных кооперативов по производству продукции животноводства и растениеводства и кооперативов по переработке этой продукции (табл. 2).

Кроме этого, респонденты указали на развитие сельскохозяйственных кредитных кооперативов для оказания такой услуги, как получение займа.

Респонденты выразили желание развития потребительских обществ, которые бы перерабатывали и (или) реализовывали продукцию ЛПХ.

Обращает на себя внимание то, что ответы на этот вопрос давали большая доля респондентов в самом активном трудоспособном возрасте – 27–55 лет.

Главными причинами, которые мешают развитию кооперативных организаций, это, во-первых, недостаточная гражданская активность населения (табл. 3). С этим соглашаются респонденты всех возрастных групп.

Их оказалось 24,4% от общего числа респондентов. Но молодые респонденты составили в этом ответе долю в 13,1%.

Затем следуют такие причины, как недостаток опыта и знаний в сфере кооперативного законодательства (15,9%) и отсутствие денежных средств для формирования начального паевого капитала (14,4%). Это значимая причина для респондентов в возрасте 27–55 лет.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о видах деятельности и услугах, которые могут оказывать кооперативы своим членам

	Виды кооперативов	Виды деятельности	Удельный вес, %	Рейтинг, место
1	Сельскохозяйственный производственный кооператив	Производство продукции, растениеводство	16,4	2
2		Производство продукции, животноводство	17,4	1
3		Иное	3,5	8
4	Сельскохозяйственный потребительский кооператив	Переработка с/х продукции	11,4	3
5		Сбыт с/х продукции	11,4	3
6		Иное	1,7	10
7	Сельскохозяйственный кредитный кооператив	Получение займа	11,0	4
8		Хранение сбережений	5,5	7
9		Иное	1,3	12
10	Потребительское общество (райПО, сельПО)	Приобретение товаров	7,4	6
11		Сдача продукции ЛПХ на переработку	8,8	5
12		Хранение сбережений	2,6	9
13		Иное	1,6	11

Таблица 3. Распределение ответов респондентов о том, что мешает в настоящее время развитию сельскохозяйственных кооперативов, % от общего числа респондентов

Варианты ответов	Все	В том числе по возрастным группам				
		до 18 лет	18–26 лет	27–40 лет	41–55 лет	56 и выше лет
1. Недостаточная гражданская активность населения	24,4	–	13,1	6,1	2,9	2,2
2. Недостаток опыта и знаний в сфере кооперативного законодательства	15,9	–	1,6	5,9	5,4	3,0
3. Отсутствие денежных средств для формирования начального паевого капитала	14,4	0,1	1,9	5,1	4,1	3,2
4. Слабая информированность об успешном опыте	12,9	–	1,6	5,3	3,5	2,5
5. Отсутствие поддержки со стороны местных органов власти	12,9	–	1,4	4,1	4,7	2,7
6. Затрудняюсь ответить	8,1	0,1	1,8	2,5	3,2	0,5
7. Отсутствие взаимной поддержки и доверия между членами кооператива	6,9	–	0,5	3,4	1,4	1,6
8. Отрицательный опыт предыдущего участия в кооперативе	2,7	–	0,2	1,4	0,8	0,3
9. Иное	1,7	–	0,3	0,4	0,5	0,5

Одинаковое число респондентов (по 12,9%) указали на слабую информированность об успешном опыте кооперативов и на отсутствие поддержки со стороны местных органов власти.

На вопрос о том, какие социальные задачи могли бы решать кооперативы, более половины респондентов (55,4%) указали на решение трех социальных задач, а именно: развитие сельского хозяйства (22,4%), создание новых рабочих мест и содействие самозанятости (19%), повышение уровня доходов населения (14%) (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о социальных задачах, которые могли бы решать кооперативы, % от общего числа респондентов

Варианты ответов	Все	В том числе по возрастным группам				
		до 18 лет	18–26 лет	27–40 лет	41–55 лет	56 и выше лет
1. Развитие сельского хозяйства	22,4	0,2	3,1	7,4	8,2	3,6
2. Создание новых рабочих мест, содействие самозанятости	19,0	0,1	2,3	6,4	7,7	2,6
3. Повышение уровня доходов населения	14,0	–	1,1	4,7	6,3	2,0
4. Благоустройство	8,6	–	1,1	3,2	2,7	1,6
5. Борьба с алкоголизацией и распространением наркомании	5,6	–	0,4	1,3	3,2	0,7
6. Строительство нового жилья	5,6	–	0,8	2,4	1,6	0,8
7. Ремонт дорог, газификация	5,6	–	2,3	1,3	1,6	0,4
8. Поддержка местной инициативы	5,1	–	0,8	2,3	0,9	1,0
9. Развитие сельскохозяйственного сектора	4,2	–	0,4	1,3	1,2	1,3
10. Борьба с преступностью	4,2	–	0,1	1,1	2,5	0,5
11. Ремонт и строительство социальных объектов	3,1	–	0,4	1,3	0,8	0,6
12. Ремонт и строительство водопроводов и теплосетей	1,8	–	0,1	0,9	0,5	0,3
13. Другое	0,8	–	0,6	–	–	0,2

В ходе проведения опроса было выявлено, что кооперативы по собственной инициативе осуществляют социальную и благотворительную деятельность. Это ремонт памятников и дорог, приобретение автобусов для спортивных команд и школ, оплата электроэнергии заслуженным работникам. Информацию о такой деятельности предоставили 11 кооперативов из 10 муниципальных районов Самарской области.

На вопрос о том, кто должен поддерживать развитие сельскохозяйственной кооперации, респонденты ответили, что органы власти (27,3%), активные фермеры и граждане (12,5%), общественные организации, кооперативные объединения (8,5%).

В ответе на этот вопрос респонденты сошлись взглядами на решение этой проблемы. Половина респондентов указали на то, что все указанные структуры должны содействовать развитию сельскохозяйственной кооперации.

На вопрос о желании подробнее узнать о преимуществах и особенностях деятельности сельскохозяйственных кооперативов большинство респондентов выразили желание подробнее узнать об этом.

Необходимо отметить, что мнение самых молодых респондентов о желании и нежелании узнать подробнее о деятельности сельскохозяйственных кооперативов распределилось поровну.

В конце анкетирования респондентам было предложено определиться, могли или хотели бы они стать участниками проекта по развитию кооперативных организаций. Отрицательно ответили свыше половины респондентов (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о желании стать участником проекта «Центр развития кооперации» и получить бесплатную консультационную помощь, % от общего числа респондентов

Варианты ответов	Все	В том числе по возрастным группам				
		до 18 лет	18–26 лет	27–40 лет	41–55 лет	56 и выше лет
Да	37,7	–	3,7	15,6	11,5	6,9
Нет	55,2	0,5	9,3	15,5	23,0	6,8
Иное	7,1	3,6	1,2	0,7	0,6	1,1

Резкое противоречие во мнении наблюдается у респондентов в возрасте 18–26 и 41–55 лет. Мнение респондентов других возрастных групп распределилось поровну.

Такую ситуацию в разбросе мнений можно объяснить неосведомленностью респондентов о данном проекте, а также недоверием к деятельности кооперативных организаций.

В рамках социологических исследований был проведен опрос руководителей сельскохозяйственных организаций и глав крестьянских фермерских хозяйств региона о роли сельскохозяйственной потребительской кооперации в развитии АПК. Почти 60% респондентов в общей сложности настроены позитивно относительно данной формы хозяйствования в аграрном секторе, считая, что при надлежащих условиях ее роль может быть большей (12,8% от числа экспертов), значительной – 17,9%, существенной – 29,2%. При этом руководители сельскохозяйственных организаций настроены более оптимистично (65,6% позитивных ответов), чем фермеры (55,1%) (табл. 6).

Таблица 6. Оценка роли сельскохозяйственной потребительской кооперации в развитии АПК (по категориям экспертов), % от общего числа респондентов

Варианты ответов	Все респонденты	В том числе	
		руководители СХО	главы КФХ
Большая	12,8	11,8	13,8
Значительная	17,9	25,4	12,0
Существенная	29,2	28,4	29,3
Незначительная	27,3	24,3	29,3
Затрудняюсь ответить	12,8	10,1	15,6

Опрос руководителей сельскохозяйственных организаций и муниципальных районов Самарской области об основных социально-эконо-

мических проблемах современного российского села и механизмах их решения выявил следующие результаты: решение проблемы стимулирования развития всех форм сельскохозяйственной потребительской кооперации руководители сельскохозяйственных организаций поставили на третье место в ранге очередности выполнения мероприятий для обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий.

Таким образом, руководители сельскохозяйственных предприятий и главы муниципальных районов понимают, что без развития производственных кооперативных организаций стабилизировать и повышать эффективность аграрной сферы, развивать сельские территории невозможно.

Однако никаких существенных подвижек в развитии кооперативных организаций в последние годы в регионе не наблюдается.

Заключение

Нельзя не согласиться с Л.В. Тепловой, Г.А. Семененко, Л.В. Афанасьевой, которые отмечают, что представители малого и среднего бизнеса, руководители фермерских хозяйств, личных подсобных хозяйств и общество в целом нуждаются в пропаганде кооперативных идей, разъяснении преимуществ кооперативных форм хозяйствования и определении перспектив, а главное – результатов развития кооперативного движения в нашей стране [11].

Для стабильного экономического развития кооперативного сектора необходимо совершенствование информационно-консультационной деятельности на платформе, объединяющей государственные структуры управления агропродовольственным комплексом, научно-образовательные учреждения [12] и консультационные службы.

В свою очередь, такое объединение способно обеспечить не только достижение экономических целей производственной политики, но также положительно скажется на социальном и технологическом развитии сельских территорий и позволит вывести аграрный сектор экономики на новый уровень эффективности и конкурентоспособности для успешного решения задач по импортозамещению на продовольственном рынке [13].

При всех сложностях кооперативное движение на селе является условием успешного продвижения продовольственных товаров, производимых малыми формами хозяйствования. При этом система сбыта остается наиболее острой проблемой для сельхозпроизводителей на всех уровнях [14].

Сельскохозяйственная кооперация может стать серьезной силой не только в достижении индивидуальных целей потребителей, работников системы потребкооперации и пайщиков, укреплении их личного благосостояния и социальной защищенности, но и в реализации общегосударственных задач, приоритетных национальных проектов, целевых программ, обеспечении занятости населения.

Для развития сельской кооперации и популяризации кооперативного движения необходимо скорректировать подход к оказанию государственной

поддержки, сделав ее более точечной в сфере АПК. Для Самарской области этот вопрос крайне актуален. Главы районов и сельских поселений должны активно включиться в работу по вовлечению владельцев личных подсобных и фермерских хозяйств в сельскохозяйственные потребительские кооперативы, тем более что финансовые инструменты для этого имеются.

Литература

1. Сидоровская Т.В. Роль потребительской кооперации Архангельской области в обеспечении жизнедеятельности сельского населения // Арктика и Север. 2011. № 4 (ноябрь). URL: <https://narfu.ru/university/library/books/2715.pdf>
2. Овчинникова А.С., Чернованова Н.В. Развитие системы потребительской кооперации РФ // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 148–150. URL: <https://moluch.ru/archive/294/66562/>
3. Калинина Г.В., Федорова Л.П., Литвинова О.В. Диагностика уровня экономической безопасности региональной потребительской кооперации // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 1 (27). С. 28–32.
4. Семенов А.С. Регулирование развития потребительской кооперации в сельском хозяйстве // Научный вестник Технологического института – филиала ФГБОУ ВПО Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина. 2016. № 15. С. 116–119.
5. Чанг Ха-Джун. Как устроена экономика / пер. с англ. Е. Ивченко ; [науч. ред. Э. Кондукова]. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 322 с.
6. Керкина А.А., Пахомчик С.А. Повышение кооперативной грамотности сельского населения – как условие развития кооперативного строительства на селе // Молодой ученый. 2015. № 6.5 (86.5). С. 79–82. URL: <https://moluch.ru/archive/86/16717/> (дата обращения: 06.10.2020).
7. Ткач А.В., Жуков А.С., Нечитайлов А.С. Потребительская кооперация в инфраструктуре продовольственного рынка // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2017. № 1. С. 25–30. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29771921_23411233.pdf
8. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации. Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608/
9. Инновации в кооперации. URL: <https://samgd.ru/main/190683/>
10. Фермерам Самарской области предлагают кооперироваться. URL: <http://volga.news/article/432614.html>
11. Теплова Л.В., Семенов Г.А., Афанасьева Л.В. Проблемы, преимущества и перспективы сельскохозяйственных кооперативов в развитии агропромышленного комплекса // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 4 (77). С. 334–347.
12. Анненкова В.Г., Третьяк Л.А. Совершенствование информационно-консультационной деятельности в потребительской кооперации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2017. № 1. С. 3–9.
13. Павленко И.В., Ермакова Г.А., Сердобинцев Д.В. Процессы интеграции и кооперации – вектор развития регионального агропромышленного комплекса // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 81–90.
14. Скульская Л.В., Широкова Т.К. Проблемы и направления развития кооперации на селе // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2014. № 12. С. 205–225. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-napravleniya-razvitiya-koopratsii-na-sele>

On the Development of Collective Forms of Management in Samara Oblast: Activities of Cooperative Organizations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 210–233. DOI: 10.17223/19988648/52/15

Olga F. Pyatova, Samara State Agrarian University (Ust-Kinelsky, Kinel, Samara Oblast, Russian Federation). E-mail: o.pyatova@yandex.ru

Marina V. Kolomkina, Samara Regional Audit Union of Agricultural Cooperatives “Srednyaya Volga” (Samara, Russian Federation). E-mail: kolomkinamv@mail.ru

Tatiana V. Shumilina, Samara State Agrarian University (Ust-Kinelsky, Kinel, Samara Oblast, Russian Federation). E-mail: tanyashum86@mail.ru

Keywords: cooperation, rural population, agriculture, infrastructure, state support.

The concept of sustainable development of rural areas has set the tasks for the development of collective forms of farming in the countryside, the main of which are cooperatives. Developed agricultural cooperation is the most important mechanism for increasing production efficiency and social stability in society. It allows providing the population with high-quality food products of its own production, increasing the level of their income. However, activities of cooperative organizations are not covered fully enough, and activities themselves are poorly developed. Samara Oblast is one of the regions with a low development of supply, marketing and processing cooperation. At the same time, credit cooperation is developing quite actively here. The region's administration pays attention to the development of cooperative organizations. Support is provided mainly in the form of subsidizing interest rates on loans under the State Development Program. Despite the measures taken by the regional government bodies, in recent years the region has seen a decrease in the number of agricultural consumer cooperatives. For more than twenty years, Russian agricultural cooperation has been developing in market conditions. This development is not going without problems. Heads of agricultural enterprises and of municipal districts understand that it is impossible to stabilize and increase the efficiency of the agricultural sector, to develop rural areas without the development of production cooperative organizations. Empirical material was obtained through surveying in order to form certain ideas about the rural residents' awareness of the activities of cooperative organizations, of their involvement in the social life of the village and in the increasing of the population's social activity. The results of the survey show that the respondents have little understanding of the activities of agricultural cooperatives. When asked about the awareness of their activities, every third respondent answered that he had heard something about cooperatives of the 1990s. For all the difficulties, the cooperative movement in the countryside is a condition for the successful promotion of food products produced by small forms of farming. Agricultural cooperation can become a serious force not only in achieving the individual goals of consumers, workers of the consumer cooperation system and shareholders, in strengthening their personal well-being and social security, but also in implementing national tasks, priority national projects, targeted programs, and ensuring the population's employment.

References

1. Sidorovskaya, T.V. (2011) Role of Consumer's Cooperation in Arkhangelsk Region in Vital Activity of Rural Population. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 4. [Online] Available from: <https://narfu.ru/university/library/books/2715.pdf>. (In Russian).
2. Ovchinnikova, A.S. & Chernovanova, N.V. (2020) Razvitie sistemy potrebitel'skoy kooperatsii RF [Development of the consumer cooperation system in the Russian Federation]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 4 (294). pp. 148–150. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/294/66562/>.
3. Kalinina, G.V., Fedorova, L.P. & Litvinova, O.V. (2017) Diagnostics of economic security of regional consumer cooperation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*. 1 (27). pp. 28–32.

4. Semenov, A.S. (2016) Regulirovanie razvitiya potrebitel'skoy kooperatsii v sel'skom khozyaystve [Regulating the development of consumer cooperation in agriculture]. *Nauchnyy vestnik Tekhnologicheskogo instituta – filiala FGBOU VPO Ul'yanovskaya GSKhA im. P.A. Stolypina*. 15. pp. 116–119.
5. Chang, H.-J. (2015) *Kak ustroena ekonomika* [Economics: The User's Guide]. Translated from English by E. Ivchenko. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
6. Kerkina, A.A. & Pakhomchik, S.A. (2015) Povyshenie kooperativnoy gramotnosti sel'skogo naseleniya – kak uslovie razvitiya kooperativnogo stroitel'stva na sele [Increasing the cooperative literacy of the rural population as a condition for the development of cooperative construction in the countryside]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 6.5 (86.5). pp. 79–82. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/86/16717/> (Accessed: 06.10.2020).
7. Tkach, A.V., Zhukov, A.S. & Nechitaylov, A.S. (2017) Consumer cooperation in infrastructure of the food market. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki – Fundamental and Applied Researches of the Cooperative Sector of the Economy*. 1. pp. 25–30. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29771921_23411233.pdf. (In Russian).
8. Consultant.ru. (2013) *On consumer cooperatives (consumer societies, their unions) in the Russian Federation. Law of the Russian Federation of June 19, 1992, No. 3085-1 (latest edition)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608/
9. Samara State Duma. (2017) *Innovatsii v kooperatsii* [Innovation in cooperation]. [Online] Available from: <https://samgd.ru/main/190683/>.
10. Volga News. (2017) *Fermeram Samarskoy oblasti predlagayut kooperirovat'sya* [Farmers of Samara Oblast are offered to cooperate]. [Online] Available from: <http://volga.news/article/432614.html>.
11. Teplova, L.V., Semenenko, G.A. & Afanas'eva, L.V. (2019) Problemy, preimushchestva i perspektivy sel'skokhozyaystvennykh kooperativov v razvitii agropromyshlennogo kompleksa [Problems, advantages and prospects of agricultural cooperatives in the development of the agro-industrial complex]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*. 4 (77). pp. 334–347.
12. Annenkova, V.G. & Tret'yak, L.A. (2017) Improving information and advisory activities in consumer cooperation. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki – Fundamental and Applied Researches of the Cooperative Sector of the Economy*. 1. pp. 3–9. (In Russian).
13. Pavlenko, I.V., Ermakova, G.A. & Serdobintsev, D.V. (2017) Integration and co-operation processes – the development vector of regional agroindustrial complex. *Regional'nye issledovaniya – Regional Research*. 1 (55). pp. 81–90. (In Russian).
14. Skul'skaya, L.V. & Shirokova, T.K. (2014) Problems and orientations development of rural cooperation. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 12. pp. 205–225. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-napravleniya-razvitiya-kooperatsii-na-sele>. (In Russian).

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

UDC 339

DOI: 10.17223/19988648/53/16

Dmitry V. Skrylnikov

The “New Silk Road”: Prospects, Influence of Russia and China

This article examines the prospects for the implementation of the Chinese project “New Silk Road” and assesses the degree of influence of this project on the economic well-being of partner states. Using the examples of the implementation of individual stages of the New Silk Road, the author examines geopolitical shifts that affect trade relations, the existing global financial system, including the declared interests in the distribution of world resources between countries. The “New Silk Road” project makes it possible to determine the degree of the Russian Federation’s interest in participation, as well as to identify key issues in the field of cooperation and economic interaction between the Russian Federation and the People’s Republic of China.

Keywords: *New Silk Road, Silk Road, “One Belt – One Road”, China, Russia, project, cooperation, prospects, influence, risks.*

Author: *Dmitry V. Skrylnikov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Ssskrylnikod@list.ru*

Introduction

The “New Silk Road” is an idea to make a project for developing an inter-continental logistics system, which is being promoted by China for its new cooperation with Kazakhstan, the Russian Federation and other countries interested in this project. The main goal of the project is the transportation of goods and passengers by land from China to European countries. This project should include the Trans-Siberian Railway, which is located on the territory of Russia, and the Eurasian Continental Bridge, which is in Kazakhstan [1]. It is planned that trains will spend 15 days to move, which is twice faster than through the waterway through the Suez Canal. It is important to note that this route (rail-road) is the world’s longest freight railroad from China to Germany.

The illustration of the New Silk Road is shown in Figure 1.

This New Silk Road, which is declared as a global project of international cooperation, can make a systemic shift in the geopolitical issue. This idea was announced by Xi Jinping in September 2013 in Kazakhstan. Then, in May 2015, the Russian Federation and China announced interaction and cooperation in building the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt [2]. What are the main features of this project? The main characteristics can be found in international agreements and documents at the local level, which affects geopolitics. The Russian President Vladimir Putin said on May 8, 2015:

“In fact, we are talking about reaching a new level of partnership in the future, which implies a single economic space throughout the Eurasian continent” [3]. This project is highly ambitious in scope and scale, and also in matters of geopolitical changes, so that in May 2015 the leaders of Russia and China managed to point out only the main areas of joint work. The signing of 30 agreements and the statement of Vladimir Putin on September 3, 2015, during his visit to China could not resolve all points and problems of the project [4].

Fig. 1. The New Silk Road through partner-countries

It should be noted that Russia is trying to expand the issues of cooperation with China in innovative industries [5]. The idea of digitizing the New Silk Road is outlined at the international meeting on “One Belt – One Road” in May 2017. This idea was confirmed at the 19th National Congress of the Chinese Communist Party in the fall of the same year. The “Digital Silk Road” is currently China’s top priority. This idea is focused at: reducing production costs, increasing global competitiveness, increasing the influence of Chinese products, and also increasing trade with partner countries. These goals are achieved through such methods as: developing the digital economy, engineering artificial intelligence, accepting cloud technologies, increasing sales by the Internet, developing big data technologies, building up navigation systems, achieving ultra-fast access to Internet resources and others.

The New Silk Road: History

Speaking about the Silk Road, there is usually only generalized knowledge about the brief history of the regions and the development prospects of “One

Belt – One Road”. However, this is only a small piece of information about the Silk Road.

The Silk Road is full of fascinating historical legends. The participating countries are not only on the periphery of global affairs, but are at the center of international exchanges, and have been so since ancient times. Human civilization was born in the Eurasian part, this region is not only the birthplace of the main world religions, but also a place where various linguistic groups compete with each other. It is also the place where great empires rise and fall.

Here are traces of pilgrims, armies, shepherds and merchants and the conduct of various transactions. The exchange of ideas, mutual adaptation and constant improvement make this channel a connection of two ends, which binds all ethnic regions together and becomes a central hub. Although this region is of great importance, it has not been of interest to many researchers for a long time.

Thus, it placed an important stage in world history in a completely new structure: from the ancient Persian Empire in the 6th century B.C. and China in the 21st century, when China proposed the “One Belt – One Road” plan, which is a route. Undoubtedly, it is not only a channel for trade between the East and the West of such goods as silk, porcelain and fur in the traditional sense, but it also has broader and more complex social and political functions, including traditions, cultural exchange, colonial expansion, and religion.

The Silk Road has always been the axis of the world. Therefore, whoever can control the Silk Road (the crossroads of the world) can become a leader in the 21st century. Two thousand years ago, the Silk Road contributed to globalization. It provided opportunities, brought problems and promoted technological progress. So the dissemination of ideas along the Silk Road allowed religions to spread, develop and compete with each other. Moreover, the significance of the Silk Road is not limited to ancient times. In fact, even in the era when the West dominated after the 16th century, the Silk Road continued to be the mainstream of world history. At that time, China was rich in good silk, so it was called the “Silk Road”.

The Silk Road is an ancient trade road that connects China and the West, has its origins in ancient China and connects Asia, Africa and Europe. The name of the Silk Road was proposed in 1877 by Ferdinand Richthofen, a German geographer. According to the records of Chinese and European historians on the Sino-Western trade, Richthofen drew a trans-Eurasian trade route on a map and called it the “Silk Road”. For two thousand years, the Silk Road has always defined the process of human civilization. Emperors, armies, merchants, scholars, monks and slaves of different races, different beliefs and different cultural backgrounds come and go along this path, creating and transmitting wealth, wisdom, religion, art, war, disease, and disaster.

Until now, the Silk Road is an important energy channel for oil and natural gas, and there is a direct high-speed railway from China to Germany.

The Silk Road will continue to dominate history and influence the future of the world. The initiative in economic development today can be taken by those who can successfully cooperate on the Silk Road, on which the world’s largest civilizations were built and flourished.

The New Silk Road: Gradation

The “One Belt – One Road” project is the foundation on which the New Silk Road is being built. However, even before the launch of the project, there were steps that made it possible to recreate a project as the New Silk Road.

The New Silk Road, stretching from China to Europe and reaching over 3 billion people in its span, aims to create a new reality in two fields (economic and political) for the participating countries through the implementation of various projects. Russia, which has declared itself a participant in this project, is opening up both new prospects and challenges from the implementation of the New Silk Road initiative.

Speaking in the context of the nation’s rebirth, the “One Belt – One Road” idea is one of the drivers of building a modernized socialist state to which modern China is striving so much. This fact makes it possible to understand that this initiative puts a political factor in the projects.

It should be noted that China wants to create international relations of a new type, transform them into the “Community of Common Destiny” including the “One Belt – One Road” project. No other state has proposed a concept of this magnitude.

The importance of Russian projects in the implementation of the New Silk Road will largely be determined by the activity of President Putin and the attention he will devote to the initiative. The absence of specific documents on the implementation of projects within the Silk Road Economic Belt (SREB) and, most importantly, the role of Russia, which is not formally spelled out, make its implementation more dependent on the personal initiative of the president of the Russian Federation.

This project, in addition to transit from China to Europe, will be of great importance for the movement of goods in the opposite direction. In particular, it will transport goods from the EU to China and Kazakhstan, the import of which into Russia is prohibited due to counter-sanctions: food and other agricultural products. Before trains with Chinese goods returned from Europe half empty – now this problem will be solved, and European agricultural producers, affected by the Russian embargo, will receive a huge new sales market.

In China, it has already been emphasized that the new branch of the New Silk Road is not directed against Russia, but only complements the existing routes through the Russian Federation. At the same time, Russian political experts expressed the opinion that the unpredictability of Moscow’s foreign policy led to the construction of a bypass path, and therefore Beijing, even with good bilateral relations, began to search for alternative options for trade with the EU.

Below is a table showing the gradation of the New Silk Road project.

According to preliminary calculations, at the initial stage, the total cost of transporting one container by the Baku--Tbilisi--Karsbudet railway is significantly higher than when transporting through Russia, primarily due to the lack of the necessary infrastructure.

Structure of the New Silk Road project during 2008–2015

Period	Infrastructure	Name	Participants	Parameters
2008	Railroad	Western Europe – Western China	Russia, China, Mongolia, Belarus, Poland and Germany	Length: 9992 km Term: 15 days
2013	Infrastructure block: railway, highway and seaports	One Belt – One Road	China, countries of Central and Southeast Asia, Africa, and Europe	Land route Sea route Arctic route
2014	Investment Bank	Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB).	Asian countries and leading European countries.	60 countries
2015	-	Silk Road (company)	China	Road construction and other infrastructure projects

On the other hand, according to Russian experts, the cost can range from \$ 8 to \$ 12 thousand, while experts emphasize that the calculations are purely theoretical. The cost of transporting a container through Russia and Kazakhstan is now \$ 3.5 to 4.5 thousand.

Prospects for China

Prospects for China and China's interests in this New Silk Road project can be summarized as follows:

1. New transport routes have to shorten the delivery time for goods from China to Europe.

Now it is from 45 to 60 days by sea and planned to do up to 10 to 13 days by land. The idea of reducing transport costs looks promising. Now, it is important for any company's products to be competitive; therefore, it is necessary to find new ways to optimize costs. For China, it is especially important to look as a world economic leader, so it is necessary to use all economic opportunities. Delivery of products in this case is reduced by an average of 5 times. This, in turn, allows increasing the turnover and, as a result, reducing costs per unit of production. Reducing the cost of one unit of production allows expanding production and grabbing new sales markets.

2. China is interested in Chinese railway and building companies moving outside the country to keep on the functioning of these industries in the future.

By the end of 2014, China had built about 16,000 km of high-speed rail lines (60% of the world's high-speed rail infrastructure). By the end of the decade, it is planned to bring the total length of China's infrastructure to 30,000 km. A lot of money has been invested in this direction. China understands that, in the future, China's high-speed infrastructure will reach its limit and become oversaturated, which will not bring economic profitability. Therefore, now China is taking steps to expand its transport infrastructure. In 2014, China's largest rail equipment manufacturers CNR and CSR teamed up to compete with global leaders.

3. Opening of new sales markets.

The opening of new sales markets is necessary for China in a situation when the growth of the Chinese economy is slowing down. That is why, to continue the growth of the Chinese economy, it is necessary to find widespread use of Chinese products, technologies and investments outside of China.

4. Chinese globalization.

Building railways in other countries is China's interests. So, it is interesting to build railways in neighboring countries to expand its influence. Investing in other countries is one of the ways to globalize. China's globalization can also be achieved through investment in the area of railways. So, in 2015, the Chinese plan was declared to invest up to 300 billion rubles in the field of the Moscow-Kazan railway connection. It is planned to build this communication through Chinese investment and technology. It is also proposed to involve Chinese banks in joint cooperation. However, the materials will be delivered from the Russian side. This example illustrates the fact of Chinese globalization through the expansion of integration communications in the railway field between countries.

Prospects for Russia

As for Russia, the prospects and interests of the New Silk Road project can be identified as follows:

1. The idea of the "Eurasian Land Bridge" between the countries of the East and West.

As for Russia, it is interested in taking the transport directions of the New Silk Road. This will help to make the status of Russia as an agent-country. With the right approach, Russia has a chance to build a bridge between eastern and western countries.

2. Internal infrastructure development.

Russia's interest in this project is also expressed in the fact that it will allow developing transport infrastructure within the country. This project will increase the return on investment in transport infrastructure through Chinese cooperation, and, as a consequence, this will lead to do the development of many Asian regions of Russia, which will make them attractive for production and living.

3. The Chinese partnership as an alternative to other countries.

Due to the fact that today Russia has complicated relations with many countries, Russia is interested in strengthening and expanding cooperation with China. These projects can become long-term relationships in the future.

4. Development of Siberia and the Far East in the field of tourism and economics.

Russia cannot develop the regions of Siberia and the Far East without cooperation with China. It is necessary to expand cross-border cooperation with China using the potential of both countries. The economic development of Siberia and the Far East is impossible due to the remoteness. These regions need some markets to sell local products, as well as tourist flows from China.

5. Expanding geopolitical interests jointly with China.

Russia is interested in geopolitics no less than China. Russia is interested in political stability in the countries of Central Asia and the Middle East, and in their economic development. This concerns Afghanistan, Pakistan and other problem countries that may be a threat to Russia in terms of drug production and drug trafficking. Also there are problems like Islamic radicals and uncontrolled flows of migrants. Elimination of these problems is possible using the accelerated economic development of all countries in the region. Thus, the New Silk Road project can help solve these problems if it becomes a tool for stabilizing the peaceful order and promoting economic prosperity in Eurasia. This can be done through the joint efforts of Russia and China.

The New Silk Road: Risks for non-partner countries

Indeed, today there are three most powerful economic blocs in the world. They are the European Union, China, and the United States of America.

As this project develops in other countries (non-partners), it creates risks.

For example, for the European economy, this project carries risks, but it also contains enormous economic opportunities. Optimists hope that the New Silk Road will lead China to gradually adapt to Western rules and laws.

However, other experts say that China wants to set global standards that all countries must adhere to. In this respect, the European Union will face a huge challenge because the traditional orientations of Europe do not coincide with orientations of China.

Through “One Belt – One Road” project, China’s influence in Europe is also expanding. Many experts believe that, in this context, the European economy should develop its own investment strategy in order to confront China in the future.

On the American side, the 20th century was the century of the United States of America which created an international multilateral order based on the United Nations. However, this system shows problems in terms of stability.

The American side now believes that the impact of China’s continuing progress on the project cannot be underestimated. It can not only change the geo-economic and geopolitical balance on the Eurasian continent, but also in many areas, such as technical standards, military security, and international development. This presents a real challenge for the United States of America and even undermines the foundations of global influence established by the United States of America after World War II.

The economic projects under the New Silk Road activity will ultimately be implemented exclusively in accordance with the conditions proposed by the Chinese side, mainly by Chinese enterprises and Chinese workers in accordance with Chinese laws and – in the event of disputes – by the Arbitration Court of China. This is obvious since China is the initiator and leader of this project.

The expansion of the Chinese Arbitration Court is currently the focus of the motion. This is not unusual. The countries that got stronger did it. The now self-confident China is doing the same.

In other words, the implementation of this project can bring risks to the already existing system of resource allocation and influence. This will bring sustainability risks to established global economic blocs such as the United States of America and the European Union.

Joint prospects for both: Russia and China

If it comes to talks about the joint prospects of Russia and China, the implementation of the New Silk Road project may realize common joint prospects for the two countries. These shared prospects can be summarized as follows:

1. Coordination of actions of Russia and China in economic issues.

The joint work in the area of the New Silk Road project allows Russia and China to work together in economic issues. The point is that the distribution of economic benefits will take place taking into account the interests of Russia and China, or, rather, the distribution of economic benefits will be fair. This is due to the fact that without taking into account the interests of each country, it is impossible to implement any joint projects, including the New Silk Road. This fact, in turn, will serve as the basis for further joint work for Russia and China in different fields, which in the future will allow both the countries to build long-term profitable economic and other relations.

2. Better understanding of the cultures of both the countries.

Working on the New Silk Road project will allow Russia and China to understand each other better in the cultural area. The implementation of such a project is impossible without understanding both the partners because of the scale of the New Silk Road project. A better understanding of the cultures of both the countries, in the long term, will allow the countries to develop new projects in the future.

3. The New Silk Road as a new base for the integration of Russia and China.

In fact, the New Silk Road project is the most global and large-scale project in the field of joint work and cooperation between Russia and China. If the project is successfully implemented, it will allow both the countries to work on other projects in different directions. This project can become a base for the integration of Russia and China. The New Silk Road project occupies an important place for their cooperation and integration since any integration of any country is based on successful economic principles. Thus, this implies further cooperation and integration by analogy with the European Union with the participation of Russia, China, and other countries. It also will make it possible to do their joint work in the field of politics, economics, society.

4. Joint work in the international arena as a tool to expand influence.

Today, it is noticeable that, for the growing economic development of any country, it is also necessary to successfully act in the international arena. The world is in an era of globalization, so it is important for any country to have influence on the international level. The joint New Silk Road project allows Russia and China to determine priority areas for the development of both the countries. Thus, this project can become the basis for their declaration of common

interests in the international arena. Through the joint influence of Russia and China it is possible to achieve their common interest in the international arena.

The New Silk Road today

Today, due to COVID-19, it is logical to assume that the New Silk Road project is slowing down, but the situation is developing in the opposite direction.

The COVID-19 pandemic that has covered the planet has not affected the traffic between China and Europe. It would be more correct to say the pandemic influenced it only for the better.

According to the China Railway Corporation, in the first half of this year, the number of freight routes between China and European countries through Russia and Kazakhstan was 5,122. It is 36 percent more than last year. This is an interesting fact because this growth has not been observed before. For example, in June 2020, 1,169 trains entered the railway infrastructure of the New Silk Road. The new number can be called a record. In the first six months of this year, 461,000 twenty-foot containers were transported from China to Europe by freight trains. This figure is 41 percent higher than in 2019.

The east-west rail transport has a special place in the global fight against COVID-19. This is due to the fact that a huge amount of things were delivered by these railways to countries and regions affected by COVID-19. At the beginning of the pandemic, medicines were sent from Europe to China, but then, when the situation in China returned to normal, a different situation began to be observed. China has begun sending medicines, protective things and medical equipment to Europe. From January to June 2020, 27,000 tons of drugs were delivered from China to Europe by trains. The New Silk Road has become especially relevant when the amount of traffic by air and sea has significantly decreased due to COVID-19.

At the moment, China is showing interest in the delivery of Chinese goods to Europe by land, not only due to shorter delivery times, but also given the fact that the United States controls sea routes from Shanghai to the Suez Canal [6]. Therefore, China is focusing on the land plan. Today the option of building the infrastructure of the New Silk Road using new technologies is being considered. So, the “Digital Silk Road” is a new level of logistics and retail by the introduction of modern technologies.

The global technological change is forcing China to innovate a lot of initiatives through the “One Belt – One Road”. There is a fact that the New Silk Road program is already starting to include digital characteristics. This is due to the digital transformation of China’s economy. Digital transformation aims to make China the leading country on the Internet. When it comes to digitalizing the New Silk Road, it means China’s innovative development. At the same time, the emphasis is on the development of such IT companies as Alibaba, Huawei, Lenovo, HP, and other companies that are among the world’s leaders in online commerce. It is important to note that these companies are beginning to actively work in the area of the “One Belt – One Road” Initiative, as these companies see

great prospects in it. The shaping of the “Digital Silk Road” is not a desire to support the trend towards digitalization, it is an objective reality that requires the search for new sales places to ensure a high level of profitability and to remain competitive.

China has long recognized the fact that the Fourth Industrial Revolution, based on digitalization, is becoming a new stage in the development of the world economy. There is a fact that the outcome of the competition between countries depends on this stage of economic development. This is a key element in realizing the “Chinese Dream”, that is, positioning China as a strong innovative country.

Conclusion

It has already been noted, the Silk Road as a political project has a number of shortcomings: the criteria for the success of the initiative, the time frame of the project are not formally spelled out. The concept of government under the auspices of the State Council of China defines only the main goals and objectives of the New Silk Road and its geographical coverage, but not countries and specific projects in these countries. The joint statement of the Russian Federation and China on the construction of the Eurasian Economic Union and the New Silk Road is also, in fact, a “road map” and only defines the general directions of cooperation between the two countries. Thus, even in spite of the special relations between the heads of Russia and China, the countries of the Trans-Caspian route are already direct competitors of the Russian Federation in the course of the implementation of the “One Belt – One Road” strategy, and the project is progressing, the competition develops into a conflict between the countries.

At the same time, the formal participation of Russia in the project and joint agreements provide no guarantees that the “One Belt – One Road” strategy will not bypass the territory of the country or bring unequivocal benefits. Already now, the Russian Federation is facing both internal and external challenges and risks in the course of implementing the “One Belt – One Road” strategy.

Further, the unstable position of Russia in the international arena due to the confrontation with Western countries, as well as sanctions and counter-sanctions, led to the fact that China began active cooperation with other countries along the northern branch of the New Silk Road. Indeed, one of the main goals of the project is to connect the East and the West, open up new markets and deepen cooperation.

In general, Russia’s participation in the New Silk Road project will raise its status in the international arena (the Russian Federation will strengthen the role of an important transit country) and will give its special significance in the Eurasian region.

In terms of benefits, the New Silk Road project allows expanding road and rail infrastructure in different directions. In addition to the prospects for expanding the project in the field of building railways and highways, there is another direction for the development of this project – digitalization. Due to the fact that the Internet is already beginning to affect our cultural life, the involvement of

the New Silk Road project in the global digital economy is essential to maintain a high level of competitiveness. However, the potential of the New Silk Road project will largely depend on the geopolitical situation in the world and in countries associated with this factor. Today, it is a firm fact that the COVID-19 pandemic did not have a negative impact on the development of the New Silk Road project.

Summarizing all that has been said, it can be noted that the Russian Federation and the People's Republic of China are becoming ever closer partners in the international arena and are beginning to spread more and more influence in the world. Working together, Russia and China are pursuing the main goal of transforming the international system in order to expand their influence in various directions. Today the leading Western countries and the USA are the key actors in the world.

In fact, Russia and China are trying to contain the political influence of the United States and other competing countries, which, undoubtedly, is extremely disadvantageous for Russia and China. The commonality of views contributed to the strengthening of bilateral relations, which, in particular, is manifested in the embodiment of the idea of the New Silk Road.

References

1. Tavrovskiy, Yu.V. (2017) *Novyy Shelkovyy put'* [The New Silk Road]. Moscow: Eksmo.
2. *Problems of the Far East*. (2015) The joint statement by Russia and China on cooperation in the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. 3. pp. 13–15. (In Russian).
3. Putin, V.V. & Xi Jinping. (2015) *Press statements following Russian-Chinese talks*. 8 May 2015. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/50207> (Accessed: 11.10.2020).
4. Kremlin.ru. (2015) *The Russian-Chinese negotiations*. 3 September 2015. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/50228> (Accessed: 11.10.2020).
5. Minakir, P.A. (2017) Nizko visyashchiye frukty [Low-hanging fruit]. *Ekspert*. 20 (1029).
6. US Department of Defense. (2012) *Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense*. Washington: Department of Defense.
7. Afonasyeva A.V. (2012–2013) *Innovatsionnoye razvitiye regionov* [Innovative development of regions], Moscow: Forum. pp. 202–208. (In Russian).
8. Bazarov, V.B. (2018) “New Silk Road” and Eurasian Logistics Projects of the XXI Century. *Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 25. pp. 132–138. (In Russian). DOI: 10.26516/2222- 9124.2018.25.132 (In Russian).
9. Davydov, V.M. (2019) Ustoychivoe razvitie kak obshchiy znamenatel' [Sustainable development as a common denominator]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 9. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2252> (Accessed: 15.10.2020).
10. Belt and Road Portal. (2017) *Kontseptsiya sotrudnichestva na more v ramkakh initsiativy “Odin poyas, odin put' ”* [Concept of cooperation at sea in the framework of the “One Belt – One Road” initiative]. [Online] Available from: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylgw/201706/201706200155054.pdf> (Accessed: 15.10.2020) (In Russian).
11. Liu Ying. (2017) Problemy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdru Kitayem yi SSHA [Problems of Trade and Economic Cooperation between China and the USA]. *Kitay – China*. 12 (146).

12. Nozdrev, S.V. (2018). *Novyy etap formirovaniya finansovykh rynkov v stranakh Azii. Analiticheskiy doklad* [The new stage in the formation of financial markets in Asia. Analytical report]. Moscow: IMEMO RAN. pp. 8–83.

13. RIA. (2015) *Rossiya predlozila Kitayu uchastvovat' v sozdanii zh/d k portam SMP* [Russia offered China to take part in constructing railroads to NSR ports]. [Online] Available from: <http://www.ria.ru/east/20151207/1337518542.html> (Accessed: 15.10.2020). (In Russian).

14. Kremlin.ru. (2019) *Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o razvitiі otnosheniy vseob'emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu* [The Joint Statement on Developing Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (Accessed: 12.10.2020). (In Russian).

15. Terentyeva, T.G. (2019) "Vykhod za rubezh" kak odno iz vazhneyshikh napravleniy politiki otkrytosti Kitaya vneshnemu miru ["Going abroad" as one of the most important directions of the policy of openness to the outside world]. In: Ostrovskiy, A.V. (ed.) *Ekonomika KNR v svete resheniy XIX s'ezda KPK* [The economy of the PRC in the light of the XIX CPC Congress]. Moscow: IFES RAS.

НОВЫЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ВЛИЯНИЕ РОССИИ И КИТАЯ

Скрыльников Д.В., Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия. E-mail: Sskrylnikod@list.ru

В настоящей статье рассматривается перспектива реализации китайского проекта «Новый шёлковый путь» и оценивается степень влияния данного проекта на экономическое благополучие государств-партнёров. Автор на примерах реализации отдельных этапов Нового шёлкового пути рассматривает геополитические сдвиги, оказывающие влияние на торговые отношения, сложившуюся мировую финансовую систему, в том числе на заявленные интересы в области распределения мировых ресурсов между государствами. Проект Нового шёлкового пути позволяет определить степень заинтересованности Российской Федерации в участии, а также обозначить ключевые вопросы в области сотрудничества и экономического взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: Новый шёлковый путь, Шёлковый путь, Один пояс – один путь, Китай, Россия, проект, сотрудничество, перспективы, влияние, риски.

УДК 378

DOI: 10.17223/19988648/53/17

И.А. Скалабан, Л.А. Осьмук, А.М. Погорельская, М. Дебрени

РОЛЬ ГОРОДА В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФРАНЦУЗСКИЙ И РОССИЙСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ¹

В фокусе внимания исследователей – процесс интернационализации региональных российских университетов, протекающий на фоне глобализации и сопровождающийся сближением с городом. Усиливающаяся роль города в интернационализации делает его интересным для исследователей. В частности, возникают вопросы, какую роль играет город в выборе университета абитуриентами из других стран и как он воспринимается и оценивается иностранными студентами. В статье фактор города для интернационализации университета описывается с использованием эмпирического материала, полученного в 2018–2020 гг. при изучении иностранных студентов Франции (Париж, Бордо) и России (Новосибирск, Томск). Выбор российских городов обеспечил региональный контекст, а тесные партнерские отношения сибирских университетов с французскими сделали возможным сравнение интернационализации с учетом особенностей выбранных городов.

Ключевые слова: интернационализация, высшее образование, университетский город, региональные университеты, иностранные студенты.

Введение

Трансформация современного высшего образования под влиянием глобализации, поиск более перспективных исследовательских, образовательных и бизнес-моделей запускают механизм глобальной конкуренции за человеческий капитал. Ее неперенными участниками являются как национальные и транснациональные образовательные системы, так и отдельные университеты, включающиеся в процессы международного институционального и проектного партнерства и тем самым содействующие интернационализации высшего образования. В отличие от глобализации, которая предполагает определенную универсализацию, интернационализация высшего образования есть интеграция межнационального, межкультурного и глобального, адаптированная к потребностям и интересам конкретного вуза [1]. Интернационализация как процесс подразумевает развитие академической мобильности (студентов и преподавателей): обучения, стажировок, повышения квалификации, работы в исследовательских группах и социальных проектах.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и французского фонда «Fondation Maison des Sciences de l'Homme» в рамках научного проекта № 18-510-22001.

Мобильность студентов, как наиболее явный компонент процесса интернационализации высшего образования, стала приобретать значение для экономики и статуса страны и университета уже с середины XX в. С тех пор она возрастает неравномерно, но с ускорением, расширяя и изменяя географию рынка образовательных услуг, а основным показателем интернационализации вуза, учитываемым в рейтингах, стало количество обучающихся в нём иностранных студентов. Иностранцами студентами (англ. *international students*) в данном контексте принято называть студентов, которые пересекли национальные или иные территориальные границы с целью получения образования и числятся в университете за пределами страны их происхождения [2]. Если в 1965 г. в мире иностранных студентов насчитывалось всего 250 тыс. чел., значительная часть которых обучалась в США, Франции и Германии, то в 1998 г. число иностранных студентов достигло 2 млн, в 2005 г. – 2,5 млн, в 2015 г. – почти 4,5 млн, а в 2017 г. – 5,3 млн чел. Почти 70% из их числа приходится на наиболее развитые страны мира, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [3, 4]. При этом более 40% иностранных студентов направляются в четыре англоязычные страны – Австралию, Канаду, Великобританию и США.

Коммерческая успешность ряда университетов способствовала росту конкуренции за иностранных студентов среди университетов как внутри одной страны, так и на международном уровне. Сегодня в борьбу вовлечены страны и университеты континентальной Европы и Юго-Восточной Азии, которые из отправляющих на обучение стран превращаются в принимающие, претендуя на лидирующие позиции. Этому в немалой степени способствуют изменения в образовательной системе отдельных стран, а также активная политика интернационализации университетов. Не случайно специалисты указывают на масштаб и интенсивность интернационализации высшего образования во всем мире [5, с. 11]. На арену борьбы за иностранных студентов постепенно выходят и региональные нестоличные (находящиеся не в Москве или Санкт-Петербурге) российские университеты. Вопрос относительно их интернационализации связан с идеей поддержания конкурентоспособности региона на национальном и международном уровнях. Чем дальше на восток, тем ответственнее роль университетов, включенных в развитие больших по своим масштабам территорий, тем значимее интернационализация этих университетов как форпостов знания, новых идей и технологий. По этой причине в данной статье будет рассматриваться интернационализация университетов Сибири.

Важно иметь в виду, что наблюдаемая интенсивность мобильности в рамках интернационализации может быть поддержана посредством создания комфортных условий для проживания, самореализации и профессионального роста. Пространственный/средовой фактор становится особо значимым в ситуации увеличения выбора, вследствие чего в фокус внимания попадает город, в котором расположен университет. Город рассматривается здесь как более широкое по отношению к кампусу социокультурное

пространство, в котором складывается жизнь иностранного студента (включая кратковременные – до 4 месяцев – поездки по обмену, обучение с целью получения диплома бакалавра или магистра). В свою очередь, наличие университета, обладающего исследовательскими и образовательными ресурсами международного уровня, является для города экономическим, культурным и даже демографическим преимуществом. Таким образом, по мнению Д. Кроза [6], возникает двойная конкуренция: как на уровне собственно университетов, так и на уровне городов.

Признаки двойной конкуренции проявляются в современных рейтингах университетов, к примеру, в таких авторитетных, как QS и THE World University Rankings. Среди значимых оснований для ранжирования в них рассматривается как сам университет, так и город, в котором он расположен. Необходимость изменения характера взаимодействия университета и города с целью их популяризации среди абитуриентов, в том числе из других стран, сегодня осознается всеми крупными игроками на мировом рынке образовательных услуг. В этой связи возник вопрос о статусе и критериях университетского города [7, 8].

Цель настоящей статьи – рассмотреть город как фактор интернационализации высшего образования, используя в качестве индикатора восприятие и оценку университетского города проживающими в нем иностранными студентами. В данном случае эмпирическим объектом будут выступать иностранные студенты, обучающиеся в университетах России (Сибири) и Франции, что поможет сравнить российский региональный и европейский контексты интернационализации. Обращение к опыту старейших университетов Франции даёт возможность сибирским, региональным университетам сверить собственные ориентиры с международными.

Теоретическая рамка

Место города в интернационализации университетского образования все чаще становится предметом внимания в научной литературе и рассматривается с разных теоретических позиций. Пожалуй, наибольшее влияние на осмысление отношений современного университета и города вот уже два десятилетия оказывают концепции *экономики знаний* (термин Ф. Махлупа [9]), *креативного класса* и *человеческого капитала*. В этих теоретических рамках университеты со своей инфраструктурой рассматриваются в качестве ключевых акторов процесса развития городов. В контексте идеологии М. Кастельса и Р. Флориды современный город понимается как креативное пространство, где новое знание производится и материализуется в виде наукоемких технологий, товаров и услуг не только в производственной сфере, но и в сфере образования, здравоохранения и культуры [10]. Именно поэтому город потенциально заинтересован в развитии инфраструктуры знаний, возможности привлекать и удерживать талантливых и высокообразованных людей, что может обеспечиваться университетом/университетами. Наряду с государством и бизнесом город через изменение

муниципальной политики способствует построению системы трансфера знаний и технологий, для чего поощряется сотрудничество между университетами и инвестирование в проекты университетских научных центров, лабораторий, технопарков и современных кампусов [11]. Наиболее привлекательными с позиции концепций экономики знаний и креативных индустрий выглядят города с высоким социальным, культурным и этнокультурным разнообразием, поскольку они имеют больше возможностей для привлечения талантливых специалистов и роста инноваций [12].

Указанные черты присущи в большей степени городам, имеющим крупный университет или несколько университетов, а реализация политики взаимодействия города и университета сопровождается студентификацией (термин введен Р.Д. Смитом по аналогии с «джентрификацией»), под которой понимают увеличение доли студентов в городском населении [13]. Высокая концентрация студентов приводит к изменениям в экономике и инфраструктуре города, к насыщенности его социокультурной жизни и появлению позитивной творческой атмосферы, однако такая концентрация может способствовать росту напряженности между студентами и горожанами. Интернационализация, как правило, представляет собой процесс, протекающий одновременно со студентификацией, поскольку все большая доля студентов университетов, наполняющая город, – иностранные студенты. Следовательно, процесс интернационализации касается не только университета, но напрямую – города, и, несмотря на очевидные преимущества, он должен быть рассмотрен во всех ракурсах. Так, в фокус внимания должны обязательно попасть восприятие иностранными студентами нового города, куда они приехали учиться (стажироваться, участвовать в проекте); социальная адаптация и интеграция иностранных студентов в городские сообщества и городскую среду; влияние иностранных студентов на структуру потребления, участие в ночной жизни и экономике города и т.д.

Исследования обозначенных аспектов процесса интернационализации помогают учесть все детали в рекламной и PR-стратегии университета и организации сопровождения иностранных студентов. Так, по заказу Британского Совета в 2017 г. был проведен обзор взаимовлияния города и университетов в ходе интернационализации на примере четырех европейских городов – Амстердама, Ганновера, Глазго и Дублина. По итогам исследования был сделан вывод, что интернационализация оборачивается для города и университета краткосрочными издержками, но долгосрочными выгодами [14]. В контексте глобализации и усиливающейся конкуренции за абитуриентов можно предположить, что и для российских региональных городов стратегически важно поддерживать интернационализацию.

Ориентиры стратегии интернационализации университетских городов Франции и России

В качестве объекта исследования были выбраны города Франции и России, имеющие известные и сильные университеты, демонстрирующие

схожие позиции на рынке международных образовательных услуг и стратегии интернационализации, а также представляющие разные категории городов [15]: города-миллионеры с численностью населения от 1 млн чел. и более, а именно:

- Париж (население – 2 161 тыс. чел. [16], количество студентов вузов – 355,8 тыс. [17, р. 151]);

- Новосибирск (население – 1 625,6 тыс. чел. [19], количество студентов вузов – 105,6 тыс. (6,5% иностранных студентов) [20]).

А также будут рассмотрены региональные университетские города двух стран, включая:

- Бордо (население – 256 тыс. чел. [18], количество студентов вузов – 133,2 тыс. [17, р. 151]);

- Томск (население – 597,8 тыс. чел., количество студентов вузов – 55,2 тыс. (18% иностранных студентов) [21] (данные 2019 г.).

Безусловно, каждый из выбранных городов обладает своей спецификой, и говорить о совпадениях можно только с оговоркой на их особенности. За городами Париж и Бордо стоит вековая история, связанная с их университетами (Париж – 43 вуза, Бордо – 2 университета, причем в университет Бордо входит 7 структурных единиц), тогда как Томск (10 вузов) ведет университетскую историю начиная с XIX столетия (длительный период в масштабах Сибирского региона), а Новосибирск – быстро развивающийся с начала XX столетия город, имеющий тем не менее на сегодня 25 вузов.

По данным Института статистики ЮНЕСКО, Франция и Россия входят в шестерку стран, наиболее привлекательных для иностранных студентов. На каждую из стран приходится по 5% общемировой студенческой мобильности [22]. Выбор городов продиктован и устойчивыми связями между университетами Сибири и Франции, а также успешными практиками академической мобильности. Наиболее масштабные связи наблюдаются у Новосибирского государственного университета с французскими вузами. Например, из Новосибирского государственного университета (НГУ) в 2019/2020 учебном году учиться во французские вузы уехали 30 человек (9 – в Паритех), в НГУ по различным обменным программам приехали 60 французских студентов.

Объемы академической мобильности между томскими и французскими вузами несколько меньше. Томский государственный университет из Франции в 2017/2018 учебном году посетили 9 французских студентов, в то время как 28 студентов ТГУ получили возможность обучаться во Франции. В 2018/2019 учебном году 21 студент ТГУ обучался во Франции и только 1 французский студент приехал в ТГУ из Франции. В 2019/2020 учебном году в связи с пандемией показатели академической мобильности несколько снизились: 4 французских студента прибыли на обучение в ТГУ, в то время как 10 студентов ТГУ отправились на обучение во Францию.

В своих планах интернационализации университеты Парижа и Бордо, Новосибирска и Томска ориентируются на национальные образовательные стратегии.

Франция веками была одним из центров международного образования. В период 1990–2014 гг. численность иностранных студентов в стране увеличилась с 161 тыс. до 299 тыс., т.е. почти в 2 раза. Доля иностранных студентов в общей численности учащихся вузов за тот же период выросла с 9 до 12% [23, р. 165]. Однако в последние годы относительная привлекательность Франции в качестве места получения диплома о высшем образовании или просто учебы по студенческому обмену снизилась: количество иностранных студентов здесь составило 340 тыс., но выросло меньше, чем студенческая мобильность в мире (23% против 77% за 10 лет). Даже по программе Эразмус входящая мобильность во Франции снизилась на 4% (по сравнению с 2011 г.), тогда как в остальных европейских странах она выросла [24, р. 3].

В связи со снижением привлекательности французского высшего образования для иностранных абитуриентов в 2018 г. была разработана новая стратегия интернационализации высшего образования. Новая программа привлечения иностранных студентов была названа «Добро пожаловать во Францию» и должна была устранить те проблемы, из-за которых, как предполагается, иностранные студенты отвернулись от Франции. Среди таких проблем рассматривались сложные административные процедуры, визовая политика, дороговизна жизни, особенно высокие цены на аренду жилья и его труднодоступность, сложная процедура трудоустройства для тех, кто бы хотел остаться работать во Франции или вернуться в эту страну спустя некоторое время. К этим сложностям следует добавить культурный шок и слабое развитие структур, призванных помогать именно иностранным студентам в адаптации к французской жизни [25, р. 10].

Новая французская стратегия была обнародована 18 ноября 2018 г. премьер-министром Франции Э. Филиппом на съезде университетов франкофонии. Цель ее – увеличить количество иностранных студентов, приезжающих учиться во Францию, до 500 000 к 2027 г. (против 343 000 в 2019 г.). Программа из шести пунктов должна была финансироваться из средств «начального фонда» в 10 млн евро, предусмотренных в 2019 г. (Fond d’amorçage Bienvenue en France). Однако наряду с упрощением визовых и административных процедур для иностранных студентов, введением дополнительных программ обучения французскому как иностранному языку и расширением рекламной кампании стратегия предусматривала введение дифференцированной стоимости обучения в вузах. Фактически для студентов-неевропейцев стоимость должна была повыситься в 9–16 раз в зависимости от ступени обучения в вузе, что могло привести к противоположному результату – снижению количества иностранных студентов во французских вузах. В итоге такая мера вызвала сопротивление французских университетов, которые отказались повышать оплату.

Что касается России, она, как и Франция, демонстрировала в последние десятилетия противоречивые тенденции в интернационализации. Если в 1990 г. СССР стал третьей в мире (после США и Франции) страной по числу иностранных студентов (126,5 тыс.), то в эпоху нестабильности пер-

вой половины 1990-х гг. их количество сократилось более чем в 3 раза. Однако уже с 1996 г. число иностранных студентов стало расти. Особенно активно этот процесс шел в последнее десятилетие, когда число иностранных студентов почти удвоилось, составив в 2019/2020 учебном году 266,8 тыс. чел. Большую часть обучающихся в России иностранцев сегодня составляют граждане стран СНГ, Грузии и стран Балтии, Азии, Ближнего Востока и Северной Африки [26]. Несмотря на разницу в динамике, в России так же, как и во Франции, с 2017 г. запущен приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», поставивший целью увеличение количества иностранных студентов с 220 тыс. (2017 г.) до 710 тыс. чел. к 2025 г. [27]. Проект предусматривает стимулирование укрепления материально-технической базы образовательных учреждений (в том числе строительство и модернизацию учебных корпусов, общежитий и др.), а также разработку дополнительных моделей предоставления мест проживания для иностранных учащихся, включая налаживание взаимодействия с гостиницами, хостелами и др., как оформленные в виде госпрограмм меры по предупреждению риска недостаточности инфраструктуры вузов для приема увеличивающегося количества иностранных студентов [27].

Образовательные стратегии Франции и России объединяет еще одна черта: обе страны в политике интернационализации ориентированы не только на привлечение абитуриентов из развитых стран и стран третьего мира. Осознавая свои конкурентные преимущества, обе страны в последнее десятилетие усилили работу по укреплению связей и привлечению абитуриентов из стран франкофонного и русскоговорящего миров, т.е. из стран с сильными историческими связями и знанием в одном случае французского языка, в другом – русского. Академическая мобильность между выбранными городами России (Сибири) и Франции сохраняет стабильную тенденцию к увеличению, в первую очередь сибирские университеты (НГУ и ТГУ) являются поставщиками абитуриентов в магистратуру французских университетов. С 2015 по 2021 г. 221 французский студент из 45 вузов посетил НГУ по программе научных стажировок, однако меньшее количество французских студентов посетили Томск.

Город как критерий выбора университета иностранными студентами

В целях выявления значимости фактора города для поступающих в его университеты иностранных абитуриентов и обучающихся иностранных студентов в 2018–2020 гг. проводилась серия исследований с привлечением количественных и качественных методов. Количественные: стандартизированное, формализованное интервью $n = 1284$, выделенная квота иностранных студентов составила 48 человек (студенты Томска и Новосибирска). Качественные: индивидуальные полуструктурированные интервью с российскими студентами и выпускниками, проходившими или проходящими обучение во французских городах Париж, Бордо (15 информантов,

ноябрь 2019) и четыре групповых интервью с иностранными студентами, обучающимися в вузах двух российских городов (29 информантов, декабрь 2018, 2019, Томск; 13 информантов, декабрь 2019, февраль 2020, Новосибирск).

Проведенные опросы показали, что механизм выбора места обучения тесно связан с репутацией собственно вуза, активностью рекрутинговых агентств и мониторингом виртуальной информационной среды. Характер репрезентации в информационной среде как вуза, так и города, в котором он расположен, становится определяющим для принимаемого абитуриентом решения. Универсальными стартовыми критериями выбора вуза среди опрошенных в обеих странах стали следующие характеристики города: безопасность; культурное разнообразие и толерантность социальной среды; эстетическая привлекательность города и наличие в нем достопримечательностей; хорошая внешняя и внутренняя транспортная система; высокая концентрация в городе иностранных студентов; открытая и доступная коммуникативная среда. Последний критерий является, пожалуй, наиболее часто встречаемым. Результаты проведенных исследований показали, что иностранные студенты, попадающие впервые в город обучения, не испытывают болезненного культурного шока, поскольку виртуальный и реальный образы по большей части совпадают, тем не менее определенные расхождения все же есть и как для иностранных студентов французских университетов, так и для иностранных студентов российских (сибирских) университетов необходим достаточно длительный период адаптации. Чем более подготовлен университет и город к принятию иностранных студентов (программы сопровождения, кампус и др.), тем быстрее и успешнее проходит адаптация.

Примечательно, что реализация согласованной между администрациями города и университета политики интернационализации, брендинг города как студенческого создает в нем интернациональную среду, наличие которой в дальнейшем само работает на привлечение новых иностранных студентов, становится гарантом и признаком существования в городе безопасного, толерантного и креативного окружения. Для иностранных студентов, начинающих свое обучение в городах-миллионерах, таких как Париж и Новосибирск, ситуация более тревожна в плане безопасности, но более привлекательна в плане спектра досуговых мероприятий. Адаптация иностранных студентов региональных университетских городов как Бордо, так и Томска проходит быстрее, поскольку студенты изначально чувствуют себя более безопасно.

Можно выделить и специфические критерии, которые в рассматриваемых странах работают на интернационализацию. Для французских городов, по результатам опроса, это мобильность внутри страны, доступность других городов, их культурного потенциала и, соответственно, наличие эффективной междугородней транспортной системы. Для сибирских городов – это экономичная цена на образование и проживание. Примечательно, что в опросах иностранных студентов в обеих странах в качестве «факультативного» критерия часто встречается климатический фактор. Но если в

отношении французских городов этот фактор работает как привлекательный, особенно в южных провинциях, то в отношении сибирских городов «необычные погодные условия», несмотря на восприятие отдельными студентами как «вызов», наряду с фактором «подальше от Москвы» оказывают, скорее, негативное влияние. Однако часто проблема заключается не столько в длительном холодном сезоне, сколько в отсутствии доступной «внеклиматической» инфраструктуры (крытые спортивные и развлекательные сооружения, зимние сады, теплые остановки и др.), которую иностранные студенты могли бы использовать для отдыха и общения с местными сокурсниками и жителями города. В настоящее время эти функции в наибольшей степени реализуют крупные торговые центры, однако недостаток таких зон должен быть компенсирован развитием соответствующей городской и университетской среды (комфортных кампусов).

Вместе с тем исследование показало, что на характер восприятия города иностранными студентами чаще влияют не только стартовые характеристики, но и предпочтения опрашиваемых по поводу размеров города. Среди опрошенных студентов, имеющих предыдущий и настоящий опыт обучения в региональных университетских городах (Бордо, Томск; были студенты, имеющие опыт обучения в Руане, Дижоне, *Сержи-Понтуазе*) чаще отмечался фактор качества университета и исторической ценности города («уютный, красивый, маленький»), подчеркивались ценные, персонализированные отношения с местными жителями (интервью во Франции: «... я знаю / узнаю в лицо многих студентов и местных жителей, и это успокаивает»), в то время как для студентов, обучающихся в городах-миллионерах (Париж, Новосибирск), гораздо значимее становятся свойства самого города. Эти студенты выдвигали более широкий культурный, социальный и экономический запрос на городские услуги и инфраструктуру, включая, к примеру, привлекательность и доступность ночной жизни города. Кроме того, в городах-миллионерах более размытыми оказались границы между студенческим и городским пространством, подчеркивалась высокая внутригородская мобильность и большая активность пользователей городских услуг: посещение «нестуденческих» спортивных и танцевальных клубов, кафе, ресторанов, городских достопримечательностей, трудоустройство (в большей степени во Франции), а также аренда квартиры в нестуденческих районах.

Следует отметить, что если сравнивать оценки иностранными студентами Новосибирска и Томска, то как по универсальным характеристикам, так и по критерию безопасности Томск, по мнению иностранных студентов, выглядит привлекательнее. Это обусловлено тем, что Томск, будучи университетским городом, больше соответствует выделенным ранее критериям, работающим в разных странах: «небольшой, красивый, старинный, студенческий», а также отличается активной согласованной политикой университетизации города, которая проводится сегодня руководством как региона, так и университетов (проект «Большой университет»). Но есть ли различия в восприятии урбанистической среды студенческого города меж-

ду иностранными и местными студентами? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним результаты опроса российских и иностранных студентов (далее зарубежье) Томска и Новосибирска, 2018 г. Обоим категориям студентов предложили оценить город, в котором они проходят обучение, по пятибалльной шкале (от –2 до 2) по ряду параметров.

Полученные результаты показали, что существенных отличий в оценках городов между этими категориями нет. По группе параметров, описывающих общие свойства города (непривлекательный/привлекательный; некомфортный/комфортный; некреативный/креативный; не имеющий традиции/имеющий традиции), разница в ответах между двумя группами студентов не составила более 3,5%. Однако в значимых для иностранных студентов характеристиках оценки российскими студентами Томска и Новосибирска оказались ниже, чем у иностранцев. Так, безопасными (небезопасный для жизни/безопасный) эти города считают 66,9% россиян против 80,9% иностранцев; толерантными (нетолерантный/ толерантный) – 64,9% опрошенных российских студентов и 70,8% иностранных студентов; доступными для инвалидов (недоступный/доступный) – 61,6% российских студентов и 83,2% иностранных. Возможно, этот парадокс обусловлен меньшей информированностью последних о жизни в городе. В свою очередь, в оценке города по ключевому для иностранных студентов параметру: нестуденческий/студенческий, иностранные студенты (85,4%) оказались критичнее российских (93,7%).

Заключение

Таким образом, запрос на безопасность и разнообразие, которые несет в себе интернационализация образования, требует решения большого спектра вопросов, выходящих за пределы компетенции и полномочий руководства университетов. Опыт ряда городов Франции и России показывает, что необходимы консолидированные усилия университетов, города и региона при поддержке национальных программ, включающие в том числе и готовность к нестандартным решениям с учетом интересов как прибывающих, так и местных жителей. В этом случае полученная высокая доля концентрации иностранных студентов сама станет не только показателем, но и условием безопасности и привлекательности студенческого города для всех заинтересованных в этом групп. Важная роль в успешности города при переходе к постиндустриальному обществу принадлежит человеческому капиталу. И у университетских городов есть все шансы, воспользовавшись интернационализацией, привлечь самый квалифицированный человеческий капитал со всего мира.

Итак, процесс интернационализации затронул не только столичные, но и региональные университеты России. Пример двух городов Сибири, Новосибирска и Томска, показал, что региональный город становится все более активным участником процесса интернационализации, а университеты «выходят» в город. Региональному «университетскому» городу легче при-

нимать интернационализацию, в то время как в городе-миллионере процесс приобретает стихийный характер. Если сегодня Франция привлекательна для студентов сибирских вузов, то французские студенты не готовы учиться в сибирских вузах, хотя готовы к совместным (сетевым) проектам. Университеты Сибири привлекательны для неевропейских стран, однако привлекательность городов как «университетских» расширяет спектр сотрудничества. Университет привлекает иностранных абитуриентов только в контексте города, существует часть абитуриентов, которые выбирают сначала город, а затем университет. В связи с этим имидж города как безопасного и комфортного для иностранных студентов важен для интернационализации. Иностранный студент хочет видеть комфортный и безопасный кампус и связанное с ним комфортное, безопасное и событийно насыщенное социокультурное пространство города. Таким образом, процесс интернационализации университетов в регионах России влияет на развитие города, который по правилам социальной системы должен соответствовать современным тенденциям.

Литература

1. Тремблэй К. Интернационализация: формирование стратегий в национальном контексте // Вестник международных организаций. 2010. № 3 (29). С.110–168.
2. UNESCO Institute of Statistics. International (or internationally mobile) students. URL: <http://uis.unesco.org/en/glossary-term/international-or-internationally-mobile-students>
3. de Wit H. The new dynamics in international student circulation // University World News, 06.07.2018. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180704143553337>
4. Organization for Economic Cooperation and Development. Education at glance 2019. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f8d7880d-en.pdf?expires=1570339930&id=id&accname=guest&checksum=33DCD4E73491133ACE957F669241E332>
5. Прохоров А.В. Интернационализация высшего образования: состояние, проблемы, перспективы // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2012. № 2 (4). С. 8–17.
6. Crozat D., Bernié-Boissard C., Fournier L.-S., Chastagner C. Contemporary utopias, Montpellier, PUM, 2017.
7. Скалабан И.А., Осьмук Л.А., Колесова О.В., Черепанов Г.М. Дороги старые и новые: образовательные стратегии российских абитуриентов в выборе университета обучения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 2. С. 50–62.
8. Колесова О.В., Минаев Н.Н., Оплakanская Р.В. Университетские города Сибири: тенденции развития, проблемы, перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 106–111.
9. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton University Press, 1962. 416 p.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
11. Florida R. Mapping the World's Knowledge Hubs // CityLab, 2017. URL: http://www.citylab.com/work/2017/01/mapping-the-worlds-knowledge-hubs/505748/?utm_source=feed
12. Johnston A. The roles of universities in knowledge-based urban development: a critical review // International Journal of Knowledge-Based Development (IJKBD), 2019. Vol. 10. № 3.

13. *Smith D., Sage J., Baldson S.* The geographies of studentification: 'here, there and everywhere'? // *Geography*. 2014. Vol. 99, № 3. P. 116–127.
14. *British Council.* Mutual Influence? Universities, Cities and the Future of Internationalisation, 2017. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/mutual_influence_report-ilovepdf-compressed_2.pdf
15. Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. Гл. 1, ст. 5.
16. *Institut national de la statistique et des études économique.* Population de France par classe d'âge et sexe at 1er janvier. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4631047?sommaire=4631063>
17. *Direction de l'évaluation, de la prospective et de la performance.* Repères et références statistiques. Enseignement, Formation, Recherche 2020. URL: https://cache.media.enseignementsup-recherche.gouv.fr/file/2020/43/5/reperes_et_references_statistiques_2020_1316435.pdf
18. *Mairie de Bordeaux.* Démographie. URL: <http://www.bordeaux.fr/p287/bordeaux-en-chiffres>
19. *Мэрия Новосибирска.* Новосибирск в цифрах. URL: <https://novosibirsk.ru/about/numbers/>
20. *Областной центр информационных технологий.* Система образования Новосибирской области. URL: <https://websib.ru/info/stat/>
21. *Администрация города Томска.* Демографическая ситуация, структура и занятость населения города. URL: <http://admin.tomsk.ru/pgs/2dh>
22. *UNESCO Institute of Statistics.* Global Flow of Tertiary-Level Students. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>
23. *Organization for Economic Cooperation and Development.* Education at glance 2019. 493 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f8d7880d-en.pdf?expires=1570339930&id=id&accname=guest&checksum=33DCD4E73491133ACE957_F669241E332
24. *Ministère de l'éducation nationale, de la jeunesse et des sports.* La dépense pour le parcours d'un élève ou d'un étudiant en France et dans l'OCDE en 2012. URL: <https://www.education.gouv.fr/la-depense-pour-le-parcours-d-un-eleve-ou-d-un-etudiant-en-france-et-dans-l-ocde-en-2012-3674>
25. *García-Peñalosa C., Wasmer E.* Préparer la France à la mobilité internationale croissante des talents // *Note du conseil d'analyse économique*. 2016. № 31. P. 1–12. URL: <http://www.cae-eco.fr/Preparer-la-France-a-la-mobilite-internationale-croissante-des-talents>
26. *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.* Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2019 год. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php>
27. *Правительство РФ.* Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». 2017 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf>

The Role of the City in Higher Education Internationalization: French and Russian Regional Context

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 236–250. DOI: 10.17223/19988648/53/17

Irina A. Skalaban, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skalaban@corp.nstu.ru

Lyudmila A. Osmuk, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: osmuk@corp.nstu.ru

Anastasia M. Pogorelskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Michele Debrenne, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: coor-france@nsu.ru

Keywords: internationalization, higher education, university city, regional universities, international students.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the French Fondation Maison des Sciences de l'Homme, Project No. 18-510-22001.

The competition for international students is growing among both different countries and universities within one country. Regional universities in Russia, meaning those outside Moscow and Saint Petersburg, try to use internationalization in order to contribute to the development of their regions. However, a high level of academic mobility is usually ensured by comfortable living conditions that both the university and the city the university is situated in provide. The article covers the role of the city as the factor that may contribute to higher education internationalization. The research is based on the perception of certain university cities that international students living there have. Taking into account the ideas of Machlup, Florida, and Castells, the authors consider universities the key actors of university cities development in Siberia. Thus, two Siberian university cities included in the QS Best Student Cities ranking, namely, Tomsk and Novosibirsk, were considered in the research. To evaluate their role in international students' choice for their universities, international students in Tomsk and Novosibirsk universities were interviewed during 2018–2020. To compare the results with the international dimension of higher education internationalization, Russian students studying in France were also interviewed. As a result, the criteria of the university choice were determined that are connected with the university city characteristics. The latter include security considerations, cultural diversity and social environment tolerance, aesthetic attractiveness of the city and its sightseeing opportunities, developed transportation system, high concentration of international students, open and accessible communicative environment. However, the criteria international students chose Siberian university cities for included lower prices for education and lower living costs. The main disadvantage is the lack of comfortable communication zones that do not depend on climate. The priorities of international students in large and small university cities turned out to differ: the latter tend to value the quality of university and the city's historical values as well as personified relations with the locals more. Comparing the opinion of Russian and international students on significant criteria of university cities, the authors found out that international students were less critical to such characteristics of Tomsk and Novosibirsk as security, tolerance and accessibility for disabled people. However, international students were more critical to the number of students in the city. Thus, the creation of comfortable and attractive conditions for international students is the common responsibility of the university, the city and the region.

References

1. Tremblay, K. (2010) Internationalisation: Shaping Strategies in the National Context. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 3 (29). pp. 110–168. (In Russian).
2. UNESCO Institute of Statistics. (n.d.) *International (or internationally mobile) students*. [Online] Available from: <http://uis.unesco.org/en/glossary-term/international-or-internationally-mobile-students>.
3. de Wit, H. (2018) The new dynamics in international student circulation. *University World News*. 06.07.2018. [Online] Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180704143553337>.
4. Organization for Economic Cooperation and Development. (2019) *Education at glance 2019*. [Online] Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f8d7880d->

en.pdf?expires=1570339930&id=id&accname=guest&checksum=33DCD4E73491133ACE957F669241E332.

5. Prokhorov, A.V. (2012) Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: sostoyanie, problemy, perspektivy [Internationalization of higher education: state, problems, prospects]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy*. 2 (4). pp. 8–17.

6. Crozat, D., Bernié-Boissard, C., Fournier, L.-S. & Chastagner, C. (2017) *Contemporary utopias*, Montpellier: PUM.

7. Skalaban, I.A., Os'muk, L.A., Kolesova, O.V. & Cherepanov, G.M. (2020) Roads Old and New: Educational Strategies in University Choice by Russian Students. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 29 (2). pp. 50–62. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-50-62

8. Kolesova, O.V., Minaev, N.N. & Oplakanskaya, R.V. (2019) Siberian University Cities: Trends of Development, Challenges, Opportunities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 106–111. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/14

9. Machlup, F. (1962) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton University Press.

10. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Translated from English. Moscow: HSE.

11. Florida, R. (2017) *Mapping the World's Knowledge Hubs*. [Online] Available from: http://www.citylab.com/work/2017/01/mapping-the-worlds-knowledge-hubs/505748/?utm_source=feed.

12. Johnston, A. (2019) The roles of universities in knowledge-based urban development: a critical review. *International Journal of Knowledge-Based Development*. 10 (3).

13. Smith, D., Sage, J. & Balsdon, S. (2014) The geographies of studentification: 'here, there and everywhere'? *Geography*. 99 (3). pp. 116–127.

14. British Council. (2017) *Mutual Influence? Universities, Cities and the Future of Internationalisation*. [Online] Available from: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/mutual_influence_re-port-ilovepdf-compressed_2.pdf.

15. *The Town-Planning Code of the Russian Federation of May 7, 1998, No. 73-FZ*. Ch. 1, Art. 5. (In Russian).

16. Institut national de la statistique et des études économique. (2020) *Population de France par classe d'âge et sexe at 1er janvier*. [Online] Available from: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4631047?sommaire=4631063>.

17. Direction de l'évaluation, de la prospective et de la performance. (2020) *Repères et références statistiques. Enseignement, Formation, Recherche 2020*. [Online] Available from: https://cache.media.enseig-nementsup-recherche.gouv.fr/file/2020/43/5./reperes_et_referen-ces_statistiques_2020_1316435.pdf.

18. Mairie de Bordeaux. (2020) *Démographie*. [Online] Available from: <http://www.bordeaux.fr/p287/bordeaux-en-chiffres>.

19. Novosibirsk Mayor Office. (n.d.) *Novosibirsk v tsifrakh* [Novosibirsk in numbers]. [Online] Available from: <https://novo-sibirsk.ru/about/numbers/>.

20. Regional Center of Information Technologies. (n.d.) *Sistema obrazovaniya Novosibirskoy oblasti* [Education system of Novosibirsk Oblast]. [Online] Available from: <https://websib.ru/info/stat/>.

21. Tomsk City Administration. (2019) *Demograficheskaya situatsiya, struktura i zanyatost' naseleniya goroda* [Demographic situation, structure and employment of the city population]. [Online] Available from: <http://admin.tomsk.ru/pgs/2dh>.

22. UNESCO Institute of Statistics. (n.d.) *Global Flow of Tertiary-Level Students*. [Online] Available from: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.

23. Organization for Economic Cooperation and Development. (2019) *Education at glance 2019*. [Online] Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f8d7880d->

en.pdf?expires=1570339930&id=id&accname=guest&checksum=33DCD4E73491133ACE957F669241E332.

24. Ministère de l'éducation nationale, de la jeunesse et des sports. (2012) *La dépense pour le parcours d'un élève ou d'un étudiant en France et dans l'OCDE en 2012*. [Online] Available from: <https://www.education.gouv.fr/la-depense-pour-le-parcours-d-un-eleve-ou-d-un-etudiant-en-france-et-dans-l-ocde-en-2012-3674>.

25. García-Peñalosa, C. & Wasmer, E. (2016) Préparer la France à la mobilité internationale croissante des talents. *Note du conseil d'analyse économique*. 31. pp. 1–12. [Online] Available from: <http://www.cae-eco.fr/Preparer-la-France-a-la-mobilite-internationale-croissante-des-talents>.

26. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2019) *Form N VPO-1 "Information on the organization carrying out educational activities in educational programs of higher education: bachelor's programs, specialist programs, master's programs"*. [Online] Available from: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php>. (In Russian).

27. Government of the Russian Federation. (2017) *Passport of the priority project "Development of the export potential of the Russian education system"*. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf>. (In Russian).

УДК 608.3,347.771.3,338.27
DOI: 10.17223/19988648/53/18

В.И. Карнышев, В.И. Авдзейко, Е.С. Паскаль

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ ПАТЕНТОВ США. ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Прогнозирование тенденций развития и своевременное выявление перспективных технических (технологических) направлений является обязательным условием эффективного развития экономики на современном этапе. Только достоверные результаты технологического анализа (прогноза) позволяют выявлять новые тенденции, понимать эволюцию целых отраслей, вырабатывать правильную экономическую стратегию, осуществлять стратегическое планирование инвестиций на государственном уровне, а также устанавливать приоритеты в организации научных исследований и разработок. Цель данной работы состоит в обосновании эмпирического подхода к классификации технических (технологических) областей с точки зрения оценки их актуальности, новизны и краткосрочных перспектив. В основе этого подхода лежит патентный анализ, в частности исследование особенностей временных рядов патентов США на изобретения (1976–2018) в более чем семидесяти трёх тысячах основных групп и подгрупп 17-й редакции Международной патентной классификации (МПК¹⁷). Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) было выбрано в качестве основного источника информации, как один из крупнейших в мире и постоянно пополняемых патентных ресурсов, обеспечивающих непосредственный доступ к полнотекстовым описаниям патентов. По мнению авторов, анализ особенностей динамики выдачи патентов США на временных интервалах 1976–2015, 2009–2018 и 2016–2018 гг. позволяет разбить группы (подгруппы) МПК на следующие три основные условные категории: «неперспективные», «перспективные» и «прорывные». С точки зрения своевременного выявления новых, ранее неизвестных, технологий или решений в технической области, или устойчиво растущих технологических трендов наибольший практический интерес представляют «прорывные» и «перспективные» подгруппы. В работе приведены результаты эмпирической классификации 71 266 подгрупп (с числом патентов, отличным от нуля, с 1976 по 2018 г.) в восьми разделах МПК¹⁷. Эти данные могут оказаться полезными как для технических разработчиков, так и для специалистов, связанных с формированием прогнозных оценок развития отраслей экономики и планированием НИОКР на государственном уровне. Ключевые слова: патентный анализ, МПК, патенты США, эмпирический подход, автоматическая классификация, технологические тренды, прогнозные оценки, планирование НИОКР, инвестиции, развитие экономики.

Введение

В настоящее время анализ патентной информации с точки зрения оценки перспектив развития существующих и прогнозирования появления новых технологий, а также их влияния на прогресс в отдельных отраслях

экономики стран мира представляет собой значимый и актуальный тренд научных исследований, в том числе в экономической сфере. Это объясняется тем, что патенты являются наиболее важными техническими документами, которые широко используются для поддержки стратегического планирования научно-технических исследований и разработок, оценки и прогноза необходимых финансовых вложений как на государственном, так и на отраслевом уровне.

Так, например, в работе [1], посвященной сравнению инструментов интеллектуального анализа данных для технологического прогнозирования и конкурентной разведки, указывается, что патенты содержат около 80% научной и технической информации, которая отсутствует в других источниках. Именно поэтому патентная информация так широко используется для выявления и прогнозирования перспективных направлений технического (технологического) развития при принятии ответственных решений экономического и финансового характера на уровне страны либо на уровне производственных и научно-производственных компаний и корпораций.

Для того чтобы актуализировать использование патентной информации в различных формах в качестве надёжного инструмента экономической аналитики, а также при оценке целесообразности и эффективности инвестиций в различные отрасли экономики либо обоснованного распределения средств государственного бюджета, выделяемых для проведения научных исследований (НИОКТР), необходимо решить задачу *автоматизированного* анализа и оценки патентов. Учитывая то, что с момента создания единой Международной патентной классификации (МПК) в мире было подано более 60 миллионов патентных заявок, подобная задача является чрезвычайно актуальной. При этом для её решения используются различные методы.

Одним из подходов, позволяющих выявлять и прогнозировать перспективные направлений развития, является анализ технологических трендов с использованием методологии патентных ландшафтов [2]. Типичным примером практической реализации подобного подхода может служить работа [3], в которой рассматривается история исследований в области прогнозирования технического состояния и контроля работоспособности электрических систем в промышленности на основе 114 патентов США, зарегистрированных в период с 2000 по 2015 г.

Помимо выявления преимущественных тенденций развития, известен подход, основанный на поиске ключевых технических решений (патентов). В частности, активно развивается использование сетей цитирования (citation network). Так, например, в работе [4] для автоматизированного выявления ключевых патентов США (1976–2007), имеющих важное или определяющее значение в области информации и безопасности, вводится новая мера центральности, основанная на изменении матричной нормы Шаттена (Schatten) матрицы подобия. В статье [5], использующей указанный метод, на основе патентов 2002–2010 гг. проводится патентный анализ сектора телекоммуникационного оборудования с тем, чтобы понять, какие

технологические области будут затронуты научными и прикладными работами. Утверждается, что данный подход позволил обнаружить как новые технологии, так и потенциальные возможности для бизнеса в преобразовании отрасли. Более развёрнутый метод анализа информации, содержащейся в патентах, предложен в статье [6], посвящённой анализу тенденций развития технологий. Вначале исследуются основные характеристики патентов, а общий тренд в технической области оценивается на микроуровне. Затем формируется сеть сотрудничества (cooperation network), после чего с помощью теории социальных сетей анализируется взаимодействие патентообладателей, выявляются ведущие компании и условия выдачи патентов. В результате формируется сеть цитирования, проводится анализ развития технологий и передачи знаний с использованием методов совместного цитирования и совместного использования словосочетаний.

Большое число публикаций, связанных с анализом патентов, посвящено исследованию передовых технологий. Так, для мониторинга новых технологий предлагается использовать анализ цитируемых патентов на основе ключевых слов [7]. Авторы утверждают, что предложенный ими метод может обеспечить надёжность патентного мониторинга, даже при малом количестве анализируемых патентов.

С другой стороны, в связи с быстрым развитием информационных технологий и достижениями в области больших данных многие исследователи анализируют патентную информацию с использованием таких методов, как интеллектуальный анализ данных [8–10]. Например, в статье [11] на основе 14 979 патентов (1900–2017 гг.) в базе данных PATSTAT Global проводится анализ технологий в области органических светодиодов (OLED) и круг их правообладателей, сравнивается состояние китайской OLED-индустрии с мировым уровнем, отмечаются имеющиеся недостатки и формулируются предложения по их устранению. Ещё одной тенденцией в выявлении новых технологий является сочетание патентного анализа и интеллектуального анализа данных в новостях в Интернете [12].

Другим активно развиваемым направлением в выявлении новых технологий является текстовая обработка и извлечение информации как из патентов, так и из источников научной и технической литературы.

Например, в статье [13] описан полуавтоматический, семантический метод технологического планирования и формирования стратегии исследований, который был применён в отношении 583 патентов из базы данных USPTO, связанных с наносенсорами. Суть метода, основанного на использовании МПК, состояла в извлечении из полнотекстовых описаний патентов ключевых технических данных, их последующей обработки и визуализации в форме информационной матрицы отношений. По мнению авторов, эта матрица позволяет выявить техническую информацию, которая в явном виде не используется в патенте, но может быть использована для оценки перспектив развития данного направления.

В обзоре [14] рассматриваются интерактивные методы анализа и визуализации патентов и научных статей. Решению задачи извлечения скрытых

данных из неструктурированных текстов, к которым могут относиться патенты, публикации, отчеты, документы, информация в Интернете и т.д., посвящена работа [15], использующая инструменты интеллектуального анализа текста и классификации текста.

Поскольку основной задачей при текстовом и семантическом анализе является извлечение слов, отражающих суть технического решения, в статье [16] был предложен новый метод автоматического извлечения слов по тематике патента. Утверждается, что полученные результаты могут применяться в патентном анализе, а также для анализа и прогнозирования развития технологий. В работе [17], посвящённой автоматическому извлечению характерных терминов из патентных документов, описывается метод, с помощью которого из нескольких патентных документов, относящихся к определенной области техники, формируется терминология, используемая при анализе технологических тенденций.

Другая разновидность семантического анализа с использованием анализа цитируемых патентов на основе ключевых слов [7] была использована с целью мониторинга внедрения новых технологий. Для этого применялась статистическая мера TF-IDF, используемая для оценки важности слова в контексте документа, являющегося частью коллекции документов, а также кластеризация K-средних с использованием цитируемых патентов.

В работе [18] с помощью патентной сети и семантического анализа патентов на основе схемы «субъект–действие–объект» была сделана попытка идентифицировать быстро развивающийся технологический тренд. Авторы статьи предложили новые индикаторы для определения технологической значимости патентов, характеристик патентных кластеров и технологических возможностей конкурентов. Предложенный подход был проиллюстрирован на примере патентов, связанных с синтезом углеродных нанотрубок.

Для отслеживания тенденций, связанных с изменениями технологий, авторами статьи [19] была использована динамическая патентная решетка на основе анализа формальных понятий (FCA), позволяющая проанализировать сложные связи между патентами и эффективно ранжировать патенты по выбросам в сети цитирования. По мнению исследователей, это позволяет устранить ряд недостатков цитатного анализа патентов при оценке технологических возможностей.

В работе [20] для выявления перспективных технологий предлагаются новые методы кластеризации патентов и ранжирования выбросов в сетях цитирования, относящихся к патентам. Эти методы были опробованы с использованием патентов США в области цифровой информации и безопасности. Авторы отмечают, что результаты применения разработанных алгоритмов являются отправной точкой для оценки возможности появления новых технологических областей.

Характерным примером практической реализации патентного анализа является работа [21], в которой рассмотрена эволюция технологии, связанной с разработками электронной кожи (e-skin). Особенности этой технологии исследуются с точки зрения её жизненного цикла и места среди других

передовых технологий. На основе изучения поведения временного ряда регистрируемых патентов рассчитывается «коэффициент зрелости технологии», даётся прогнозная оценка числа патентов в ближайшем будущем, и предполагаемое время жизни e-skin-технологии. Такой подход, по мнению авторов, может помочь исследователям и специалистам по планированию НИОКТР правильно распределять финансирование и координировать свои дальнейшие исследования и разработки.

Гипотеза, выдвигаемая авторами данной работы, заключается в следующем. Несмотря на то, что целый ряд факторов, характерных для нашей страны (экономические и институционально-технологические условия, уровень международной регистрации и защиты, соотношения по принадлежности патентов (резиденты – нерезиденты, физические – юридические лица) и др.), отличаются от аналогичных в США весьма существенно, выводы *технического* характера, полученные на основании анализа особенностей временных рядов патентов США, можно с большой долей вероятности распространить на Россию и российские регионы. С одной стороны, существующая технологическая «дистанция» между США и Россией по целому ряду направлений является очевидным показателем отставания в развитии многих отраслей экономики Российской Федерации. Но, с другой стороны, при соответствующем анализе динамики регистрации патентов и сопутствующих библиометрических данных подобный временной «лаг» в патентовании может позволить российской стороне избежать просчётов и финансовых потерь в случае принятия зарубежными «партнёрами» экономических решений, связанных с ошибочными или неверными выводами о перспективности тех или иных технических направлений.

Главная цель данной работы состоит в том, чтобы на основе имеющегося у авторов опыта патентных исследований разработать эмпирическую классификацию технических направлений развития, которая базируется на анализе временных рядов патентов США, а также на использовании Международной патентной классификации.

Научная новизна предлагаемого подхода к патентному анализу заключается в разработке эффективной методики выявления технических решений, которые могут считаться наиболее перспективными в контексте практической реализации либо могут быть отнесены к новым, ранее неизвестным. Наличие такой информации может помочь сориентироваться в многообразии технических решений, описываемых в рамках МПК, как разработчикам новой техники, так и специалистам в области планирования НИОКТР и экономического развития, что позволит им осуществлять краткосрочное или долгосрочное прогнозирование развития конкретных технических (технологических) направлений. Подобная информация поможет своевременно выявлять «прорывные» технические направления, что, в свою очередь, будет способствовать снижению (экономии) материальных и финансовых затрат, а также человеческих ресурсов при решении сложных научно-технических задач путём сосредоточения средств и усилий на наиболее перспективных направлениях и отбрасывании заведомо устаревших и неперспективных.

Описание подхода к классификации

В основе предлагаемого подхода лежит опыт работы авторов в области патентного анализа, связанного, в частности, с изучением особенностей поведения временных рядов патентов на изобретения [22–25]. В работе были использованы данные, полученные в результате автоматизированного формирования временных рядов патентов США с помощью разработанного авторами программного обеспечения [26, 27]. Эти данные включают в себя почти 6,2 млн патентов США на изобретения, зарегистрированных в Патентном ведомстве США (USPTO) с 1976 по 2018 г. Выбор базы данных USPTO объясняется тем, что эта организация является по факту не столько национальным, сколько международным ведомством, в котором патентуются все ведущие мировые разработчики. Поэтому выводы, полученные на основе анализа открытых баз Патентного ведомства США, носят, по мнению авторов, обобщающий характер и могут найти широкое практическое применение.

Предлагаемый подход к классификации предусматривает анализ временных рядов патентов США по нескольким десяткам тысяч подгрупп во всех восьми разделах МПК (А, В, С, D, E, F, G, H). Подход основан на *автоматизированном* формировании трёх основных категорий – условно «*прорывных*», «*перспективных*» и «*неперспективных*», в соответствии с эмпирическими критериями, сформулированными авторами на основе анализа особенностей временных рядов патентов США.

Разбиение подгрупп МПК на кластеры

На первом этапе вся совокупность временных рядов патентов, зарегистрированных USPTO в 71266 «ненулевых» (т.е. с числом патентов $N_p \geq 1$ в интервале 1976–2018) подгруппах МПК¹⁷, была разбита на два кластера. В качестве критерия отнесения конкретной подгруппы к первому или второму кластеру выступал факт превышения числом патентов N_{p1} некоторого порогового значения. Здесь N_{p1} – число патентов на изобретения, которые были зарегистрированы в подгруппе в 2018 г.

Выбор этого порогового значения равным 16 ед. был сделан, исходя из предыдущего опыта авторов в области количественного анализа временных рядов патентов США, а также разбиения подгрупп на кластеры по числу патентов, равному 2^j , где $j = 0, \dots, 14$ ($16 = 2^4$). Следует отметить, что значение $N_{p1} = 16$ оказывается близко к среднегодовому (11 ед.) числу патентов США в 8 110 подгруппах раздела G («Физика») и 8 848 подгруппах раздела H («Электричество») МПК¹⁷, зарегистрированных USPTO с 1976 по 2018 г.

Таким образом, к первому кластеру были отнесены все подгруппы МПК, в которых в 2018 г. было выдано больше 16 патентов, а ко второму – условно «неперспективному» – все подгруппы с $N_{p1} \leq 16$. В табл. 1 приведены сводные данные по числу подгрупп во всех восьми разделах Международной патентной классификации.

Таблица 1. Число «ненулевых» подгрупп в разделах МПК

Раздел МПК ¹⁷	Число «ненулевых» подгрупп в разделе	Кластер 1	Кластер 2
		число подгрупп с $N_{p1} > 16$	число подгрупп с $N_{p1} \leq 16$
A («Удовлетворение жизненных потребностей человека»)	8 844	2 127	6 717
B («Различные технологические процессы; транспортирование»)	16 167	2 555	13 612
C («Химия; металлургия»)	14 463	1 923	12 540
D («Текстиль; бумага»)	2 800	106	2 694
E («Строительство; горное дело»)	3 321	478	2 843
F («Машиностроение; освещение; отопление; двигатели и насосы; оружие и боеприпасы; взрывные работы»)	8 714	1 626	7 088
G («Физика»)	8 110	2 290	5 820
H («Электричество»)	8 722	3 091	5 757

Классификация «неперспективных» подгрупп МПК

Подробный анализ «неперспективных» подгрупп МПК не являлся целью данной работы. Тем не менее в отношении них была проведена дополнительная условная классификация. В её основе лежит понятие «время жизни» изобретения. Поскольку подавляющее большинство технических решений со временем устаревает, то *актуальным* «временем жизни» изобретения принято считать период от 7 до 10 лет. Таким образом, исходя из 10-летнего временного интервала – одного из стандартных интервалов глубины патентного поиска, «неперспективные» подгруппы, составляющие второй кластер, были разбиты на три подкатегории (табл. 2):

– «неперспективные-1» – подгруппы, в которых общее число патентов N_{ps10} , выданных с 2009 по 2018 г., больше 16;

– «неперспективные-2» – подгруппы, в которых общее число патентов N_{ps10} , выданных с 2009 по 2018 г., меньше или равно 16;

– «неперспективные-3» – подгруппы, в которых за последние 10 лет (2009–2018) не было выдано ни одного патента ($N_{ps10} = 0$).

Из табл. 2 следует, что наибольшее количество «неперспективных» подгрупп относительно общего числа имеется в разделе D («Текстиль; бумага») – 96,2%, а наименьшее – в разделах H («Электричество») и G («Физика») – 65,1 и 71,8% соответственно.

Из трёх подкатегорий наиболее *однозначной* с точки зрения перспектив использования запатентованных технических решений является условная подкатегория «неперспективные-3», которая характеризуется полным отсутствием патентов, зарегистрированных в интервале 2009–2018 гг. На рис. 1 приведён характерный временной ряд, иллюстрирующий динамику выдачи патентов США в подгруппе B67D5/02 из подкатегории «неперспективные-3».

Таблица 2. Условная классификация «неперспективных» подгрупп

Раздел МПК ¹⁷	«Неперспективные-1», ед. (% по отношению к общему числу подгрупп раздела)	«Неперспективные-2», ед. (% по отношению к общему числу подгрупп раздела)	«Неперспективные-3», ед. (% по отношению к общему числу подгрупп раздела)	Всего «неперспективных», ед. (% по отношению к общему числу подгрупп раздела)
A	2 631 (29,7%)	3 620 (40,9%)	466 (5,3%)	6 717 (75,9%)
B	5 053 (31,3%)	7 303 (45,2%)	1 256 (7,8%)	13 612 (84,2%)
C	4 583 (31,7%)	6 510 (45,0%)	1 446 (10,0%)	12 539 (86,7%)
D	474 (16,9%)	1 663 (59,4%)	557 (19,9%)	2 694 (96,2%)
E	1 057 (31,8%)	1 574 (47,4%)	212 (6,4%)	2 843 (85,6%)
F	2 642 (30,3%)	3 986 (45,7%)	460 (5,3%)	7 088 (81,3%)
G	2 139 (26,4%)	3 034 (37,4%)	647 (8,0%)	5 820 (71,8%)
H	2 331 (26,3%)	2 945 (33,3%)	481 (5,4%)	5 757 (65,1%)

Число патентов США, выданных с 1976 по 2018 гг.

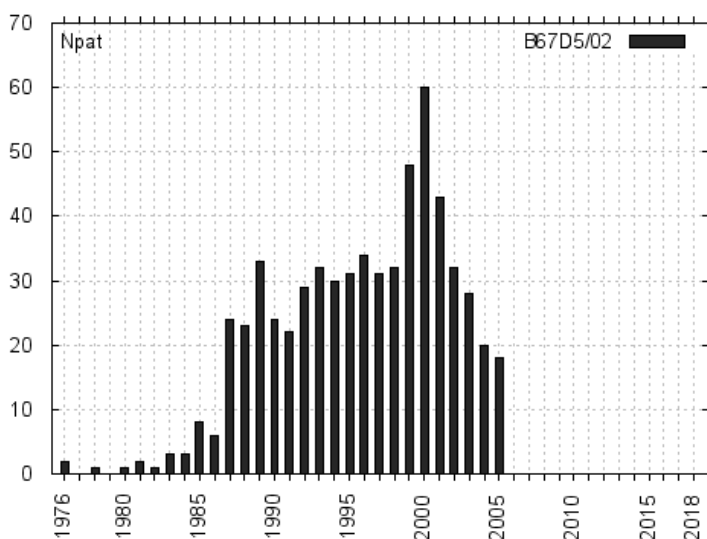

Рис. 1. Патенты США в подгруппе B67D5/02
 («Устройства для переливания жидкости ... из складских резервуаров
 в перевозочные средства ... для транспортировки жидкостей...»)

На практике отсутствие в какой-либо подгруппе хотя бы одного зарегистрированного патента в течение 10 лет свидетельствует о том, что данное техническое направление, вероятнее всего, утратило свою актуальность. Другим объяснением отсутствия патентов в подгруппе может быть то, что данная рубрика МПК была полностью аннулирована в последующих редакциях Международной патентной классификации, либо её содержание перенесено в другую подгруппу. Тем не менее встречаются примеры подгрупп МПК, в которых патентование возобновлялось после длительного «перерыва» (рис. 2), что может быть объяснено появлением новых решений и возможностей для данного технического направления.

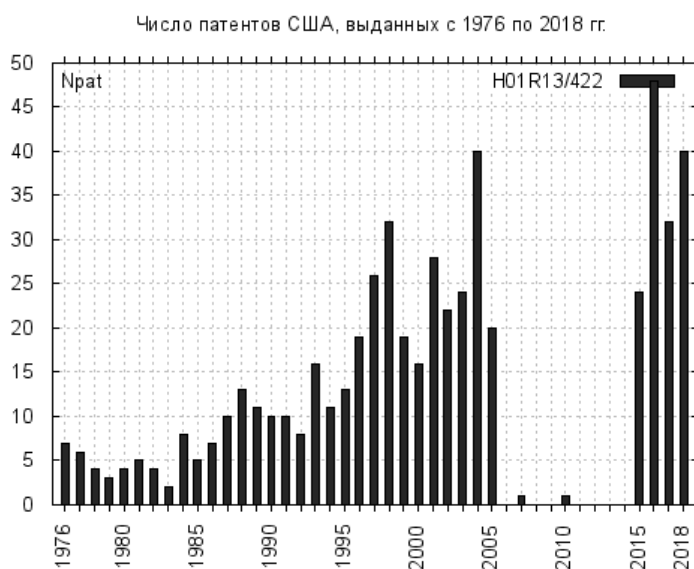

Рис. 2. Патенты США в подгруппе H01R1/422
 («Крепление контактных элементов...
 обеспечивающее возможность демонтажа в упругой,
 выполненной как одно целое опорной пластине или корпусе»)

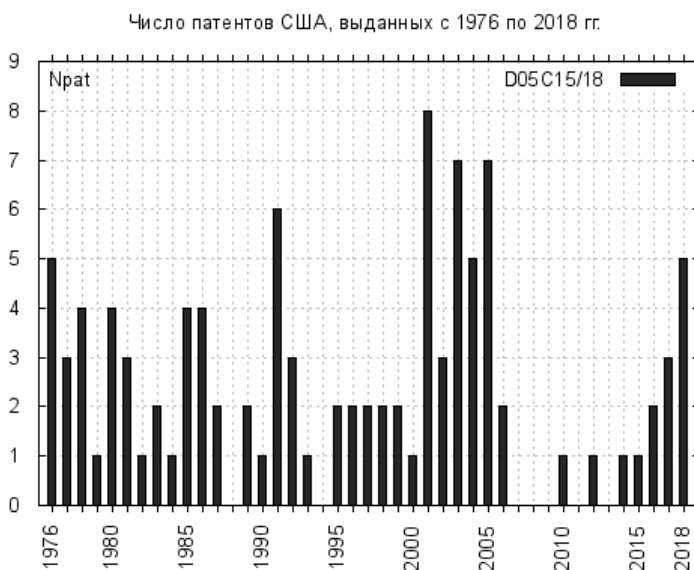

Рис. 3. Патенты США в подгруппе D05C15/18 («Изготовление изделий
 с прошивным ворсом ... иглы для ручного прошивания ... устройства ...
 для подачи или натяжения нитей»)

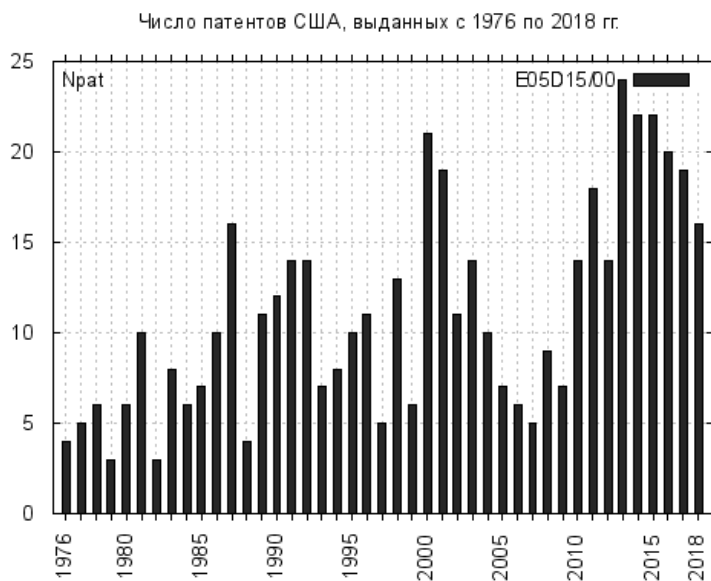
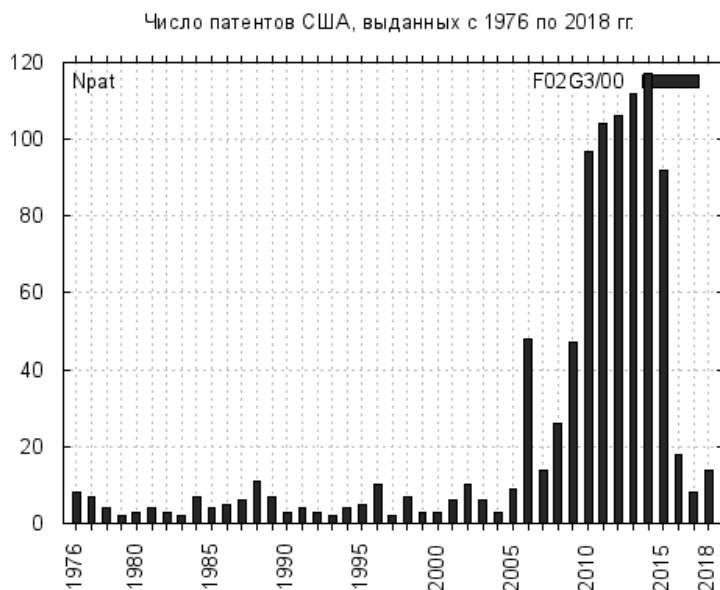

Рис. 4. Патенты США в подгруппе E05D15/00 («Подвески для створок»)

Рис. 5. Патенты США в подгруппе F02G3/00
(«Силовые установки с двигателями объемного вытеснения»)

Менее однозначной является подкатегория «неперспективные-2» с числом $N_{ps10} \leq 16$. Однако при всех вариациях временных рядов в интервале 1976–2008 гг. общими для подгрупп этой подкатегории с 2009 по 2018 г. во

всех разделах МПК (А – Н) является среднее число патентов в подгруппах, изменяющееся от 5 до 6, а также явно выраженная тенденция к росту числа патентов начиная с 2014 г. (см., например, рис. 3).

Наиболее неоднозначной и, возможно, требующей дополнительного анализа и уточнения является подкатегория подгрупп МПК – «неперспективные-1». Некоторые примеры временных рядов для этой категории из разделов Е и F приведены на рис. 4–6.

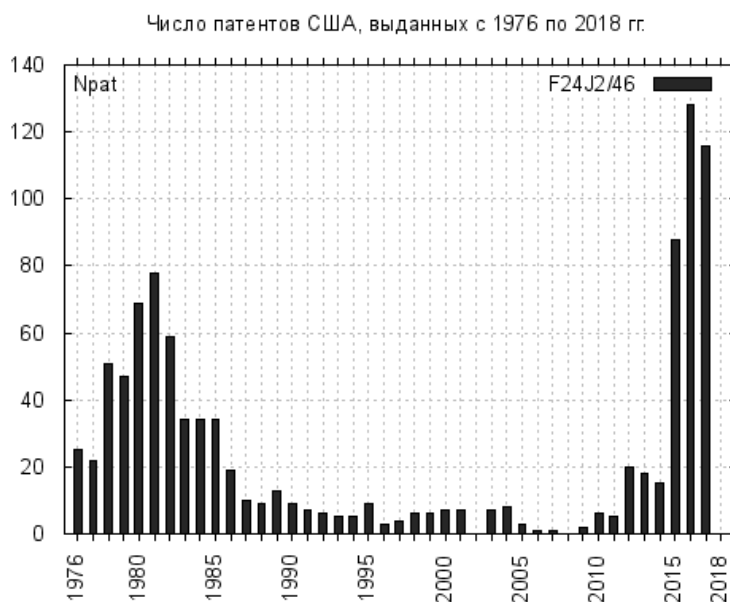

Рис. 6. Патенты США в подгруппе F24J2/46 («Составные части, конструктивные элементы или вспомогательные принадлежности солнечных тепловых коллекторов»)

Классификация «прорывных» подгрупп МПК

Основная цель данной работы состояла в анализе первого кластера подгрупп МПК, в которых число патентов США, выданных в 2018 г., было больше 16 ед., а именно в *автоматическом* разбиении этих подгрупп на две условные категории: «прорывные» и «перспективные».

Под «прорывными» будем понимать такие подгруппы МПК, в которых регистрация патентов происходила лишь последние три года (2016–2018), а сам временной ряд характеризуется постоянно растущим трендом. Другими словами, для выявления «прорывных» подгрупп использовалась совокупность двух эмпирических критериев: $R_3 = 0$ и $K_{gt} \in 4 \dots 5$. Первый параметр R_3 является отношением двух величин

$$R_3 = N_{ps40} / N_{ps3} \quad (\text{при условии } N_{ps3} > 0), \quad (1)$$

где N_{ps40} – суммарное число патентов в подгруппе за 40 лет – с 1976 по 2015 г., а N_{ps3} – суммарное число патентов в подгруппе за последние 3 года (2016–2018).

Второй численный параметр K_{gt} отражает тенденцию роста числа патентов за последние 5 лет:

$$K_{gt} = \sum_{i=1}^5 K_i, \quad (2.1)$$

где

$$K_i = \begin{cases} 1, & N_{pi} - N_{p(i+1)} \geq 0 \\ 0, & N_{pi} - N_{p(i+1)} < 0 \end{cases} \quad (2.2)$$

$$K_{gt} \in (0 \dots 5) \quad (2.3)$$

Здесь N_{p1} – число патентов в 2018 г., N_{p2} – число патентов в 2017 г.; ... N_{p6} – число патентов в 2013 г. Очевидно, что параметр K_{gt} изменяется в пределах от 0 (в случае, когда число патентов в подгруппе с каждым годом уменьшается) до 5 (в случае наличия постоянно растущего тренда).

Результаты поиска «прорывных» подгрупп, для которых условия $R_3 = 0$ и $K_{gt} \in 4 \dots 5$ выполняются одновременно, а также общая численность патентов США в разделах МПК и выявленных подгруппах, приведены в табл. 3.

Из приведённых данных следует, что в разделах С («Химия; металлургия») и D («Текстиль; бумага») «прорывные» подгруппы при заданных критериях поиска отсутствуют. Наибольшее число «прорывных» подгрупп – 196 и, соответственно, зарегистрированных патентов – 13 498 ед. выявлено в разделе Н («Электричество»). Примерно в полтора раза меньшее количество «прорывных» подгрупп выявлено в разделах G, F и A. Причём раздел G («Физика») по количеству патентов незначительно отличается от раздела Н при заметно меньшем числе «прорывных» подгрупп. Что касается разделов В и С, то по числу «прорывных» подгрупп они более чем в 2 раза уступают разделу G, а по числу патентов – более чем в 4 раза.

Таблица 3. Число «прорывных» подгрупп и общее число патентов

Раздел МПК ¹⁷	Число «прорывных» подгрупп в разделе МПК	Общее число патентов США в разделе без дубликатов (1976–2018)	Общее число патентов США в «прорывных» подгруппах без дубликатов (2016–2018)
A	125	990 708	8 563
B	58	1 170 013	2 810
C	56	879 866	1 879
D	0	84 994	0
E	0	210 404	0
F	112	594 409	3 815
G	128	1 904 160	11 871
H	196	1 687 603	13 493

Ниже приведены характерные примеры «прорывных» подгрупп МПК: A61B90/00 (рис. 7), G06F8/41 (рис. 8), H02J50/10 (рис. 9), H04W4/80 (рис. 10). За 3 года – с 2016 по 2018 г. – в них было зарегистрировано 2 887, 226, 711 и 1 087 патентов США, соответственно. Следует отметить, что примеры на рис. 8 и 10 относятся к случаям вновь созданных рубрик, которых не существовало в предшествующих редакциях МПК.

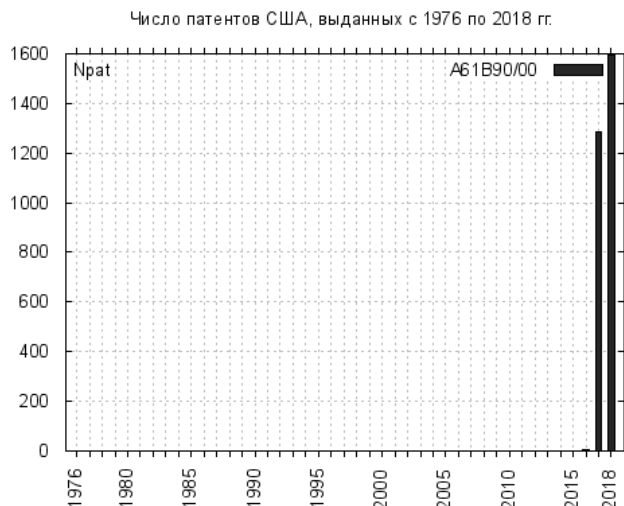

Рис. 7. Подгруппа A61B90/00
(«Инструменты, принадлежности или аксессуары,
специально предназначенные для хирургии или диагностики»)

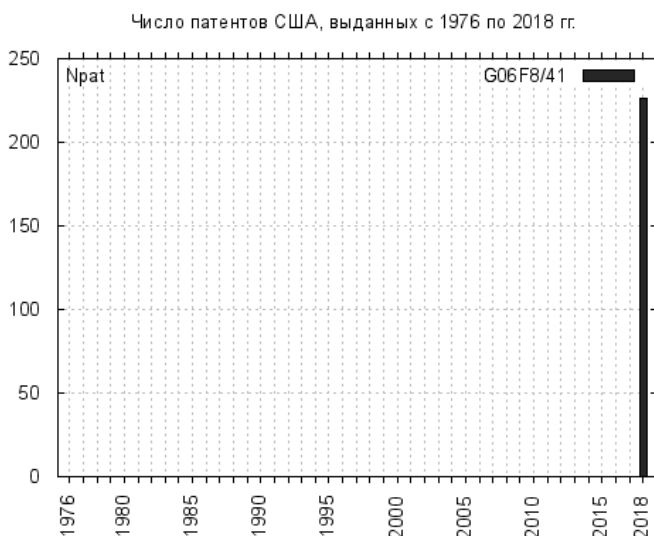

Рис. 8. Подгруппа G06F8/41
(«Устройства для конструирования программного обеспечения ...
преобразование программного кода ... компиляция»)

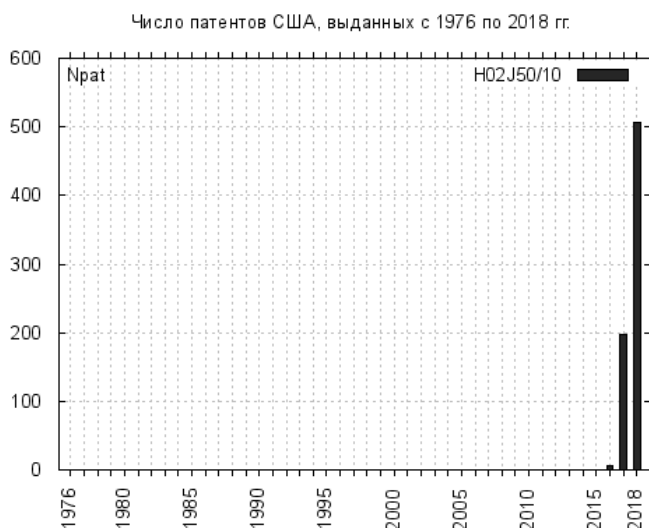

Рис. 9. Подгруппа H02J50/10
(«Схемные устройства или системы для беспроводного питания или распределения электрической энергии ... с использованием индуктивного соединения»)

Рис. 10. Подгруппа H04W4/80
(«Услуги или возможности, специально предназначенные для беспроводных сетей связи ... сервисы, использующие связь короткого диапазона...»)

Очевидно, что подгруппа H04W4/80 (рис. 10) с полным основанием может считаться «прорывной», поскольку 1 087 патентов, зарегистрированных в течение одного года, однозначно подтверждают появление большого числа новых технических решений в данном направлении, демонстрируя некий технологический «рывок» или «прорыв».

Несмотря на то, что «прорывные» подгруппы могут отличаться друг от друга по общему числу патентов больше, чем на два порядка, как в случае раздела А (например, 2 887 ед. в подгруппе А61В90/00 и 18 ед. в подгруппе А01Н6/82), дополнительная классификация «прорывных» подгрупп по аналогии с «неперспективными» в данной работе не проводилась. В качестве подтверждения её нецелесообразности может служить подгруппа F24J2/46 (рис. 6), в которой в 2016 г. было зарегистрировано всего 6 патентов США, а в следующем 2017-м – уже 1 286.

Классификация «перспективных» подгрупп МПК

Отметим, что «прорывные» подгруппы, выделенные из кластера с $N_{ps10} > 16$, являются лишь частью этого кластера. При этом число оставшихся подгрупп изменяется от нескольких сотен до нескольких тысяч (табл. 4). В это число вместе с «прорывными» входит упомянутая выше условная категория «перспективных» подгрупп.

Под «перспективными» будем понимать такие подгруппы МПК, для которых временные ряды патентов характеризуется устойчивым растущим трендом на интервале последних десяти лет, т.е. с 2009 по 2018 г. В рамках развиваемого авторами эмпирического подхода к классификации, основанного на анализе временных рядов патентов США, «перспективные» подгруппы МПК были разбиты на следующие условные подкатегории:

- «перспективные-1» («растущий тренд последние 5 лет»);
- «перспективные-2» («растущий тренд в течение 5 и более лет»);
- «перспективные-3» (растущий тренд, предыстория-1»);
- «перспективные-4» (растущий тренд, предыстория-2»);
- «перспективные-5» (растущий тренд, предыстория-3»).

Таблица 4. Общее распределение числа подгрупп в разделах МПК

Раздел МПК ¹⁷	Общее число «ненулевых» подгрупп	Число «неперспективных» подгрупп	Число «прорывных» подгрупп	Число оставшихся подгрупп
А	8844	6717	125	2002
В	16167	13612	58	2497
С	14463	12539	56	1868
Д	2800	2694	0	106
Е	3321	2843	0	478
F	8714	7088	112	1514
G	8110	5820	128	2162
Н	8722	5757	196	2769

Для выявления подгрупп подкатегории «перспективные-1» были сформулированы следующие эмпирические критерии:

$$N_{ps10}/N_{All} > 0,9; \quad R_{12} = 0; \quad K_{gt} \in 4...5,$$

где N_{ps10} – суммарное число патентов в подгруппе за последние 10 лет (2009–2018); N_{All} – общее число патентов в подгруппе с 1976 по 2018 г.;

R_{12} – отношение числа патентов в подгруппе за предыдущие 5 лет к числу патентов за последние 5 лет;

$$R_{12} = \frac{N2_{ps5}}{N1_{ps5}} \quad (\text{при условии } N1_{ps5} > 0), \quad (3)$$

где $N1_{ps5}$ – суммарное число патентов в подгруппе за последние 5 лет (2014–2018); $N2_{ps5}$ – суммарное число патентов в подгруппе за предыдущие 5 лет (2009–2013).

Таким образом, в данную категорию попадают подгруппы с постоянно растущим трендом на протяжении последних 5 лет, в которых большая часть всех выданных патентов США (более 90%) зарегистрирована в интервале 2009–2018 гг., что в случае категории «перспективные-1» соответствует периоду с 2014 по 2018 г. (см. пример на рис. 11).

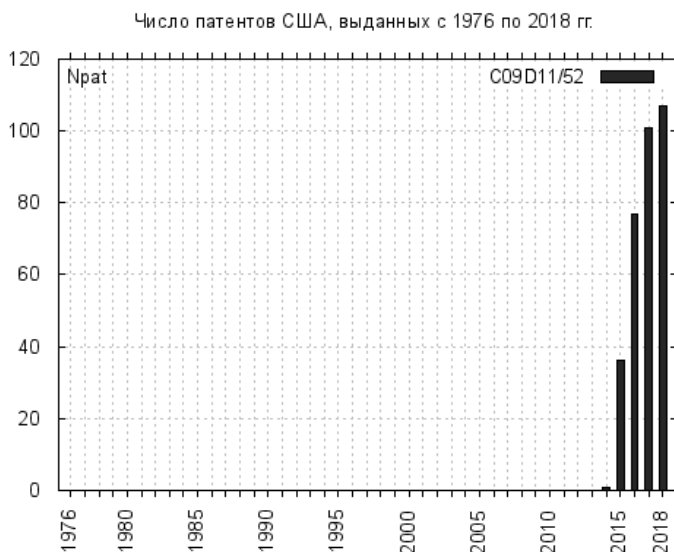

Рис. 11. Подгруппа C09D11/52 из категории «перспективные-1» («Типографские краски и чернила... электропроводящие чернила»)

Для подгрупп подкатегории «перспективные-2» критерии поиска были заданы следующим образом:

$$N_{ps10}/N_{All} > 0,9; \quad 0 < R_{12} < 0,3; \quad K_{gt} \in 4...5.$$

В этом случае требование равенства R_{12} нулю было снято; вместо него был задан интервал изменения от 0 до 0,3 (см. пример на рис. 12).

В отличие от первых двух подкатегорий «перспективных» подгрупп МПК, подгруппы «перспективные-3», «перспективные-4» и «перспективные-5» характеризуются некоторой «предысторией» регистрации патентов с 1976 по 2008 г.

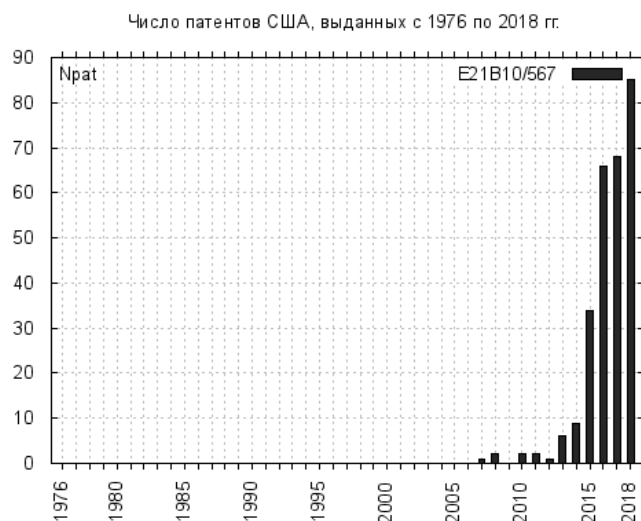

Рис. 12. Подгруппа E21B10/567 из категории «перспективные-2»
(«Буровые долота... отличающиеся износостойкими частями... вставки в форме
таблетки... с предварительно изготовленными режущими элементами»)

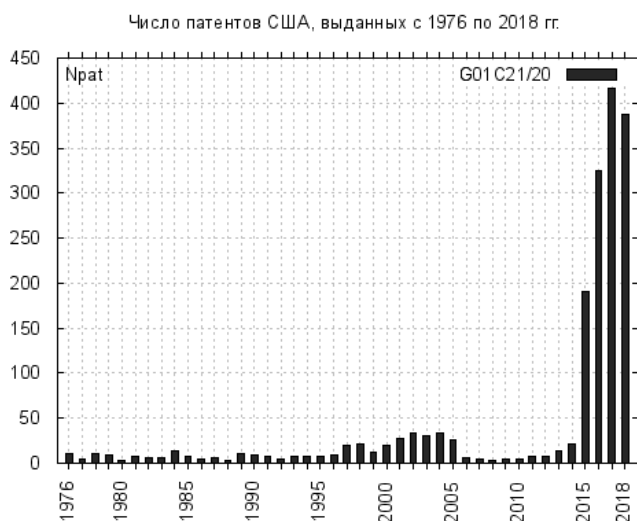

Рис. 13. Подгруппа G01C21/20 из категории «перспективные-3».
(«Навигация; навигационные приборы...
приборы для выполнения навигационных расчетов»)

Друг от друга они отличаются степенью «интенсивности» этой «предысто-
рии». Ниже представлены критерии поиска указанных подгрупп:

$$N_{ps10}/N_{All} \leq 0,9; \quad 0 < R_{12} \leq 1,0; \quad K_{gt} \in 4...5; \quad 0 \leq R_3 < 1$$

$$N_{ps10}/N_{All} \leq 0,9; \quad 0 < R_{12} \leq 1,0; \quad K_{gt} \in 4...5; \quad 1 \leq R_3 < 3$$

$$N_{ps10}/N_{All} \leq 0,9; \quad 0 < R_{12} \leq 1,0; \quad K_{gt} \in 4...5; \quad 3 \leq R_3 < 6$$

Так, для всех трёх подгрупп было снято ограничение на соотношение между числом патентов, выданных за 10 лет, к общему числу патентов в подгруппе. Отличие между критериями заключается лишь в пределах изменения параметра R_3 . Примеры характерных подгрупп «перспективные-3», «перспективные-4» и «перспективные-5» приведены на рис. 13–15.

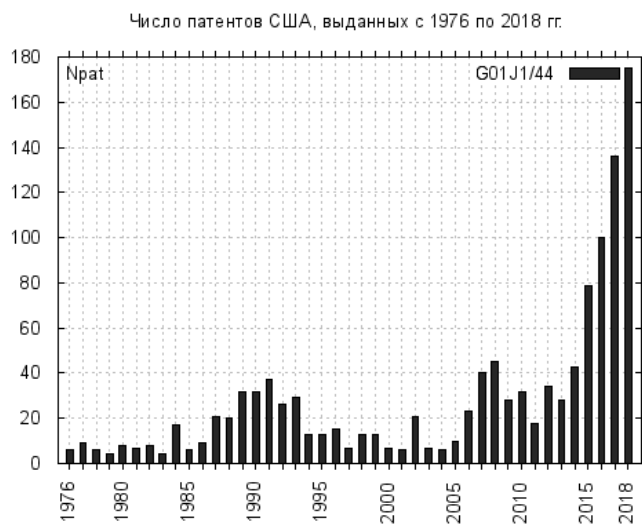

Рис. 14. Подгруппа G01J1/44 из категории «перспективные-4».
(«Фотометрия... с помощью только визуальных средств... электрические схемы»)

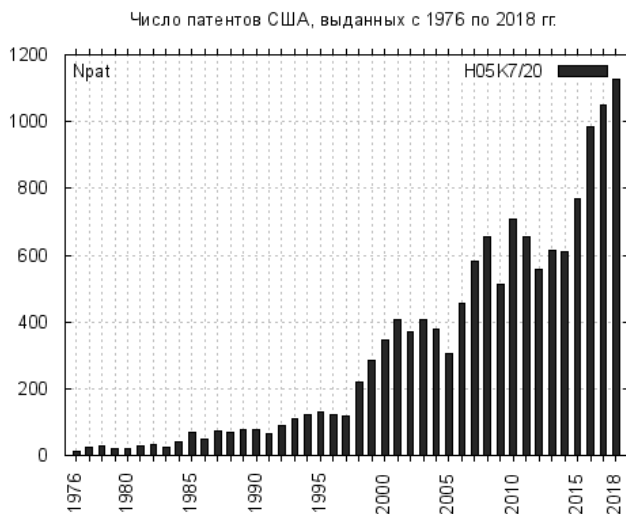

Рис. 15. Подгруппа H05K7/20 из категории «перспективные-5»
(«Конструктивные элементы общего назначения... варианты выполнения, облегчающие охлаждение, вентиляцию или подогрев»)

Подгруппы МПК: категория «другие»

Кроме двух категорий «прорывные» и «перспективные», классифицируемых в рамках подгрупп с растущим трендом ($K_{gt} \in 4 \dots 5$), была выделена категория подгрупп «другие», для которых параметр $R_3 \geq 6$. Типичные примеры подгрупп из этой категории показаны на рис. 16, 17.

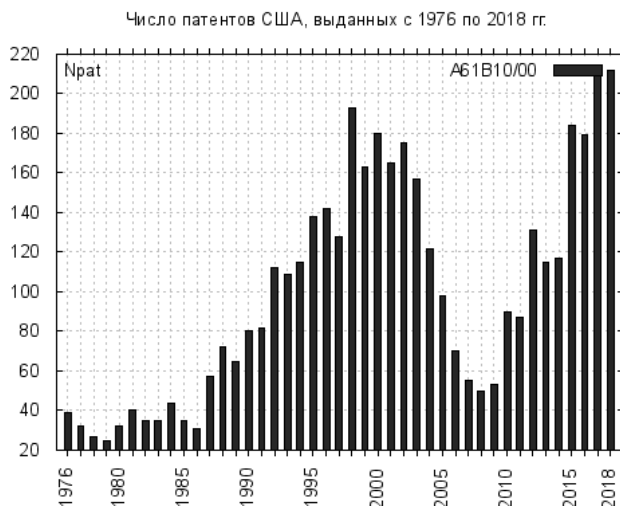

Рис. 16. Подгруппа A61B10/00 из категории «другие» («Прочие методы и инструменты для диагностики»)

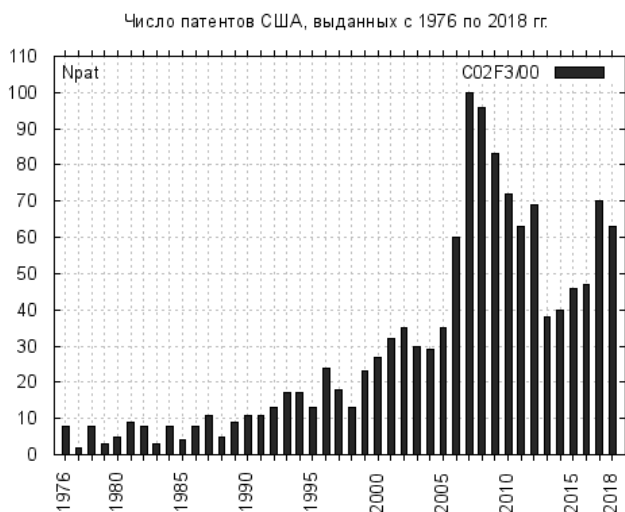

Рис. 17. Подгруппа C02F3/00 из категории «другие» («Биологическая обработка воды, промышленных или бытовых сточных вод»)

Необходимо отметить, что поведение временных рядов категории «другие» во всех восьми разделах МПК (А, В, С, D, E, F, G, H) характеризуются большой изменчивостью. При этом среди них встречаются подгруппы, которые в силу выбранных критериев классификации (учитывающих динамику выдачи патентов США на всём интервале с 1976 по 2018 г.) не вошли в ту или иную подкатегорию «перспективные», но могут быть отнесены к ним, при условии анализа динамики лишь на интервале 2009–2018 гг.

Подгруппы МПК: категория «вне классификации»

Недостатком любых эмпирических критериев классификации, включая предложенную в данной работе, является то, что они не могут описать всю совокупность классифицируемых объектов. Поскольку в качестве одного из критериев поиска характерных подгрупп с тенденцией роста использовался параметр $K_{gt} \in 4...5$, то из общего числа «ненулевых» подгрупп с $N_{p1} > 16$ «выпали» подгруппы, у которых этот параметр изменялся от 0 до 3.

Поэтому в рамках описываемого подхода к анализу подгрупп МПК вводится условная категория «вне классификации». Примеры шести подгрупп из этой категории показаны на рис. 18–23.

Приведённые примеры показывают, что временные ряды «вне классификации» по аналогии с категорией «другие» также характеризуются большой изменчивостью. При этом среди них точно так же встречаются подгруппы, которые могут быть отнесены к категории «перспективные» при условии более подробного анализа динамики выдачи патентов только на интервале 2009–2018 гг.

В результате проведённого авторами анализа 13 522 подгрупп в восьми разделах МПК была получена сводная информация о числе подгрупп в категориях «перспективные», «другие» и «вне классификации» (табл. 5, 6).

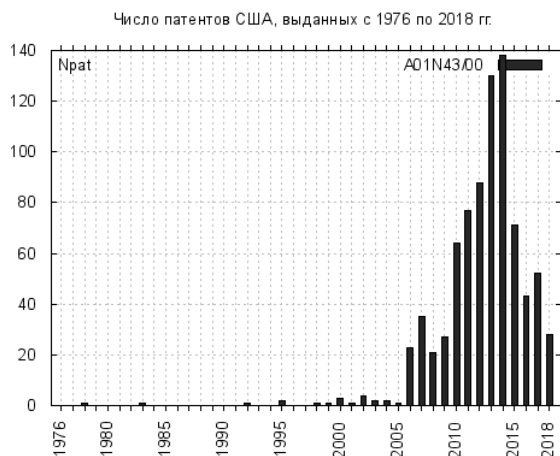

Рис. 18. Подгруппа A01N43/00

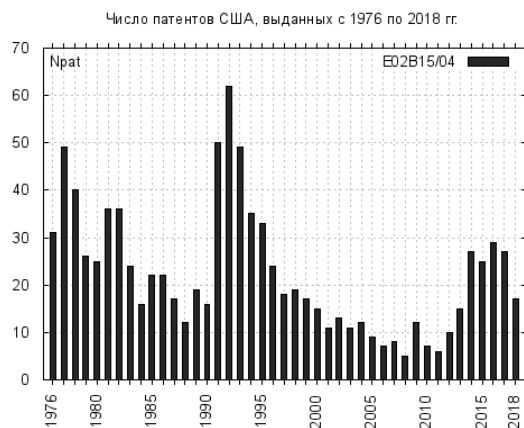

Рис. 19. Подгруппа E02B15/04

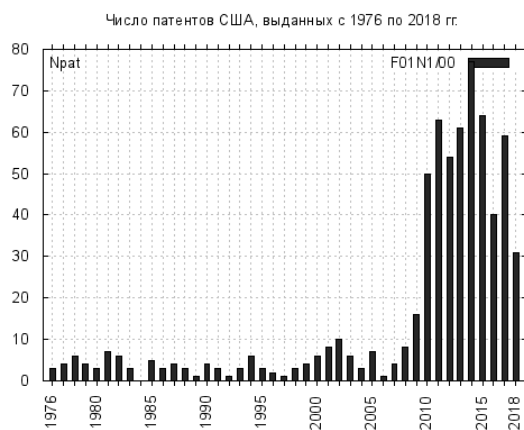

Рис. 20. Подгруппа F01N1/00

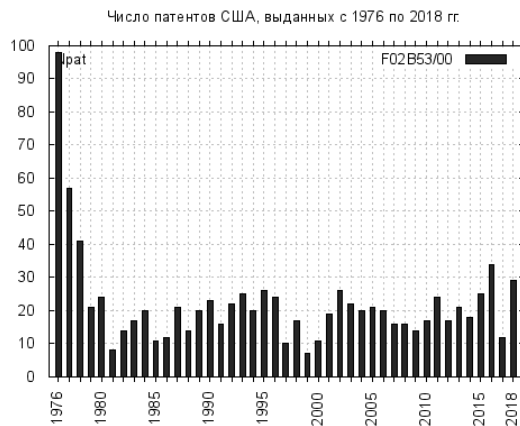

Рис. 21. Подгруппа F02B53/00

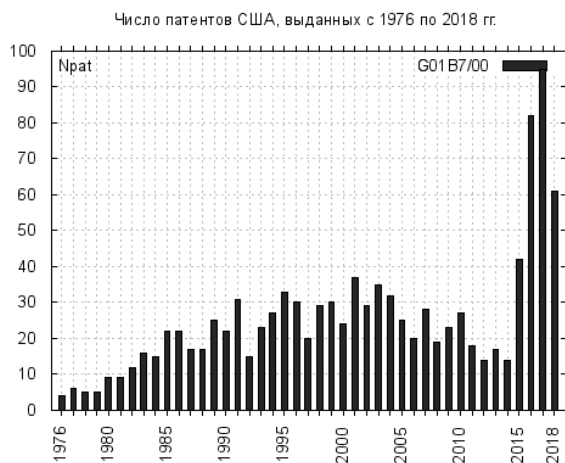

Рис. 22. Подгруппа G01B7/00

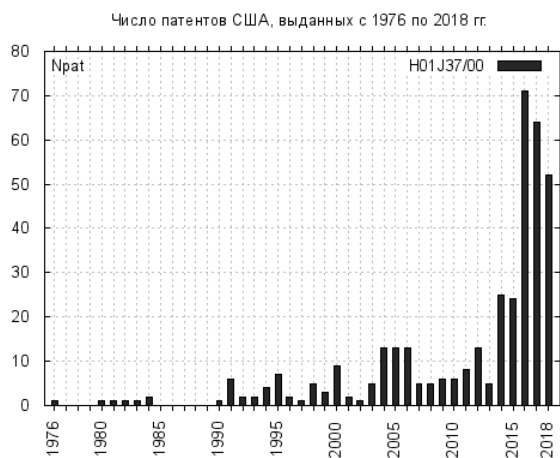

Рис. 23. Подгруппа H01J37/00

Таблица 5. Число подгрупп МПК в категории «перспективные»

Раздел МПК ¹⁷	Число подгрупп в категории «перспективные»					Всего
	«перспективные-1»	«перспективные-2»	«перспективные-3»	«перспективные-4»	«перспективные-5»	
A	109	71	125	614	297	1216
B	54	105	154	623	453	1389
C	18	32	94	468	369	981
D	8	3	8	26	20	65
E	18	4	12	139	102	275
F	30	27	118	523	281	979
G	127	131	137	544	281	1220
H	441	284	189	540	245	1699

Таблица 6. Число подгрупп МПК в категориях «другие» и «вне классификации»

Раздел МПК ¹⁷	Число подгрупп в категориях	
	«другие»	«вне классификации»
A	85	701
B	190	918
C	181	706
D	11	30
E	46	157
F	106	429
G	107	835
H	111	1085

Несмотря на количественные различия, общим для категории «перспективные» во всех разделах МПК¹⁷ является то, что наибольшее число подгрупп выявлено в подкатегориях «перспективные-4» и «перспективные-5». При этом больше всего (1 699) «перспективных» подгрупп содержит раздел H, а наименьшее (65) – раздел D. В свою очередь, наибольшее число подгрупп в категории «другие» и «вне классификации» выявлено в разделах МПК B (190) и H (1 085) соответственно.

Выводы

Предложенная авторами эмпирическая классификация подгрупп МПК¹⁷ в рамках нескольких категорий («неперспективные», «прорывные», «перспективные», «другие», «вне классификации») основана на анализе 71 266 временных рядов патентов США, зарегистрированных с 1976 по 2018 г. Эта классификация позволяет дать *объективную* оценку перспектив развития конкретных технических (технологических) направлений, которые могут быть охарактеризованы в рамках одной или нескольких рубрик МПК.

Очевидно, что наибольший практический интерес с точки зрения своевременного выявления новых, ранее неизвестных, технологий или решений в технической области, или устойчиво растущих технологических трендов, представляют две категории подгрупп: «прорывные» и «перспективные».

Описанный подход к *автоматическому* разбиению всей совокупности подгрупп Международной патентной классификации на характерные категории основан на эмпирических критериях и не является идеальным. Так, например, временные ряды подгрупп в категориях «перспективные-4», «перспективные-5», «другие» и «вне классификации» требуют более тщательного анализа, в том числе с привлечением экспертов – специалистов в конкретной области. Впоследствии возможно уточнение итоговых количественных результатов данной классификации.

На основании данных о 71 266 «ненулевых» подгруппах в восьми разделах МПК¹⁷, полученных в ходе работы, были сформированы 86 pdf-сборников общим объемом около 12 000 страниц A4 формата с иллюстративным материалом, содержащим временные ряды всех рассмотренных категорий («неперспективные», «прорывные», «перспективные», «другие»,

«вне классификации»). Этот иллюстративный материал, включая созданную базу данных, может оказаться полезным для разработчиков, исследователей и специалистов по планированию НИОКР при решении сложных научно-технических задач, а также в ходе работ, связанных с формированием краткосрочных (2–3 года) и (или) долгосрочных прогнозных оценок развития конкретных технических (технологических) направлений.

Кроме того, представляется возможным использовать результаты, полученные в данной работе, для построения патентных ландшафтов, а также в качестве исходной информации для проведения семантического анализа текстов, анализа цитируемых патентов на основе ключевых слов, кластеризации патентов, ранжирования выбросов в сетях цитирования и т.п.

Литература

1. *Ruotsalainen L.* Data Mining Tools for Technology and Competitive Intelligence. VTT Tiedotteita – Research Notes 2451. Espoo 2008. 63 p.
2. *Кортов С.В., Шульгин Д.Б., Толмачев Д.Е., Егармина А.Д.* Анализ технологических трендов на основе построения патентных ландшафтов // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 935–947.
3. *Liu Z., Jia Z., Vong C.-M., Han J., Yan C., Pecht M.* A patent analysis of prognostics and health management (PHM) innovations for electrical systems // IEEE Access. 2018. Vol. 6. P. 18088–18107.
4. *Kim D., Lee B., Lee H.J., Lee S.P., Moon Y., Jeong M.K.* Automated detection of influential patents using singular values // IEEE Transactions on Automation Science and Engineering. 2012. Vol. 9, is. 4. P. 723–733.
5. *Duan H., Li M., You H., Chen F., Jiang J., Wang Q.* Tendency determining of knowledge-transfer evolution based on patent citation network // 13th International Conference on Natural Computation. Fuzzy Systems and Knowledge Discovery (ICNC-FSKD), 2017. P. 1757–1763. DOI: 10.1109/ICE/ITMC39735.2016.9025846
6. *Hao X., Xie N., Sun W.* Analyzing technology development trend based on patent data // 3rd International Conference on Systems and Informatics (ICSAI). 2016. P. 1056–1061. DOI: 10.1109/ICSAI.2016.7811107
7. *Nam S., Kim K.* Monitoring Newly Adopted Technologies Using Keyword Based Analysis of Cited Patents // IEEE Access. 2017. Vol. 5. P. 23086–23091. DOI: 10.1109/ACCESS.2017.2764478
8. *Seo W., Kim N., Choi S.* Big Data Framework for Analyzing Patents to Support Strategic R&D Planning // IEEE 14th Intl Conf on Dependable, Autonomic and Secure Computing, 14th Intl Conf on Pervasive Intelligence and Computing, 2nd Intl Conf on Big Data Intelligence and Computing and Cyber Science and Technology Congress (DASC/PiCom/DataCom/CyberSciTech). 2016. P. 746–753. DOI: 10.1109/DASC-PiCom-DataCom-CyberSciTech.2016.131
9. *Gui B., Liu Y., Bai X., Zhang J.* Longitudinal Patent Analysis for Big Data Technology. // Portland International Conference on Management of Engineering and Technology (PICMET). 2017. P. 1–8. DOI: 10.23919/PICMET.2017.8125461
10. *Shin J., Lee S., Wang T.* Semantic Patent Analysis System Based on Big Data // IEEE 11th International Conference on Semantic Computing (ICSC). 2017. P. 284–285. DOI: 10.1109/ICSC.2017.20
11. *Sun B., Wang H.* Comparative study on chinese and global OLED industry based on patent data // IEEE Access. 2018. Vol. 6. P. 72381–72391.
12. *Li X., Xie Q., Huang L.* Identifying the Development Trends of Emerging Technologies Using Patent Analysis and Web News Data Mining: The Case of Perovskite Solar Cell

Technology // IEEE Transactions on Engineering Management. 2019. № 99. P. 1–16. DOI: 10.1109/TEM.2019.2949124

13. *Ki W., Kim K.* Generating information relation matrix using semantic patent mining for technology planning: a case of nano-sensor // IEEE Access. 2017. Vol. 5. P. 26783–26797.

14. *Alksher M.A., Azman A., Yaakob R., Kadir R.A., Mohamed A., Alshari E.M.* A review of methods for mining idea from text // Third International Conference on Information Retrieval and Knowledge Management (CAMP). 2016. P. 88–93. DOI: 10.1109/INFRKM.2016.7806341

15. *Zhu L., Lu X., Xu L.* Patent Subject Words Extraction Based on Integrated Strategy Method // 15th International Symposium on Parallel and Distributed Computing (ISPDC). 2016. P. 401–405. DOI: 10.1109/ISPDC.2016.68

16. *Takano K., Tanaka M., Sakai H., Kitajima R., Ota T., Tanabe C., Sakaji H.* Extraction of Characteristic Terms from Patent Documents for Technical Trend Analysis // 8th International Congress on Advanced Applied Informatics (IIAI-AAI). 2019. P. 667–672. DOI: 10.1109/IIAI-AAI.2019.00138

17. *Авдзейко В.И., Карнышев В.И., Мещеряков Р.В., Паскаль Е.С.* Патентный анализ: выявление перспективных направлений развития радиоэлектронных систем, использующих отражение и вторичное излучение радиоволн // Радиопромышленность. 2019. Т. 29, № 1. С. 53–61.

18. *Yoon J., Kim K.* Identifying rapidly evolving technological trends for R&D planning using SAO-based semantic patent networks // Scientometrics. 2011. Vol. 88, № 1. P. 213–228.

19. *Lee C., Jeon J., Park Y.* Monitoring trends of technological changes based on the dynamic patent lattice: A modified formal concept analysis approach // Technological Forecasting Social Change. 2011. Vol. 78, № 4. P. 690–702.

20. *Rodriguez A., Ali T., Kim B., Choi J., Lee J.-M., Coh B.-Y., Jeong M.K.* Patent clustering and outlier ranking methodologies for attributed patent citation networks for technology opportunity discovery // IEEE Transactions on Engineering Management. 2016. Vol. 63, iss. 4. P. 426–437.

21. *Yoon J., Jeong B., Lee W.H., Kim J.* Tracing the evolving trends in electronic skin (e-Skin) technology using growth curve and technology position-based patent bibliometrics // IEEE Access. 2018. Vol. 6. P. 26530–26542.

22. *Авдзейко В.И., Карнышев В.И., Мещеряков Р.В.* Патентный анализ. Выявление перспективных и прорывных технологий // Вопросы инновационной экономики. Январь-март 2018. Т. 8, № 1. С. 79–90. ISSN 2222-0372 (Russian Journal of Innovation Economics).

23. *Авдзейко В.И., Карнышев В.И., Мещеряков Р.В.* Прогнозирование направлений развития силовой электроники на основе временных рядов по данным Международной патентной классификации // Электротехнические и информационные комплексы и системы. 2016. Т. 12, № 2. С. 23–28.

24. *Авдзейко В.И., Карнышев В.И., Мещеряков Р.В., Шелупанов А.А., Парнюк Л.В.* Анализ динамики выдачи патентов для выявления перспективных направлений развития в области силовой электроники // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 159–169.

25. *Паскаль Е.С., Авдзейко В.И., Захаров Ф.Н., Мещеряков А.А., Карнышев В.И., Парнюк Л.В.* Программа формирования баз данных описаний патентов США в подгруппах МПК G01S13/00, G01S15/00, G01S17/00 // Свидетельство о регистрации ПрЭВМ № 2018662422. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 08.10.2018 г. Заявка № 2018619965 от 17.09.2018.

26. *Паскаль Е.С., Авдзейко В.И., Захаров Ф.Н., Мещеряков А.А., Карнышев В.И., Парнюк Л.В.* Программа автоматической генерации временных рядов патентов США в интервале 1976–2017. Свидетельство о регистрации ПрЭВМ № 2018662921. Зареги-

стрировано в Реестре программ для ЭВМ 17.10.2018 г. Заявка № 2018619897 от 17.09.2018.

Classification of Technological Development Trends Based on the Analysis of US Patent Time Series. An Empirical Approach

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53, pp. 251–278. DOI: 10.17223/19988648/53/18

Vladimir I. Karnyshev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karnyshev@yandex.ru

Vladimir I. Avdzeyko, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avdzykovi@yandex.ru

Evgenia S. Paskal, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evgeniapascal@gmail.com

Keywords: patent analysis, IPC, US patents, USPTO, empirical approach, automatic classification, technological trends, forecasting, R&D planning, investments, economy progress.

The forecasting of development trends and the timely revealing of new technical (technological) fields are the key prerequisite for an effective development of modern economy. Only reliable results of technological analysis (forecast) allow identifying new technologies, understanding the evolution of entire industries, carrying out strategic investment planning at the state level, and also planning R&D correctly. The aim of this work is to justify one of the possible approaches to the classification of technical (technological) fields in terms of assessing their relevance, novelty and short-term prospects. This approach is based on patent analysis, in particular, on the study of the time series features of US invention patents (1976–2018) for more than seventy-three thousand main groups (subgroups) of the 17th edition of the International Patent Classification (IPC17). The United States Patent and Trademark Office (USPTO) has been selected as the primary source of information because it is one of the world's largest and constantly updated patent resources, providing direct access to full-text descriptions. In the authors' opinion, a feature analysis of the US patent issue dynamics at time intervals (1976–2015, 2009–2018 and 2016–2018) allows dividing the IPC groups (subgroups) into the following three main clusters: “unpromising”, “promising” and “breakthrough”. In terms of the timely revealing of new, previously unknown, technologies or solutions in the technical field, or of the steadily growing technological trends, the “breakthrough” and “promising” subgroups are of the greatest practical interest. The article presents the results of an empirical classification of 71,266 subgroups (with a non-zero number of the issued patents since 1976 to 2018) in eight sections of the IPC17. These data may be useful for developers, researchers and R&D planners in solving complex scientific and technical problems, as well as for making short-term forecast estimates of a specific technical (technological) field development.

References

1. Ruotsalainen, L. (2008) Data Mining Tools for Technology and Competitive Intelligence. *VTT Tiedotteita – Research Notes 2451*. Espoo 2008.
2. Kortov, S.V., Shul'gin, D.B., Tolmachev, D.E. & Egarmina, A.D. (2017) Technology Trends Analysis Using Patent Landscaping. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 13 (3). pp. 935–947. (In Russian). DOI: 10.17059/2017-3-24
3. Liu, Z. et al. (2018) A patent analysis of prognostics and health management (PHM) innovations for electrical systems. *IEEE Access*. 6. pp. 18088–18107.
4. Kim, D. et al. (2012) Automated detection of influential patents using singular values. *IEEE Transactions on Automation Science and Engineering*. 9 (4). pp. 723–733.
5. Duan, H., et al. (2017) Tendency determining of knowledge-transfer evolution based on patent citation network. *13th International Conference on Natural Computation. Fuzzy*

Systems and Knowledge Discovery (ICNC-FSKD). pp. 1757–1763. DOI: 10.1109/ICE/ITMC39735.2016.9025846

6. Hao, X., Xie, N. & Sun, W. (2016) Analyzing technology development trend based on patent data. *3rd International Conference on Systems and Informatics (ICSAI)*. pp. 1056–1061. DOI: 10.1109/ICSAI.2016.7811107

7. Nam, S. & Kim, K. (2017) Monitoring Newly Adopted Technologies Using Keyword Based Analysis of Cited Patents. *IEEE Access*. 5. pp. 23086–23091. DOI: 10.1109/ACCESS.2017.2764478

8. Seo, W., Kim, N. & Choi, S. (2016) Big Data Framework for Analyzing Patents to Support Strategic R&D Planning. *IEEE 14th Intl Conf on Dependable, Autonomic and Secure Computing, 14th Intl Conf on Pervasive Intelligence and Computing, 2nd Intl Conf on Big Data Intelligence and Computing and Cyber Science and Technology Congress (DASC/PiCom/DataCom/CyberSciTech)*. pp. 746–753. DOI: 10.1109/DASC-PiCom-DataCom-CyberSciTech.2016.131

9. Gui, B., Liu, Y., Bai, X. & Zhang, J. (2017) Longitudinal Patent Analysis for Big Data Technology. *Portland International Conference on Management of Engineering and Technology (PICMET)*. pp. 1–8. DOI: 10.23919/PICMET.2017.8125461

10. Shin, J., Lee, S. & Wang, T. (2017) Semantic Patent Analysis System Based on Big Data. *IEEE 11th International Conference on Semantic Computing (ICSC)*. pp. 284–285. DOI: 10.1109/ICSC.2017.20

11. Sun, B. & Wang, H. (2018) Comparative study on chinese and global OLED industry based on patent data. *IEEE Access*. 6. pp. 72381–72391.

12. Li, X., Xie, Q. & Huang, L. (2019) Identifying the Development Trends of Emerging Technologies Using Patent Analysis and Web News Data Mining: The Case of Perovskite Solar Cell Technology. *IEEE Transactions on Engineering Management*. 99. pp. 1–16. DOI: 10.1109/TEM.2019.2949124

13. Ki, W. & Kim, K. (2017) Generating information relation matrix using semantic patent mining for technology planning: a case of nano-sensor. *IEEE Access*. 5. pp. 26783–26797.

14. Alksher, M.A. et al. (2016) A review of methods for mining idea from text. *Third International Conference on Information Retrieval and Knowledge Management (CAMP)*. pp. 88–93. DOI: 10.1109/INFRKM.2016.7806341

15. Zhu, L., Lu, X. & Xu, L. (2016) Patent Subject Words Extraction Based on Integrated Strategy Method. *15th International Symposium on Parallel and Distributed Computing (ISPDC)*. pp. 401–405. DOI: 10.1109/ISPDC.2016.68

16. Takano, K. et al. (2019) Extraction of Characteristic Terms from Patent Documents for Technical Trend Analysis. *8th International Congress on Advanced Applied Informatics (IIAI-AAI)*. pp. 667–672. DOI: 10.1109/IIAI-AAI.2019.00138

17. Avdzeyko, V.I. et al. (2019) Patent analysis: revealing the promising trends in the advancement of radio electronic systems using the reflection or reradiation of radio waves. *Radiopromyshlennost' – Radio industry*. 29 (1). pp. 53–61. (In Russian). DOI: 10.21778/2413-9599-2019-29-1-53-60

18. Yoon, J. & Kim, K. (2011) Identifying rapidly evolving technological trends for R&D planning using SAO-based semantic patent networks. *Scientometrics*. 88 (1). pp. 213–228.

19. Lee, C., Jeon, J. & Park, Y. (2011) Monitoring trends of technological changes based on the dynamic patent lattice: A modified formal concept analysis approach. *Technological Forecasting Social Change*. 78 (4). pp. 690–702.

20. Rodriguez, A. et al. (2016) Patent clustering and outlier ranking methodologies for attributed patent citation networks for technology opportunity discovery. *IEEE Transactions on Engineering Management*. 63 (4). pp. 426–437.

21. Yoon, J., Jeong, B., Lee, W.H. & Kim, J. (2018) Tracing the evolving trends in electronic skin (e-Skin) technology using growth curve and technology position-based patent bibliometrics. *IEEE Access*. 6. pp. 26530–26542.

22. Avdzeyko, V.I., Karnyshev, V.I. & Meshcheryakov, R.V. (2018) Patent analysis. Identification of promising and breakthrough technologies. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki – Russian Journal of Innovation Economics*. 8 (1). pp. 79–90. (In Russian).

23. Avdzeyko, V.I., Karnyshev, V.I. & Meshcheryakov, R.V. (2016) Forecasting of Power Electronics Development Directions Based on International Patent Classification Time Series. *Elektrotekhnicheskie i informatsionnye komplekсы i sistemy – Electrical and Data Processing Facilities and Systems*. 12 (2). pp. 23–28. (In Russian).

24. Avdzeyko, V.I. et al. (2015) Dynamics patent analysis of development in perspective trends of power electronics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 159–169. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/394/27

25. Paskal', E.S. et al. (2018) *A program for the formation of databases of US patent descriptions in the IPC subgroups G01S13/00, G01S15/00, G01S17/00*. Computer program registration certificate No. 2018662422. Registered in the register of Computer Programs on 08.10.2018. Application No. 2018619965 of 17.09.2018.

26. Paskal', E.S. et al. (2018) *A program for the automatic generation of time series of US patents in the 1976–2017 interval*. Computer program registration certificate No. 2018662921. Registered in the Register of Computer Programs on 17.10.2018. Application No. 2018619897 of 17.09.2018. (In Russian).

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 331.526

DOI: 10.17223/19988648/53/19

**О.С. Демченко, Ю.Ю. Сулова, С.К. Демченко,
С.А. Жиронкин, А.В. Волошин, В.Г. Подопригора**

ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТОВ НА СОВОКУПНЫЙ СПРОС

В статье представлен кейнсианско-институциональный подход к изучению макроэкономической динамики экономики переходного типа (на примере России). В работе предлагается подход, связанный с включением оценки институционального фактора в распределение национального дохода, а также авторский подход к моделированию влияния институтов на совокупный спрос, основанный на построении уравнений линейной регрессии, отражающих изменение потребления, инвестиций и институциональной среды. Предложенный подход применен для оценки макроэкономической динамики российской экономики, в которой в последние пять лет до пандемии COVID-19 наблюдалось снижение волатильности потребления и инвестиций, связываемое с макроэкономической стабилизацией и развитием институтов социальной поддержки. Однако ожидания экономических субъектов являются скорее неблагоприятными, и необходимы дальнейшие меры по стабилизации совокупного спроса. Согласно анализу официальных статистических данных, институциональные факторы значимо влияют на совокупный спрос, но не являются приоритетными. При этом общие условия институциональной среды сильнее отражаются на инвестициях, чем на потреблении. На этом основании сделан вывод о том, что прогресс институтов способен не только ускорить экономический рост, но и увеличить макроэкономические риски, поэтому он повышает ответственность политиков за принимаемые решения в области регулирования экономики.

Ключевые слова: кейнсианско-институциональный синтез, макроэкономическая динамика России, совокупный спрос, институциональная среда.

В настоящее время у экономистов возникает стремление к пересмотру мейнстрима и повышаются требования к объясняющей способности макроэкономических моделей. Распространенные в экономической теории взгляды все чаще подвергаются критике по причине преобладания эконометрического анализа над качественными интерпретациями, нереалистичности гипотезы о рациональности поведения экономических субъектов и совершенства рыночных механизмов, из-за предположения о возможности предсказания будущего, исходя из анализа прошлого. С целью решения обозначенных проблем нередко предлагают использовать синтетические теории, соединяющие в себе достижения нескольких школ экономической мысли. Одной из таких синтетических теорий является кейнсианско-институциональный синтез.

Дж.М. Кейнс [1] соединил подход к анализу макроэкономической динамики с позиции определяющей роли совокупного спроса с положениями институциональной теории; такой вывод можно сделать из его работ. Дж.М. Кейнс неоднократно подчеркивал значимое влияние факторов институциональной среды на поведение людей. Дж.М. Кейнс считал, что неопределенность будущего заставляет экономических субъектов следовать стандартам и нормам социального взаимодействия.

Проблемами, близкими институциональной экономике, все больше интересуются представители современного посткейнсианства. Например, вопросы информационной асимметрии рынков, смежной с теорией информационных издержек рыночных транзакций, рассматривали лауреаты Нобелевской премии 2001 г. Дж. Стиглиц [2] и Дж. Акерлоф [3]. Представители нового институционализма связывают асимметрию информации с ее неравномерным распределением между продавцом и покупателем, что создает необоснованное преимущество одной из сторон в обмене. Дж. Акерлоф также анализировал институты как инструменты оценки рыночной неопределенности, ликвидности товаров длительного пользования, структуры денежных рынков, понятия «страхуемости».

В становление посткейнсианского институционализма ряд экономистов уже внесли свой вклад. Так, В. Петерсон [4] определил ключевые принципы, общие для кейнсианской и институциональной теорий:

- государство является важнейшим экономическим субъектом, который может действовать как во благо, так и во вред экономике;
- экономическая деятельность должна изучаться как динамический процесс;
- поведение экономических субъектов значительно зависит от ожиданий по поводу неопределенного будущего;
- конфликт является внутренней составляющей социальной жизни из-за отсутствия заложенного внутри капитализма механизма экономического равновесия.

Обе теории – кейнсианство и институционализм, как подчеркивает Д. Дилард [5], уделяют особое внимание финансовым институтам и их влиянию на экономические циклы. В.Р. Бразелтон [6] указал на то, что институционализм и посткейнсианство изучают формирование цен и зарплат на реальных рынках, анализируют институциональные факторы заработной платы и рыночной наценки. Р.Р. Келлер [7] добавлял, что обе теории выступают за активное вмешательство государства в экономику, однако институционализм уделяет больше внимания механизму функционирования государства в экономике, а посткейнсианство – анализу экономических проблем, которые государство призвано решать (например, стагфляцию), используя широкий набор прямых и косвенных инструментов.

Р. Маршалл [8] назвал монетаризм и экономическую теорию предложения дискредитированными и призвал к синтезу институционализма и посткейнсианства. На этот вызов ответили Ч.К. Вилбер и К.П. Джеймсон в своей работе 1983 г. [9], в которой кейнсианско-институциональная теория

рассматривается как холистическая (экономика не отделяется от других сфер жизни общества), систематическая (все части взаимозависимы), эволюционная и направленная на решение реальных экономических проблем. В середине 1980-х гг. с участием Х. Мински кейнсианско-институциональной теории было задано новое направление развития – изучение экономической нестабильности с акцентом на взаимодействие макроэкономики и финансов. Х. Мински считался одновременно посткейнсианцем и институционалистом. В 1969 г. он написал, что монетарная экономика «не может не быть институциональной» [10, с. 225].

К. Ниггл [11] в работе, посвященной синтезу институциональной и посткейнсианской макроэкономики, отмечает, что представители посткейнсианства и институционализма прокомментировали теоретические и концептуальные общности между этими двумя школами, причем некоторые из них предложили теоретический синтез, основанный на общих чертах. Вместе с тем К. Ниггл утверждал, что, несмотря на наличие общности, каждая традиция разработала существенно различные методы анализа, поэтому предложил вместо теоретического или концептуального синтеза представить методологический синтез, сочетающий элементы «институциональной динамики» с эвристической структурой, основанной на «инструментальной логике» Джона Дьюи, и предположил, что такой подход преодолевает недостатки в методах анализа обеих школ.

В современных русскоязычных публикациях мысль о методологической совместимости посткейнсианства и институционализма развивают И.В. Розмаинский [12], Т.В. Гайдай [13] и др.

В работах нобелевского лауреата Д. Норта [14], в трудах Дж. Ходжсона [15] рассматривается идея о влиянии институтов на макроэкономическую динамику в разрезе исторического подхода [16].

После мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., значительно возросла популярность идей кейнсианства с его допущениями о несовершенной конкуренции на рынках и необходимости государственного регулирования на уровне макроэкономики. При этом неoinституциональная теория выступает хорошим микроэкономическим средством прогнозирования и обоснования причин шоков совокупного спроса. Кейнсианско-институциональная теория уделяет особое внимание макроэкономической динамике, институциональным изменениям, структурным сдвигам (например, Х. Мински подчеркивал важность структурных сдвигов в финансово-банковской сфере [10]).

Применительно к проблеме нелинейности макроэкономической динамики кейнсианско-институциональная теория рассматривает экономический цикл как внутренне присущий современной рыночной экономике. Хотя до сих пор различным экономическим циклам нет единого объяснения, часто используется типичное для институционализма понимание расширения и сужения кредита как фактора макроэкономических колебаний. В рамках неoinституциональной теории анализ экономического цикла ведется по различным направлениям интегрированно, с эволюционных пози-

ций. В качестве противоциклической политики предлагаются способы подстройки институтов, позволяющие продлить подъемы и сократить спады.

Современная кейнсианско-институциональная теория также включает «гипотезу финансовой нестабильности», т. е. предположение о неэффективности и несовершенстве финансовых рынков и фундаментальной неопределенности при принятии финансовых решений. Гипотеза финансовой нестабильности восходит к работам Х. Мински и предполагает, что финансовые «пузыри» и кризисы являются неизбежными в рыночной экономике [10].

Таким образом, несмотря на имеющийся плюрализм подходов относительно взаимодействия основных положений посткейнсианства и институционализма, до сих пор остается слабоизученной проблема влияния структурных и институциональных изменений на макроэкономическую динамику. Данный вопрос в работах исследователей зачастую рассматривается с позиций эконометрического моделирования [17, 18]. Сложность заключается в неоднозначности выводов о мере влияния на макроэкономическую динамику структурных и институциональных факторов [16].

Следовательно, существует потребность в подходе к анализу влияния институциональных факторов на макроэкономическую динамику, опирающихся на количественную оценку таких индикаторов, как инвестиции и потребление, и качественную оценку формирования институтов рынка и государства.

На наш взгляд, институциональные изменения влияют на совокупный спрос, его структуру и чувствительность к различным факторам [19], тем самым отражаясь на его волатильности и макроэкономической динамике. Вместе с тем к настоящему времени недостаточно работ, содержащих интеграцию оценки качества институтов и традиционных кейнсианских функций потребления и инвестиций.

В данной работе основные индикаторы оценки качества институтов использованы агрегированно, на основе значения компонентов «Отчета о конкурентоспособности» Всемирного экономического форума за 2016–2019 гг. (из первого столбца «Институты» (“Institutions”)) [20–23]. Поскольку методология расчета глобального индекса конкурентоспособности за данный период менялась, нами были отобраны десять наиболее характерных институциональных факторов, влияющих на потребление и инвестиции. В набор этих институтов входят: надежность полицейских служб, организованная преступность, бремя государственного регулирования, независимость судебной системы, эффективность правовой базы в оспаривании нормативных актов, права собственности и защита интеллектуальной собственности, нерегулярные выплаты и взятки (с 2018 г. – случаи коррупции), стандарты аудита и отчетности, эффективность советов директоров корпораций (с 2018 г. – акционерное управление). Поскольку все эти институты определяют рамки экономической деятельности в целом, мы считаем, что они влияют как на инвестиции, так и на потребление.

Для сравнения влияния развития институтов на макроэкономическую динамику были составлены уравнения линейной регрессии с определением ко-

эффициента корреляции (R^2) и критерия Дурбина–Уотсона (DW) и вычислены соответствующие их значения для различных оценок качества институтов.

Для оценки влияния институтов на макроэкономическую динамику были использованы широко известные кейнсианские функции потребления и инвестиций [24]; мы ввели в них некоторые изменения, учитывающие уровень развития институтов [уравнения (1) и (2)]. Предполагая влияние институциональных факторов на волатильность потребления и инвестиций, внесем их в угловые коэффициенты соответствующих уравнений:

$$C = C_a + (MPC + A \cdot I)Y, \quad (1)$$

где C – валовое потребление; C_a – автономное потребление, не зависящее от уровня реального располагаемого дохода; MPC – предельная склонность к потреблению; A – угловой коэффициент, отражающий степень влияния институциональных факторов на потребление; I – институциональный индикатор; Y – валовый внутренний продукт.

$$Ig = I_a + (MPI + B \cdot I)Y, \quad (2)$$

где Ig – валовые инвестиции; I_a – автономные инвестиции, не зависящее от уровня национального дохода; MPI – предельная склонность к инвестированию; B – угловой коэффициент, отражающий степень влияния институциональных факторов на инвестиции.

В качестве институционального индикатора I мы использовали среднее значение выбранного набора показателей, входящих в столбец «Институты» индекса глобальной конкурентоспособности, ежегодно публикуемого Всемирным экономическим форумом.

Для удобства оценивания разделим функции (1) и (2) на Y (GDP) и получим

$$\frac{C}{Y} = \frac{C_a}{Y} + MPC + A \cdot I, \quad (3)$$

$$\frac{Ig}{Y} = \frac{I_a}{Y} + MPI + B \cdot I. \quad (4)$$

Из-за невозможности высокой точности оценивания статистическими данными автономных инвестиций и потребления слагаемыми $\frac{C_a}{Y}$ и $\frac{I_a}{Y}$ в (3) и (4) можно пренебречь. В результате получим следующий вид уравнений для оценивания:

$$\frac{C}{Y} = MPC + A \cdot I, \quad (5)$$

$$\frac{Ig}{Y} = MPI + B \cdot I. \quad (6)$$

Для устранения значительной автокорреляции остатков модели и влияния неблагоприятной динамики инвестиций в анализируемом периоде воспользуемся методом последовательных разностей для оценивания функции инвестиций. В итоге получим

$$\Delta \frac{Ig}{Y} = B \cdot \Delta I. \quad (7)$$

Уравнения (5) и (7) позволяют вывести уравнения линейной регрессии для количественной оценки влияния институционального фактора на макроэкономическую динамику, в частности, потребления и инвестиций, как важнейших составляющих распределения ВВП.

Выбор российской экономики в качестве объекта исследования обусловлен ее особым положением в ряду современных моделей – рыночная экономика с высокой долей государства в инвестициях (до 30%) и занятости (до 25%), с развитой промышленностью и сравнительно невысокой национальной конкурентоспособностью, с высоким уровнем потребления и неудовлетворительным состоянием предпринимательского сектора. Все это свидетельствует в пользу авторской гипотезы зависимости макроэкономической динамики от качества институтов.

На современном кризисном этапе большое значение придается макроэкономической стабилизации. Ориентируясь на кейнсианско-институциональный синтез, основным драйвером макроэкономической динамики мы считаем совокупный спрос, поведение которого зависит от институциональных факторов. В структуре совокупного спроса потребление является наиболее значимым компонентом и способно оказывать стабилизирующее воздействие своей низкой волатильностью. По расчетам авторов, в период до распространения коронавирусной инфекции в России волатильность потребления стабильно превышала волатильность ВВП – 3,7% против 2,2% за 2016–2019 гг. [25]. Для стабилизации макроэкономической динамики необходимо сокращение амплитуды колебаний потребления.

Оценка институционального фактора макроэкономической динамики российской экономики проводилась с учетом широко известного рейтинга, подготовленного Всемирным экономическим форумом. В 2016–2019 гг. в развитии российской экономики не произошло каких-либо резких колебаний. По данным «Отчета о конкурентоспособности», в этот период Россия по глобальному индексу конкурентоспособности занимала место в последней части первой трети из 138–141 обследованных стран (табл. 1).

Таблица 1. Положение Российской Федерации в глобальном индексе конкурентоспособности по уровню развития основных институтов государства и бизнеса

№	Индикаторы	2016		2017		2018		2019	
		Место / 138	Значение	Место / 137	Значение	Место / 140	Значение	Место / 141	Значение
1	Индекс глобальной конкурентоспособности	43	4,5	38	4,6	43	66,0	43	66,7
2	Строка «Институты»	88	3,6	83	3,7	72	52,7	74	53,0
3	Надежность полицейских служб	109	3,5	98	3,8	88	4,1	93	4,0
4	Организованная преступность	85	4,4	86	4,5	78	4,7	73	4,6
5	Бремя государственного регулирования	103	3,0	79	3,3	73	3,3	90	3,2
6	Независимость судебной системы	95	3,4	90	3,5	92	3,3	91	3,2
7	Эффективность правовой базы в оспаривании нормативных актов	91	3,3	77	3,1	79	3,2	93	3,1

№	Индикаторы	2016		2017		2018		2019	
		Ме- сто / 138	Зна- чение	Ме- сто / 137	Зна- чение	Ме- сто / 140	Зна- чение	Ме- сто / 141	Зна- чение
8	Права собственности	123	3,5	116	3,6	112	3,6	113	3,7
9	Защита интеллектуальной собственности	117	3,5	93	3,7	85	3,9	90	3,8
10	Нерегулярные выплаты и взятки (с 2018 г. – случаи коррупции)	83	3,6	76	3,8	113	2,9	116	2,8
11	Стандарты аудита и отчетности	103	4,0	100	4,0	89	7,3	97	4,3
12	Эффективность советов директоров корпораций (с 2018 г. – акционерное управление)	73	4,8	51	5,0	15	7,3	17	7,3
13	Средне значение (I)		3,7		3,8		4,4		4,1

Значение институционального индикатора (*I*) мы определили как среднее значение составляющих строки «Институты» для каждого года (табл. 1). Как следует из данных, представленных в табл. 1, Россия, сохраняя 43-е место в общем рейтинге, постепенно улучшает институциональную среду (подъем с 88-го на 74-е место за 2016–2019 гг.). Можно наблюдать подъем в рейтинге по уровню надежности полицейских служб и противодействию организованной преступности, бремени государственного регулирования, эффективности советов директоров корпораций, стандартам аудита и отчетности, правам собственности и защите интеллектуальной собственности. Вместе с тем по независимости судебной системы и эффективности правовой базы в оспаривании нормативных актов, нерегулярным выплатам и взяткам Российская Федерация теряет места в глобальном индексе конкурентоспособности.

Наряду с институциональными индикаторами национальной конкурентоспособности для российской экономики отмечается рост показателя макроэкономической стабильности в глобальном индексе конкурентоспособности – в 2019 г. – 43-е место из 143, за счет показателей инфляции (1-е) и динамики государственного долга (43-е). Кроме того, в 2019 г. наблюдается улучшение инновационного потенциала России (32-е место), благодаря постоянным расходам на НИОКР (34-е место) и повышению качества научно-исследовательских институтов (9-е место).

Все это позволяет охарактеризовать институциональную динамику российской экономики в 2016–2019 гг. как слабоположительную, с неустойчивым трендом роста. В частности, в 2019 г. произошел спад большинства показателей качества институтов, что привело к снижению среднего значения *I* с 4,4 до 4,1 – после роста с 3,7 до 4,4 с 2016 г.

Для оценки экономической динамики Российской Федерации были проанализированы квартальные и годовые данные ВВП, потребления и инвестиций в 2016–2019 гг. (рис. 1).

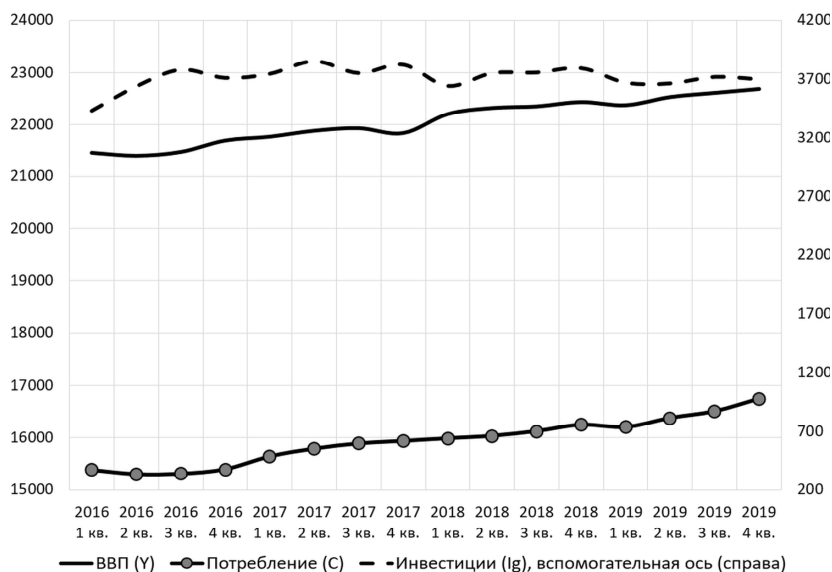

Рис. 1. Динамика ВВП (Y), потребления (C) и валовых инвестиций (Ig) в Российской Федерации (по вспомогательной оси) в постоянных ценах 2016 г. с исключением сезонного фактор, млрд руб. [26]

Представленная на рис. 1 динамика основных компонентов совокупного спроса – потребления и инвестиций – позволяет отметить следующие ее черты. Несмотря на незначительный рост ВВП в постоянных ценах – на 4,9% за 2016–2019 гг., рост потребления составил 7,23%, отличаясь большей волатильностью. При этом с 1-го квартала 2018 г. по 4-й квартал 2019 г. волатильность потребления в постоянных ценах 2016 г. снижалась. Коэффициент вариации для нее составил 2,49%, стабильно превышая аналогичный показатель для ВВП в целом (1,93%), хотя инвестиции остались наименее стабильным компонентом ВВП с коэффициентом вариации 4,42%. Однако общий рост инвестиций за 2016–2019 гг. составил всего 1,3%, что предполагает их большую подверженность воздействию со стороны институциональной среды, чем потребления. Годовые средние значения институционального индикатора и макроэкономических показателей представлены в табл. 2.

Как следует из данных табл. 2, наряду со снижением качества институтов в 2019 г. (среднее значение институционального индикатора снизилось в 2019 г. с 4,4 до 4,1 – после роста с 3,7 до 4,4 с 2016 г.), для динамики инвестиций в анализируемом периоде характерны неблагоприятные тенденции. Хотя инвестиции в среднем растут, темп их роста замедляется (составив в 2019 г. 1,3% относительно 2016 г.), а предельная склонность к инвестированию MPI , рассчитанная по квартальным данным, снижается, уходя в отрицательную область. Динамика инвестиций может свидетельствовать о неблагоприятных ожиданиях инвесторов – несмотря на достигнутую в

2019 г. макроэкономическую стабилизацию, предприниматели ожидают кризиса. Виной тому они видят не только экзогенный фактор пандемии COVID-19, но и ухудшение институциональной среды и макроэкономической динамики.

Таблица 2. Годовые значения институционального индикатора (среднее) и макроэкономической динамики российской экономики (в постоянных ценах 2016 г. с исключением сезонного фактора)

Годовые значения	2016	2017	2018	2019
Среднее значение институционального индикатора (<i>I</i>)	3,7	3,8	4,4	4,1
ВВП (<i>Y</i>), млрд руб.	8 6024,4	87 422,7	89 324,6	90 210,1
Потребление (<i>C</i>), млрд руб.	6 1396,2	63 261,8	64 399,3	65 834,6
Валовые инвестиции (<i>Ig</i>), млрд руб.	14 560,1	15 167,4	14 940,1	14 749,1

В свою очередь, наиболее сильными колебаниями и высокими долями в структуре потребления в текущих, а не в постоянных ценах характеризуются расходы на продукты питания, транспорт и организацию отдыха. Таким образом, в среднем потребители меняют свое поведение за счет изменения структуры расходов на эти статьи. Уменьшение колебаний потребления можно связать с общей макроэкономической стабилизацией после кризиса 2014–2015 гг., а также с совершенствованием институтов поддержки малоимущих, семей с детьми, заемщиков по кредитам. Однако при этом общая задолженность физических лиц по кредитам в рублях продолжает расти, хотя и медленными темпами (в декабре 2019 г. она увеличилась на 1,06%).

Вероятными причинами нестабильности потребления населения являются ожидание кризиса в российской экономике, снижение реальных доходов, закредитованность потребителей. Во 2-м квартале 2020 г. индекс потребительской уверенности резко упал до значения –30 с –11 в прошлом квартале. Близкие значения данного индекса наблюдались во время кризиса в 2015 г. [27]. Население воспринимает ситуацию в экономике как предкризисную. Реальные доходы населения демонстрировали тенденцию к снижению в 2014–2017 гг., и только в 2018 и 2019 гг. произошел незначительный рост в пределах 1% [28]. За период с 01.01.2020 по 01.08.2020, несмотря на пандемию и связанные с ней ограничения, задолженность домохозяйств по кредитам выросла на 5,8% [29].

Для количественной оценки влияния институциональных факторов на макроэкономическую динамику на примере Российской Федерации были составлены уравнения линейной регрессии для показателей соотношения потребления и ВВП (8), и инвестиций и ВВП (9), на основе уравнений (5) и (7) с использованием данных официальной государственной статистики (представлены на рис. 1 и в табл. 2), а также показателя, отражающего значение столбца «Институты» индекса глобальной конкурентоспособности:

$$\frac{C}{Y} = 0,54 + 0,05 \cdot I. \quad (8)$$

При полученных значениях коэффициента корреляции R^2 и критерия Дурбина–Уотсона DW ($R^2 = 0,26, DW = 0,9$) а уравнение регрессии и его коэффициенты значимы на уровне 6%:

$$\Delta \frac{I_g}{Y} = 0,10 \cdot \Delta I. \quad (9)$$

При $R^2 = 0,31, DW = 2,01$ уравнение регрессии и его коэффициент значимы на уровне 3%.

Построение линий динамики показателей $\frac{C}{Y}$ и $\Delta \frac{I_g}{Y}$ представлено на рис. 2.

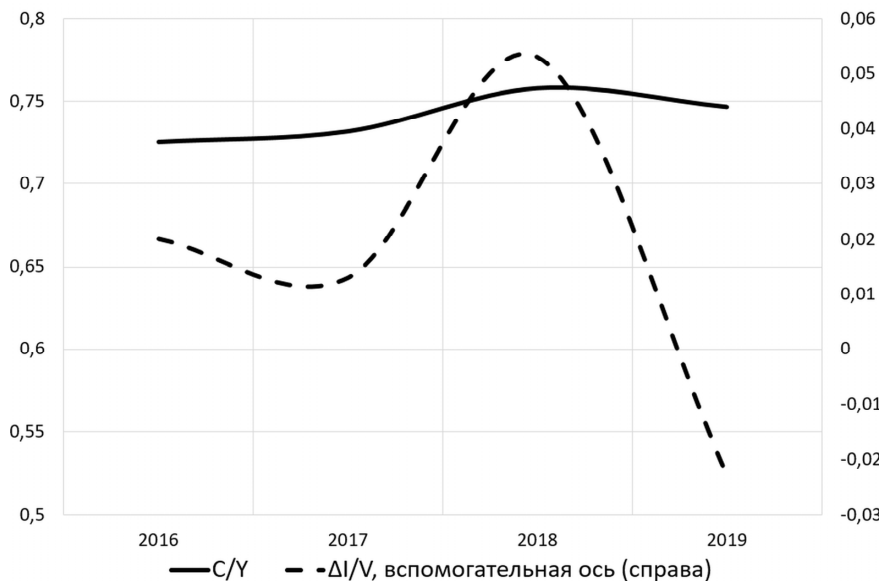

Рис. 2. Динамика показателей C/Y и $\Delta I/Y$ в российской экономике

Как следует из данных, представленных на рис. 2, полученные результаты позволяют предполагать наличие слабого влияния институтов на потребление и более значительного – на инвестиции. Поскольку используемый индикатор отражает общие условия институциональной среды в стране, понятна их большая важность для инвесторов. При этом влияние институтов на совокупный спрос является значимым, но не преобладающим, что согласуется с теоретическими положениями.

Согласно уравнениям (8) и (9) прогресс институтов приводит к увеличению чувствительности совокупного спроса к изменениям дохода. Таким образом, он может стать источником как ускоренного экономического роста, так и дополнительных макроэкономических рисков. В данной модели высокое качество институтов увеличивает ответственность лиц, принимающих политические решения.

Невысокие значения коэффициентов корреляции и проведенное исследование динамики потребления и инвестиций говорят о необходимости

использовать другие более специфичные индикаторы институциональных изменений, учитывающие правила и нормы, касающиеся потребителей и инвесторов напрямую. Построение таких индикаторов является перспективной задачей.

Анализ влияния изменения институциональных условий развития экономики (согласно оценкам национальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума) на макроэкономическую динамику в России позволил выделить две закономерности. Первая из них заключается в том, что институциональные изменения, фиксируемые «Отчетами о конкурентоспособности», в большей степени влияют на инвестиции, чем на потребление. Вторая закономерность связана с двойственным влиянием улучшения институтов на совокупный спрос и ВВП, поскольку в результате улучшения институциональной составляющей растет чувствительность совокупного спроса к изменениям национального дохода. Для стран с транзитивной экономикой (таких как Российская Федерация) это означает опасность резкого усиления волатильности потребления, инвестиций и ВВП при определенных ухудшениях институтов, следующих за периодами их улучшения.

В частности, распространение коронавирусной инфекции и принятые по этому поводу ограничительные меры стали своего рода «институциональным экспериментом» на потребительском спросе населения. Органы власти установили жесткие «правила игры», в результате чего подтвердилась потенциальная возможность стабилизировать совокупный спрос через воздействие на потребление. Население в среднем не проявляло признаков паники в связи с COVID-19, изменяя структуру потребления только в связи с запретами на деятельность соответствующих организаций. После отмены ограничительных мер потребители активно реализовывали отложенный спрос, стремясь к некоему среднему его уровню.

Наряду с важностью совершенствования институтов стимулирования инвестиций в эпоху высокой волатильности, обусловленной экзогенными кризисными явлениями (пандемия COVID-19), для стабилизации совокупного спроса необходимо дальнейшее совершенствование институтов государственной поддержки потребления. В частности, важной видится разработка программы развития институциональной среды поддержки потребления. Ее приоритетными направлениями должны стать совершенствование институтов помощи малоимущим, контроля рисков кредитования и банкротства потребителей. В Российской Федерации по всем этим направлениям работа ведется уже сегодня. В период распространения новой коронавирусной инфекции установлены пособия семьям с детьми, повышенные пособия и увеличенный срок выплат по безработице, доплаты медикам, налоговые, арендные и кредитные каникулы. Представляется целесообразным, помимо постоянно действующих мер социальной поддержки, разработать такие, которые будут вводиться только на время неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры. Все эти мероприятия должны проводиться системно и целенаправленно для стабилизации мак-

роэкономической динамики через развитие институтов поддержки потребления.

Все вышесказанное свидетельствует в пользу важности дальнейших исследований индикаторов развития институтов и методов учета влияния на макроэкономическую динамику. В частности, будущие исследования должны дать теоретические положения о форме и видах связи антикризисных институциональных инструментов макроэкономического регулирования в пандемийном и постпандемийном мире с действующими институтами стимулирования экономического развития, подтверждаемые новыми трендами макроэкономической динамики.

Литература

1. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2017. 352 с.
2. Stiglitz J.E. Post Walrasian and Post Marxian economics. The Journal of Economic Perspectives // American Economic Association. 1993. Vol. 7, № 1. P. 109–114.
3. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91–104.
4. Peterson W.C. Institutionalism, Keynes and the Real World // Journal of Economic Issues. 1977. № 11 (2). P. 201–221.
5. Dillard D. A Monetary Theory of Production: Keynes and the Institutionalists // Journal of Economic Issues. 1980. № 14 (2). P. 255–273.
6. Brazelton W.R., Whalen C.J. Towards a Synthesis of Institutional and Post-Keynesian Economics // Financial Instability and Economic Security after the Great Recession. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. 655 p.
7. Keller R.R. Keynesian and Institutional Economics: Compatibility and Complementarity? // Journal of Economic Issues. 1983. № 17 (4). P. 1087–1095.
8. Marshall R. Comments on the Institutional View of Reaganomics // Journal of Economic Issues. 1983. № 17 (2). P. 503–506.
9. Wilber C.K., Jameson K.P. An Inquiry into the Poverty of Economics. Notre Dame, Indiana : University of Notre Dame Press, 1983. 608 p.
10. Minsky H.P. Private Sector Asset Management and the Effectiveness of Monetary Policy: Theory and Practice // The Journal of Finance. 1969. № 24 (2). P. 223–228.
11. Niggle C. Evolutionary Keynesianism: A Synthesis of Institutional and Post Keynesian Macroeconomics // Journal of Economic Issues. 2006. Vol. XL, № 2. P. 405–412.
12. Розмаинский И.В. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистическая экономическая теория XXI века // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 3. С. 28–35.
13. Гайдай Т.В. Институционализм и современные течения кейнсианства: аспекты методологического взаимодействия // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3, № 3. С. 10–18.
14. North D. The role of institutions in economic development. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/oes/disc_papers/ECE_DP_2003-2.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
15. Hodgson G.M. Post-Keynesian and institutionalism: the missing link // New Directions in Post-Keynesian Economics. Aldershot: Edward Elgar, 1989. 812 p.
16. Сулова Ю.Ю., Демченко О.С. Структурные и институциональные факторы современных экономических кризисов // Микроэкономика. 2017. № 1. С. 5–9.

17. Canova F., Ciccarelli M., Ortega E. Do institutional changes affect business cycles? Evidence from Europe. URL: <http://apps.eui.eu/Personal/Canova/Articles/institchanges.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

18. Dijk D., Strikholm B., Terasvirta T. The effects of institutional and technological change and business cycle fluctuations on seasonal patterns in quarterly industrial production series. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/56321/1/333194179.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

19. Александров Ю.Л., Суслова Ю.Ю., Демченко С.К., Мельникова Т.А., Демченко О.С. Проблемы эффективности и устойчивости развития макроэкономической системы: монография. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2015. 163 с.

20. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2016-2017. Geneva : World Economic Forum, 2016. 400 p.

21. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2017-2018. World Economic Forum. Geneva : World Economic Forum, 2017. 393 p.

22. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2018. World Economic Forum. Geneva : World Economic Forum, 2018. 671 p.

23. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum. Geneva : World Economic Forum, 2019. 666 p.

24. Boug P., Cappelen A., Jansen E.S., Swensen A.R. The consumption Euler equation or the Keynesian consumption function? Oslo : Statistics Norway, 2019. 230 p.

25. Росстат. Исползованный ВВП. Квартальные данные (в постоянных ценах с исключением сезонного фактора). URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 09.11.2020).

26. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.11.2020).

27. Индекс потребительской уверенности // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2020).

28. Располагаемые денежные доходы населения РФ // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2020).

29. Сведения по кредитам в рублях, долларах США и евро населению // Банк России: официальный сайт. URL: http://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 08.11.2020).

The Influence of Institutional Factors on Macroeconomic Dynamics (On the Example of the Russian Federation)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 53. pp. 279–293. DOI: 10.17223/19988648/53/19

Olga S. Demchenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ODemchenko@sfu-kras.ru

Yulia Yu. Suslova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: YSuslova@sfu-kras.ru

Svetlana K. Demchenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: sdemchenko@sfu-kras.ru

Sergey A. Zhironkin, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhironkin@inbox.ru

Andrey V. Voloshin, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: avvoloshin@sfu-kras.ru

Vladimir G. Podoprighora, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: VPodoprighora@sfu-kras.ru

Keywords: Keynesian-institutional synthesis, macroeconomic dynamics of Russia, aggregate demand, institutional environment.

The article presents an original Keynesian-institutional approach to studying the macroeconomic dynamics of a transitional economy (on the example of Russia). The article proposes theoretical provisions related to the inclusion of an assessment of the institutional factor in the distribution of national income, as well as an authorial approach to modeling the relationship between institutions and aggregate demand based on the construction of linear regression equations, including changes in consumption, investment and institutional environment. Currently, economists have a desire to revise the mainstream and increase the requirements for the explanatory ability of macroeconomic models. The views widespread in economic theory are increasingly criticized due to the predominance of econometric analysis over qualitative interpretations, the unrealistic hypotheses of the rationality of economic agents' behavior and the perfection of market mechanisms based on the assumption that it is possible to predict the future based on an analysis of the past. In order to solve the indicated problems, it is often proposed to use synthetic theories that combine the achievements of several schools of economic thought. One of these synthetic theories is Keynesian-institutional synthesis. The proposed approach is applied to assess the macroeconomic dynamics of the Russian economy, in which a decrease in consumption and investment volatility have been observed over the past five years, which is associated with macroeconomic stabilization and the development of social support institutions. However, the expectations of economic agents are rather unfavorable, and further measures are needed to stabilize aggregate demand. According to the analysis of official statistics, institutional factors significantly affect aggregate demand, but are not of priority. At the same time, the general conditions of the institutional environment have a stronger effect on investment than on consumption. On this basis, it has been concluded that the progress of institutions can not only accelerate economic growth, but also increase macroeconomic risks; therefore, it increases the responsibility of politicians for decisions in the field of economic regulation.

References

1. Keynes, J. (2017) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest, and Money]. Translated from English. Moscow: Gelios ARV.
2. Stiglitz, J.E. (1993) Post Walrasian and Post Marxian economics. *The Journal of Economic Perspectives. American Economic Association*. 7 (1). pp. 109–114.
3. Akerlof, G. (1994) The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *THESIS*. 5. pp. 91–104. (In Russian).
4. Peterson, W.C. (1977) Institutionalism, Keynes and the Real World. *Journal of Economic Issues*. 11 (2). pp. 201–221.
5. Dillard, D. (1980) A Monetary Theory of Production: Keynes and the Institutionalists. *Journal of Economic Issues*. 14 (2). pp. 255–273.
6. Brazelton, W.R. & Whalen, C.J. (2011) Towards a Synthesis of Institutional and Post-Keynesian Economics. In: Whalen, C.J. (ed.) *Financial Instability and Economic Security after the Great Recession*. Cheltenham: Edward Elgar.
7. Keller, R.R. (1983) Keynesian and Institutional Economics: Compatibility and Complementarity? *Journal of Economic Issues*. 17 (4). pp. 1087–1095.
8. Marshall, R. (1983) Comments on the Institutional View of Reaganomics. *Journal of Economic Issues*. 17 (2). pp. 503–506.
9. Wilber, C.K. & Jameson, K.P. (1983) *An Inquiry into the Poverty of Economics*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press.
10. Minsky, H.P. (1969) Private Sector Asset Management and the Effectiveness of Monetary Policy: Theory and Practice. *The Journal of Finance*. 24 (2). pp. 223–228.
11. Niggle, C. (2006) Evolutionary Keynesianism: A Synthesis of Institutional and Post-Keynesian Macroeconomics. *Journal of Economic Issues*. XL (2). pp. 405–412.

12. Rozmainitskiy, I.V. (2003) Postkeynsianstvo + traditsionnyy institutsionalizm = tselostnaya realisticheskaya ekonomicheskaya teoriya XXI veka [Keynesianism + traditional institutionalism = holistic realistic economic theory of the 21st century]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (3). pp. 28–35.
13. Gayday, T.V. (2011) Institutsionalizm i sovremennyye techeniya keynsianstva: aspekty metodologicheskogo vzaimodeystviya [Institutionalism and Modern Currents of Keynesianism: Aspects of methodological interaction]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 3 (3). pp. 10–18.
14. North, D. (2003) *The role of institutions in economic development*. [Online] Available from: http://www.uncece.org/fileadmin/DAM/oes/disc_papers/ECE_DP_2003-2.pdf (Accessed: 08.11.2020).
15. Hodgson, G.M. (1989) Post-Keynesian and institutionalism: the missing link. In: Pheby, J. (ed.) *New Directions in Post-Keynesian Economics*. Aldershot: Edward Elgar.
16. Suslova, Yu.Yu. & Demchenko, O.S. (2017) Strukturnye i institutsional'nye faktory sovremennykh ekonomicheskikh krizisov [Structural and institutional factors of cotemporary economic crises]. *Mikroekonomika*. 1. pp. 5–9.
17. Canova, F., Ciccarelli, M. & Ortega, E. (2012) *Do institutional changes affect business cycles? Evidence from Europe*. [Online] Available from: <http://apps.eui.eu/Personal/Canova/Articles/institchanges.pdf> (Accessed: 08.11.2020).
18. Dijk, D., Strikholm, B. & Terasvirta, T. (2001) *The effects of institutional and technological change and business cycle fluctuations on seasonal patterns in quarterly industrial production series*. [Online] Available from: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/56321/1/333194179.pdf> (Accessed: 08.11.2020).
19. Aleksandrov, Yu.L. et al. (2015) *Problemy effektivnosti i ustoychivosti razvitiya makroekonomicheskoy sistemy* [Problems of the efficiency and sustainability of the development of the macroeconomic system]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
20. Schwab, K. (2016) *The Global Competitiveness Report 2016–2017*. Geneva: World Economic Forum.
21. Schwab, K. (2017) *The Global Competitiveness Report 2017–2018*. Geneva: World Economic Forum.
22. Schwab, K. (2018) *The Global Competitiveness Report 2018*. Geneva: World Economic Forum.
23. Schwab, K. (2019) *The Global Competitiveness Report 2019*. Geneva: World Economic Forum.
24. Boug, P., Cappelen, A., Jansen, E.S. & Swensen, A.R. (2019) *The consumption Euler equation or the Keynesian consumption function?* Oslo: Statistics Norway.
25. Rosstat. (2020) *Ispol'zovanny VVP. Kvartal'nye dannye (v postoyannykh tsenakh s isklyucheniem sezonnogo faktora)* [Used GDP. Quarterly data (at constant prices excluding the seasonal factor)]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru> (Accessed: 09.11.2020).
26. *Federal State Statistics Service*. [Online] Available from: <http://www.gks.ru> (Accessed: 08.11.2020).
27. Rosstat. (2020) *Indeks potrebitel'skoy uverennosti* [Consumer Confidence Index]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru> (Accessed: 08.11.2020).
28. Rosstat. (2020) *Raspolagaemye denezhnye dokhody naseleniya RF* [Disposable monetary incomes of the population of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru> (Accessed: 08.11.2020).
29. Central Bank of Russia. (2020) *Svedeniya po kreditam v rublyakh, dollarakh SShA i evro naseleniyu* [Information on loans in rubles, US dollars and euros to the population]. [Online] Available from: http://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (Accessed: 08.11.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДЗЕЙКО Владимир Игоревич – кандидат технических наук, научный сотрудник, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (г. Томск). E-mail: avdzejkovi@yandex.ru

АНДРЕЯНОВА Елена Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (г. Иркутск). E-mail: elena_andreyanova@mail.ru

БЕЛЯЕВ Виктор Иванович – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций, Алтайский государственный университет (г. Барнаул). E-mail: belyaevvi@mail.ru

ВИКТОРОВА Наталья Геннадьевна – доктор экономических наук, доцент, профессор Высшей инженерно-экономической школы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург). E-mail: viktrova_ng@spbstu.ru

ВОЛОШИН Андрей Владимирович – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры торгового дела и маркетинга, Сибирский федеральный университет, (г. Красноярск). E-mail: avvoloshin@sfu-kras.ru

ВЫЛКОВА Елена Сергеевна – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург). E-mail: vylkova-es@ganepa.ru

ГОРЧАКОВ Виктор Васильевич – профессор, доктор технических наук, профессор кафедры экономики таможенного дела и управления, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (г. Владивосток). E-mail: gorchakov.vv@vfirta.ru

ДЕМЧЕНКО Ольга Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления бизнес-процессами, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: ODemchenko@sfu-kras.ru

ДЕМЧЕНКО Светлана Капитоновна – доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры торгового дела и маркетинга, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: sdemchenko@sfu-kras.ru

ДЕБРЕНН Мишель – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск). E-mail: coor-france@nsu.ru

ДЪЯКОВ Владимир Иванович – профессор, доктор исторических наук, проректор-директор Владивостокского филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток). E-mail: vid@vfirta.ru

ЖИРОНКИН Сергей Александрович – доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры торгового дела и маркетинга, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); профессор Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (г. Томск). E-mail: zhironkin@inbox.ru

ИСМАГИЛОВА Юлия Дамировна – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (г. Владивосток). E-mail: Isma-86@yandex.ru

КАЗ Евгения Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: gk123a@mail.ru

КАРНЫШЕВ Владимир Иванович – кандидат технических наук, руководитель патентно-информационного отдела, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (г. Томск). E-mail: karnychev@yandex.ru

КОЛОМКИНА Марина Владимировна – председатель Наблюдательного совета, Самарский областной ревизионный союз сельскохозяйственных кооперативов «Средняя Волга». E-mail: kolomkinamv@mail.ru

КОТОВ Александр Владимирович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра пространственной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; старший научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН (г. Москва). E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

МАЙЕР Георгий Владимирович – доктор физико-математических наук, президент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: mayer_gv@mail.tsu.ru

НАУМОВ Владимир Николаевич – доктор военных наук, кандидат технических наук, заведующий кафедрой бизнес-информатики Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург). E-mail: naumov-vn@ranepa.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

НИЯЗОВА Марина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (г. Владивосток). E-mail: marinav.var@gmail.com

ОДИНОКОВА Татьяна Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург). E-mail: tdol17@yandex.ru

ОСЬМУК Людмила Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и социальной антропологии, директор Центра конфликтологии и социологических исследований, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск). E-mail: osmuk@corp.nstu.ru

ПАЛТ Михаил Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики природопользования экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва). E-mail: mvpalt@mail.ru

ПАСКАЛЬ Евгения Сергеевна – младший научный сотрудник, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (г. Томск). E-mail: evgeniapascal@gmail.com

ПОДОПРИГОРА Владимир Георгиевич – профессор, доктор физико-математических наук, профессор кафедры торгового дела и маркетинга, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: VPodoprigora@sfu-kras.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: lisbonne@rambler.ru

ПОКРОВСКАЯ Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург). E-mail: n.pokrovskaja@spbu.ru

ПЯТОВА Ольга Федоровна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и статистики, Самарский государственный аграрный университет (п.г.т. Усть-Кинельский). E-mail: o.pyatova@yandex.ru

РОЙ Олег Михайлович – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск). E-mail: roi_omsk@mail.ru

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна – доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск). E-mail: skalaban@corp.nstu.ru

СТЕЦЮК Виктор Викторович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (г. Владивосток). E-mail: stetsyuk1983@mail.ru

СУСЛОВА Юлия Юрьевна – профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой торгового дела и маркетинга, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: YSuslova@sfu-kras.ru

СЧАСТНАЯ Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, член редколлегии журнала «Вестник Томского государственного университета. Экономика» (г. Томск). E-mail: herz@sibmail.com

ФРОЛОВА Елена Александровна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

ХЛОПЦОВ Дмитрий Михайлович – доктор экономических наук, Институт экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

ХОРОШИЛОВА Арина Викторовна – студентка офиса бакалавриата Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: arinahoroshilova@mail.ru

Чернявский Сергей Владимирович – профессор, доктор экономических наук, Лаборатория институциональной динамики, Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН) (г. Москва). E-mail: vols85-85@mail.ru

ЧИПИЗУБОВА Виталия Николаевна – доцент, кандидат экономических наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск). E-mail: chip27@rambler.ru

ШАРФ Ирина Валерьевна – доктор экономических наук, профессор отделения нефтегазового дела Инженерной школы природных ресурсов, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (г. Томск). E-mail: irina_sharf@mail.ru

ШУМИЛИНА Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и статистики, Самарский государственный аграрный университет (п.г.т. Усть-Кинельский). E-mail: tanyashum86@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЭКОНОМИКА**

Tomsk State University Journal of Economics

2021. № 53

Редактор Е.В. Лукина
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.03.2021 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 18,6; усл. печ. л. 24,2. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4621.

Дата выхода в свет 09.04.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru